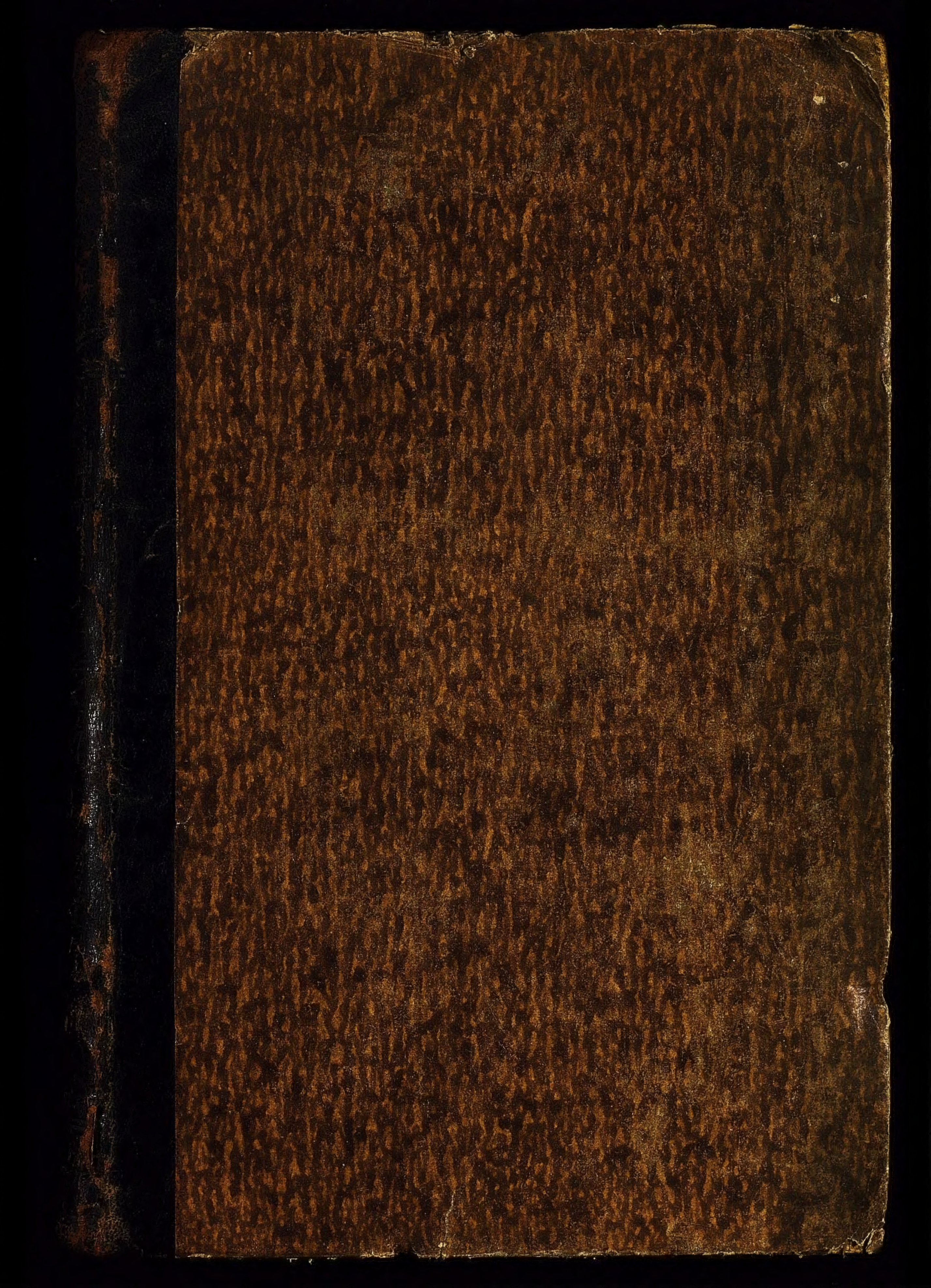
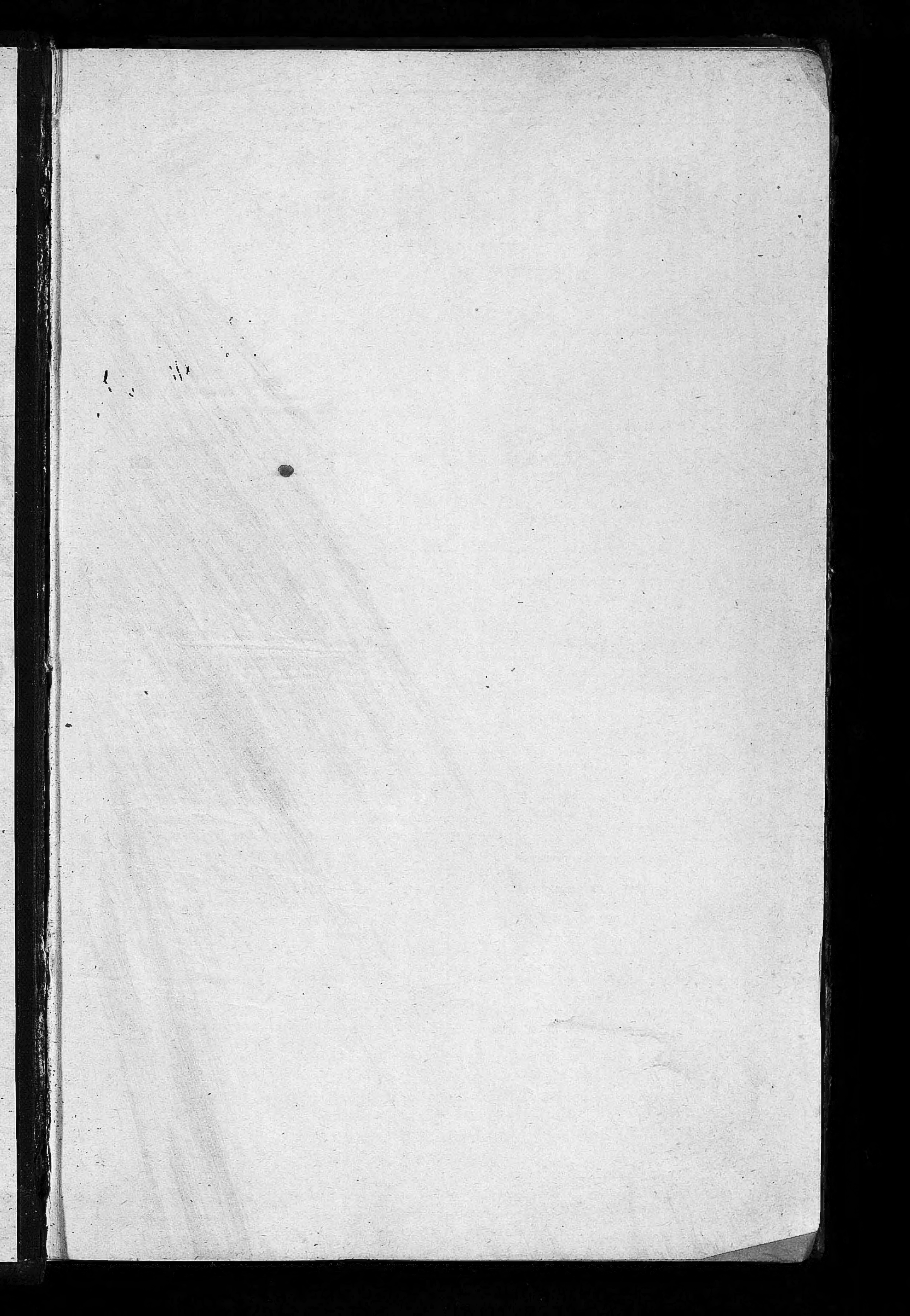

№ 2/XII - 07.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. ДЕКАБРЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: портретъ Леонарда Эйлера.—При этой книгѣ прилагается для иногороднихъ подписчиковъ объявл. о журналѣ „Нива“.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1907 года.

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Московскій Некрополь. Томъ первый (А–I) Спб. 1907.

„Посѣщая неоднократно кладбища Москвы и Петербурга",—пишетъ Августѣйшій издатель,—„спускаясь въ мрачныя, сырыя подземелья усыпальницъ московскихъ монастырей, гдѣ отъ покрытыхъ пылью ветхихъ надгробій вѣетъ далекой стариной, я часто останавливался на мысли издать современемъ „Некрополь" Москвы и Петербурга, то есть собрать, по возможности, всѣ еще уцѣлѣвшія надгробныя надписи, а также и новыя, и напечатать ихъ на-ряду съ тѣми свѣдѣніями о погребенныхъ, которыя можно извлечь изъ соотвѣтствующей литературы... Изданіе надгробныхъ надписей сохранитъ ихъ навсегда отъ исчезновенія и дастъ полезный матеріалъ для исторіи и особенно для генеалогіи, сообщая подробныя даты жизни различныхъ дѣятелей, выясняя ихъ родственныя отношенія, давая свѣдѣнія о служебномъ и общественномъ ихъ положеніи; нѣкоторыя эпитафіи могутъ даже служить характеристикой тѣхъ, кому онѣ посвящены". Изданіе „Московскаго Некрополя" слѣдуетъ отъ души привѣтствовать; можно даже сказать, что оно какъ нельзя болѣе своевременно, потому что необходимый для него матеріалъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уничтожается „завистливымъ" временемъ, которому помогаетъ въ его разрушительной работѣ некультурное равнодушіе къ старинѣ. Вспоминаются слова Пушкина:

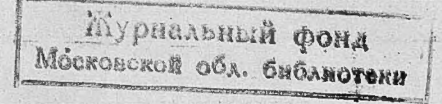
Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды...
Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ...
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава...

„Многое въ настоящее время исчезло уже безслѣдно... Не одно всеразрушающее время уничтожило слѣды погребеній; этому немало способствовало упраздненіе самыхъ монастырей и церквей или ихъ перестройка, не говоря уже о невѣжествѣ, корысти, нашемъ неуваженіи къ старинѣ и неумѣніи ею дорожить. Все это сдѣлало еще большіе успѣхи въ томъ же направленіи: памятники снимаются съ мѣста, продаются торговцамъ; надписи, кресты, скульптурныя изображенія исчезаютъ или обезображиваются, плиты закладываются въ фундаменты, тротуары, подъ водосточныя трубы, разбиваются на бутъ... Цѣлые склепы, съ засыпанными штукатуркой и пылью вѣковъ памятниками, съ сорванными гербами, съ замазанными краской или уничтоженными надписями, служатъ складомъ старыхъ, негодныхъ вещей... Между тѣмъ многіе погребенные были видные въ русской исторіи люди и часто крупные благотворители тѣхъ же монастырей, которые способствовали уничтоженію ихъ могилъ". Находимыя отъ времени до времени при земляныхъ работахъ могильныя плиты „обыкновенно утилизируются причтами на устройство оградъ, фундаментовъ, печей и тротуаровъ". Стараясь очистить возможно больше мѣста для новыхъ могилъ, кладбищенская администрація „тщательно уничтожаетъ не только полуразрушившіеся монументы, но и тѣ, которые, въ силу различныхъ обстоятельствъ, преданы только забвенію". Надгробныя надписи на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ церквей „уничтожаются штукатурами и малярами... или въ видахъ поддержанія церковнаго „благолѣпія", задѣлываются деревянными панелями". Ясно, что при такомъ грубомъ неуваженіи къ остаткамъ прошлаго единственнымъ способомъ закрѣпить память о многихъ стоющихъ памяти русскихъ людяхъ является изданіе „Некрополя".

Спеціалисты исторіи и генеалогіи достойно оцѣнятъ всю важность этого труда. Не часто будетъ попадать эта книга съ библіотечной полки въ руки читателя, но изслѣдователь сумѣетъ найти нужный для себя матеріалъ въ ея холодныхъ, сухихъ данныхъ, въ которыхъ ему послышится голосъ далекаго прошлаго, не только разъясняющій, но подчасъ рѣшающій тотъ или иной вопросъ. Дѣло изданія „Некрополя" находится въ хорошихъ рукахъ. Осуществленіемъ мысли Августѣйшаго издателя занимаются В. И. Саитовъ, выпустившій еще въ 1883 г. „Петербургскій Некрополь",

Отъ Редакціи.

Симъ доводится до свѣдѣнія г.г. подписчиковъ и всѣхъ лицъ имѣющихъ къ редакціи какія-либо дѣловыя отношенія, что съ 20-го Іюля сего 1907 г. она перемѣнила квартиру, а потому теперь слѣ-

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Московскій Некрополь. Томъ первый (А—I) Спб. 1907.

„Посѣщая неоднократно кладбища Москвы и Петербурга",—пишетъ Августѣйшій издатель,—„спускаясь въ мрачныя, сырыя подземелья усыпальницъ московскихъ монастырей, гдѣ отъ покрытыхъ пылью ветхихъ надгробій вѣетъ далекой стариной, я часто останавливался на мысли издать современемъ „Некрополь" Москвы и Петербурга, то есть собрать, по возможности, всѣ еще уцѣлѣвшія надгробныя надписи, а также и новыя, и напечатать ихъ на-ряду съ тѣми свѣдѣніями о погребенныхъ, которыя можно извлечь изъ соотвѣтствующей литературы... Изданіе надгробныхъ надписей сохранитъ ихъ навсегда отъ исчезновенія и дастъ полезный матеріалъ для исторіи и особенно для генеалогіи, сообщая подробныя даты жизни различныхъ дѣятелей, выясняя ихъ родственныя отношенія, давая свѣдѣнія о служебномъ и общественномъ ихъ положеніи; нѣкоторыя эпитафіи могутъ даже служить характеристикой тѣхъ, кому онѣ посвящены". Изданіе Московскаго Некрополя"

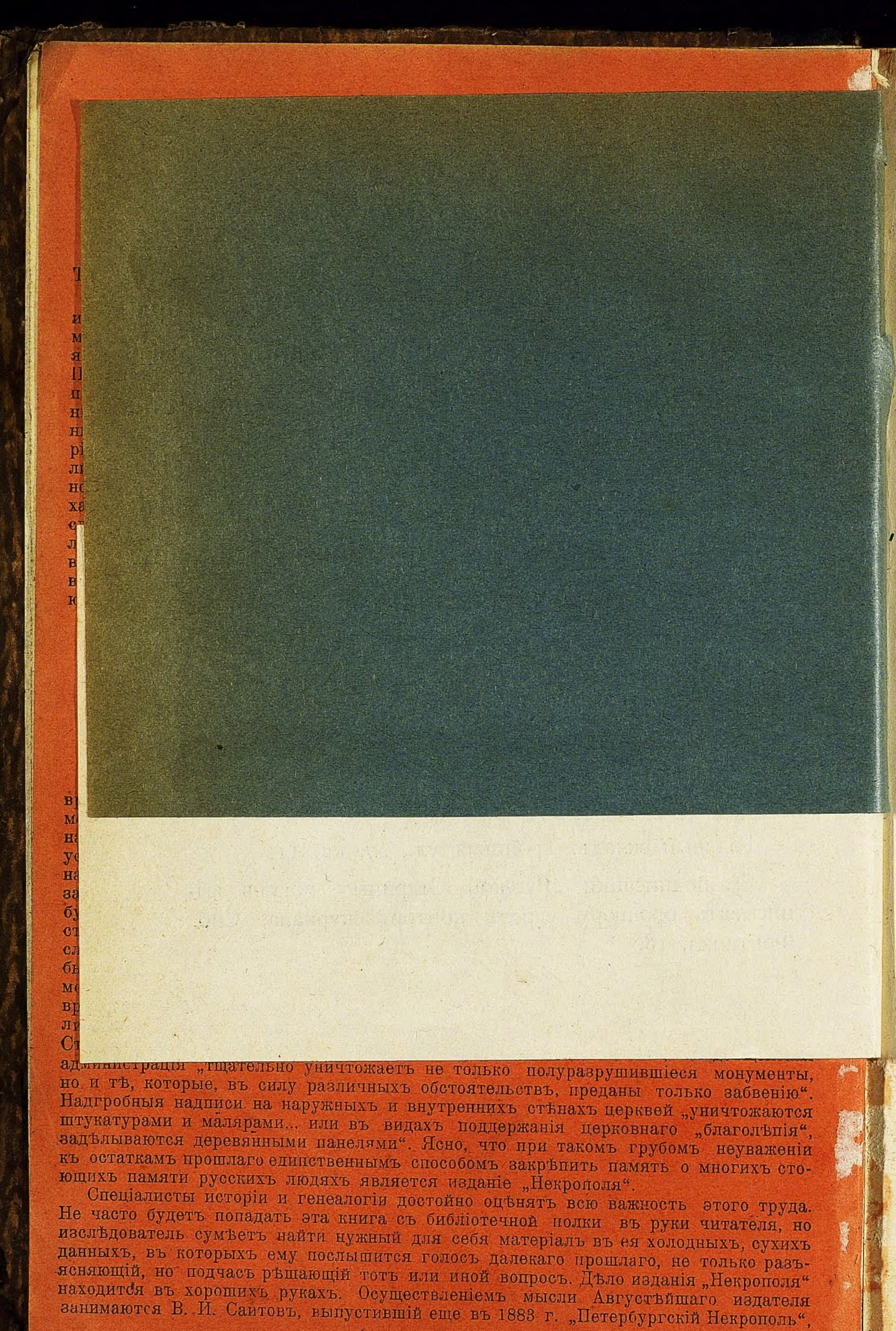
[illegible]

администрація „тщательно уничтожаетъ не только полуразрушившіеся монументы, но и тѣ, которые, въ силу различныхъ обстоятельствъ, преданы только забвенію". Надгробныя надписи на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ церквей „уничтожаются штукатурами и малярами... или въ видахъ поддержанія церковнаго „благолѣпія", задѣлываются деревянными панелями". Ясно, что при такомъ грубомъ неуваженіи къ остаткамъ прошлаго единственнымъ способомъ закрѣпить память о многихъ стоющихъ памяти русскихъ людяхъ является изданіе „Некрополя".

Спеціалисты исторіи и генеалогіи достойно оцѣнятъ всю важность этого труда. Не часто будетъ попадать эта книга съ библіотечной полки въ руки читателя, но изслѣдователь сумѣетъ найти нужный для себя матеріалъ въ ея холодныхъ, сухихъ данныхъ, въ которыхъ ему послышится голосъ далекаго прошлаго, не только разъясняющій, но подчасъ рѣшающій тотъ или иной вопросъ. Дѣло изданія „Некрополя" находится въ хорошихъ рукахъ. Осуществленіемъ мысли Августѣйшаго издателя занимаются В. И. Саитовъ, выпустившій еще въ 1883 г. „Петербургскій Некрополь",

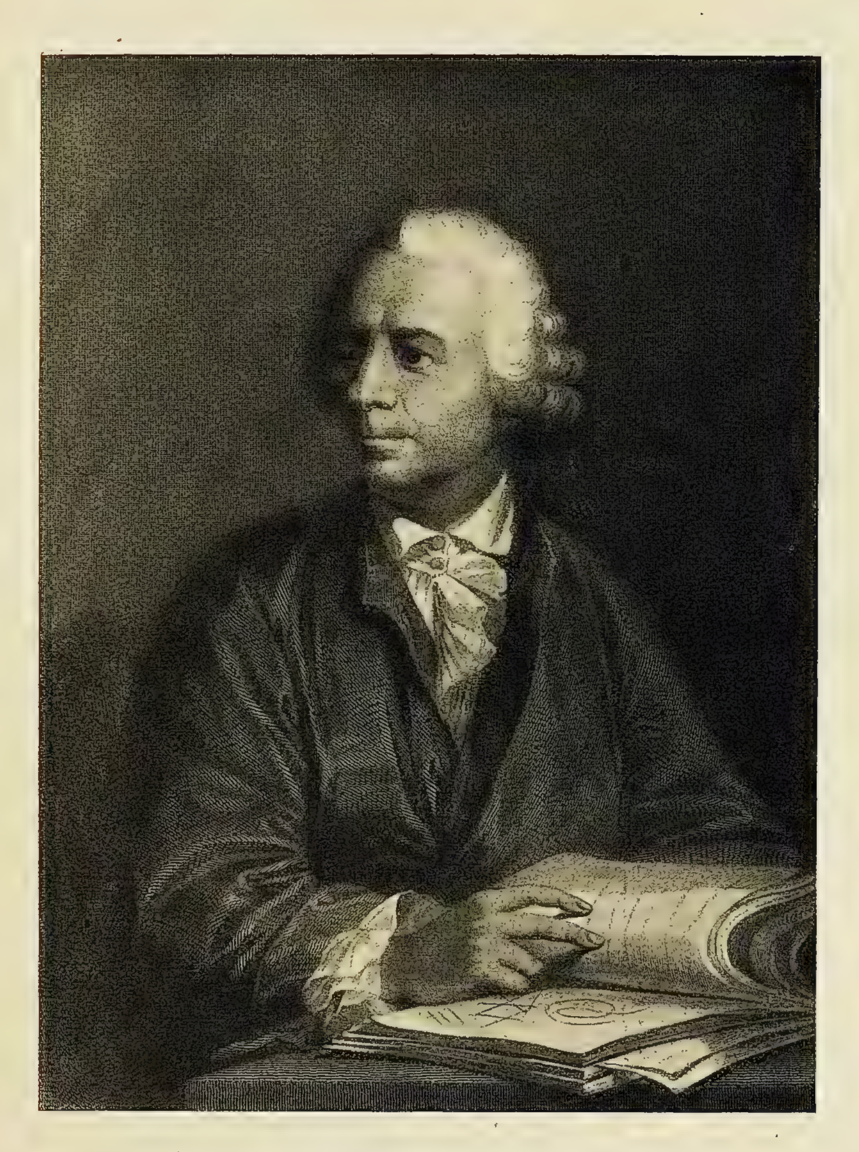
Отъ Редакціи.

Симъ доводится до свѣдѣнія г.г. подписчиковъ и всѣхъ лицъ имѣющихъ къ редакціи какія-либо дѣловыя отношенія, что съ 20-го Іюля сего 1907 г. она перемѣнила квартиру, а потому теперь слѣдуетъ обращаться по новому адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 18, кв. 4.

администрація „тщательно уничтожаетъ не только полуразрушившіеся монументы, но и тѣ, которые, въ силу различныхъ обстоятельствъ, преданы только забвенію“. Надгробныя надписи на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ церквей „уничтожаются штукатурами и малярами... или въ видахъ поддержанія церковнаго „благолѣпія“, задѣлываются деревянными панелями“. Ясно, что при такомъ грубомъ неуваженіи къ остаткамъ прошлаго единственнымъ способомъ закрѣпить память о многихъ стоющихъ памяти русскихъ людяхъ является изданіе „Некрополя“.

Спеціалисты исторіи и генеалогіи достойно оцѣнятъ всю важность этого труда. Не часто будетъ попадать эта книга съ библіотечной полки въ руки читателя, но изслѣдователь сумѣетъ найти нужный для себя матеріалъ въ ея холодныхъ, сухихъ данныхъ, въ которыхъ ему послышится голосъ далекаго прошлаго, не только разъясняющій, но подчасъ рѣшающій тотъ или иной вопросъ. Дѣло изданія „Некрополя“ находится въ хорошихъ рукахъ. Осуществленіемъ мысли Августѣйшаго издателя занимаются В. И. Саитовъ, выпустившій еще въ 1883 г. „Петербургскій Некрополь“,

Леонардъ Эйлеръ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“
и
Историческая библіотека.

До послѣдняго времени множество историческихъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появлявшихся въ западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣе замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду европейскою извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, при редакціи журнала „Русская Старина“ будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ печатается соч. Луи Блана—Исторія французской революціи 1789 года.

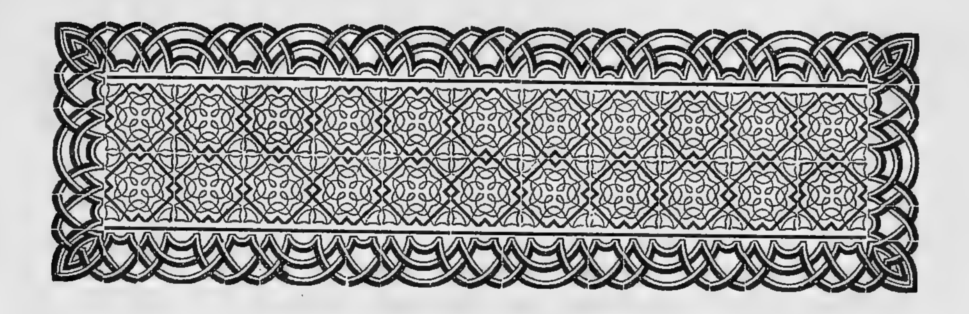
Первые три тома этого сочиненія уже вышли и разосланы подписчикамъ; послѣдующіе томы будутъ выходить по мѣрѣ ихъ отпечатанія и все это капитальное изданіе окончится не позже февраля мѣсяца будущаго года.

Цѣна тома 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Для удобства редакція предлагаетъ желающимъ не высылать денегъ впередъ, а выписывать каждый томъ съ **наложеннымъ платежемъ**, при чемъ подписчики будутъ получать томы тотчасъ же по мѣрѣ выхода ихъ изъ печати.

Цѣна съ наложеннымъ платежомъ 3 р. 60 к.

Съ требованіями обращаться: 1) Въ главный складъ—Петербургъ, Фонтанка 145, кв. 3; и 2) Контора историческаго журнала „Русская Старина“, Фонтанка 18, кв. 4.

Леонардъ Эйлеръ.

двухсотую годовщину дня его рожденія).

15-го апрѣля (нов. стиля) нынѣшняго 1907 года исполнилось 200 лѣтъ со дня рожденія одного изъ геніальнѣйшихъ математиковъ-мыслителей всѣхъ временъ и народовъ *Леонарда Эйлера* (Leonhard Euler). Имя это, надо полагать, знакомо не только тѣмъ, кто имѣлъ спеціально дѣло съ физико-математическими науками, а всякому интеллигентному уму, вдумывавшемуся въ условія образованія современныхъ научныхъ представленій и мыслительныхъ образовъ; въ исторіи науки оно стоитъ рядомъ съ именами Галилея, Декарта, Ньютона, Лейбница и равныхъ имъ по силѣ мысли геніевъ, считаемыхъ даже не десятками, а единицами на протяженіи многовѣкового историческаго періода...

Для насъ, русскихъ, однако, память о великомъ Эйлерѣ должна быть особенно дорогой и священной. Этотъ ученый-мыслитель большую часть своей поразительно-плодотворной научной дѣятельности связалъ съ именемъ Петербургской Академіи наукъ, первыхъ временъ ея существованія, и, украсивъ своими многочисленными мемуарами „Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae“, упрочилъ за этими Комментаріями, на первыхъ порахъ ихъ существованія, всемірную извѣстность. Кажется, есть отъ чего съ гордостью забиться русскому сердцу и съ исключительной глубочайшей признательностью помянуть имя великаго борца мысли въ день его двухъ-вѣкового юбилея! Но русское общество почти полнымъ молчаніемъ прошло этотъ историческій моментъ, и на страницахъ иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ періодическихъ изданій, охотно помѣщающихъ портреты различныхъ иностранныхъ дѣятелей и ученыхъ въ

дни ихъ юбилеевъ, не нашлось, видимо, мѣста для дорогого изображенія. Быть можетъ, общество ждало почина Петербургской Академіи наукъ, въ свою очередь скромно предоставившей всѣ права международнаго чествованія городу Базелю—мѣсту родины Эйлера—и считавшей, что этимъ ея общественно-научная роль исчерпывается. Главною же причиною такого видимаго пренебреженія является, къ несчастью, просто малое знакомство общества и съ исторіею науки, и даже съ исторіею государства. Поэтому, да не будетъ мнѣ поставлено въ упрекъ, что я, не раскрывая какихъ-либо новыхъ историческихъ источниковъ и пользуясь общедоступными матеріалами, позволю себѣ бросить на этихъ страницахъ нѣсколько бѣглыхъ штриховъ для характеристики общественныхъ задачъ нашей Академіи въ первые годы ея существованія, а главнымъ образомъ—для возсозданія въ памяти облика геніальнаго Эйлера.

Россійская Академія Наукъ возникла въ то время, когда изъ другихъ, иноземныхъ учрежденій этого рода существовали лишь: Académie Française въ Парижѣ (учр. въ 1635 г.), Academia del Cimento во Флоренціи (учр. 1657), Royal Society въ Лондонѣ (учр. 1663), Académie Royale въ Берлинѣ (учр. 1711) и Instituto di Bologna въ Болоньѣ (учр. 1712), т. е. когда не имѣлось еще подобныхъ институтовъ ни въ Даніи, ни въ Швеціи, ни въ Норвегіи, ни въ Португаліи, ни въ Нидерландахъ, ни въ Бельгіи, ни въ Испаніи, ни въ Австріи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, хотя всѣ эти страны въ то время далеко уже опередили Россію въ своемъ интеллектуальномъ развитіи. Бесѣды съ иностранными учеными, совѣты Лейбница, соображенія, высказывавшіяся иноземцами —сподвижниками въ дѣлѣ реформъ, натолкнули великаго преобразователя Россіи, около 1720 года, на мысль объ основаніи академіи. Геніальной простотой и неотразимой силой логики дышетъ эта мысль Петра: „Академики должны пріобрѣсти намъ въ Европѣ довѣріе и честь, доказавъ на дѣлѣ, что и у насъ работаютъ для науки и что пора перестать считать насъ за варваровъ, пренебрегающихъ наукою!".

Конечнымъ импульсомъ къ учрежденію высшаго ученаго общества явилось, повидимому, избраніе Петра членомъ Парижской Академіи. Благодарственное его письмо къ Академіи по этому поводу является настолько характернымъ историческимъ документомъ, что небезынтересно воспроизвести его здѣсь, хотя бы частью:

Письмо Петра Великаго Парижской Академіи, посланное 18 февраля 1721 года [1]). „Намъ не инако, какъ зѣло пріятно быть

[1]) См. „Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ", томъ I (1885), стр. 5.

могло, что вы насъ членомъ въ свою компанію избрали. Мы такожъ не хотѣли оставить, не оказавъ вамъ за то симъ Нашего признанія и не обнадежа васъ, что Мы съ великимъ удовольствомъ то мѣсто, которое вы Намъ представляете, пріемлемъ, и что мы ничего больше не желаемъ, какъ чтобъ чрезъ прилежность, которую мы прилагать будемъ, науки въ лутчій цвѣтъ привесть, себя яко достойнаго вашей компаніи члена показать. Мы повелѣли Нашему первому лейбъ-медикусу, Блюментросту, вамъ отъ времени до времени сообщать о томъ, что въ государствахъ и земляхъ нашихъ новаго и разсужденія академіи достойнаго случится. И намъ зѣло будетъ пріятно, ежели вы съ нимъ корреспонденцію содержать и отъ времени до времени оному взаимно-сообщать будете, какіе новые декуверты отъ академіи учинены будутъ"...

Черезъ 3 года послѣ этого письма—22 января 1724 года—Петромъ Великимъ утвержденъ составленный лейбъ-медикомъ Блюментростомъ (впослѣдствіи 1-ымъ президентомъ Академіи) проектъ устройства С.-Петербургской Академіи наукъ и художествъ, при чемъ членамъ ея поставлена двоякая задача: 1) „все тое, что уже въ наукахъ учинено—свидѣтельствовать, что къ исправленію и размноженію оныхъ потребно—производить, что каждый въ такомъ случаѣ изобрѣлъ—сообщать и Секретарю вручать; о всѣхъ декувертахъ, которые свидѣтельствованію и апробаціи ихъ подданы будутъ, имѣютъ они непристрастное разсужденіе чинить: сирѣчь истинны ли оные, великой ли или малой пользы суть и извѣстны ли оные были прежде сего или нѣтъ" и 2) „въ своей наукѣ ежедневно одинъ часъ публичныя лекціи имѣть, какъ и въ протчихъ университетахъ". Такимъ образомъ, Академіи не только ввѣрялось дѣло усовершенствованія наукъ, но поручалось еще и высшее образованіе русскаго юношества. Съ этою послѣднею цѣлью, каждому академику вмѣнялось, сверхъ указаннаго, въ обязанность „системъ или курсъ въ наукѣ своей въ пользу учащихся изготовить" и „нѣкоторыхъ людей при себѣ обучить, которые бъ младыхъ людей первымъ рудиментамъ (основательствамъ) всѣхъ наукъ паки обучать могли". По поводу этого послѣдняго предположенія на докладѣ Петромъ собственноручно написано: „Надлежитъ по два человѣка еще прибавить которые изъ словенского народа дабы могли удобнее русскихъ учить а какихъ наукъ написать именно" [1]).

Въ началѣ, однако, Петру приходилось прибѣгнуть всецѣло къ помощи иноземцевъ, и онъ безъ колебаній приступаетъ къ приглашенію на мѣста членовъ Академіи наиболѣе подходящихъ иностран-

---

[1]) См. „Мат. для исторіи Имп. Ак. Наукъ", томъ I, стр. 14—27.

ныхъ ученыхъ. Опредѣленность его взгляда на этотъ вопросъ прекрасно иллюстрируется слѣдующимъ собственнымъ его апологомъ, воспроизведеннымъ В. Татищевымъ въ письмѣ къ Шувалову 11 августа 1747 года: „Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды; и, видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно началъ, по согласію оныхъ, каналъ копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привесть не могъ, но дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись и совершили“ [1]).

Но суровый рокъ внезапно прервалъ въ эту пору (28 янв. 1725 г.) жизненную дѣятельность могучаго Царя-Преобразователя, и не пришлось ему лично напутствовать членовъ Академіи въ день ея торжественнаго открытія. Первое, записанное въ протоколъ, собраніе академической конференціи состоялось 12 ноября 1725 года —уже въ царствованіе императрицы Екатерины I; при ней же, нѣсколько позже, а именно 27 декабря того же 1725 года, состоялось и первое торжественное засѣданіе Академіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что императрица Екатерина I, при своемъ восшествіи на престолъ, поспѣшила подтвердить, черезъ русскихъ дипломатовъ при европейскихъ дворахъ и посредствомъ газетныхъ статей, о своемъ непреклонномъ намѣреніи осуществить „зачатое“ ея покойнымъ супругомъ дѣло объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ „Академіи для вышнихъ наукъ и художествъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она утвердила докладъ лейбъ-медика Блюментроста о приготовленіи помѣщеній для ожидавшихся членовъ академіи. Въ докладѣ этомъ невольно бросаются въ глаза слѣдующіи слова, характеризующія отношеніе Петра Великаго къ своимъ начинаніямъ: „Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорское Величество“, пишетъ Блюментростъ: „именно приказалъ, чтобъ домъ академическій домашними потребами удостаточить и академиковъ недѣли съ три или съ мѣсяцъ не взачетъ кушаньемъ довольствовать, а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ академіи эконома, кормить въ томъ же домѣ, дабы, ходя въ трактиры и другіе мелкіе домы, съ непотребными обращаючись, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ, и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно, понеже суть образцы такіе: которые въ отечествѣ своемъ добронравны, бывши съ роскошниками и пьяницами, въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытку больше, нежели прибыли, учинили“ [2])...

[1]) См. Пекарскій—„Исторія Имп. Академіи Наукъ“, томъ I (1870), стр. XIII.
[2]) См. Пекарскій—„Ист. Имп. Ак. Н.“, I, стр. XXXIV.

Первоначальный составъ академіи опредѣляется академическимъ объявленіемъ 14 января 1726 года о программѣ и времени публичныхъ чтеній ея членовъ. Объявленіе это гласитъ [1]):

„...Профессоры академіи, сего 1726 году, въ будущій 24 день мѣсяца генваря, чтеніями ученіе свое публичное начнутъ, во дни: понедѣльникъ, среду, четвертокъ и субботу, и впредь такимъ опредѣленіемъ и учрежденіемъ поступать будутъ, о которомъ всѣмъ любителямъ добрыхъ наукъ, а наипаче рачителямъ къ ученію, симъ для извѣстія объявляется:

Даніилъ *Бернулли*, физіологіи профессоръ, начала математическія къ ѳеоріи медической потребная, да приличность ихъ къ физіологіи научитъ. (Передъ обѣдомъ отъ часа 7 до 8).

Ѳеофилъ Сигфридъ *Баеръ*, антиквитетовъ профессоръ, древностей греческія, монеты и достопамятныя вещи ветхаго Рима изъяснитъ.

Николай *Бернулли*, математики профессоръ, о тѣхъ частяхъ математики, которыя къ физикѣ привязаны, и особливо о механикѣ, читать будетъ. (Съ 8 до 9).

Христіанъ *Мартинъ*, профессоръ философіи, логическое, метафизическое подастъ ученіе, слѣдуя философіи Тумика, на употребленіе академическое изданную.

Іоанъ Христіанъ *Буксбаумъ*, лѣтнимъ временемъ—ботанику, зимнимъ—исторію натуральную излагать будетъ.

Яковъ *Германъ*, императорской академіи наукъ и королевскихъ соціететовъ лонденской и берлинской членъ, а на сей академіи высокихъ математическихъ наукъ первый профессоръ, начало чтенія своего учнетъ въ ученіи анализи общія и алгебры, да о потребѣ ихъ къ рѣшенію всякихъ проблематъ. А потомъ поступать будетъ до анализи инфиниторумъ, и ея употребленіе разными образцами изъяснять будетъ. (Съ 11 до 12).

Іоганъ Петеръ *Коль*, профессоръ элоквенціи, элоквенцію, сирѣчь—какъ на латинскомъ языкѣ надлежитъ чисто говорить и писать, по книгѣ Генеціуса учитъ будетъ.

Іоанъ Симонъ *Бекенстейнъ*, обоего православія докторъ и профессоръ, о правѣ публичномъ и о исторіи нынѣшняго времени научитъ; такожде и о институціяхъ права Юстиніана цесаря, буде слушателямъ полюбится, тщаніе имѣть будетъ. (По полудни съ 1 до 2).

Михаилъ *Биргеръ*, химіи профессоръ, лѣтнимъ временемъ—медицины практики, а зимнимъ временемъ—о самой химіи научати будетъ.

---

[1]) „Мат. для ист. Имп. Ак. Н.“, стр. 169—171.

Іоганъ Георгъ *Дювернаи,* медицины докторъ, анатоміи и хирургіи профессоръ, въ первомъ полугодѣ—анатомію тѣла человѣческаго и ученіе хирургическое излагать, а въ другомъ полугодѣ—ученіе о медицинѣ (опричь физіологіи, которую Даніилъ Бернулли научитъ), предлагать будетъ, и особеннымъ желателямъ труда своего не откажетъ. (Съ 2 до 3).

Георгъ Бернгардъ *Билфингеръ,* физики экспериментальной и ѳеорической профессоръ, искусства физикальныя воспріиметъ, съ изъясненіемъ ихъ и конклюзіями, слѣдствуя въ томъ Гравесанду въ институціяхъ философіи Невтоніа(н)ской, для пользы академической въ 1723 году изданныхъ. (Съ 4 до 5).

Христіанъ Фр. *Гросъ,* философіи нравоучительныя профессоръ чрезвычайный, научать будетъ эѳикѣ, по книгѣ Пуфендорфской, яже о должности человѣка и гражданина. (Съ 5 до 6).

Фридрихъ Христофоръ *Маеръ,* матези профессоръ чрезвычайный, всея математики начала, по правилу знатнѣйшаго Волфіуса, въ германскихъ его книгахъ, толковать будетъ.

Іосифъ Николай *Делилъ,* совѣтникъ королевскій, академій россійской, парижской, лондонской и берлинской членъ, астрономіи профессоръ, астрономію, наипаче новѣйшими обрѣтеніями украшенную, слышателямъ предлагать и въ обсерваціяхъ астрономическихъ тщатися будетъ".

Воспроизведенный здѣсь рядъ именъ представляетъ собою начальный составъ нашей академіи. Для характеристики этого состава достаточно указать на то, что подборомъ ученыхъ для академіи руководилъ извѣстный германскій мыслитель Христіанъ Вольфъ, относившійся къ этой своей миссіи съ исключительной серьезностью и вниманіемъ. Графъ Головкинъ, напр., писалъ про него въ январѣ 1724 года: „г. Вольфъ чрезвычайно строгъ относительно рекомендацій, что происходитъ отъ того, что онъ имѣетъ въ виду только ученое общество и требуетъ наибольшихъ заслугъ и извѣстности въ желающихъ вступить въ учрежденіе, которое должно блистать, а не такихъ лицъ, которыя ищутъ сдѣлаться только профессорами" [1]. И дѣйствительно, первые академики, прибывшіе въ Петербургъ, были глубоко проникнуты сознаніемъ важности принятыхъ ими на себя обязательствъ.

Въ эту-то среду, на самыхъ первыхъ порахъ ея существованія, и вступилъ двадцатилѣтнимъ юношей Леон(х)ардъ Эйлеръ (Leonhard Euler, род. 4/15 апр. 1707 г. въ городѣ Базелѣ). Первое, сохра-

---

[1]) „Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—53, S.-Petersburg, 1860", 19, 20, 181.

нившееся въ дѣлахъ академической канцеляріи, упоминаніе объ его зачисленіи относится къ 17 декабря 1726 г.; оно гласитъ: „По указу Ея И. В. велѣно Эйлеру быть при академіи. И оному надлежитъ послать, на проѣздъ, денегъ сто тридцать рублевъ, векселемъ, черезъ профессора Даніеля Бернулли, записавъ въ расходъ съ роспискою, и на щетъ академическій поставить.—Laurent. Blumentrost“ [1]).

Главнымъ импульсомъ, побудившимъ Эйлера избрать Петербургъ мѣстомъ своей дѣятельности, выставляется обыкновенно дружба его съ братьями-математиками Николаемъ и Даніиломъ Бернулли (первый—на 12, второй—на 7 лѣтъ старше Эйлера), сыновьями извѣстнаго швейцарскаго ученаго Іоханна Бернулли, руководившаго математическимъ образованіемъ Эйлера. Зачисленіе молодыхъ Бернулли членами Петербургской Академіи вызвало въ Эйлерѣ желаніе послѣдовать за ними. „У меня“, говоритъ онъ по этому поводу въ своей недоконченной автобіографіи: „явилось тогда неописуемое желаніе отправиться вмѣстѣ съ ними въ 1725 году въ Петербургъ. Дѣло это не могло однако сразу осуществиться. Зато, приглашенные молодые Бернулли дали мнѣ твердое обѣщаніе по прибытіи въ Петербургъ похлопотать о подходящемъ для меня мѣстѣ, что они дѣйствительно вскорѣ и привели въ исполненіе, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы я рѣшился на примѣненіе своихъ математическихъ познаній къ медицинѣ“ [2]).

Но, конечно, не одна дружба съ Бернулли влекла Эйлера въ нашу Академію: онъ видѣлъ возможность открыть себѣ такимъ образомъ широкое поле научной дѣятельности. И, къ счастію, онъ повидимому не ошибся. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, въ 1749 году (18 ноября) онъ самъ писалъ напр. Шумахеру изъ Берлина: „Мы (т. е. находившіеся нѣкоторое время въ составѣ Петерб. Академіи) должны сознаться, сколько обязаны благопріятнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ только тамъ находились. Что собственно до меня касается, то въ случаѣ неимѣнія такого превосходнаго случая, я бы вынужденъ былъ главнѣйше прилежать къ другимъ наукамъ, отъ которыхъ, по всѣмъ признакамъ, я бы отупѣлъ только. Его королевское величество (т. е. Фридрихъ Великій) недавно меня спрашивалъ: гдѣ я изучалъ то, что знаю? я, согласно истинѣ, отвѣчалъ, что всѣмъ обязанъ моему пребыванію въ Петербургской Академіи наукъ“... [3]).

---

[1]) „Мат. для ист. И. Ак. Н.“, т. I, стр. 209.

[2]) Записки Имп. Ак. Наукъ, томъ 6, кн. 1, 1864—статья Пекарскаго: „Екатерина II и Эйлеръ“, стр. 76 (автобіографія записана подъ диктовку Эйлера по-нѣмецки).

[3]) „Входящія письма (въ арх. Ак. Н.) 1748 и 1749 гг.“ (Цитир. по Исторіи Ак. Н., Пекарскаго, стр. 265).

Трудно предполагать, чтобы Эйлеромъ, при его стремленіи въ Петербургъ, руководили какія-либо корыстныя соображенія: онъ былъ зачисленъ всего адъюнктомъ, въ то время какъ, напр., братья Бернулли заняли сразу мѣста академиковъ; годовой его окладъ составлялъ всего 300 рублей, тогда какъ академики имѣли отъ 600 до 1.500 рублей въ годъ. Воспользуемся, однако, для характеристики матеріальнаго и служебнаго положенія Эйлера, разсказомъ его самого: „Мое содержаніе составляло 300 рублей при готовой квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и, такъ какъ я имѣлъ склонность исключительно къ математическимъ знаніямъ, то я былъ зачисленъ адъюнктомъ высшей математики (Adjuncto Matheseos sublimioris), предположеніе же приспособить меня къ занятіямъ медициною было совершенно оставлено. При этомъ мнѣ было разрѣшено присутствовать въ академическихъ засѣданіяхъ и докладывать тамъ мои работы, которыя тогда же помѣщались въ академическихъ Комментаріяхъ“ [1]).

Въ Петербургъ Эйлеръ прибылъ 6 мая 1727 года—въ самый день смерти Императрицы Екатерины I, покровительствовавшей Академіи. Поэтому, первыя его впечатлѣнія были не изъ веселыхъ: онъ засталъ академиковъ въ величайшемъ уныніи и въ страхѣ за будущность молодого ученаго учрежденія. Однако, это не помѣшало ему горячо и ревностно приняться за работу.

Черезъ какихъ-нибудь $3^1/_2$ мѣсяца послѣ его пріѣзда (27 августа 1727 г.) въ „исчисленіи всѣхъ дѣлъ, что профессоры, какъ въ публичныхъ, такъ и въ приватныхъ собраніяхъ, елико ко умноженію и совершенству наукъ принадлежитъ, также и въ приватныхъ лекціяхъ, елико потребно есть къ наставленію юношества, доселѣ произвели и что впредь въ тѣхъ же вещѣхъ произвести намѣрены“, уже значилось:

„Леонгардъ Эйлеръ, профессора высшія математики адъюнктъ, или приданный, въ приватныхъ собраніяхъ послѣдующихъ разсужденій нѣсколько уже изслѣдованію профессоровъ предложилъ, протчія впредь предложитъ:

1. Есть физикоматематическое о звукѣ или звонѣ, въ которомъ новая звону ѳеорія предается и поставляется, откуду производится образъ считанія скорости звона.

2. Разсужденіе о движеніи качательномъ струнъ, колоколовъ, барабановъ и другихъ инструментовъ, которые черезъ удареніе звонъ издаютъ, гдѣ отъ ѳеоріи каждаго инструмента изъявляется образъ счисленія звука.

---

[1]) Изъ указанной выше автобіографіи Эйлера.

3. О произведеніи звона, или звука пушечнаго, громового и протчихъ таковыхъ.

4. Новая ѳеорія о звонахъ или голосахъ флейтовъ, трубъ и другихъ инструментовъ, которые черезъ надуваніе гласъ издаютъ, экспериментами изрядно согласующимися утвержденная.

5. Полное и совершенное рѣшеніе проблемы аналитическія линей проницательныхъ взаимственныхъ, гдѣ предается образъ изъ всякаго кривыхъ линей чина по меньшей мѣрѣ одну опредѣлить, которая удовлетворитъ проблемѣ.

6. Рѣшеніе проблемы о изобрѣтеніи линей проницательныхъ взаимственныхъ сколькоправно будетъ имущимъ оси обращенія.

7. Новая ѳеорія о водахъ, истекающихъ изъ сосудовъ, и оныя употребленіе къ предѣленію движенія воды, истекающія изъ силиндровъ единыхъ и изъ силиндровъ, къ которымъ пристроенъ сосудъ или труба какія-нибудь фигуры, съ экспериментами, для сего уставными, зѣло согласующая.

8. О истеченіи водъ изъ сосудовъ непремѣнно полныхъ, откуду толкуются движеніе водъ въ фонтанахъ и другихъ воды произведеніяхъ.

9. Истеченіе воды изъ сосудовъ отчасти въ воду погруженныхъ, гдѣ колыханія, которыя восходя и нисходя дѣлаетъ, опредѣляются.

10. Умствованіе о колыханіяхъ воды въ трубахъ кривыхъ какія-нибудь формы.

11. О движеніи тѣлесъ оризонтальномъ въ влажныхъ, гдѣ познавъ видную тягость совершенно описуется косность движенія.

12. Умствованіе о восхожденіи и нисхожденіи въ прямой линіи тяжелыхъ во всякомъ влажномъ, гдѣ данной сущей видной тягости тяжелаго движенія скорость во всякомъ мѣстѣ и время, въ которое то движеніе дѣлается, описуется.

13. Довершеніе той же матеріи, гдѣ движеніе мещемыхъ влажномъ опредѣляется и движеніе отъ вѣсовъ въ влажныхъ показуется" [1]).

Если сравнить этотъ списокъ темъ, какъ по количеству, такъ и по качеству, съ перечисляемыми въ томъ же историческомъ документѣ работами прибывшихъ ранѣе Эйлера и надѣленныхъ болѣе высокими званіями членовъ Академіи, то сразу уже бросится въ глаза необычайная работоспособность молодого ученаго.

Вообще, не появлялось уже ни одного тома академическихъ Комментаріевъ, въ которомъ не находилось бы нѣсколькихъ мемуаровъ Эйлера по самымъ серьезнымъ научнымъ вопросамъ.

---

[1]) „Мат. по ист. И. А. Н." т. I, стр. 278—9 (Мемуары писались учеными главнымъ образомъ по-латыни).

Не будемъ, однако, систематически слѣдить за каждымъ, сохраненнымъ исторіею, шагомъ Эйлера на пути къ его славѣ. Цѣль наша—не біографія великаго ученаго, сама по себѣ, а лишь возсозданіе въ памяти общаго его облика. Интересующимся дальнѣйшими біографическими подробностями можно рекомендовать прекрасный очеркъ академика Пекарскаго въ 1-мъ томѣ „Исторіи Императорской Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ“ (СП-бургъ, 1870, стр. 247—308). Мы же здѣсь бросимъ лишь нѣсколько общихъ взглядовъ на отдѣльныя послѣдовательныя эпохи жизни и дѣятельности знаменитаго математика.

За первыя 14 лѣтъ своего пребыванія въ Петербургѣ Эйлеръ обнародовалъ около 60 научныхъ работъ. Сверхъ того, онъ исполнялъ различныя приватныя порученія: такъ, въ 1732 г., вмѣстѣ съ Д. Бернулли и Лейтманомъ, составлялъ соображенія о поднятіи большого колокола въ Москвѣ, въ 1738 г. принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи о мѣрахъ и вѣсахъ, около того же времени писалъ популярныя научныя статьи для примѣчаній къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, производилъ, вмѣстѣ съ другими академиками, экзамены, нетолько въ академической гимназіи, но и въ Шляхетномъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Наиболѣе же существеннымъ побочнымъ его занятіемъ являлось участіе въ трудахъ Географическаго департамента. Къ работамъ этого департамента Эйлеръ привлеченъ былъ съ 1735 года, при чемъ жалованье его (въ 660 руб.) увеличено было на 200 руб., „понеже“—какъ сказано въ протоколѣ—„должность не его, но чрезвычайная“. Вспоминая впослѣдствіи, въ своемъ письмѣ къ Шумахеру, о своихъ работахъ по русской картографіи и сознаваясь, что многое въ нихъ требовало исправленій, Эйлеръ все же прибавляетъ: „Я увѣренъ, что географія россійская черезъ мои и г. проф. Гейнзіуса труды приведена гораздо въ исправнѣйшее состояніе, нежели географія нѣмецкой земли, и того бы довольно было до тѣхъ поръ, пока достальныя исправленія учинить возможно будетъ“ [1]).

Однако, занятія картографіей, сильно утомляя зрѣніе, тяжело отражались на здоровьѣ Эйлера. По личному его мнѣнію, они были главной причиной утраты имъ праваго глаза въ 1735 году. По крайней мѣрѣ, въ прошеніи объ увольненіи отъ этихъ занятій, поданномъ 21 августа 1740 г. на имя академика Гольдбаха, онъ пишетъ: „Географія мнѣ гибельна. Вы знаете, что я за нее поплатился глазомъ, а теперь опять нахожусь въ подобной опасности; когда мнѣ сегодня утромъ прислали часть картъ на просмотръ, то

---

[1]) Зап. Акад. Н., IX, приложеніе № 2, 189.

я тотчасъ же почувствовалъ новый припадокъ, потому что эта работа, требуя всегда разсмотрѣнія одновременно большого пространства, сильнѣе утомляетъ зрѣніе, чѣмъ простое чтеніе или одно писаніе. По этой причинѣ я покорнѣйше прошу васъ быть ко мнѣ столь добрымъ, чтобы чрезъ усердное ходатайство у г. президента уволить меня отъ этой работы, которая не только мѣшаетъ моимъ обыкновеннымъ занятіямъ, но и легко можетъ меня сдѣлать совсѣмъ неспособнымъ"... [1]).

Ближайшей, непосредственной причиной потери Эйлеромъ глаза явилась, по разсказу академика Фуса, особенно-напряженная его работа (по составленію таблицъ для опредѣленія времени по высотѣ солнца), когда въ три дня онъ исполнилъ сложное математическое вычисленіе, на которое другіе математики требовали нѣсколько мѣсяцевъ времени. Это чрезмѣрное рабочее напряженіе вызвало горячку и, какъ слѣдствіе ея, нарывъ, окончившійся потерею глаза. Къ сожалѣнію, даже столь невознаградимая потеря не научила великаго математика большей заботливости о своемъ здоровьѣ и бóльшей разсчетливости въ расходованіи своихъ физическихъ силъ. Нерѣдко, увлекаемый своими выкладками, забывалъ онъ о пищѣ и снѣ и послѣ этого грознаго предостереженія!

Въ 1730 г. Эйлеръ занялъ оставшееся вакантнымъ, вслѣдствіе отъѣзда на родину академика Бильфингера, мѣсто профессора физики, а въ 1733 г., за отбытіемъ Даніила Бернулли, онъ получилъ каѳедру высшей математики (Professio Matheseos siblimioris). Нѣсколько позже въ дѣлахъ Академіи находимъ еще слѣдующій документъ по поводу заключенія съ Эйлеромъ новаго контракта въ 1740 году:

„Понеже срокъ поставленнаго въ контрактѣ съ господиномъ профессоромъ высочайшей математики, господиномъ Леонгардомъ Эйлеромъ окончался, и онъ послѣ того, 12-го Января 1740-го году, при императорской академіи наукъ надлежащимъ образомъ просилъ, чтобъ опредѣлить ему новый контрактъ, съ прибавкою жалованья, которое онъ получалъ до сего времени,—того ради при императорской академіи наукъ постановленъ съ нимъ и заключенъ послѣдующій контрактъ:

Упомянутый господинъ профессоръ Эйлеръ обязуется, послѣ окончанія своего перваго контракту, быть еще далѣе при императорской академіи наукъ профессоромъ высочайшей математики и обѣщается о приращеніи высокаго интересу, о пользѣ и чести академіи всякимъ образомъ и мѣрами стараться и должность свою от-

---

[1]) Correspondance mathem. et phys. de quelques célèbres géomètres, ed. par. P. Fuss, I, 102–103 (цитир. по „Ист. Ак." академика Пекарскаго, стр. 255—256).

править со всякою ревностію, какъ онъ при семъ особливо одолжается полное описаніе о высочайшей анализіи съ наукою корабельною сочинить и вручить академіи. Напротиву же имѣетъ ему, за особливыя его заслуги, которыя онъ показалъ при императорской академіи наукъ, даваться отъ сей академіи жалованье предка его Даніила Бернулія, тысяча двѣсти рублевъ, включая въ то дрова и свѣчи и квартиру. И выдавать ему оное по третямъ, счисляя отъ упомянутаго 12-го числа генваря 1740 году" [1]).

Однако, всего годомъ позже заключенія этого контракта Эйлеръ рѣшаетъ уже оставить Россію и перебраться въ Берлинскую академію наукъ, слѣдуя приглашенію Фридриха Великаго. Краткость срока, прошедшаго со времени подписанія послѣдняго контракта съ Петербургскою Академію, указываетъ на непреднамѣренность такого отъѣзда; побудительными же къ нему причинами повидимому явились:

1) Заманчивость предложенія Фридриха Великаго, прилагавшаго въ ту пору всѣ заботы къ поднятію научнаго достоинства Берлинской академіи наукъ и вызывавшаго съ этой именно цѣлью Эйлера, на выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ, для занятія должности директора математическаго класса Академіи.

2) Неустройства во внутренной жизни Петербургской Академіи, происходившія главнымъ образомъ отъ отсутствія строго-установленнаго регламента. Проектъ Регламента, составлявшійся еще при Петрѣ Великомъ, остался не утвержденнымъ въ законномъ порядкѣ; это дало возможность библіотекарю и правителю канцеляріи Академіи Шумахеру, имѣвшему по должности непосредственныя сношенія съ Президентами Академіи и другими начальствующими лицами, мало по малу забрать всю власть въ свои руки и послѣ того почти безконтрольно распоряжаться не только матеріальными условіями, но даже чуть не судьбами академиковъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ (Германнъ, Бильфингеръ, Д. Бернулли) еще значительно ранѣе Эйлера покинули Петербургъ изъ-за недоразумѣній съ Шумахеромъ.

3) Запутанность матеріальныхъ дѣлъ академіи и неаккуратность въ уплатѣ содержанія членамъ ея. Въ какомъ положеніи находилась хозяйственная часть академіи, можно судить по тому, что однажды, для уплаты жалованья, канцелярія ея заняла желѣзо изъ бергъ-коллегіи, подъ предлогомъ надобности его на академическія постройки, и затѣмъ продавала это желѣзо въ частныя руки. Въ результатѣ оказалось, что академики нерѣдко оставались даже безъ

---

[1]) „Мат. для ист. И. А. Н.", т. IV, стр. 573.

жалованья. Такъ, въ 1728 году еще въ августѣ ими не было получено ни копѣйки изъ денегъ, слѣдовавшихъ за тотъ годъ; только въ ноябрѣ стали они тогда получать ассигновки, при чемъ и тутъ дѣло не обошлось безъ затрудненій: ассигновки писались на имя торговаго дома Люпса, который, по рѣдкости тогда денегъ, затруднялся въ платежахъ. Надо замѣтить къ тому же, что неаккуратность расплаты зависѣла не только отъ временной затяжки въ ассигнованіяхъ, но и отъ болѣе опасной и глубокой причины—отъ обнаружившагося хроническаго дефицита въ академическомъ бюджетѣ, въ 1732 году достигшемъ почти 36.000 рублей.

4) Затруднительность научной работы въ условіяхъ стѣснительнаго административнаго произвола. Для характеристки этихъ условій могутъ служить такіе примѣры: Въ 1728 г. не была допущена къ напечатанію по-русски рѣчь академика Делиля, гдѣ разрѣшался утвердительно вопросъ, вертится или нѣтъ земля; въ 1731 г. рѣшительно не смѣли издать, безъ разрѣшенія высшаго начальства, сочиненія о множествѣ міровъ Фонтенеля. Кромѣ этой осторожности въ храненіи утвердившихся, хотя бы и ложныхъ, убѣжденій, замѣчалось стремленіе охранить отъ огласки истины, добываемыя путемъ научныхъ изслѣдованій, на правахъ государственной тайны; такъ обвиненія астронома Делиля въ сообщеніи за границу астрономическихъ наблюденій доходили даже до Сената. Подозрительность къ наукѣ и ея представителямъ простиралась такъ далеко, что даже лица, обязанныя по своему положенію содѣйствовать ученымъ въ полученіи свѣдѣній, необходимымъ для научныхъ работъ, считали напротивъ своею священною обязанностью ставить въ такихъ случаяхъ препятствія для академиковъ.

5) Особенно-тяжелыя общія условія государственной жизни Россіи въ періодъ правленія Бирона и недовѣріе общества ко всѣмъ иноземцамъ въ слѣдующее затѣмъ время. Самъ Эйлеръ, въ своей автобіографіи, объясняетъ причину своего отъѣзда именно тѣмъ, что „послѣ кончины достославной императрицы Анны, при наступившемъ послѣ того регентствѣ, положеніе дѣлъ (въ Россіи) стало довольно тяжелымъ". Впечатлѣнія бироновщины такъ глубоко запали въ сознаніе Эйлера, что даже по пріѣздѣ въ Берлинъ онъ съ крайней сдержанностью и осторожностью отвѣчалъ на самые любезные разспросы королевы-матери; вызвавъ такою несловоохотливостью изумленіе королевы, онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что „пріѣхалъ изъ страны, гдѣ за слова вѣшаютъ".

Наконецъ: 6) Неблагопріятныя климатическія условія Петербургской жизни, частые опустошительные пожары, случавшееся рас-

квартированіе солдатъ на постой по квартирамъ обывателей и другія болѣе мелкія соображенія.

Совокупность всѣхъ перечисленныхъ причинъ произвела то, что Эйлеръ съ особой охотой отозвался на приглашеніе Фридриха Великаго и даже сразу проникся весь стремленіемъ въ Берлинъ. Въ одномъ изъ частныхъ писемъ (къ неизвѣстному) онъ писалъ: „Я не въ силахъ выразить всю великость моихъ желаній, клонящихся лишь къ тому, чтобы содѣлаться достойнымъ покровительства короля. Нѣтъ такихъ усилій, которыя бы не сдѣлалъ я для достиженія этой цѣли. Въ этихъ искреннихъ чувствахъ я твердо рѣшился жить и умереть подъ славнымъ правленіемъ государя, который столько же благопріятствуетъ гражданамъ литературной республики, сколько и имѣющимъ счастіе быть его природными подданными...“ [1]).

Вотъ текстъ представленнаго Эйлеромъ 16-го февраля 1741 г. прошенія объ увольненіи изъ Петербургской Академіи:

„Понеже силы моего здоровья часъ отъ часу умаляются и притомъ многія трудности въ домашнемъ моемъ состояніи такъ умножаются, что я совершенно въ несостояніе прихожу положенную на меня должность исправлять какъ надлежитъ: того ради нахожусь принужденъ, какъ ради слабаго своего здоровья, такъ и другихъ обстоятельствъ, искать пріятнѣйшаго климата и принять отъ его королевскаго величества прусскаго учиненное мнѣ призываніе.

Того ради прошу императорскую академію наукъ всеподданнѣйше меня милостиво уволить и снабдить для моего и домашнихъ моихъ проѣзду потребнымъ пашпортомъ. И какъ я, въ бытность мою здѣсь, оказанную всякую великую и необычайную милость, доколѣ живъ, съ должнымъ благодареніемъ исповѣдать и повсюду прославлять буду, то обязуюсь еще притомъ наисильнѣйше всегда, по крайней возможности, о чести и пользѣ императорской академіи наукъ трудиться и все оное, къ чему меня оскудѣніе силъ моихъ до сего времени не допустило, съ Божіею помощью, сколько возможно, дополнить.

На сіе мое подданнѣйшее прошеніе прошу императорскую академію наукъ всепокорно милостивое рѣшеніе учинить, которой я съ глубочайшимъ почтеніемъ и должною покорностію во все время жизни своей пребываю

императорской академіи наукъ всеподданнѣйшій слуга
Леонгардъ Эйлеръ“ [2]).

---

[1]) „Lettres de Frédéric le Grand... à M. Leonhard Euler“—въ архивѣ академіи конференціи (Цитир. по „Ист. А. Н.“ Пекарскаго, стр. 256).

[2]) „Мат. для ист. Имп. Ак. Н.“, томъ IV, 1887, стр. 572—573.

Прошеніе это препровождено было 15 марта 1741 г. при такомъ отзывѣ академіи:

„Профессоръ вышней математики Леонардъ Эйлеръ, поданнымъ своимъ минувшаго февраля 16-го числа сего году доношеніемъ о увольненіи своемъ изъ службы всеподданнѣйше просилъ. А хотя онъ въ прошломъ 1740-мъ году новый контрактъ съ академіею наукъ заключилъ, а по силѣ онаго обязался совершенное описаніе вышшей анализіи съ корабельною наукою сочиня, академіи наукъ подать, однакожъ оная, нынѣшнія его, профессора Эйлера, обстоятельства въ разсужденіе принимая, за потребно не находитъ, чтобъ ему предписанной въ помянутомъ контрактѣ кондиціи въ отпускѣ и увольненіи его какое помѣшательство или задержаніе чинить: ибо онъ

1) Договоромъ обѣщанныя дѣла и книги, въ Нѣмецкой землѣ по частямъ сочиняя, со временемъ сюда присылать можетъ.

2) Многія имъ, профессоромъ, чрезъ тринадцать лѣтъ учиненныя и при академіи публикованныя обрѣтеніи сами собою такъ важны, что оными, не требуя отъ него другова, довольствоваться можно, толь наиболѣе, что онъ именно не обязался, сколько лѣтъ ему служить; также и отъ академіи точнаго времени и сроку не положено, когда ему о своемъ увольненіи просить, какъ то въ другихъ, при академіи наукъ заключенныхъ контрактахъ обыкновенно бывало.

4) Въ разсужденіи слабаго состоянія его здоровья и что онъ, по нынѣшнимъ своимъ обстоятельствамъ, зрѣнія весьма легко лишиться можетъ, что надлежитъ опасаться, чтобъ реченный профессоръ не только означенныя книги писать, но и всей бы должности своего званія отправлять внѣ состоянія не пришелъ.

5) А ежели ему, Эйлеру, при отпускѣ отъ академіи наукъ какое милостивое награжденіе учинено будетъ, то сіе онаго профессора къ тому побудитъ, что онъ, пришедши въ лутчее здоровье, изъ Нѣмецкой земли опять въ Россію возвратится и академіи наукъ большую предъ нынѣшнимъ услугу и пользу принесть можетъ.

Для сихъ объявленныхъ причинъ, академія наукъ за потребно находитъ всеподданнѣйше о семъ представить и доложиться, не соизволитъ ли академіи наукъ всемилостивѣйше повелѣть упомянутаго профессора Эйлера, за слабостью его здоровья и за другими, выше сего показанными обстоятельствами, отъ академической службы уволя, въ Германію отпустить; также на мѣсто его другова, въ математикѣ искуснаго профессора выписать; а для вящаго впредь къ вѣрнымъ и Россійской Имперіи полезнымъ услугамъ при обязаніи, нѣкоторое ему, профессору, награжденіе учинить. На что ака-

демія наукъ о всемилостивѣйшей резолюціи чрезъ сіе всеподданѣйшимъ респектомъ проситъ.

Бревернъ, Гольдбахъ, Шумахеръ“ [1]).

При докладѣ прошенія на немъ положена была резолюція:

„По сему докладу онаго Эйлера, по желанію его, отъ академической службы уволить, а на его мѣсто, ежели потребно, выписать другова, въ математикѣ искуснаго профессора. А какое оному Эйлеру при отпускѣ его награжденіе потребно учинить и для какихъ именно резоновъ, о томъ представить со мнѣніемъ. Маія 29-го дня 1741-го года.

Андрей Остерманъ, К. Алексѣй Черкаской, графъ М. Головкинъ“ [2]).

Такимъ образомъ, 29 мая 1741 г. Эйлеръ былъ уволенъ отъ службы въ Петербургской Академіи Наукъ, а чуть позже ему было пожаловано званіе Почетнаго Члена (корреспондента) Академіи и опредѣлена ежегодная пенсія въ 200 рублей.

Слѣдующія затѣмъ 25 лѣтъ своей жизни—съ 1741 по 1766 г.—Эйлеръ проводитъ въ Берлинѣ. За этотъ періодъ его ученая слава окончательно упрочивается, такъ что напримѣръ въ 1755 г. Парижская Академія наукъ, вопреки обычаю, зачисляетъ его своимъ сочленомъ (Associé étranger) сверхъ штата, не дожидаясь выбытія изъ состава одного изъ 8-ми иностранныхъ представителей науки. Самъ Фридрихъ Великій, считавшій многія изъ отраслей математики малонужною роскошью, относился къ великому математику съ особеннымъ довѣріемъ и благорасположеніемъ, какъ это обнаруживаетъ сохранившееся собраніе 54-хъ, частью—собственноручныхъ, писемъ монарха къ Эйлеру. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ Фридрихъ пишетъ: „одобряю заботливость, съ какою вы стараетесь примѣнить на пользу человѣчеству тѣ теоріи, которыя даетъ вамъ пріобрѣтеніе и разработка научныхъ знаній“. Вообще, Фридрихъ Великій не упускалъ случая извлекать изъ присутствія Эйлера въ Пруссіи и чисто-практическую пользу, прибѣгая, напримѣръ, къ его совѣтамъ при нивеллировкѣ судоходнаго канала (Finow-Kanal) между Гафелемъ и Одеромъ, при постройкѣ водопровода въ Санъ-Сусси, при устройствѣ Шенебекскихъ соляныхъ промысловъ, при организаціи лотереи (Calzapighi) и т. п.

За этотъ періодъ Эйлеромъ обнародовано много капитальныхъ научныхъ работъ. Замѣчательно, что въ продолженіе всѣхъ 25-ти лѣтъ Эйлеръ не порываетъ научной связи и съ Россіей, постоянно

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ“, томъ IV, С.-Петербургъ 1887, стр. 612—613 (Пунктъ 3-ій почему-то отсутствуетъ).

[2]) „Матер. для исторіи Импер. Акад. Наукъ“, томъ IV, стр. 613.

отправляя цѣлыя серіи мемуаровъ для напечатанія въ Комментаріяхъ Петербургской Академіи. Въ результатѣ, на-ряду съ 119-ью работами, помѣщенными за это время въ извѣстіяхъ Берлинской Академіи, въ Петербургскихъ Комментаріяхъ появились 109 его научныхъ статей. Обращаетъ на себя вниманіе еще тотъ фактъ, что Берлинскіе мемуары Эйлера имѣютъ преимущественно прикладной математическій характеръ и написаны на французскомъ языкѣ, Петербургскія же публикаціи изложены по-латыни и при томъ въ духѣ чисто-математическомъ отвлеченно-научномъ; видимо, въ Берлинѣ онъ пытался отвѣтить требованіямъ общества, состоявшаго въ болѣе близкой связи со своей Академіей и требовавшаго отъ послѣдней удовлетворенія своимъ научнымъ запросамъ, на Петербургскую же Академію онъ смотрѣлъ какъ на истинную хранительницу самыхъ глубокихъ научныхъ знаній, не принужденную подчиняться невольно-принижающимъ интересамъ широкой публики. Изъ появившихся за это время крупныхъ работъ Эйлера одна—по морскому дѣлу (Scientia navalis)—была издана въ Петербургѣ и одна—по астрономіи (Theoria motuum Lunae etc.)—въ Берлинѣ лишь печаталась, ради удобства чтенія авторомъ корректуръ, но на счетъ русской академіи.

Для характеристики научной связи Эйлера съ Петербургской Академіей приведемъ здѣсь два документа:

1) Выдержку изъ отвѣтнаго письма Эйлера (27-го іюля 1743 г.) Нартову, временно замѣстившему Шумахера и сообщавшему, что заграничнымъ членамъ академіи пенсій болѣе производиться не будетъ. „Благородный и почтеннѣйшій г-нъ Совѣтникъ Государь мой“, отвѣчалъ по-русски Эйлеръ: „Вашему благородію за благосклонныи отвѣтъ на мое письмо покорно благодарствую; объ именномъ указѣ ея императорскаго величества, чтобъ впредъ иностраннымъ членамъ Академіи Наукъ жалованія не производить, никакова извѣстія еще не получилъ, и для того нынѣ съ чиномъ почетнаго члена и безъ жалованья весьма удоволствуюсь“ [1])...

2) Въ представленіи академіи въ 1744 г. о возобновленіи пенсій заграничнымъ почетнымъ членамъ объ Эйлерѣ помѣщенъ былъ такой отзывъ: „профессоръ Эйлеръ отпущенъ отъ Академіи въ 1741 году, и по резолюціи бывшаго тогда кабинета опредѣлена ему была пенсія по 200 рублей въ годъ. Какую онъ пользу и честь здѣшней академіи учинилъ множествомъ присланныхъ отъ него ученыхъ сочиненій въ то уже время, когда отсюда отлучился, оное всѣ здѣшніе профессора тѣмъ наипаче признать имѣютъ, что онъ

---

[1]) Архивъ Академ. Канцеляріи—Входящія письма 1740—43 гг.

праведно за украшеніе ученаго свѣта почитается и въ состояніи математической классъ учеными сочиненіями одинъ наполнить, ежели бы нужда того требовала. Его двѣ книги—одна о навигаціи или мореплаваніи, а другая о счетѣ интегральномъ и дифференціальномъ той пенсіи уже достойны, которую онъ получать имѣлъ, хотя бы для Академіи, будучи въ отсутствіи, и ничего больше не дѣлалъ“ [1])...

Связь Эйлера съ Петербургской Академіей выражалась не только доставленіемъ мемуаровъ для Комментаріевъ. Въ 1750—55 годахъ къ Эйлеру часто присылались изъ Петербургской Академіи математическія статьи русскихъ студентовъ съ просьбою высказать о нихъ мнѣніе; замѣчательно, что великій ученый относился съ большимъ снисхожденіемъ къ этимъ юношескимъ опытамъ и отзывался о нихъ почти всегда съ похвалами. Кромѣ того, Эйлеръ самъ предложилъ, чтобы Академія прислала къ нему въ Берлинъ, для наставленія въ высшей математикѣ, Котельникова, который оставался при немъ съ 1752 по 1756 г. Нѣсколько позже были къ нему командированы съ тою же цѣлью Сафроновъ (1754—55) и Румовскій (1754—56). Заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія ясно выражавшееся Эйлеромъ намѣреніе подготовлять чисто-русскихъ ученыхъ для замѣщенія вакантныхъ должностей въ Россіи. Эта идея сказалась, напр., въ слѣдующихъ его рекомендаціяхъ [2]):

1) Когда Петербургская Академія просила Эйлера указать ученаго для занятія каѳедры механики, онъ писалъ 7 августа 1753 г.: „Я еще не имѣю никакихъ извѣстій о способномъ механикѣ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сомнѣваюсь, найдется ли такой, за котораго бы могъ заслужить признательность. Лучше всего будетъ замѣстить это мѣсто способнымъ русскимъ, для чего конечно потребуется время“...

2) На просьбу найти въ Германіи ректора и конректора для Московской гимназіи при университетѣ онъ, 26 іюля 1755 г., отвѣчалъ: „ г. Котельниковъ сказывалъ мнѣ, что по этой части трудно найти людей болѣе способныхъ, какъ два русскіе студента (Козицкій и Мотонисъ), слушающіе лекціи въ Лейпцигѣ. Одинъ изъ нихъ, какъ думаетъ Котельниковъ, могъ бы удобно быть отданъ отъ Академіи университету. Это будетъ лучшій совѣтъ, когда Академія насчетъ этихъ студентовъ не имѣетъ особенныхъ видовъ, такъ какъ, кромѣ того, что нѣмцы чрезвычайно требовательны, рекомендація можетъ оказаться также и неудачною“.

---

[1]) „Матеріалы для ист. Акад. Наукъ“.

[2]) Три слѣдующихъ выдержки изъ писемъ Эйлера цитир. по „Ист. Ак. Н. въ Петербургѣ“ академика Пекарскаго, т. I, стр. 273 и 275.

3) Относительно самого Котельникова Эйлеръ сообщалъ непремѣнному секретарю Академіи Мюллеру, что Котельниковъ, по своимъ знаніямъ и дарованіямъ, гораздо выше ученыхъ вродѣ Кюна, Кастильоне и Кестнера, которыхъ Академія хотѣла вызвать изъ Германіи на свободныя мѣста академиковъ.

Нелишнее пожалуй отмѣтить, что Академія-то была далеко не всегда аккуратна въ высылкѣ денегъ, слѣдовавшихъ Эйлеру за содержаніе и обученіе состоявшихъ при немъ студентовъ, за печатаніе „теоріи движенія луны" и за другіе предметы,—долгъ ея одно время достигалъ 500 рублей.

Наконецъ, научное содѣйствіе Эйлера задачамъ Петербургской Академіи Наукъ сказалось также въ составленіи имъ, по порученію президента—графа Разумовскаго, темъ для международнаго конкурса на премію, впервые объявлявшагося Петербургской Академіею въ 1749 г., и въ разсмотрѣніи присланныхъ на этотъ конкурсъ научныхъ работъ. (Выбранная Академіею изъ числа предложенныхъ тема касалась изслѣдованія теоріи Ньютона о движеніи луны; премію въ сто червонныхъ получилъ французскій ученый Клеро).

Любопытно еще прослѣдить вліяніе, оказанное на отношеніе Эйлера къ Петербургу семилѣтней войной (1756—63), поставившей русскихъ на время въ ряды враговъ Пруссіи и даже приведшей русскія войска въ 1760 году подъ самый Берлинъ—въ Шарлоттенбургъ.

25 сентября 1756 г., когда начались приготовленія русскихъ къ походу на Пруссію, Эйлеръ кончалъ свое письмо акад. Мюллеру такъ: „Не хочу я вѣрить, чтобы общественныя безпокойства прервали нашу переписку и помѣшали моей преданности императорской Академіи".

27 февраля 1759 г. онъ писалъ Тауберту: „по крайней возможности моей стараться буду должность свою къ императорской Академіи наукъ во всемъ исполнить. Хотя сумнительныя времена не допускали меня понынѣ продолжать корреспонденцію мою съ императорскою Академіею наукъ, однако я во все оное время сочинилъ много разныхъ диссертацій, которыя всѣ по первому требованію перешлю тою дорогою, коею мнѣ приказано будетъ, потому что я не знаю, какимъ трактомъ оныя могу отправить".

29 января 1760 г. Эйлеръ писалъ между прочимъ Мюллеру: „Въ особенности я желаю скорѣйшей перемѣны нынѣшнихъ обстоятельствъ, чтобы безъ опасенія продолжать съ вами прежнюю переписку и доказывать на дѣлѣ мое усердіе къ императорской Академіи".

Приведемъ еще выдержку изъ письма къ Мюллеру же отъ 18

октября 1760 г.: „Здѣсь было посѣщеніе, которое въ другихъ обстоятельствахъ было бы чрезвычайно пріятно. Впрочемъ, я всегда желалъ, что если бы когда-либо суждено было Берлину быть занятымъ иностранными войсками, то пускай это были бы русскія. И такъ я имѣлъ удовольствіе узнать многихъ храбрыхъ офицеровъ, особенно долженъ хвалиться знаками дружбы г. полковника Маслова. Также доставилъ намъ величайшую радость своимъ посѣщеніемъ молодой г. Фишеръ, котораго жена моя крестила: онъ чрезвычайно любезенъ и навѣрное будетъ служить утѣшеніемъ и радостью своему отцу. Г. докторъ Щепинъ равнымъ образомъ выказалъ къ намъ много дружбы, и мнѣ въ эти дни оказано было столько почестей, насколько я никогда не могъ разсчитывать“ [1])...

Между прочимъ, при оккупаціи русскими войсками Шарлоттенбурга былъ нанесенъ значительный матеріальный ущербъ Эйлеру, владѣвшему подъ Шарлоттенбургомъ недвижимой собственностью—имѣньицемъ. Когда это обстоятельство стало извѣстнымъ въ штабѣ русскихъ войскъ, Эйлеру было выказано самое живое сочувствіе, имѣніе его ограждено было почетнымъ карауломъ и ему подана была идея объ исходатайствованіи вознагражденія за причиненные убытки. Вознагражденіе это, въ размѣрѣ 1200 руб., было выдано Эйлеру по вступленіи на престолъ Екатерины II въ 1763 году.

Въ томъ же 1763 году у Эйлера является мысль объ обратномъ возвращеніи въ Россію. Н. Фуссъ въ своемъ похвальномъ словѣ великому математику объясняетъ такое его намѣреніе „замѣтнымъ пристрастіемъ къ странѣ, въ которой онъ провелъ первые годы своей молодости“. Какъ ни лестно для насъ—русскихъ такое предположеніе, нельзя однако не замѣтить, что у Эйлера, какъ на то указываетъ акад. Пекарскій, существовали и другіе, болѣе прозаичные, мотивы къ такому рѣшенію. Самымъ главнымъ изъ этихъ мотивовъ является, повидимому, слухъ о назначеніи новымъ президентомъ Берлинской Академіи, на мѣсто Мопертюи, французскаго ученаго Д'Аламбера, съ которымъ Эйлеръ находился въ то время въ довольно-натянутыхъ отношеніяхъ. Видимо, Эйлеръ опасался, что новый президентъ, изъ-за личныхъ счетовъ, постарается возможно устранить его отъ вліянія на академическія дѣла и вообще наводнить Берлинскую Академію своими соотечественниками. Къ этому присоединялось сознаніе нѣкотораго ослабленія благосклонности Фридриха Великаго еще съ 1747 г., послѣ литературнаго выступленія Эйлера съ трактатомъ религіознаго характера противъ

[1]) Выдержки эти цитир. по „Ист. Ак. Н.“ акад. Пекарскаго, т. I, стр 278—279.

атеистовъ („Rettung der göttlichen Offenbahrung gegen die Einwürfe der Freygeister“), по духу не отвѣчавшимъ образу мыслей короля [1]).

Подъ вліяніемъ слуховъ о предстоящемъ президентствѣ Д'Аламбера Эйлеръ писалъ 17 мая 1763 г. Мюллеру: „я намѣренъ мызу свою близъ Шарлоттенбурга и здѣшней свой дворъ продать, дабы я ни чемъ не былъ обязанъ, когда судьба моя вывесть меня отсюда захочетъ. Для меня теперь все равно, кому здѣшнее президентское мѣсто ни достанется. Сказываютъ, что господинъ д'Аламберъ, который самъ сюда ѣхать не хочетъ, представилъ вмѣсто себя Шевалье-де-Жокурта. Мнѣ до того дѣла нѣтъ, потому что намѣреніе мое совсѣмъ иное... Я уже вездѣ представлялъ свои услуги, и гдѣ мнѣ больше дадутъ, туда и служить пойду; ибо какъ я не французъ, такъ и не могу надѣяться, чтобъ кто-нибудь меня здѣсь купить хотѣлъ, потому что дѣйствительно нѣкоторые молодые математики изъ Парижа уже сюда ѣдутъ, изъ коихъ каждому вдвое противъ меня жалованья обѣщано. Его высокографское сіятельство господинъ Гетманъ еще до войны дѣлалъ мнѣ такую выгодную пропозицію, которая весьма превосходила малыя мои заслуги: но обстоятельства были тогда такія, что я бы въ крайнее попалъ несчастье, ежелибъ къ принятію оной склонился. И такъ опасаюсь, не прогнѣвалъ ли я тогдашнимъ моимъ отвѣтомъ его сіятельства. Я бы желалъ, чтобъ его высокографскому сіятельству донесено было о причинахъ тогдашняго моего отказа“ [2]).

Таубертъ, замѣстившій къ тому времени Шумахера въ управленіи хозяйственною частью Академіи, узнавъ о подобномъ направленіи мыслей Эйлера, поспѣшилъ доложить президенту Академіи графу Разумовскому, что, по его мнѣнію, Эйлера слѣдуетъ пригласить въ Академію съ годовымъ жалованьемъ въ 1.500 рублей—ему и въ 500 руб.—его сыну. „Болѣе сего“—прибавлялъ Таубертъ—

---

[1]) G. Valentin въ статьѣ о пребываніи Эйлера въ Берлинѣ (См. „Festschrift zur Feier des 200 Gebutstages Leonhard Eulers“ herausgeg. v. d. Berlin. Mathem. Gesellschaft, 1907, стр. 12) указываетъ вообще на довольно-сдержанное, а временами даже и насмѣшливое отношеніе Фридриха Великаго къ Эйлеру, для объясненія котораго онъ выставляетъ три главнѣйшихъ причины: 1) Неспособность короля къ математикѣ и его предубѣжденіе противъ этой отрасли знаній, а за-одно—и противъ ея представителей; 2) Отсутствіе у Эйлера дарованій къ легкому, шутливому, изысканно-французскому обращенію, которое Фридрихъ такъ цѣнилъ въ Вольтерѣ, Мопертюи, Д'Аржанѣ и многихъ другихъ и которымъ обладалъ самъ въ большой мѣрѣ и 3) Малый интересъ, проявлявшійся Эйлеромъ по отношенію къ поэзіи—любимому занятію короля.

[2]) „Зап. имп. Ак. Н.“, т. 6, кн. 1, ст. Пекарскаго—„Екат. II и Эйлеръ“, прилож., стр. 77—78.

„ему и сыну его давать не совѣтую, вѣдая совершенно, что онъ, по нынѣшнему своему крайнему недовольствію, на сіи кондиціи сюда пріѣхать ни мало не отречется“ [1]). Какъ только объ этомъ доведено было до свѣдѣнія Екатерины, она немедленно приказала Теплову пригласить Эйлера для управленія математическимъ классомъ и для исполненія обязанностей конференцъ-секретаря на жалованье по 1800 рублей въ годъ; кромѣ того, его сыну предлагалось мѣсто ординарнаго профессора и обоимъ на проѣздъ назначалось 500 рублей. Въ концѣ этихъ условій, отправленныхъ Эйлеру 26 мая 1763 года, была добавлена просьба не откладывать выѣзда, если эти условія его не удовлетворятъ въ какихъ-либо деталяхъ; въ случаѣ же желательности существенныхъ измѣненій, испрашивалось о томъ извѣщеніе [2]).

Надо замѣтить, что Эйлеръ еще ранѣе получалъ предложенія вернуться въ Россію. Такъ, графъ Разумовскій, жившій во время путешествія по Западной Европѣ, въ 1744 г., нѣкоторое время въ домѣ Эйлера, въ 1746 г., при назначеніи на постъ президента Академіи, поспѣшилъ первымъ долгомъ послать Эйлеру такого рода предложеніе. Этой идеѣ сильно сочувствовалъ въ то время Д. Бернулли, находившійся уже въ Швейцаріи, но слѣдившій за дѣятельностью Петербургской Академіи и возлагавшій надежду на улучшеніе ея дѣлъ при новомъ президентѣ. Онъ писалъ между прочимъ Эйлеру 9 іюля 1745 г.: „Боюсь только, что уже будетъ невозможно привести Академію въ прежнее цвѣтущее состояніе, но это бы осуществилось, когда бы вы рѣшились отправиться туда года на два. Дѣло можно бы такъ устроить, что король, по сосѣдству и изъ дружбы къ императрицѣ, отпустилъ бы васъ въ Россію, и въ такомъ случаѣ конечно не можетъ возникнуть никакихъ неудобствъ. Я вызываюсь исправлять въ продолженіе двухъ лѣтъ ваши обязанности въ Берлинѣ, но съ тѣмъ, чтобы вы получали берлинское жалованье“ [3]).

Въ 1750 г. Эйлеру снова передано было, отъ имени самой императрицы Елизаветы, предложеніе вернуться въ Петербургскую Академію на тѣхъ условіяхъ, какія онъ найдетъ нужнымъ

---

[1]) Цитир. по той же статьѣ, стр. 64.

[2]) Письмо съ этими предложеніями см. въ той же статьѣ, прилож., стр. 78—79.

[3]) Цитир. по „Ист. Имп. Ак. Н.“ Пекарскаго, т. I, стр. 115. Отмѣчая здѣсь съ благодарностью ту заботливость, съ какою Д. Бернулли относился къ Петербургской Академіи, напомню кстати, что текущій 1907 годъ до нѣкоторой степени связанъ съ памятью и объ этомъ ученомъ, такъ какъ 17 марта исполнилось ровно 125 лѣтъ со дня его смерти.

выставить. И Эйлеръ сначала было склонялся на это приглашеніе, но потомъ все же отклонилъ его, мотивируя свой отказъ приближеніемъ къ 50-ти лѣтнему возрасту, сопряженному у всѣхъ извѣстныхъ математиковъ—Ньютона, Лейбница, Германна, Вольфа и Бернулли—съ ослабленіемъ ихъ ученой дѣятельности.

Новое предложеніе отъ имени императрицы Екатерины II, о которомъ только-что было сказано, тоже временно не возымѣло своего дѣйствія. Повидимому, тревожное Берлинское настроеніе Эйлера нѣсколько поулеглось: стало извѣстнымъ, что Д'Аламберъ отказался отъ званія президента Берлинской Академіи и при томъ самымъ лучшимъ образомъ отзывался передъ королемъ объ Эйлерѣ. Вообще, Эйлеръ, видимо, не находилъ уже повода къ разрыву съ Берлиномъ. И онъ писалъ, напр., Мюллеру 10 сентября 1763 г., что, по своимъ лѣтамъ и при большомъ семействѣ, онъ только въ томъ случаѣ могъ бы отправиться въ Петербургъ, если бы былъ побужденъ къ тому важными перемѣнами въ Берлинской Академіи, а вовсе не изъ разсчетовъ на почести или выгоды.

Объ удержаніи Эйлера въ Берлинѣ особенно хлопоталъ именно Д'Аламберъ. Онъ писалъ напр., Эйлеру 29 іюля 1763 г. изъ Потсдама: „Хотя мнѣ не остается и мѣсяца пробыть въ этой странѣ, однако я не могу удержаться, чтобы не сочувствовать ей и особенно не жалѣть академіи, если она будетъ имѣть несчастіе потерять васъ. Что до меня касается, когда бы мнѣ пришлось остаться здѣсь, то я бы сдѣлалъ все на свѣтѣ для удержанія васъ. Рѣшились ли вы окончательно? Вы должны быть увѣрены, что я уже говорилъ и буду еще говорить о васъ королю со всѣмъ уваженіемъ, котораго вы заслуживаете"... 14 августа 1763 г. изъ Санъ-Сусси: „Я, наконецъ, считаю себя столько счастливымъ, что сохранилъ королю и академіи такого человѣка, какъ вы. Вы увидите изъ письма маркиза д'Аржана, что король назначаетъ хорошій пенсіонъ для вашего сына, и не отъ меня будетъ зависѣть, чтобы вы, милостивый государь, не получили все, чего можетъ желать человѣкъ такихъ рѣдкихъ достоинствъ, какъ ваши. Въ этомъ смыслѣ я говорилъ о васъ королю"... И 20 августа 1763 г. изъ Потсдама: „Я совершенно убѣдилъ его величество, что въ васъ Академія понесетъ невознаградимую потерю, которая нанесетъ ударъ славѣ короля. Я полагаю еще до моего отъѣзда поручить его вниманію ваши интересы" [1])...

Но новое недоразумѣніе, на почвѣ несогласія съ членами

---

[1]) Цитир. по статьѣ Пекарскаго „Екат. II и Эйлеръ" въ „Зап. Имп. Ак. Н.", т. 6, кн. 1, стр. 66—67.

ревизіонной комиссіи, назначенной королемъ для изысканія средствъ къ увеличенію доходовъ Академіи и къ болѣе правильному расходованію ихъ, снова возвратило Эйлера къ мысли о переѣздѣ въ Петербургъ. При этомъ, онъ самъ предложилъ (24 декабря 1765 г.) свои условія, а именно: онъ просилъ для себя мѣсто вице-президента Академіи съ ежегоднымъ жалованіемъ въ 3.000 рублей и съ квартирою, свободною отъ солдатскаго постоя, для старшаго своего сына —каѳедру физики съ жалованіемъ въ 1.000 руб. и для второго и третьяго сына—приличныя мѣста по артиллерійскому и медицинскому вѣдомствамъ.

Императрица Екатерина II, узнавъ объ условіяхъ Эйлера, отправила 6 января 1766 г. канцлеру графу Воронцову собственноручное письмо (по-французски), изъ котораго заимствуемъ слѣдующія выдержки [1]):

„Господинъ графъ Воронцовъ! Письмо къ вамъ г. Эйлера доставило мнѣ большое удовольстіе, потому что я узнаю изъ него о желаніи его вступить снова въ мою службу. Конечно, я нахожу его совершенно достойнымъ желаемаго имъ званія вице-президента Академіи наукъ, но для этого слѣдуетъ принять нѣкоторыя мѣры прежде, чѣмъ я установлю это званіе—говорю установлю, такъ какъ донынѣ его не существовало... Такимъ образомъ я ничего не могу отвѣчать теперь г. Эйлеру касательно этого предмета.

При настоящемъ положеніи Академіи, тамъ нѣтъ денегъ на жалованье въ 3000 р., но для человѣка съ такими достоинствами, какъ г. Эйлеръ, я добавлю къ академическому жалованью изъ государственныхъ доходовъ, что вмѣстѣ составитъ требуемые имъ 3.000 р. У него будетъ казенная квартира, и ни малѣйшей тѣни солдатъ.

Хотя въ Академіи нѣтъ свободной каѳедры физики съ жалованьемъ въ 1.000 р. для его старшаго сына, однако я ихъ ему назначаю, также какъ дозволяю свободную практику второму (медику) и дамъ мѣсто, если онъ пожелаетъ вступить въ службу. Третій сынъ (артиллеристъ) будетъ помѣщенъ безъ всякаго затрудненія... Я увѣрена, что моя Академія возродится изъ пепла отъ такого важнаго пріобрѣтенія, и заранѣе поздравляю себя съ тѣмъ, что возвратила Россіи великаго человѣка...

Необходимо также увѣдомить г. Эйлера, что до его пріѣзда я

---

[1]) Приводимыя ниже письма Екатерина II, прошенія Эйлера и отвѣты Фридриха Великаго въ подлинномъ французскомъ изложеніи можно видѣть въ приложеніи къ статьѣ акад. Пекарскаго—„Екат. II и Эйлеръ“ (Зап. Ак. Н., т. 6, стр. 87 и слѣд.)—Переводъ этихъ писемъ взятъ непосредственно изъ текста той же статьи.

не предпринимаю никакихъ перемѣнъ въ Академіи на тотъ конецъ, чтобы лучше уговориться съ нимъ объ улучшеніяхъ, о которыхъ мнѣ представлены разныя неудовлетворительныя предложенія"...

Впослѣдствіи Эйлеръ прибавилъ еще нѣсколько дополнительныхъ условій, о которыхъ графъ Воронцовъ доводилъ 9 февраля 1766 г. до свѣдѣнія императрицы,—о пенсіи женѣ, въ случаѣ смерти Эйлера, о чинѣ для него, о мѣстѣ для сына-медика, наконецъ—о трехъ тысячахъ на путевыя издержки. Сохранилась черновая отвѣтная записка императрицы, гдѣ она писала (тоже по-французски) между прочимъ: „На послѣднюю статью я отвѣчаю повелѣніемъ, даннымъ эще вчера г. Олсуфьеву, отослать вексель на эту сумму князю Долгорукову. Я приказала также президенту медицинской коллегіи оставить въ мое распоряженіе хорошее мѣсто медика. Равнымъ образомъ я обезпечу часть пенсіона, о которомъ мы уговорились съ г. Эйлеромъ для его супруги, на случай, если она переживетъ его. Я дала бы ему, когда онъ хочетъ, чинъ... (зачеркнуто—коллежскаго совѣтника), еслибы не опасалась, что этотъ чинъ сравняетъ его со множествомъ людей, которые не стоятъ г. Эйлера. По истинѣ его извѣстность лучше чина для оказанія ему должнаго уваженія"...

Получивъ изъ Петербурга удовлетворительный отвѣтъ на свои запросы, Эйлеръ подалъ Фридриху Великому слѣдующія 2 прошенія одно за другимъ:

1. „Государь! Изъ опасенія, чтобы не было скрыто настоящее мое положеніе, я беру смѣлость представить объ этомъ слѣдующія объясненія:

I. Когда комиссія, злоупотребляя повелѣніями вашего величества, ниспровергла академическій уставъ, и когда мои усилія для поддержанія его стали безполезны и быть можетъ переданы вашему величеству въ злостномъ видѣ, то я принужденъ былъ сложить съ себя мое званіе и предложить услуги русскому двору.

II. Нынѣ, послѣ того, какъ этотъ дворъ согласился на огромнѣйшія для меня выгоды, я не могу взять назадъ своего слова, не бывъ обвиненъ въ самой черной неблагодарности.

III. Такимъ образомъ осмѣливаюсь умолять ваше величество дозволить мнѣ повторить еще разъ мое нижайшее прошеніе".

2. „Государь! Какъ ни былъ я всегда усерденъ къ службѣ вашего величества, однако не могу оставаться нечувствительнымъ къ тому прекрасному положенію, которое предлагаетъ русскій дворъ всему моему семейству. Оно тѣмъ болѣе въ томъ нуждается, что съ моею смертью обрекается на чрезмѣрную бѣдность.

Эта могущественная причина побуждаетъ меня умолять съ глубочайшею покорностью ваше величество о дозволеніи воспользо-

ваться мнѣ этимъ случаемъ, совсѣмъ необыкновеннымъ, и соизволить на мой отпускъ, также—моего сына, который въ академіи, и втораго, медика неимущихъ французовъ.

Что касается до третьяго, артиллериста, то я знаю очень хорошо, что такая просьба была бы очень смѣла, почему совершенно предаюсь въ отношеніи его на милостивое соизволеніе вашего величества, хотя такое разлученіе должно причинить живѣйшую горесть съ обѣихъ сторонъ".

Въ отвѣтъ на эти просьбы Эйлеръ получилъ такую записку короля:

„Получивъ ваше письмо отъ 15 числа этого мѣсяца, въ которомъ, также какъ и въ двухъ предыдущихъ, вы ходатайствуете о вашемъ отпускѣ, я намѣренъ вамъ симъ объявить, что вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, когда, отказавшись отъ такого ходатайства, не будете болѣе писать объ этотъ предметѣ. Въ Потсдамѣ, 17 марта 1766 года.

Фридрихъ".

Отказъ этотъ побудилъ Эйлера прибѣгнуть къ посредничеству Д'Аламбера, который, однако, отвѣчалъ 28 апрѣля 1766 г. такимъ образомъ:

...Я полагаю, милостивый государь, что причина, заставляющая васъ просить о вашемъ отпускѣ, есть опасеніе, что вы подверглись немилости короля. И такъ я думаю, чтобы васъ въ томъ разувѣрить, что если вы возвратитесь въ академію... и будете продолжать тамъ по обыкновенію ваши работы, то скоро пріобрѣтете то доброе расположеніе, которое полагаете потеряннымъ. Король умѣетъ отличать заслуги, и я не оставлялъ его въ неизвѣстности о всемъ превосходствѣ вашемъ и о чести, которую приносите вы академіи... Я не думаю, чтобы выгоды, предлагаемыя вамъ въ Петербургѣ, побуждали васъ отправиться туда, потому что вамъ предлагали ихъ два года тому назадъ, и вы отъ нихъ отказались. Если вы думаете, что будете болѣе свободны и счастливы, переселившись въ Петербургъ, тогда я не имѣю ничего сказать. Но полагаю, что вы худо разсчитываете, такъ какъ будучи старѣе двадцатью пятью годами, вы почувствуете болѣе вліяніе климата, и, кромѣ того, ваша судьба будетъ тамъ менѣе обезпечена, чѣмъ въ Берлинѣ. Меня, впрочемъ, увѣряютъ, что король съ большимъ затрудненіемъ рѣшится отпустить съ вами всѣхъ трехъ сыновей вашихъ, особенно того, который служитъ въ артиллеріи и про котораго самъ его величество говорилъ, что онъ изъ лучшихъ у него офицеровъ. И такъ мнѣ кажется, что самое благоразумное, что вы сдѣлаете для вашего счастья и спокойствія, это будетъ—остаться въ Берлинѣ.

Что до меня касается, то у меня никогда не достанетъ смѣлости просить за васъ у короля о дозволеніи вамъ уѣхать: онъ приметъ это весьма дурно—и справедливо. Но я готовъ на зависящія отъ меня услуги для васъ у его величества, будетъ ли то касаться забвенія прошлаго, или же улучшенія вашей участи, когда вы полагаете это необходимымъ"...

Еще не получивъ этого отвѣта, Эйлеръ подалъ новое прошеніе королю 30 апрѣля 1766 г.:

„Государь! Припадая къ стопамъ вашего величества, я осмѣливаюсь снова умолять о милости соизволить на дозволеніе принять блестящій вызовъ, сдѣланный мнѣ Россіею. Такъ какъ всѣ академики, просившіе до сихъ поръ объ отпускѣ, получали его безъ всякаго затрудненія, то я тѣмъ болѣе льщу себя надеждою, что вы не откажете мнѣ въ этой милости, такъ какъ я со всѣмъ моимъ семейством пользуюсь правомъ швейцарскаго гражданства, а это наше право свободы прежде было признано и Россіею, когда я тамъ получилъ дозволеніе вступить въ службу вашего величества. И такъ осмѣливаюсь надѣяться, что ваше величество также захочетъ признать это право свободы, согласившись на нашъ отпускъ, что я буду всегда считать самой милостивой наградой за всѣ услуги, которыя старался съ величайшимъ усердіемъ оказывать Академіи, пока занималъ мѣсто, которое вашему величеству угодно было мнѣ вручить и которое беру смѣлость возвратить къ вашимъ стопамъ съ глубочайшею преданностью и самою почтительною признательностью, которою преисполнено мое сердце".

Отвѣтъ Фридриха на эту новую просьбу былъ кратокъ: „Я вамъ дозволяю, по вашему письму отъ 30 минувшаго апрѣля, уѣхать, чтобы отправиться въ Россію. Въ Потсдамѣ 2 мая 1768 года.

Фридрихъ".

Наконецъ, въ іюнѣ 1766 г. Эйлеръ покинулъ Берлинъ и отправился въ Петербургъ. Прусскій король отомстилъ за то великому математику слѣдующей вычурно-насмѣшливой выходкой въ письмѣ Д'Аламберу 25 іюля того же года: „г. Эйлеръ, до безумія любящій большую и малую медвѣдицъ, приблизился къ Сѣверу для большаго удобства къ наблюденію ихъ. Корабль, нагруженный его x, z, его к, к, потерпѣлъ крушеніе—все пропало, а это жалко, потому что тамъ было, чѣмъ наполнить шесть фоліантовъ статей, испещренныхъ отъ начала до конца цифрами. По всей вѣроятности Европа лишится пріятной забавы, которая была бы ей доставлена чтеніемъ ихъ"...

Переходимъ теперь къ послѣднему періоду жизни и дѣятельности Эйлера—къ его вторичному пребыванію въ Петербургѣ—съ

17 іюля 1766 г. по 7 сентября (ст. стиля) 1783 г.—до самаго дня смерти.

Немедленно по прибытіи въ Петербургъ Эйлеръ былъ представленъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая, надо полагать, вела съ нимъ бесѣду объ Академическихъ дѣлахъ, такъ какъ Эйлеръ сообщалъ между прочимъ Мюллеру 9 августа 1766 г.: „Я представлялъ ея императорскому величеству, что ни въ одной Академіи члены не назначаются исключительно для однихъ академическихъ занятій, что, безъ сомнѣнія, было бы обременительно для государства; но что каждый изъ нихъ можетъ отправлять служебныя занятія на пользу общества, не нанося тѣмъ замѣтнаго ущерба цѣлямъ Академіи, что доказывается примѣрами вашимъ и гг. Штелина и Епинуса"...

Въ государственномъ архивѣ сохранился написанный по-французски проектъ мѣръ къ улучшенію положенія Академіи наукъ. Хотя проектъ этотъ не имѣетъ подписи, но видимо принадлежитъ перу Эйлера. Значительный объемъ проекта не позволяетъ воспроизвести его здѣсь; найденъ же онъ можетъ быть въ „Исторіи Академіи Наукъ" академика Пекарскаго на стр. 303—308 перваго тома [1]). На подлинникѣ находятся двѣ собственноручныя замѣтки Екатерины II (по-французски же): „1) Намѣтить лицо, черезъ посредство котораго Академія могла бы обращаться ко мнѣ и получать мои распоряженія, 2) Академія должна немедленно возобновить свои ассамблеи по 2 раза въ недѣлю".

Переѣздъ Эйлера въ Петербургъ императрица привѣтствовала подаркомъ восьми тысячъ рублей на покупку дома. Къ несчастью, новый жизненный пріютъ оказался роковымъ для великаго математика: едва успѣлъ онъ поселиться въ своемъ домѣ, какъ впалъ въ жестокую болѣзнь, о которой такимъ образомъ извѣщалъ Мюллера въ письмѣ 15 октября 1766 г.: „Мое нездоровье, о которомъ вамъ уже извѣстно, продолжалось нѣсколько дней, и отъ того мое зрѣніе такъ ослабѣло, что я въ одно утро, по прочтеніи и подписаніи купчей на мой домъ, нѣсколько часовъ спустя не только не могъ разбирать написаннаго, но даже различать бѣлой бумаги отъ писанной. Въ такомъ положеніи нахожусь и донынѣ, но не замѣчаю, чтобы становилось хуже. Между тѣмъ, это не препятствуетъ моимъ занятіямъ, потому что я указываю читать себѣ, что мнѣ нужно, и диктую, что слѣдуетъ написать. Могу также дѣлать довольно обширныя вычисленія, которыя потомъ мой сынъ передаетъ на бумагу.

---

[1]) См. также статью „Матеріалы для журн. и литер. дѣятельности Екатерины II" въ „Запискахъ Академіи" III, приложеніе № 6, 73.

Я прилежно посѣщаю академическія засѣданія, но въ обществѣ показываюсь неохотно, почему у меня остается тѣмъ болѣе времени для моихъ занятій [1]"...

Болѣзнь закончилась образованіемъ на лѣвомъ глазѣ катаракта, въ результатѣ лишившаго Эйлера и этого его послѣдняго зрительнаго органа. Правда, нѣсколько позже—лѣтъ черезъ пять—извѣстный окулистъ баронъ Венцель удачной операціей снялъ съ глаза катарактъ и возвратилъ было Эйлеру утраченное зрѣніе, но, увы, очень ненадолго: поспѣшность въ пользованіи органомъ привела къ тому, что Эйлеръ вторично и уже навсегда потерялъ зрѣніе при страшныхъ мученіяхъ.

И вотъ, весь послѣдній періодъ жизни мы видимъ Эйлера въ образѣ слѣпого старца. Въ такихъ условіяхъ трудно было ожидать отъ него особенной научной дѣеспособности. Но тутъ-то, наоборотъ, и выказалась въ полной силѣ вся мощь великаго генія. Съ самыхъ первыхъ же дней стали появляться одинъ за другимъ самые серьезные научные труды, чуть не каждый изъ которыхъ могъ бы въ отдѣльности создать славу своему автору. Пользуясь богатствомъ своего воображенія и поразительной силой памяти, Эйлеръ въ умѣ воспроизводилъ передъ собой самыя сложныя вычисленія и выкладки; оставалось лишь его ассистентамъ записывать на бумагѣ диктуемыя имъ мысли. Сохранился даже любопытный разсказъ, что „элементы алгебры" писалъ подъ его диктовку простой мальчикъ-портной, вывезенный имъ въ качествѣ слуги изъ Берлина и не имѣвшій до того ни малѣйшаго понятія о математикѣ,—такою ясностью и послѣдовательностью мысли проникнуто это произведеніе. Но, конечно, вообще говоря, запись велась лицами со спеціальной математической подготовкой, которымъ Эйлеръ ввѣрялъ даже совершеніе нѣкоторыхъ вторичныхъ математическихъ операцій. И нельзя не помянуть здѣсь кстати словами глубокой признательности этихъ образцовыхъ его сотрудниковъ, главнымъ образомъ—математиковъ Николая Фусса и Михаила Головина, отдавшихъ много самыхъ цѣнныхъ лѣтъ своей жизни на покорное служеніе чужой мысли, конечно въ ущербъ возможности самостоятельнаго творчества; за то, они сохранили міру геніальныя измышленія величайшаго ума!

Итакъ, съ самыхъ первыхъ временъ вторичнаго пребыванія Эйлера въ Петербургѣ появляются въ свѣтъ одинъ за другимъ солиднѣйшіе его труды: интегральное исчисленіе въ трехъ томахъ

---

[1]) Конференцъ-архивъ, портфель 9 писемъ Эйлера къ Мюллеру (цитир. по „Ист. А. Н." Пекарскаго, I, стр. 293).

(1768—70), знаменитый трактатъ о покоѣ и движенiи жидкихъ тѣлъ (1769), элементы алгебры (1770), три объемистыхъ тома „дiоптрики“, объединившiе вмѣстѣ опубликованные за предшествовавшiя 30 лѣтъ отдѣльные мемуары по теорiи свѣта, „письма къ нѣмецкой принцессѣ“, воспроизводящiя все научное мiровоззрѣнiе ихъ автора въ блестящей по изложенiи формѣ (1768—72) и т. д.

И вдругъ, посреди этихъ поистинѣ - изумительныхъ трудовъ, Эйлеръ испытываетъ новое, необычайное бѣдствiе: въ 1771 году пожаръ уничтожаетъ его домъ со всѣмъ почти имуществомъ. Его самого едва успѣваетъ вытащить изъ огня ремесленникъ - швейцарецъ Гриммъ, да, благодаря сообразительности графа Владимiра Григорьевича Орлова, удается спасти большинство изъ цѣнныхъ манускриптовъ. Эти два лица оказали человѣчеству бóльшiя услуги, чѣмъ многiе изъ второклассныхъ ученыхъ! Императрица, для возмѣщенiя потерь, пожаловала Эйлеру 6.000 рублей. И среди всѣхъ этихъ волненiй и ужасовъ Эйлеръ продолжаетъ творить, доканчивая свою знаменитую теорiю движенiя луны (1772).

О способѣ работы Эйлера сохранилось такое семейное преданiе [1]): Въ рабочей его комнатѣ находился большой столъ, покрытый аспидной доской. Эйлеръ совершалъ вокругъ него свои ежедневныя прогулки и мѣломъ набрасывалъ на доскѣ общiй ходъ своихъ математическихъ мыслей, который затѣмъ пояснялъ ученикамъ, поручая имъ дальнѣйшую разработку. Краемъ стола онъ пользовался къ тому же какъ опорой при движенiи, почему современемъ край этотъ сталъ полированно-гладкимъ.

О характерѣ жизни Эйлера въ этотъ перiодъ времени можно составить нѣкоторое представленiе по слѣдующей выдержкѣ изъ письма Iоханна Бернулли (племянника Данiила Бернулли), посѣтившаго Петербургъ лѣтомъ 1777 г.: „Здоровье его (т. е. Эйлера) довольно хорошо, и этимъ онъ обязанъ очень умѣренному и правильному образу жизни. Зрѣнiемъ, по большей части утраченнымъ, а одно время вовсе потеряннымъ, онъ, однако, теперь лучше пользуется, чѣмъ многiе воображаютъ! Хотя онъ не можетъ узнать никого въ лицо, читать чернаго на бѣломъ и писать перомъ на бумагѣ, однако пишетъ на черномъ столѣ свои математическiя вычисленiя мѣломъ очень ясно и порядочно въ обыкновенную величину. Потомъ они вписываются въ большую книгу однимъ изъ его адъюнктовъ г.г. Фуссомъ и Головинымъ (чаще первымъ изъ нихъ). И изъ этихъ-то матерiаловъ составляются подъ его руководствомъ статьи. Такимъ образомъ въ продолженiе пяти лѣтъ, которыя про-

---

[1]) «Leonhard Euler», von S. Schulz-Euler, Frankfurt a. M., стр. 33.

жилъ г. Фуссъ въ домѣ Эйлера, приведено къ окончанію 120 или 130 статей: онѣ лежатъ готовыя къ печати, и изъ нихъ только немногія были прочтены въ Академіи. Г. Эйлеръ обѣщался, что двадцать лѣтъ послѣ его кончины статьи его такимъ же образомъ, какъ и при жизни его, могутъ быть читаны и помѣщаемы въ періодическомъ изданіи Академіи. Изъ того, что я разсказалъ, легко заключить, что когда этотъ достойный старецъ достигнетъ лѣтъ, которыхъ можно ожидать по его бодрости, то онъ могъ бы на двадцать лѣтъ вдвое исполнить такое добровольное обязательство. Чтобы было понятнѣе, какъ достаетъ у г. Эйлера времени на такія неутомимыя работы, долженъ я замѣтить, что онъ никуда болѣе не выѣзжаетъ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, съ потерею зрѣнія, слухъ у него значительно ослабѣлъ, и внѣ дома онъ менѣе находитъ развлеченій и менѣе можетъ ожидать занятій. Впрочемъ, у него бываютъ ежедневно посѣщенія, которыя для него сокращаютъ необходимое время отдыха, и онъ охотно принимаетъ во всякую пору, потому что теперь, какъ прежде, у него совершенно особенная и по крайней мѣрѣ необыкновенная способность отвлекаться безъ досады отъ самыхъ сложныхъ выкладокъ и потомъ опять также легко возвращаться къ нимъ и находить прежнюю нить къ нимъ. Для отдохновенія своего, когда Эйлеръ одинъ, занимается онъ очень опытами надъ магнитами. У него большой столъ покрытъ магнитными пластинками разныхъ величинъ; иныя есть въ $2^1/_2$ дюйма, а другія въ 30 дюймовъ длины, а весь приборъ со включеніемъ магнитовъ, сохраняемыхъ г. Фуссомъ въ своей комнатѣ, стоитъ 800 рублей. Натираніе и усиленіе такихъ пластинокъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ г. Эйлеру полезнымъ упражненіемъ для тѣлодвиженія, и при томъ возникаютъ изъ того многіе новые опыты [1]"...

Работая въ такихъ условіяхъ, Эйлеръ за послѣднее десятилѣтіе своей жизни создалъ чуть не половинное число всѣхъ своихъ трудовъ. Вотъ краткая табличка, приводимая П. Н. Фуссомъ въ предисловіи къ составленному имъ списку трудовъ Эйлера [2], указывающая числа работъ, написанныхъ въ послѣдовательные десятилѣтніе періоды его жизни;

годы	число трудовъ
съ 1727 по 1733	24
„ 1734 „ 1743	49

---

[1]) «I. Bernoulli's Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen in den Jahren 1777 und 78», IV, 10—15 (цитр. по „Истор. А. Н." Пекарскаго, I, 295—296).

[2]) „Notice sur la vie et les écrits de L. Euler" при I томѣ „Corresp. math. et phys. de quelques célèbres géomètres du XVIII sciècle" (Спб. 1843), стр. XLI.

съ 1744	по 1753		125
„ 1754	„ 1763		99
„ 1764	„ 1772		104
„ 1773	„ 1782		355
		всего . .	756 [1]).

Любопытно воспроизвести здѣсь еще одинъ разсказъ, рисующій образъ Эйлера въ послѣдній годъ его жизни. Княгина Дашкова, назначенная Екатериной 28 января 1783 г. директоромъ Академіи наукъ, такъ разсказываетъ въ своихъ „запискахъ“ [2]) о вступленіи своемъ въ отправленіе новой должности.

„Я ознакомилась также съ именами примѣчательнѣйшихъ членовъ Академіи, и на другое утро, прежде нежели отправилась туда, посѣтила знаменитаго Эйлера, который зналъ меня уже нѣсколько лѣтъ и всегда оказывалъ мнѣ особенное благорасположеніе. Въ негодованіи на поступки Домашнева (предмѣстника кн. Дашковой), онъ совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Академію, развѣ когда представлялась возможность противодѣйствовать заодно съ другими вреднымъ распоряженіямъ бывшаго директора, о которыхъ онъ не разъ письменно представлялъ государынѣ.

Этотъ ученый былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ математиковъ своего вѣка. Сверхъ того, онъ былъ свѣдущъ почти во всѣхъ наукахъ; а сила его духа и постоянная дѣятельность такъ были необыкновенны, что онъ, даже потерявъ зрѣніе, вовсе не ослабилъ своихъ умственныхъ трудовъ. Съ помощью г. Фусса, мужа его внучки, который читалъ ему вслухъ и писалъ по его диктовкѣ, онъ готовилъ множество матеріаловъ, служившихъ къ обогащенію изданій Академіи, даже въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ его смерти.

Я просила его не оставлять меня въ то утро, чтобы мнѣ при первомъ вступленіи моемъ въ должность начальника ученаго общества имѣть нѣкоторую опору въ его сопутствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обѣщала, что если ему неудобно или тягостно сопровождать меня, то

---

[1]) Весьма возможно, что приводимыя числа требуютъ небольшихъ исправленій на основаніи новѣйшаго библіографическаго указателя работъ Эйлера: Ioh. G. Hagen—„Index Operum Leonardi Euleri“ (Berolini, Felix L. Dames, 1896, VIII+80 стр.) и дополненій къ нему въ статьяхъ: G. Valentin—„Beitrag zur Bibliographie der Eulerschen Schriften“ (Biblioth. math, 2, 12, 1898, стр. 41—49), Friedrich Engel—„Rezension des Index von Hagen“ (Zeits. f. Math. u. Phys., 42, III Abt., 1897, стр. 200—203), и Felix Müller—„Bibliographisch—Historisches zur Erinnerung an Leonhard Euler“ (Jahresb. d. Deutsch. Math.-Ver., 16, 1907, стр 185—195). Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи не имѣлось этихъ трудовъ.

[2]) „Современникъ“, 1845, XXXV, стр. 20—22.

я въ случаяхъ обыкновенныхъ не буду его обезпокоить. Моя просьба, казалось, польстила ему. Его проводилъ до моей кареты сынъ его, непремѣнный секретарь академическихъ засѣданій, котораго я также пригласила съ собою. Къ намъ еще присоединился внукъ его, на которомъ лежала обязанность вести знаменитаго слѣпца.

Вошедши въ залу засѣданій, я тотчасъ обратилась къ собравшимся тамъ профессорамъ и членамъ и изъявила сожалѣніе о скудости собственныхъ моихъ ученыхъ заслугъ, но сослалась на глубокое уваженіе, какое почитаю къ наукѣ, замѣтивъ, что самымъ вѣрнымъ залогомъ этого можетъ служить присутствіе г. Эйлера посреди тѣхъ, которыхъ я просила сопровождать меня при посѣщеніи Академіи.

Послѣ этого краткаго привѣтствія, я заняла свое мѣсто и увидѣла, что г. Штелинъ, профессоръ аллегоріи, какъ его звали, сѣлъ на кресло рядомъ съ директорскимъ. Этотъ человѣкъ, котораго ученость, можетъ быть, согласовалась съ наименованіемъ, его отличавшимъ, получилъ свой необыкновенный титулъ въ царствованіе Петра III и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Гордясь чиномъ, соотвѣтствующимъ генералъ-маіорскому, онъ полагалъ, что имѣетъ право на первенство между членами Академіи. Поэтому, я обратясь къ г. Эйлеру сказала: „сядьте, гдѣ вамъ угодно: какое мѣсто вы ни займете, ваше мѣсто вездѣ будетъ первымъ". Эта неприготовленная дань къ его дарованіямъ произвела самое благопріятное дѣйствіе—и не на однихъ его родственниковъ. Между присутствовавшими профессорами не было ни одного (за исключеніемъ профессора аллегоріи), который бы не раздѣлялъ ихъ удовольствія и со слезами на глазахъ не отдавалъ справедливости заслугамъ и превосходству благороднаго старца".

Въ первыхъ числахъ (по стар. стилю) сентября 1783 г. Эйлеръ почувствовалъ припадки головокруженія. Хотя они и не помѣшали ему окончить сложное математическое вычисленіе изъ области теоріи воздухоплаванія, однако явились предвозвѣстникомъ его кончины. 7/18 сентября еще за обѣдомъ онъ бесѣдовалъ съ академикомъ Лексель о вновь открытой планетѣ Уранъ и затѣмъ игралъ съ однимъ изъ внуковъ; за вечернимъ же чаемъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ, успѣлъ лишь сказать окружавшимъ его: „я умираю" и черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно скончался. Такъ, на 77-мъ году жизни пересталъ, по прекрасному выраженію Кондорсе [1]), „вычислять и жить" величайшій изъ математиковъ

[1]) „Éloge d'Euler, prononcé par de Condorcet"; приложенъ къ нѣкоторымъ изъ трудовъ Эйлера, напр. къ его „Lettres à une princesse d'Allemagne", tome I (въ изд. 1812 г., стр. LVIII).

XVIII вѣка, въ теченіе 56 лѣтъ составлявшій гордость и украшеніе Петербургской Академіи наукъ, проведшій 31 годъ въ стѣнахъ этой Академіи, свидѣтель первыхъ ея шаговъ и главный борецъ за пріобрѣтеніе ей міровой извѣстности.

Слава Эйлера, какъ величайшаго математика, признается всѣми. Но въ исторіи нашей Академіи онъ имѣетъ еще то особенное значеніе, что, умирая, оставилъ членами Академіи восемь своихъ учениковъ, служившихъ ей украшеніемъ. Это были: сынъ его — Іоханнъ Альбрехтъ Эйлеръ, Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Лексель, Иноходцевъ, Головинъ и Николай Фуссъ.

Академикъ Пекарскій такъ рисуетъ образъ Эйлера въ своей „Исторіи Академіи наукъ“ (томъ I, стр. 299):

„У Эйлера было великое искусство не выставлять на показъ своей учености, скрывать свое превосходство и быть на уровнѣ всѣхъ и каждаго. Всегда ровное расположеніе духа, веселость кроткая и естественная, нѣкоторая насмѣшливость съ примѣсью добродушія, разговоръ наивный и шутливый—все это дѣлало бесѣду съ нимъ столько же пріятною, сколько и привлекательною. Чрезвычайная живость иногда была причиною, что онъ легко раздражался, но гнѣвъ проходилъ у него такъ же быстро, какъ появлялся, и онъ ни на кого не досадовалъ долго“.

Прибавимъ къ этому слѣдующую характеристику Эйлера, высказанную Формеемъ [1]): „Нашъ знаменитый Леонардъ Эйлеръ былъ всегда исполненъ живости, у него постоянно сыпались остроты—онъ любилъ шутить. Однако, я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ цѣнилъ какое-нибудь произведеніе ума и вкуса, или чтобы ему нравилось какое-нибудь театральное представленіе, исключая маріонетокъ, самыхъ безсмысленныхъ. Онъ охотно спѣшилъ смотрѣть на нихъ: онѣ цѣлые часы привлекали его вниманіе и заставляли его помирать со смѣха“.

Заимствуемъ еще изъ записокъ С. А. Порошина (Петербургъ, 1844, стр. 449), служащихъ документомъ по исторіи великаго князя Павла Петровича, разсказъ о томъ, какъ 5 октября 1765 г. Порошинъ во дворцѣ говорилъ академику Эпинусу: „какъ у насъ иногда о наукахъ смѣшно разсуждаютъ: ежели человѣкъ умѣетъ фигуру какую математическую или планъ начертить и раскрасить, то кричатъ—c'est un grand mathématicien! Г. Эпинусъ смѣялся тому и говорилъ, что Эйлеръ никогда чистой фигурки не черчивалъ, однако въ математикѣ всѣхъ чертильщиковъ нѣсколько лучше знаетъ“...

---

[1]) „Mém de l'Acad. de Berlin“ 1783—4, стр. 387 (цитир. по „Исторіи А. Н.“ Пекарскаго, I, стр. 299—300).

Относительно семейнаго положенія Эйлера надо замѣтить, что онъ былъ женатъ два раза: первый разъ женился онъ въ 1733 г. въ Петербургѣ на дочери академическаго живописца Екатеринѣ Гзель, скончавшейся въ 1773 г.; второй разъ—въ 1776 г., имѣя отъ роду 69 лѣтъ,—на Саломеѣ Абигель Гзель, дочери того же живописца отъ второго брака [1]). Отъ первой жены Эйлеръ имѣлъ 13 дѣтей, изъ которыхъ 8 умерли въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ остальныхъ старшій сынъ—Іоханнъ-Альбрехтъ—былъ академикомъ, второй—Карлъ—придворнымъ медикомъ, третій—Христофоръ—директоромъ оружейнаго завода въ Систербекѣ (Сестрорѣцкѣ); изъ дочерей—одна была замужемъ за маіоромъ Белемъ, другая за барономъ Деленомъ. Христофоръ Эйлеръ извѣстенъ въ наукѣ своими астрономическими наблюденіями въ Орской крѣпости (надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца) и въ Яицкомъ городкѣ.

Леонардъ Эйлеръ погребенъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Надъ его временно-забытой, но черезъ полвѣка найденной могилой Академіей наукъ воздвигнутъ памятникъ сѣраго финляндскаго гранита съ надписью: „Leonhardo Eulero Academia Petropolitana".

Не здѣсь, конечно, на страницахъ бѣглаго очерка подводить итоги творческой мощи великаго борца мысли. Но очеркъ этотъ будетъ неполнъ, если мы не коснемся хоть вскользь главнѣйшихъ его ученыхъ заслугъ.

Въ исторіи точныхъ наукъ Эйлеръ представляетъ одинъ изъ весьма немногихъ примѣровъ необычайной плодовитости: общее число его произведеній превышаетъ 750. Одно перечисленіе ихъ названій занимаетъ въ изданномъ П. Н. Фуссомъ указателѣ [2]) 65 страницъ. По мѣсту опубликованія печатно-изданныхъ трудовъ общая сумма ихъ распадается на слѣдующія числа (по указателю Фусса, стр. XLVI—XLVII):

1) Отдѣльныхъ крупныхъ работъ:
   32—(изъ нихъ 16 изданы въ Петербургѣ).
2) Мемуаровъ по разнымъ вопросамъ:
   500—въ „Коммент. Петербургской Академіи наукъ".
   127— „ „Запискахъ Берлинской Академіи наукъ".
   29— „ Извѣстіяхъ Академій въ Парижѣ, Лондонѣ, Туринѣ, Лейпцигѣ и т. д.

---

[1]) Біограф. и родословн. подробности объ обѣихъ женахъ Эйлера см. въ брошюрѣ „Leonhard Euler" von S. Schultz-Euler, Frankfurt a M., 1907, стр. 9—14.

[2]) „Notice sur la vie et les écrits de L. Euler" при „Corresp. math. et phys. de quelques cél. géom. du XVIII sciècle" 1843, Спб.

43— въ „Opuscula analytica“ и въ „Institutiones Calculi integralis“, изданныхъ въ Петербургѣ.

13— „ „Opuscula varii argumenti“.

Наиболѣе капитальными трудами Эйлера являются слѣдующіе:

Введеніе въ ариѳметику (1738, нѣм., Спб.).

Введеніе въ алгебру (1770, нѣм., Спб.).

Введеніе въ высшей математ. анализъ (1748, лат., Lausanne).

Дифференціальное исчисленіе (1755, лат., Berlin).

Интегральное исчисленіе (1768—70, лат., Спб.).

Рѣшеніе задачи объ изопериметрахъ (1744, лат., Lausanne).

Механика, въ аналитическомъ изложеніи (1736, лат., Спб.).

Теорія движенія твердыхъ тѣлъ (1765, лат., Rostock).

Механика жидкихъ тѣлъ (наиболѣе важный мемуаръ—1769, лат., Спб.).

Сопротивленіе колоннъ (1757, франц., Berlin).

Теорія движенія свѣтилъ (1744, лат., Berlin).

Теорія движенія луны (1753, лат., Berlin; 1772, лат., Спб.).

Теорія приливовъ и отливовъ (1740, лат., Paris).

Устройство объективовъ изъ двухъ стеколъ (ахроматическихъ, 1762, лат., Спб.).

Діоптрика (1769—71, лат., Спб.).

Теорія музыки (1739, лат., Спб.).

Диссертаціи о магнитѣ (1743—44, лат., Paris).

Морское дѣло (1749, лат., Спб.).

Письма о различныхъ предметахъ физики и философіи къ нѣмецкой принцессѣ Ангальтъ-Дессау, племянницѣ прусскаго короля (1768—72, франц., Спб.; сущ. русскій переводъ).

Въ этомъ спискѣ названій, опредѣленно указывающихъ области главнѣйшихъ изслѣдованій Эйлера, невольное вниманіе привлекаетъ къ себѣ форма послѣдняго изъ перечисленныхъ сочиненій. Въ виду этого воспроизведемъ здѣсь общую характеристику „Эйлеровыхъ писемъ къ нѣмецкой принцессѣ“, приводимую М. И. Сухомлиновымъ въ его „Исторіи Россійской Академіи“ (Вып. 2, 1875, стр. 123, 129):

„Въ письмахъ Эйлера находится превосходная картина умственной жизни того времени; содержаніе ихъ весьма разнообразно: въ нихъ сообщается много въ высшей степени важныхъ и любопытныхъ данныхъ и соображеній, относящихся къ области наукъ естественныхъ, математическихъ и философскихъ. Съ необычайною простотою и наглядностью Эйлеръ объясняетъ понятія пространства,

скорости, свойства звука, свѣта и т. п., приводя множество общедоступныхъ примѣровъ и доказательствъ. Система міра, законы движенія свѣтилъ, явленія электричества и цѣлая вереница научныхъ вопросовъ затронуты въ длинномъ рядѣ бѣглыхъ, но мастерскихъ очерковъ. Въ области философіи Эйлеръ говоритъ о предметахъ, имѣвшихъ особенное значеніе и живой интересъ для мыслящихъ людей того времени: о духовномъ и физическомъ началѣ въ человѣкѣ, о свободной волѣ, о существенныхъ особенностяхъ господствовавшей тогда философіи Лейбница и Вольфа и т. д. Обнимая своею геніальною мыслью всю совокупность силъ и законовъ природы, насколько это возможно для человѣческаго ума, Эйлеръ не сочувствуетъ одностороннимъ ученымъ, отрицающимъ все, что не вкладывается въ узкія рамки ихъ спеціальности, и смѣется надъ мечтателями, самонадѣянно толкующими о вещахъ, далеко превышающихъ ихъ скудное разумѣніе. Есть люди,—говоритъ онъ,—которые кричатъ, что глазъ человѣческій устроенъ изъ рукъ вонъ плохо, и вообще недовольны тѣмъ, что при мірозданіи не обращались къ нимъ за совѣтомъ: тогда бы многое было создано не въ примѣръ лучше. Но оказывается, что если устроить глазъ такъ, какъ желаютъ эти умники, то вмѣсто ясныхъ изображеній получались бы на сѣтчатой оболочкѣ какія-то пятна, и человѣкъ не могъ бы ничего разглядѣть... Невѣрность сужденій и выводовъ,—замѣчаетъ Эйлеръ,—часто происходитъ отъ того, что требуютъ одного только рода доказательствъ, и остаются глухи и слѣпы ко всѣмъ другимъ. Этотъ недостатокъ обыкновенно встрѣчается у одностороннихъ химиковъ, анатомовъ и физиковъ, которые всѣ ушли въ свои опыты. Все то, чего они не могутъ разложить въ ретортахъ или разрѣзать ножемъ, не производитъ на ихъ умъ никакого впечатлѣнія. Сколько бы имъ ни говорили о свойствахъ и существѣ души, они соглашаются только съ тѣмъ, что поражаетъ ихъ внѣшнія чувства...

Письма Эйлера высоко цѣнились какъ его современниками, такъ и позднѣйшими поколѣніями людей образованныхъ и любознательныхъ. Книга Эйлера, имѣвшая обширный кругъ читателей въ различныхъ странахъ Европы, выдержала нѣсколько изданій, и въ числѣ издателей были лица, занимающія въ наукѣ видное мѣсто. Многіе переводы выходили съ различными измѣненіями и дополненіями, составленными на основаніи новѣйшихъ открытій".

Почти во всѣхъ своихъ работахъ Эйлеръ является не только оригинальнымъ по мысли и по изложенію, но прямо-таки творцомъ, родоначальникомъ новыхъ взглядовъ и новыхъ методовъ. Имя его связано съ основными положеніями многихъ отдѣловъ точной науки; такъ извѣстны, напримѣръ: „Эйлеровы уравненія вращенія твердаго

тѣла“, „Эйлеровы уравненія движенія жидкости“, „Эйлерова формула сопротивленія стоекъ продольному сжатію“, „Теорема Эйлера объ однородныхъ функціяхъ“, „Эйлеровы интегралы 1-го и 2-го рода“ и т. д., и т. д. Многіе изъ монографій и мемуаровъ Эйлера удостоивались награжденія преміями различныхъ Академій; отъ одной Парижской Академіи Эйлеръ получилъ въ разное время премій на общую сумму въ 80.000 лиръ.

Ограничимся здѣсь этими краткими свѣдѣніями о научныхъ заслугахъ Эйлера, рекомендуя желающимъ отдать себѣ болѣе подробный отчетъ въ этомъ направленіи слѣдующіе литературные источники:

Cantor—„Vorles. über Geschichte der Mathematik (Leipzig, I. II—1900, III—1898).

„Festschrift zur Feier des 200 Geburtstages Leonhard Eulers“, herausgegeb. v. d. Berlin, Mathem. Gesellschaft (Leipzig u. Berlin, 1907) [1]).

Розенбергъ—„Исторія физики“, томы II и III (русск. пер., 1886—94).

„Die Basler Mathematiker Daniel Bernoulli und Leonhard Euler“ (Basel, Naturforschende Gesellschaft, 1884, стр. 51—95).

„Physikalische Zeitschrift“, 15 Apr. 1907, № 8 (статья Edmund Hoppe).

Статья объ Эйлерѣ проф. Д. К. Бобылева въ „Энцикл. Словарѣ“, изд. Брокхауза и Эфрона (полутомъ 79, 1904, стр. 199—202).

Изъ послѣдней статьи повторимъ кстати одну цѣнную фразу: „Самымъ лучшимъ памятникомъ славы и научной дѣятельности Эйлера было бы полное изданіе всѣхъ его статей и сочиненій, но для этого потребуются значительныя средства, такъ какъ число печатныхъ листовъ будетъ около 2.000“ (т. е. около 30.000 страницъ).

Вотъ, нѣсколько бѣлыхъ штриховъ съ цѣлью воскресить въ памяти потомства могучій обликъ великаго математика-философа, работавшаго въ стѣнахъ нашей Академіи для снисканія намъ—русскимъ, по завѣту Петра, уваженія со стороны заграничнаго общества!

Наука, конечно, не забудетъ имени великаго изслѣдователя, геніальнаго провозвѣстника аналитическихъ методовъ въ области

---

[1]) Здѣсь нельзя не отмѣтить того факта, что указываемый сборникъ статей объ Эйлерѣ выпущенъ спеціально по случаю юбилея Эйлера Берлинскимъ Математическимъ Обществомъ, почтившимъ память великаго математика торжественнымъ засѣданіемъ 15-го апрѣля нов. стиля.

физико-механическаго изученія міровыхъ явленій, блестяще завершившаго творческую работу Декарта, Галилея, Ньютона и Лейбница! Но неужели же русское общество и въ частности—Петербургская Академія наукъ недостаточно воскресили въ своей памяти другую сторону дѣятельности великаго математика—его заслуги въ исторіи русской науки? Чѣмъ можно себѣ объяснить то слишкомъ скромное молчаніе, которымъ представители русской науки и русской мысли почтили день двухсотлѣтняго юбилея Эйлера?

Международное чествованіе памяти Эйлера состоялось 16/29 апрѣля этого года въ Базелѣ, мѣстѣ рожденія великаго математика—въ церкви Св. Мартина. Порядокъ чествованія былъ таковъ [1]:

Прежде всего академическій оркестръ исполнилъ увертюру изъ „Ифигеніи“.

Затѣмъ, представитель Базельскаго университета профессоръ фонъ-деръ-Мюль прочелъ общій очеркъ жизни и дѣятельности Эйлера, заключивъ его такою характеристикою научныхъ заслугъ великаго ученаго: Эйлеръ былъ прежде всего математикомъ, придавшимъ высшему математическому методу тѣ формы, какія онъ имѣетъ и по настоящее время. Но силѣ своего анализа онъ былъ всегда готовъ подвергнуть всякую представлявшуюся ему проблему, относись она къ теоріи стрѣльбы или къ кораблестроенію, къ законамъ музыки или къ области шахматной игры. Астрономія, оптика, а особенно—механика во многомъ обязаны ему своими колоссальными успѣхами. Играя, преодолѣвалъ онъ величайшія трудности и, наоборотъ, въ играхъ изыскивалъ труднѣйшія задачи. Научной школы онъ не создалъ, но всѣ позднѣйшіе ученые были и будутъ его непосредственными учениками“.

За рѣчью профессора фонъ-деръ-Мюль слѣдовало слово представителя Петербургской Академіи наукъ, директора Пулковской обсерваторіи, академика Баклунда, произнесенное по-латыни.

Вслѣдъ затѣмъ представитель Берлинской Академіи, профессоръ университета Фробеніусъ, обрисовалъ въ оригинальныхъ и яркихъ чертахъ духовный обликъ великаго математика-мыслителя. Заимствуемъ нѣсколько мыслей изъ его рѣчи: Когда студентъ беретъ въ руки какое-либо начальное руководство по чистой или прикладной математикѣ, онъ можетъ быть увѣренъ, что содержаніе этого руководства въ существеннѣйшихъ частяхъ является достояніемъ Эйлера. То, что было добыто до него, онъ привелъ въ нынѣшнюю, удобопонятную форму. Додѣланное послѣ него легко отличить отъ принадлежащаго ему: что одновременно наглядно-образно и научно-

[1] См. „Basler Nachrichten“, 1 mai 1907, 2-te Beilage zu № 117.

строго, то именно и исходитъ отъ Эйлера. Удачные примѣры по высшему математическому анализу исчерпалъ онъ настолько-полно, что даже величайшимъ изъ болѣе позднихъ ученыхъ, каковыми были Гауссъ и Якоби, мало-что удалось прибавить вновь. Кто утверждаетъ, что Эйлеръ былъ лишь талантъ, а не геній, тотъ, стало быть, плохо знакомъ съ его дарованіями“.

Послѣ рѣчей академическихъ делегатовъ Rector magnificus Базельскаго университета, проф. Джонъ Мейеръ, благодарилъ въ ихъ лицѣ обѣ Академіи за командированіе представителей на Базельскій праздникъ.

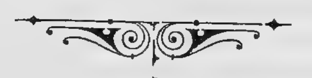
Далѣе, проф. Цюрихскаго политехникума Рудіо высказалъ съ своей стороны признательность отъ имени Швейцарскихъ высшихъ школъ за приглашеніе на торжественное празднество. Вспоминая, сколько великихъ математическихъ умовъ далъ міру городъ Базель, онъ прибавилъ: „Математикъ, вступающій въ Базель, долженъ воскликнуть—скинь обувь съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, гдѣ ты стоишь, священно!“.

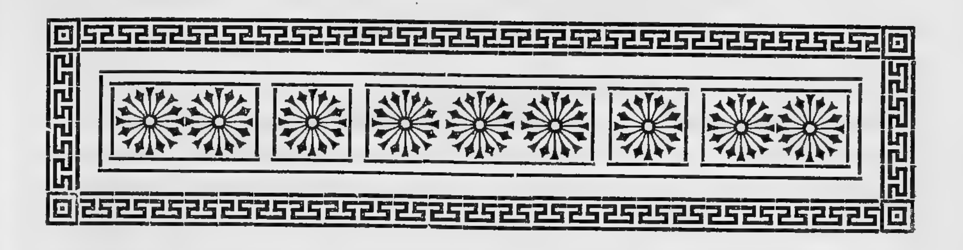
Наконецъ, послѣ прочтенія привѣтственной телеграммы изъ Петербурга отъ физическаго отдѣленія Русскаго Физико-Химическаго общества, чествованіе закончилось военнымъ маршемъ изъ „Аталіи“.

Вотъ все то, что происходило въ Базелѣ въ день празднованія юбилея Эйлера. Много это или мало—пусть о томъ судитъ каждый самъ, возстановивъ въ своей памяти незабвенный обликъ чествовавшагося гиганта мысли. Но невольно напрашивается здѣсь одинъ горькій упрекъ: почему объ этомъ праздникѣ науки не было поставлено сколько-нибудь въ извѣстность русское общество, ни предварительными о немъ объявленіями, ни позднѣйшими сообщеніями о всемъ происходившемъ? Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, мы еще не доросли до пониманія истинной цѣны научныхъ подвиговъ?

Миръ праху твоему, великій сподвижникъ мысли! Вѣрится, что настанетъ же, наконецъ, пора, когда и Россія ясно сознаетъ, чѣмъ ты былъ для нея!..

Проф. Ал. Саткевичъ.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля [1]).

III.

Изъ прокурорской службы.

(Продолженіе).

Начальникъ петербургской сыскной полиціи Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ былъ одною изъ тѣхъ даровитыхъ личностей, которыхъ умѣлъ искусно выбирать и не менѣе искусно держать въ рукахъ старый петербургскій градоначальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ. Прошлая дѣятельность Путилина, до поступленія его въ составъ сыскной полиціи, была, чего онъ самъ не скрывалъ, зачастую весьма рискованною въ смыслѣ законности и строгой морали;—послѣ ухода Трепова изъ градоначальниковъ отсутствіе надлежащаго надзора со стороны Путилина за дѣйствіями нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ вызвало большія на него нареканія. Но въ то время, о которомъ я говорю (1871—1875 г.г.), Путилинъ не роспускалъ ни себя, ни своихъ сотрудниковъ—и работалъ надъ своимъ любимымъ дѣломъ съ несомнѣннымъ желаніемъ оказывать дѣйствительную помощь труднымъ задачамъ слѣдственной части. Этому конечно способствовало въ значительной степени и вліяніе такихъ людей, какъ напримѣръ Сергѣй Филипповичъ Христіановичъ, занимавшій должность правителя канцеляріи градоначальника. Отлично образованный, неподкупно честный, прекрасный юристъ и большой знатокъ народнаго быта и литературы, близкій другъ И. Ѳ. Горбунова, Христіановичъ былъ по личному опыту знакомъ съ условіями и предѣлами производства слѣдствій.

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль и октябрь 1907 г.

Его указанія не могли пройти безслѣдно для Путилина. Въ качествѣ опытнаго пристава слѣдственныхъ дѣлъ Христіановичъ призывался для совѣщанія въ комиссію по составленію Судебныхъ Уставовъ. Этимъ Уставамъ служилъ онъ какъ правитель канцеляріи градоначальника, дѣйствуя, при перекрещеніи двухъ путей—административнаго усмотрѣнія и судебной независимости—какъ добросовѣстный, чуткій и опытный стрѣлочникъ, устраняя искусною рукою, съ тактомъ и достоинствомъ, неизбѣжныя разногласія, могшія перейти въ рѣзкія столкновенія, вредныя для роста и развитія нашего молодого, *новаго* суда. На службѣ этимъ же Уставамъ, въ качествѣ члена петербургской судебной палаты, окончилъ онъ свою нешумную и неблестящую, но истинно полезную жизнь. Близкое знакомство съ такимъ человѣкомъ и косвенная отъ него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина въ строгихъ рамкахъ служебнаго долга и нравственнаго приличія.

По природѣ своей Путилинъ былъ чрезвычайно даровитъ и какъ бы созданъ для своей должности. Необыкновенно тонкое вниманіе и чрезвычайная наблюдательность, въ которой было какое-то особое чутье,—заставлявшее его вглядываться въ то, мимо чего всѣ проходили безучастно,—соединялись въ немъ со спокойною сдержанностью, большимъ юморомъ и своеобразнымъ лукавымъ добродушіемъ. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, проницательные каріе глаза, мягкія манеры и малороссійскій выговоръ были его характерными наружными признаками. Онъ умѣлъ отлично разсказывать и еще лучше вызывать другихъ на разговоръ,—и писалъ недурно и складно, хотя мѣсто и степень его образованія были, по выраженію И. Ѳ. Горбунова, „покрыты мракомъ неизвѣстности".

Въ Петербургѣ, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, не было ни одного большого и сложнаго уголовнаго дѣла, въ розыскѣ по которому Путилинъ не вложилъ бы своего труда. Мнѣ пришлось наглядно познакомиться съ его удивительными способностями для изслѣдованія преступленій въ январѣ 1873 года, когда въ Александро-Невской лаврѣ было обнаружено убійство іеромонаха Илларіона. Илларіонъ жилъ въ двухъ комнатахъ отведенной ему келіи монастыря, велъ замкнутое существованіе и лишь изрѣдка принималъ у себя пѣвчихъ и поилъ ихъ чаемъ. Когда дверь его келіи, откуда онъ не выходилъ два дня, была открыта, то вошедшимъ представилось ужасное зрѣлище. Илларіонъ лежалъ мертвый въ огромной лужѣ запекшейся крови, натекшей изъ массы ранъ, нанесенныхъ ему ножомъ. Его руки и лицо носили слѣды борьбы и порѣзовъ, а длинная сѣдая борода, за которую его, очевидно, хваталъ

убійца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ея валялись на полу въ обѣихъ комнатахъ. На столѣ стоялъ самоваръ и стаканъ съ остатками недопитаго чая. Изъ коммода была похищена сумка съ золотой монетой (отецъ Илларіонъ много плавалъ за границей на судахъ въ качествѣ іеромонаха). Убійца искалъ денегъ и между бѣльемъ и тщательно его пересмотрѣлъ, но дойдя до газетной бумаги, которою обыкновенно покрывается дно ящиковъ въ комодѣ, ее не приподнялъ, а подъ нею-то лежали процентныя бумаги на большую сумму. На столѣ у входа стоялъ мѣдный подсвѣчникъ въ видѣ довольно глубокой чашки съ невысокимъ помѣщеніемъ для свѣчки посрединѣ, при чемъ отъ сгорѣвшей свѣчки остались одни слѣды, а сама чашка была почти на уровень съ краями наполнена кровью, ровно застывшею безъ всякихъ брызгъ.

Судебныя власти прибыли на мѣсто какъ разъ въ то время, когда въ соборѣ совершалась торжественная панихида по Сперанскомъ въ день 100-лѣтія со дня его рожденія. На ней присутствовали—Государь и весь оффиціальный Петербургъ. Покуда въ соборѣ пѣли чудныя слова злоупокойныхъ молитвъ,—въ двухъ шагахъ отъ него, въ освѣщенной зимнимъ солнцемъ келіи, происходило вскрытіе трупа несчастнаго старика. Состояніе пищи въ желудкѣ дало возможность опредѣлить, что покойный былъ убитъ два дня назадъ вечеромъ. По весьма вѣроятнымъ предположеніямъ, убійство было совершено кѣмъ-нибудь изъ послушниковъ, котораго старикъ пригласилъ пить чай. Но кто могъ быть этотъ послушникъ — выяснить было невозможно, такъ какъ оказалось, что въ монастырѣ временно проживали, безъ всякой прописки, послушники другихъ монастырей, при чемъ они уходили совсѣмъ изъ лавры, въ которой проживалъ самъ митрополитъ, не только никому не сказавшись, но даже по большей части проводили ночи въ городѣ, перелѣзая въ одномъ спеціально приспособленномъ мѣстѣ чрезъ ограду святой обители.

Во время составленія протокола осмотра трупа пріѣхалъ Путилинъ. Слѣдователь сообщилъ ему о затрудненіи найти обвиняемаго. Онъ сталъ тихонько ходить по комнатамъ, посматривая туда и сюда, а затѣмъ, задумавшись, сталъ у окна, слегка барабаня по стеклу. „Я пошлю, сказалъ онъ мнѣ затѣмъ вполголоса,—агентовъ (онъ выговаривалъ *ахентовъ*) по пригороднымъ желѣзнымъ дорогамъ. Убійца, вѣроятно, кутитъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ, около станціи".—Но какъ же они узнаютъ убійцу,—спросилъ я.—Онъ раненъ въ кисть правой руки, убѣжденно сказалъ Путилинъ.—Это почему?—Видите этотъ подсвѣчникъ? На немъ очень много крови, и она натекла не

брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитаго, да и натекла она послѣ убійства. Вѣдь нельзя предположить, чтобы напавшій рѣзалъ старика со свѣчкою въ рукахъ: его руки были заняты—въ одной былъ ножъ, а другою, какъ видно, онъ хваталъ старика за бороду.—Ну, хорошо. Но почему же онъ раненъ въ *правую* руку?—А вотъ почему. Пожалуйте сюда къ коммоду. Видите: убійца тщательно перерылъ все бѣлье, отыскивая между нимъ спрятанныхъ денегъ. Вотъ, напримѣръ, дюжина полотенецъ. Онъ внимательно переворачивалъ каждое, какъ перелистываютъ страницы книги, и видите—на каждомъ свернутомъ полотенцѣ снизу—пятно крови. Это правая рука, а не лѣвая: при перевертываніи лѣвою рукою пятна были бы сверху...

Поздно вечеромъ, въ тотъ же день, мнѣ дали знать, что убійца арестованъ въ трактирѣ на станціи Любань. Онъ оказался раненымъ въ ладонь *правой* руки и расплачивался золотомъ. Доставленный къ слѣдователю онъ сознался въ убійствѣ и былъ затѣмъ осужденъ присяжными засѣдателями, но до отправленія въ Сибирь сошелъ съ ума. Ему, несчастному, въ неистовомъ бреду, все казалось, что къ нему лѣзетъ о. Илларіонъ, угрожая и проклиная...

Путилинъ былъ очень возбужденъ и гордъ успѣхомъ своей находчивости. У судебнаго слѣдователя, въ моемъ присутствіи, пустился онъ съ увлеченіемъ въ разсказы о своемъ прошломъ. Вотъ что, приблизительно, какъ записано въ моемъ дневникѣ, онъ намъ разсказалъ тогда. „Настоящее дѣло заурядное, да теперь хорошихъ дѣлъ и не бываетъ; такъ все—дрянцо какое-то. И преступники настоящіе перевелись—ничего нѣтъ лестнаго ихъ ловить. Убьетъ и сейчасъ же сознается. Да и воровъ настоящихъ нѣтъ. Прежде, бывало, за воромъ слѣдишь, да за жизнь свою опасаешься: онъ хоть только и воръ, а потачки не дастъ! Прежде воръ былъ видный во всѣхъ статьяхъ, а теперь что?—жалкій, плюгавый! *Вашъ* судъ его осудитъ и онъ отсидитъ свое,—ну затѣмъ вышлютъ его на родину, а онъ опять возвращается. Они вѣдь себя сами „Спиридонами-поворотами“ называютъ. Мои агенты на желѣзной дорогѣ его узнаютъ, задержатъ, да и приведутъ ко мнѣ; голодный, холодный, весь трясется,—посмотрѣть не на что. Говоришь ему:—ты вѣдь, братецъ, воръ.—Что-жъ, Иванъ Дмитріевичъ, грѣха нечего таить—воръ.—Такъ тебя слѣдуетъ выслать.—Помилуйте, Иванъ Дмитріевичъ!—Ну, какой ты воръ?! Воръ долженъ быть изъ себя видный, рослый, одѣтъ по-почтенному, а ты? Ну, посмотри на себя въ зеркало—ну, какой ты воръ? такъ мразь одна.—Что-жъ, Иванъ Дмитріевичъ, Богъ счастья не даетъ. Ужъ не высылайте, сдѣлайте божескую милость, позвольте покормиться.—Ну, хорошо, недѣлю погуляй,

покормись, а черезъ недѣлю, коли не попадешься до тѣхъ поръ, вышлю: тебѣ здѣсь дѣйствовать никакъ не возможно...—То ли дѣло было прежде: въ сороковыхъ, да пятидесятыхъ годахъ. Тогда надъ Апраксинымъ рынкомъ былъ частный приставъ Шерстобитовъ—человѣкъ извѣстный, ума необыкновеннаго. Сидитъ бывало въ штофномъ халатѣ, на гитарѣ играетъ романсы, а канарейка въ клѣткѣ такъ и заливается. Я же былъ у него помощникомъ, и какихъ мы съ нимъ дѣлъ не дѣлали, даже вспомнить весело!—Разъ зоветъ онъ меня къ себѣ, да и говоритъ:—Иванъ Дмитріевичъ, намъ съ тобою должно быть Сибири не миновать!—Зачѣмъ, говорю, Сибирь?—А затѣмъ, говоритъ, что у французскаго посла, герцога Монтебелло, сервизъ серебряный пропалъ и Государь Николай Павловичъ приказалъ оберъ-полиціймейстеру Галахову, чтобы былъ сервизъ найденъ. А Галаховъ мнѣ да тебѣ велѣлъ найти во что бы то ни стало, а то, говоритъ, я васъ обоихъ упеку куда Макаръ телятъ не гонялъ.—Что-жъ, говорю, Макаромъ загодя стращать, попробуемъ, можетъ и найдемъ.—Перебрали мы всѣхъ воровъ—нѣтъ, никто не кралъ! Они и промежъ себя цѣлый сыскъ произвели получше нашего. Говорятъ:—Иванъ Дмитріевичъ, вѣдь мы знаемъ, какое это дѣло, но вотъ образъ со стѣны готовы снять—не крали этого сервиза!—Что ты будешь дѣлать? Побились мы съ Шерстобитовымъ, побились,—собрали денегъ, сложились, да и заказали у Сазикова новый сервизъ по тѣмъ образцамъ и рисункамъ, что у французовъ остались. Когда сервизъ былъ готовъ, его сейчасъ въ пожарную команду, сервизъ-то...—что бы его тамъ губами ободрали: пусть имѣетъ видъ, какъ-бы былъ въ употребленіи. Представили мы сервизъ французамъ и ждемъ себѣ награды. Только вдругъ зоветъ меня Шерстобитовъ: ну,—говоритъ—Иванъ Дмитріевичъ, теперь ужъ въ Сибирь всенепремѣнно.—Какъ, говорю, за что?—А за то, что звалъ меня сегодня Галаховъ и ногами топалъ и скверными словами ругался: „вы,—говоритъ—съ Путилинымъ плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите. Вчера на балѣ во дворцѣ Государь спрашиваетъ Монтебелло: „довольны ли вы моей полиціей?“—Очень, отвѣчаетъ—Ваше Величество, доволенъ: полиція эта безпримѣрная. Утромъ она доставила мнѣ найденный ею украденный у меня сервизъ, а наканунѣ поздно вечеромъ камердинеръ мой сознался, что этотъ же самый сервизъ заложилъ одному иностранцу, который этимъ негласно промышляетъ, и расписку его мнѣ представилъ, такъ-что у меня теперь будетъ *два* сервиза“. Вотъ тебѣ, Иванъ Дмитріевичъ, и Сибирь!—Ну, говорю, зачѣмъ Сибирь, а только дѣло скверное.—Поигралъ онъ на гитарѣ, послушали мы оба канарейку, да и рѣшили дѣйствовать. Послали узнать, что дѣлаетъ посолъ. Оказывается, уѣзжаетъ съ Наслѣдникомъ-Цеса-

ревичемъ на охоту. Сейчасъ къ купцу знакомому въ Апраксинъ, который ливреи шилъ на посольство и всю ихнюю челядь зналъ. „Ты, милъ-человѣкъ, когда именинникъ? — Черезъ полгода. — А можешь ты имянины справить черезъ два дня и всю прислугу изъ французскаго посольства пригласить, а угощеніе будетъ отъ насъ?“ Ну, извѣстно, — *свои люди*, — согласился. И такой-то мы у него балъ задали, что небу жарко стало. Подъ утро всѣхъ развозить пришлось по домамъ: французы-то совсѣмъ очумѣли, къ себѣ домой-то попасть никакъ не могутъ, только мычатъ. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что въ винѣ былъ дурманъ или другое какое снадобье. Нѣтъ, вино было настоящее, а только французы слабый народъ: крѣпкое-то на нихъ и дѣйствуетъ. Ну-съ, а часа въ три ночи пришелъ Яша-воръ. Вотъ человѣкъ-то былъ! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а ужъ на счетъ ловкости, такъ я другого такого не видывалъ. Въ острогѣ сидѣлъ безсмѣнно, а отъ насъ довѣріемъ пользовался въ полной мѣрѣ. Не теперешнимъ ворамъ чета былъ. Царство ему небесное! Пришелъ и мѣшокъ принесъ: вотъ, говоритъ, извольте сосчитать, кажись все. Стали мы съ Шерстобитовымъ считать: двѣ ложки съ вензелями лишнихъ.—Это, говоримъ, зачѣмъ же, Яша? Зачѣмъ ты лишнее бралъ?—Не утерпѣлъ, говоритъ... На другой день поѣхалъ Шерстобитовъ къ Галахову и говоритъ: „помилуйте, Ваше Высокопревосходительство, никакихъ двухъ сервизовъ и не бывало. Какъ былъ одинъ, такъ и есть, а французы народъ вѣдь легкомысленный, имъ вѣрить никакъ не возможно“. А на слѣдующій затѣмъ день вернулся и посолъ съ охоты. Видитъ—сервизъ одинъ, а прислуга вся съ перепою зеленая, да вмѣсто дверей въ косякъ головой тычется. Онъ махнулъ рукой, да объ этомъ дѣлѣ и замолкъ.

„Иванъ Дмитріевичъ—сказалъ я, выслушавъ этотъ разсказъ,— а не находите вы, что о такихъ похожденіяхъ можетъ быть было бы удобнѣе умалчивать? Иной вѣдь можетъ подумать, что вы и до сихъ поръ дѣйствуете по-Шерстобитовски...—Э-э-эхъ!—не тѣ теперь времена и не такое мое положеніе. Знаю я, что похожденія мои съ Шерстобитовымъ несовсѣмъ-то удобны, да вѣдь давность прошла и не одна, а, пожалуй, цѣлыхъ три. Вѣдь и Яши-то вора,— царство ему небесное!—лѣтъ двадцать какъ въ живыхъ ужъ нѣтъ“.

Въ бытность мою прокуроромъ окружнаго суда въ Петербургѣ, мнѣ приходилось иногда выходить изъ формальныхъ рамокъ своей дѣятельности и въ однихъ случаяхъ не торопиться съ возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія, а въ другихъ наоборотъ предупреждать о возможности такого преслѣдованія, чтобы сдѣлать его впослѣдствіи въ сущности ненужнымъ. Въ *первыхъ* случаяхъ жалобщику надо было дать время одуматься и допустить заговорить въ себѣ добрымъ и примирительнымъ чувствамъ; во *вторыхъ*, устранить, безъ судебнаго разбирательства, причину самой жалобы.

Вотъ два изъ памятныхъ мнѣ случаевъ.

Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ въ мой прокурорскій кабинетъ пришелъ офицеръ въ армейской формѣ съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ. Лицо его было мрачно и рѣшительно и глаза желчно смотрѣли куда-то вдаль. „Я сынъ тайнаго совѣтника N. N., вамъ, вѣроятно, извѣстнаго, поручикъ войскъ, расположенныхъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ. Я былъ ребенкомъ, когда умерла моя мать, оставившая мнѣ весьма хорошее состояніе въ недвижимости и назначившая опекуномъ моего отца. Во время пребыванія моего въ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ пользуясь моей службой въ отдаленномъ краѣ, мой отецъ продалъ значительную часть моего имѣнія, будто бы для его округленія, и присвоилъ себѣ все, что было выручено въ видѣ доходовъ и покупной платы. Когда я временно вернулся изъ средней Азіи, онъ отказался дать мнѣ какія-либо объясненія о моемъ имущественномъ положеніи, и я вынужденъ былъ предъявить противъ него искъ въ порядкѣ исполнительнаго производства объ истребованіи отчета. Судъ уважилъ мои требованія, но на предъявленіе отцу моему постановленія суда, онъ отозвался, что никакихъ моихъ денегъ у него нѣтъ и не было, и что вознаграждать меня онъ не намѣренъ. Это было оффиціально удостовѣрено, и я заявилъ, что дѣла такъ не оставлю. Вслѣдъ затѣмъ меня потребовалъ къ себѣ товарищъ шефа жандармовъ, подвелъ къ картѣ Россіи и, показавъ на ней городъ Колу, Архангельской губерніи, посовѣтовалъ мнѣ имѣть въ виду, что если я не прекращу своихъ претензій къ моему почтенному родителю, то я могу близко ознакомиться съ этимъ городомъ, т. е. быть сосланнымъ административно. Но онъ меня не запугалъ, и я приношу вамъ жалобу, прося о привлеченіи моего отца къ уголовной отвѣтственности за растрату и присвоеніе по званію опекуна“. Съ этими словами онъ мнѣ подалъ и самую жалобу, написанную лицомъ, очевидно свѣдущимъ въ уголовныхъ дѣлахъ.

Я дѣйствительно зналъ или, вѣрнѣе, встрѣчалъ отца этого офи-

цера. Онъ былъ большимъ любителемъ искусства и даже, кажется, участвовалъ въ одномъ изъ учрежденій, предназначенномъ „насаждать и упрочивать“ одну изъ отраслей искусства. Я видѣлъ его въ шестидесятыхъ годахъ раза два, сколько мнѣ помнится, у поэта Майкова. Это былъ высокій, подвижный и словоохотливый старикъ.

— Хорошо, сказалъ я моему посѣтителю,—я предложу слѣдователю о производствѣ слѣдствія. — Не слѣдуетъ ли арестовать обвиняемаго?—сказалъ тотъ съ недоброй улыбкой—я имѣю свѣдѣнія, что онъ покупаетъ золото въ большомъ количествѣ: вѣроятно, думаетъ бѣжать за границу. Позвольте узнать, когда вы дадите предложеніе слѣдователю: нельзя ли сегодня же?—„Нѣтъ, ранѣе недѣли я этого предложенія не дамъ“.—Но почему же? дѣло ясно и жалоба потерпѣвшаго для васъ и для слѣдователя по 303 и 307 ст. Уст. Угол. Суд. обязательна,—сказалъ онъ, волнуясь и густо краснѣя.—Вы недурно знаете Судебные Уставы, но не обратили вниманія на то, что обязательнаго срока на возбужденіе преслѣдованія не существуетъ, что и понятно, такъ какъ прокуроръ и слѣдователь нерѣдко должны имѣть возможность убѣдиться, путемъ дознанія, въ наличности состава преступленія.—Да! воскликнулъ онъ,—но виновный убѣжитъ за границу, покуда вы будете собираться дать слѣдователю предложеніе!—Объ этомъ не безпокойтесь: въ виду вашей жалобы, будетъ сдѣлано сношеніе съ градоначальникомъ о пріостановленіи выдачи ему заграничнаго паспорта въ теченіе нѣсколькихъ дней.—Такъ не раньше, какъ черезъ недѣлю!—рѣзко сказалъ мнѣ молодой человѣкъ и, круто повернувшись, направился къ выходу.—Позвольте васъ остановить и попросить присѣсть,—сказалъ я.—Могу ли я васъ спросить, чѣмъ вы существуете, несмотря на присвоеніе вашимъ отцомъ вашего имущества?—Жалованьемъ.—И вамъ хватаетъ на жизнь?—Да, у меня потребности скромныя.—Такъ что въ сущности вы въ присвоенныхъ вашимъ отцомъ деньгахъ не нуждаетесь?—Нѣтъ, но онъ не имѣлъ права! Я не могу позволить!—Ясно ли вы представляете себѣ картину будущаго суда надъ вашимъ отцомъ?—Старика придется посадить подъ стражу: вы даже сами этого требуете. Онъ будетъ сидѣть предъ публикой, жадной на зрѣлища, на скамьѣ подсудимыхъ между двумя жандармами. Вамъ придется давать противъ него показанія, отвѣчать на перекрестномъ допросѣ, при чемъ, конечно, защитникъ васъ не пощадитъ и поставитъ не разъ въ неловкое положеніе своими вопросами и рѣчами. Затѣмъ отецъ вашъ можетъ быть лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь. Вы сдѣлаетесь, въ качествѣ гражданскаго истца, обладателемъ всей присвоенной суммы и при томъ, быть можетъ, за годъ или за два до смерти стараго отца, послѣ которой вы, вѣроятно, и такъ полу-

чите все состояніе этого „скупого рыцаря".—Я это знаю, раздражительно сказалъ мой собесѣдникъ, и на все это готовъ, но я не могу ему позволить нарушать мои права. Я обдумалъ, что дѣлаю, и это исключительно мое дѣло.—Черезъ недѣлю ваше желаніе будетъ исполнено, и затѣмъ вы, вѣроятно, получите возможность выйти изъ рамокъ вашихъ скромныхъ потребностей и повести жизнь на широкую ногу и—простите меня—вотъ, что можетъ случиться: въ веселой компаніи друзей и, быть можетъ, женщинъ, увивающихся около богатыхъ молодыхъ людей, вы будете ужинать или обѣдать въ модномъ ресторанѣ и пить шампанское, а на улицѣ поднимется метель и станетъ выть за окнами и засыпать ихъ снѣгомъ. И вдругъ вамъ придетъ мысль: „а мой-то старикъ теперь гдѣ-нибудь въ Якутской губерніи, среди постоянныхъ вьюгъ, и холода, и безлюдья, одинокій, немощный, больной, и *я* его туда отправилъ, *я*—его сынъ"... Не завидую вамъ въ эти минуты, а поправить сдѣланное уже будетъ невозможно, какъ невозможно будетъ даже и мнѣ отмѣнить свое распоряженіе о производствѣ слѣдствія, такъ какъ этого рода дѣла примиреніемъ не кончаются. Вотъ почему я, не считая какое-либо дознаніе по этому дѣлу необходимымъ, все-таки воспользуюсь своимъ правомъ и начну слѣдствіе не сейчасъ, а давъ вамъ время подумать еще разъ о томъ, что вы предпринимаете. Но если ровно черезъ недѣлю, въ этотъ самый день и часъ, у меня не будетъ никакого съ вашей стороны заявленія, я предложу слѣдователю начать слѣдствіе и взять вашего отца подъ стражу...—Мнѣ нечего обдумывать, сказалъ офицеръ, недовольно пожавъ плечами, и ушелъ.

Прошла недѣля, насталъ тотъ же самый день (кажется, среда) и приблизился тотъ же самый часъ. О жалобщикѣ не было ни слуху, ни духу. Я уже вынулъ изъ ящика стола его прошеніе съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько минутъ написать на немъ мою резолюцію о предложеніи слѣдователю приступить къ слѣдствію,—какъ вдругъ молодой человѣкъ явился. Подойдя къ столу съ тѣмъ же суровымъ видомъ, какъ и прежде, онъ, не смотря на меня и скосивъ глаза въ сторону, сказалъ: я пришелъ просить васъ оставить мою жалобу на отца безъ послѣдствій.—Онъ васъ удовлетворилъ?—Нѣтъ, я его не видѣлъ, но не хочу его преслѣдовать.—Слушаю. Ваше желаніе будетъ исполнено.—И я сталъ писать на поляхъ жалобы: „оставить безъ послѣдствій въ виду словеснаго заявленія потерпѣвшаго". Но онъ не отходилъ отъ стола и на мой недоумѣвающій взглядъ отвѣтилъ просьбой отдать ему назадъ самую жалобу.—Зачѣмъ она вамъ? съ моей помѣткой она все равно не дѣйствительна...—Мнѣ,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ, опустивъ голову и

опять густо краснѣя, - мнѣ стыдно.—Я молча подалъ ему бумагу. Онъ скомкалъ ее, сунулъ въ карманъ и быстро пошелъ изъ кабинета. Но, взойдя на лѣсенку (кабинетъ былъ ниже уровня сосѣднихъ комнатъ и въ него вели двѣ двери съ нѣсколькими ступеньками) онъ нерѣшительно взялся за ручку двери, пріотворилъ послѣднюю и снова заперъ, а затѣмъ, потупясь, сказалъ мнѣ тѣмъ же глухимъ голосомъ: „господинъ прокуроръ, я вамъ долженъ сказать... я вамъ очень благодаренъ: вы мнѣ помогли остаться порядочнымъ человѣкомъ!“ И, сильно хлопнувъ дверью, онъ исчезъ.

Въ 1875 году, въ началѣ января, ко мнѣ въ прокурорскую камеру пришла молодая, кокетливо одѣтая (помнится, на ней было нѣчто въ родѣ мантильи изъ птичьихъ перьевъ, что придавало ей особую оригинальность) женщина и разсказала мнѣ, что ея горничная, молодая дѣвушка, взятая ею изъ деревни, была обольщена однимъ изъ очень расплодившихся тогда въ Петербургѣ мелкихъ „невскихъ банкировъ“ и нынѣ находится въ ужасномъ положеніи, готовясь быть матерью, при чемъ обольститель не только не желаетъ войти въ ея положеніе, но даже приказалъ своему лакею „выгнать ее въ шею“. Осталось обратиться къ судебной власти за защитой. Но, въ виду запуганности своей горничной, она—госпожа Гулакъ-Артемовская—рѣшилась замѣнить ее и придти ко мнѣ, прося заступничества за бѣдную дѣвушку. Я объяснилъ заступницѣ, что до рожденія ребенка я ничего сдѣлать не могу, такъ какъ сожитіе неженатаго съ незамужней подсудно свѣтскому суду лишь при рожденіи ребенка, если мать требуетъ обезпеченія себѣ и дитяти.—Но, Боже мой! воскликнула она: вѣдь онъ можетъ уѣхать за границу или подкупить свидѣтелей, и тогда бѣдная дѣвушка погибла: кто же станетъ ее держать съ ребенкомъ? Ради Бога помогите! Не можете ли вы все-таки принять отъ нея жалобу и поговорить съ нимъ, можетъ быть, это на него подѣйствуетъ. Она и въ деревню уѣхать не можетъ: у нея очень строгій отецъ—онъ и ее, и ребенка со свѣту сживетъ.... Мнѣ стало жаль бѣдную дѣвушку, и я обѣщалъ попробовать облегчить ея горе.

Я распорядился вызвать на другой день ко мнѣ „банкира“ и получасомъ раньше его возлюбленную. Разсказъ послѣдней, ея слезы и неподдѣльное отчаяніе не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что это не шантажистка, и что она дѣйствительно послужила лишь предметомъ бездушной и надоѣвшей затѣмъ забавы для Донъ Жуана низкой пробы. Она принесла мнѣ жалобу съ указаніемъ на свидѣтелей своей связи. Я просилъ ее подождать нѣсколько времени въ

одной изъ свободныхъ камеръ товарищей прокурора, а черезъ четверть часа ко мнѣ вошелъ съ величавымъ видомъ упитанный господинъ съ мясистымъ лицомъ, представлявшій изъ себя цѣлый ювелирный магазинъ: на груди его блистали брилліантовыя запонки, руки были унизаны массивными перстнями съ драгоцѣнными камнями, на толстой часовой цѣпочкѣ висѣли въ большомъ количествѣ брелоки и жетоны, осыпанные тоже брилліантами. Отъ всей его фигуры вѣяло чрезвычайнымъ самодовольствомъ. Я извинился, что потревожилъ его, принявъ участіе въ бѣдной дѣвушкѣ и давъ ему прочесть ея жалобу, объяснилъ, что хотя до рожденія ребенка начать слѣдствіе нельзя, но что оно будетъ начато тотчасъ же по его рожденіи, при чемъ путемъ дознанія можно нынѣ же провѣрить справедливость заявленія дѣвушки. Помилуйте,—залепеталъ мой банкиръ,—это шантажъ со стороны какой-то мерзавки, которой я никогда въ глаза не видѣлъ. Я самъ принесу вамъ жалобу на то, что она своимъ заявленіемъ меня порочитъ. Я никогда ни съ кѣмъ въ связи не былъ, а тѣмъ болѣе съ какой-нибудь горничной. Пфуй! abscheulich!

— Можетъ быть, вы не откажетесь объявить ей при мнѣ, что вы ее не знаете, и мнѣ станетъ ясно, какое значеніе можетъ имѣть ея жалоба,—сказалъ я и, позвонивъ, приказалъ пригласить дѣвушку. Едва она показалась на верхней площадкѣ лѣстницы и увидѣла моего собесѣдника, какъ вся ея фигура преобразилась, лицо покрылось румянцемъ, по нему потекли обильныя слезы, она всплеснула руками и, не обращая на меня никакого вниманія, почти съ крикомъ „батюшка! голубчикъ!“ бросилась къ нему и стала цѣловать его руки, говоря прерывающимся голосомъ: „дорогой, милый, желанный!“ „Голубчикъ“, очевидно, не ожидалъ такого coup de théâtre; онъ измѣнился въ лицѣ, сталъ бормотать: „ну, что? ну, зачѣмъ? ну, для чего?“

— Вы ея никогда не видали?—спросилъ я.—Позвольте мнѣ переговорить наединѣ съ Машей.... съ нею, поправляясь, сказалъ онъ мнѣ вмѣсто отвѣта. Я предложилъ имъ отправиться въ тотъ же пустой кабинетъ товарища прокурора и занялся своимъ дѣломъ. Черезъ четверть часа они снова вошли ко мнѣ. Мой банкиръ имѣлъ еще болѣе величественный видъ, а „Маша“ смотрѣла на него восторженными глазами.—Она не имѣетъ болѣе претензій,—сказалъ онъ мнѣ;—я дамъ ей и *моему* ребенку достаточное обезпеченіе. Я не ожидалъ, что она обратится сюда, но теперь она довольна.—Вы довольны?—спросилъ я дѣвушку.—Ахъ!—воскликнула она,—еще бы! они такіе добрые: обѣщались мнѣ давать по десяти рублей въ мѣсяцъ, когда родится дитё.—И этого вамъ достаточно?

Но она даже не отвѣчала на этотъ вопросъ, впиваясь влюбленными глазами въ „ювелирный магазинъ“ и снова плача отъ радости, что повидалась съ любимымъ человѣкомъ. Мой банкиръ, снисходительно улыбаясь, благосклонно подалъ мнѣ руку и оба удалились.

На другой день ко мнѣ опять влетѣла г-жа Гулакъ-Артемовская съ выраженіемъ благодарности за свою дѣвушку, говоря, что счастью послѣдней нѣтъ границъ и не столько потому, что великодушный банкиръ выдалъ ей обязательство, выторговавъ при этомъ два рубля въ мѣсяцъ, сколько потому, что онъ даже позволилъ ей приходить къ себѣ иногда по воскресеньямъ утромъ. „Но вы знаете,—продолжала она,—l'appétit vient en mangeant, и у меня есть къ вамъ другая просьба—очень большая. Обѣщайте ее исполнить, пожалуйста. Я вдова, у меня прекрасныя средства, и я доставляю себѣ удовольствіе собирать у себя кружокъ хорошихъ знакомыхъ. Вы встрѣтите у меня С., Т., А... и она назвала нѣсколько громкихъ фамилій, принадлежащихъ людямъ, занимавшимъ очень видное оффиціальное и общественное положеніе. Я отвѣтилъ уклончиво, что постараюсь исполнить ея желаніе, но обѣщать навѣрное не могу, такъ какъ очень занятъ и не имѣю времени бывать даже у своихъ старыхъ знакомыхъ.—Я все-таки буду надѣяться,—сказала Гулакъ-Артемовская, и никакихъ отговорокъ не принимаю.—На этомъ мы разстались. Я, конечно, не поѣхалъ къ совершенно незнакомой мнѣ дамѣ и думалъ, что она пойметъ мой вѣжливый отказъ. Но черезъ недѣлю она явилась вновь и, подойдя рѣшительными шагами къ моему столу, заявила, что пришла требовать у меня объясненій, по какому праву я ее оскорбляю: не потому ли, что она одинокая женщина и что за нее некому заступиться? Она сказала своимъ друзьямъ, что я у нея буду, и ждала меня цѣлую недѣлю, никакъ не ожидая отъ меня—человѣка, какъ ей казалось, воспитаннаго,—такого явнаго пренебреженія, ставящаго ее въ крайне фальшивое положеніе передъ ея друзьями. На эту наивную выходку я отвѣчалъ указаніемъ на то, что камера прокурора не мѣсто для объясненій по поводу свѣтскихъ визитовъ и что, если я въ первый разъ не отказалъ ей категорически, то послѣ настоящаго разговора прямо заявляю ей, что быть у нея вовсе не намѣренъ. Тогда, надувая губки, какъ маленькій обиженный ребенокъ, она начала меня просить не сердиться и понять ея положеніе, которое очень неловко послѣ того, какъ она наговорила своимъ друзьямъ, что я у нея буду, но что я все это могу загладить, если дамъ ей свою фотографическую карточку съ надписью.—Извините меня,—сказалъ я ей,—я карточки даю только своимъ друзьямъ.—Ну, такъ будемте друзьями,—кокетливо сказала она.—Сударыня, я очень занятъ.—Ахъ, какой вы несносный.

Ну, такъ дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, вашу простую визитную карточку. Зачѣмъ же это? Я загну уголокъ и скажу друзьямъ, съ выраженіемъ сожалѣнія, что вы были и не застали меня дома.— Зачѣмъ же мнѣ содѣйствовать такому обману? Извините меня, я занятъ.—Она ушла, презрительно пожавъ плечами...

Осенью 1878 года мнѣ пришлось уже въ качествѣ предсѣдателя окружного суда, засѣдать по двумъ выдающимся дѣламъ: француженки-гувернантки Маргариты Жюжанъ и этой самой Гулакъ-Артемовской. Оказалось, что моя изящная посѣтительница, осенью 1875 года, познакомилась чрезъ одного писателя съ богатымъ купцомъ Николаемъ Пастуховымъ и, пользуясь его слабохарактерностью и влюбленностью, выиграла у него, какъ это доказывали наслѣдники его записями въ его денежныхъ книгахъ, свыше ста шестидесяти тысячъ рублей въ *дурачки*, а затѣмъ, когда онъ умеръ, составила отъ его имени на свое подложныхъ векселей на 58 тысячъ, утверждая, что, будто-бы, эти векселя были ей выданы Пастуховымъ по разсчетамъ съ нею, что, однако, опровергалось точно установленнымъ балансомъ его состоянія. Гулакъ-Артемовская, въ подтвержденіе своей порядочности, ссылалась при слѣдствіи на разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя ее посѣщали и дали самые лестные о ней отзывы въ своихъ письменныхъ заявленіяхъ судебному слѣдователю. Одно изъ нихъ даже взяло ее на поруки во время предварительнаго слѣдствія. Когда дѣло поступило въ судъ, этотъ сановникъ пришелъ ко мнѣ выражать свое негодованіе на судебнаго слѣдователя Русинова, доказывая, что все это дѣло есть гнусная интрига противъ беззащитной и ни въ чемъ неповинной женщины. Я приказалъ подать дѣло и далъ ему прочесть обвинительный актъ, составленный очень обстоятельно. По мѣрѣ чтенія выраженіе восторженнаго отношенія къ неповинной женщинѣ и вызываемаго дѣломъ негодованія замѣнялось у читавшаго выраженіемъ замѣшательства и даже испуга. По окончаніи чтенія, мой посѣтитель совершенно неожиданно заявилъ мнѣ, что не желаетъ болѣе имѣть *такую женщину* на порукахъ, и просилъ моего указанія, какъ освободиться отъ своего поручительства.

Дня черезъ два ко мнѣ въ служебный кабинетъ влетѣла въ состояніи крайняго раздраженія Гулакъ-Артемовская, заявившая, негодуя и плача, что ее притѣсняютъ, требуя второго поручителя.— Не второго, а единственнаго,—сказалъ я—потому что вашъ поручитель отказался.—Какъ?—удивленно воскликнула она: отказался! да какъ онъ могъ меня поставить въ такое положеніе? Я не сяду подъ стражу, я найду другого поручителя, но онъ мнѣ дорого заплатитъ! Отказался! ну погоди-же!... И она угрожающе подымала

палецъ, и ея красивое лицо дышало непримиримымъ желаніемъ мщенія.

Судебное слѣдствіе длилось четыре дня—съ 20 по 23 октября, и обвиненіе было доказано вполнѣ. Подсудимая защищалась очень энергически и искусно. Всегда изящно одѣтая,—то чрезвычайно скромная, то патетическая въ своихъ объясненіяхъ,—она производила довольно сильное впечатлѣніе на присяжныхъ и въ особенности на разныхъ почетныхъ посѣтителей, сидѣвшихъ въ мѣстахъ за судьями. Но подавляющая совокупность уликъ и сильная рѣчь товарища прокурора князя Урусова, начатая великолѣпной картиной раззолоченнаго притона, гдѣ подъ шумокъ обдѣлываются дѣла, гдѣ на смѣну дневныхъ высокопоставленныхъ гостей, по вечерамъ собираются темныя личности и гдѣ обыгрываютъ въ дурачки на сотни тысячъ,—произвели тоже свое впечатлѣніе. Одно время, впрочемъ, можно было думать, что подсудимую оправдаютъ, благодаря самому сильному изъ ея обличителей—тому самому писателю, который познакомилъ ее съ Пастуховымъ. Повидимому, сводя съ нею какіе-то старые интимные счеты, онъ давалъ свое показаніе съ такою нескрываемой ненавистью къ подсудимой, что, казалось, съ устъ его каплетъ дымящаяся пѣна и прожигаетъ полъ. Все, что можно сказать оскорбительнаго о женщинѣ, не употребляя ругательствъ и обидныхъ эпитетовъ,—все, что можно дать понять дурного многозначительными умолчаніями, паузами и усмѣшечками—все это было имъ сдѣлано. Я долженъ былъ два раза останавливать его, рекомендуя ему большую сдержанность въ выраженіяхъ и напоминая ему, что онъ говоритъ о женщинѣ, которая при томъ еще не признана виновной. Когда, послѣ рѣзкаго замѣчанія моего по поводу неисполненія моихъ указаній, онъ сталъ осторожнѣе въ выраженіяхъ, но остался при прежнемъ тонѣ глубокаго презрѣнія, которымъ онъ говорилъ о подсудимой, она не выдержала, вскочила со своего мѣста и съ крикомъ: „Нѣтъ, я не могу больше этого слышать! онъ меня оскорбляетъ! Я не могу, я уйду, уйду!" бросилась вонъ изъ залы. Я послалъ судебнаго пристава ее успокоить и продолжалъ, подъ доносившіеся издалека ея истерическіе крики и рыданія, вести засѣданіе. А свидѣтель продолжалъ свои показанія, которыя я, согласно закону, долженъ былъ затѣмъ повторить, конечно въ смягченной формѣ, овладѣвшей собою и вернувшейся въ залу подсудимой. На присяжныхъ это показаніе произвело, очевидно, самое тягостное впечатлѣніе, и въ нѣкоторыхъ вопросахъ, которые они просили меня предложить свидѣтелю, звучала нота раздраженія и недовѣрія. Но подсудимая сама разрушила ту невольную симпатію, которую вызвало къ ней это ожесточенное и безжалостное показаніе. Въ концѣ

третьяго дня засѣданій, вечеромъ, старшина присяжныхъ Василій Аполлоновичъ Полетика, издатель газеты „Молва", вставъ съ своего мѣста, заявилъ мнѣ, что присяжные желали бы знать, откуда имѣла средства подсудимая, чтобы давать взаймы десятки тысячъ?—Угодно вамъ отвѣчать на этотъ вопросъ?—спросилъ я Гулакъ-Артемовскую.—Угодно,—отвѣчала она вызывающимъ тономъ—мнѣ нечего скрывать: я *проводила дѣла.*—Присяжные желаютъ знать, что значитъ *проводить дѣла*?—сказалъ Полетика.—Подсудимая, напоминаю вамъ, что по закону вы можете не отвѣчать на предложенные вамъ вопросы. Вы слышали, что желаютъ знать господа присяжные?—Какъ же,—отвѣчала она тѣмъ же тономъ—слышала и желаю объяснить, что проводить дѣла значитъ, пользуясь знакомствомъ съ вліятельными лицами, устраивать, чтобы дѣла, въ исходѣ которыхъ кто-либо заинтересованъ, рѣшались въ ихъ пользу, а также доставать мѣста, выхлопатывать концессіи и т. п. Конечно, за это получается извѣстное вознагражденіе. Такъ вотъ этимъ я и занималась, пользуясь своими знакомствами... Всѣ въ залѣ затаили дыханіе. Наступила такая тишина, что можно было примѣнить нѣмецкое выраженіе: „man hörte wie die Wolken ziehen". Полетика пошептался съ сосѣдями и снова всталъ:—присяжные желаютъ знать, можетъ ли представить подсудимая какія-либо доказательства своихъ словъ?—Охотно,—живо сказала Гулакъ-Артемовская, не дожидаясь моего вопроса,—вотъ портфель,—и она подняла его со скамейки и показала суду,—въ немъ всѣ мои документы о проведеніи дѣлъ. Прошу васъ ихъ разсмотрѣть!—Судебный приставъ подалъ мнѣ портфель и въ немъ оказался рядъ домашнихъ условій, проектовъ договоровъ, справокъ изъ дѣлъ, просительныхъ писемъ и отвѣтовъ на нихъ и т. п. Первымъ лежало условіе между Гулакъ-Артемовскою и виднымъ желѣзно-дорожнымъ подрядчикомъ, въ силу котораго первая должна была получить весьма крупную сумму, въ случаѣ если въ одномъ изъ высшихъ установленій состоится по „чреватому послѣдствіями" спорному вопросу, постановленіе въ пользу этого подрядчика. Остальные документы и письма были нѣсколько меньшаго значенія какъ по размѣрамъ условленнаго вознагражденія, такъ и по характеру ожидавшихся, при содѣйствіи подсудимой, услугъ.

— Гг. присяжные,—сказалъ я,—въ портфелѣ, который представленъ мнѣ подсудимой, дѣйствительно содержится рядъ документовъ, подтверждающихъ справедливость ея заявленія о полученіи ею вознагражденія за хлопоты по успѣшному окончанію нѣкоторыхъ дѣлъ въ различныхъ правительственныхъ мѣстахъ. Вы удовлетворены?—спросилъ я Полетику. Онъ молча поклонился, и я закрылъ засѣданіе.

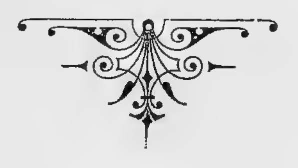
На другой день рано утромъ у меня настойчиво потребовалъ свиданія „на одну минутку“ одинъ изъ сановниковъ, считавшій себя активнымъ дѣятелемъ либеральнаго кружка, окружавшаго вліятельнаго поборника почти всѣхъ великихъ реформъ Императора Александра II. Съ встревоженнымъ видомъ онъ объяснилъ мнѣ, что вчера поздно вечеромъ въ Англійскій клубъ пришла вѣсть о таинственномъ портфелѣ подсудимой, сопровождаемая толкованіемъ, что содержащіяся въ немъ бумаги потому не были оглашены въ подробности, что первая же изъ нихъ, будто-бы, указывала на участіе въ проведеніи дѣлъ именно этого лица, чему его злобные и многочисленные враги тотчасъ же повѣрили съ ликованіемъ. Я разсказалъ моему посѣтителю о содержаніи портфеля.—Но это необходимо огласить во всеуслышаніе,—сказалъ онъ мнѣ,—иначе гнусное подозрѣніе останется и укрѣпится.—Стороны и присяжные не просили объ оглашеніи,—сказалъ я,—а запутывать дѣло подробностями побочныхъ обстоятельствамъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что я привыкъ къ тому, что присяжные относятся къ моимъ удостовѣреніямъ съ полнымъ довѣріемъ.—А если стороны или присяжные попросятъ?—спросилъ, продолжая волноваться, мой посѣтитель,—тогда будетъ оглашено? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, торопливо удалился. Очевидно, онъ спѣшилъ повидаться со сторонами. И дѣйствительно, лишь только въ 11 ч. утра я открылъ засѣданіе, какъ всталъ повѣренный гражданскаго истца В. П. Гаевскій и заявилъ просьбу объ оглашеніи главнѣйшихъ изъ документовъ, содержащихся въ роковомъ портфелѣ. Его просьбу поддержалъ товарищъ прокурора князь Урусовъ и къ нимъ, наконецъ, присоединился и Полетика. Тогда я прочелъ вслухъ главнѣйшіе изъ документовъ. Вслѣдъ затѣмъ сидѣвшій въ мѣстахъ за судьями мой утренній гость немедленно вышелъ изъ залы засѣданія. А вечеромъ въ тотъ же день былъ подписанъ указъ Сенату объ увольненіи бывшаго сановнаго поручителя за Гулакъ-Артемовскую отъ долголѣтней службы безъ прошенія. Оказалось, по справкамъ, что несчастный старикъ—личная честность котораго была внѣ всякихъ сомнѣній,—поддавшись чарамъ ловкой женщины и ничего не подозрѣвая съ ея стороны корыстнаго, вѣроятно пообѣщалъ ей заступиться въ коллегіальномъ совѣщаніи за „бѣднаго“ подрядчика и на свою гибель сдержалъ свое обѣщаніе, забывая, что „la femme de Cesar ne doit pas être soupçonnée“. Всѣ, изъ которыхъ многіе, быть можетъ, сознательно участвовали и не въ такихъ дѣлахъ, отвернулись отъ него. Опозоренный, разбитый физически и нравственно, онъ уѣхалъ за границу и тамъ вскорѣ умеръ. Мстительное торжество Гулакъ-Артемовской не послужило ей, однако, въ пользу и вечеромъ на четвертый день, весь занятый преніями сторонъ и

коимъ руководящимъ напутствіемъ, присяжные вынесли ей обвинительный приговоръ. Она выслушала его спокойно, поклонилась суду и потомъ гордо выпрямившись и презрительно взглянувъ на вышеупомянутаго свидѣтеля-обвинителя, ждавшаго исхода процесса, громко, на всю залу, спросила его: „Вы довольны?!"

Обаяніе этой женщины было, очевидно, очень сильно. Достаточно сказать, что одинъ свидѣтель, молодой человѣкъ, имѣвшій хорошее мѣсто въ Петербургѣ и давшій столь явно лживое показаніе въ пользу подсудимой на судѣ, что Урусовъ потребовалъ занесенія такового въ протоколъ, для возбужденія уголовнаго противъ него преслѣдованія,—бросилъ службу и Петербургъ и отправился за осужденною въ Сибирь.

Вспоминая это дѣло во всей его совокупности, я не разъ съ удовольствіемъ останавливался на моемъ нелюбезномъ упорствѣ относительно визита къ Гулакъ-Артемовской и дачи ей портрета или даже простой карточки. Присутствіе прокурора окружного суда въ ея гостиной, автографъ на портретѣ или даже простое нахожденіе визитной карточки на столикѣ у любезной хозяйки, могли бы оказывать немалыя услуги, вліяя на довѣрчивость лицъ, имѣвшихъ надобность въ ея помощи по проведенію дѣлъ или могшихъ имѣть къ ней претензіи уголовнаго характера.

1907. Апрѣль. А. Θ. Кони.

Оригинальная резолюція епископа Чигиринскаго Порфирія [1]).

(Изъ жизни нашего духовенства).

Въ богатомъ селѣ Кіевской губерніи, N*, въ Свято-Духовской церкви, освободилось мѣсто священника. Приходъ былъ многолюдный и очень богатый. Въ числѣ кандидатовъ на освободившееся мѣсто были два священника той же епархіи: отецъ,—уже старый священникъ, и его сынъ, недавно окончившій Кіевскую семинарію. Свое прошеніе о перемѣщеніи въ Свято-Духовскую церковь оба просителя ничѣмъ не мотивировли.

Обыкновенно всѣ присланныя въ Консисторію прошенія пересылались къ Преосвященному Порфирію, которому тогдашній Кіевскій Митрополитъ Арсеній (Москвинъ II), человѣкъ очень слабый и болѣзненный, поручалъ разсматривать всѣ дѣла, касающіяся перемѣщенія священниковъ въ епархіи. Преосвященный Порфирій на прошеніяхъ обоихъ священниковъ, старика-отца и его молодого сына, положилъ такую резолюцію:

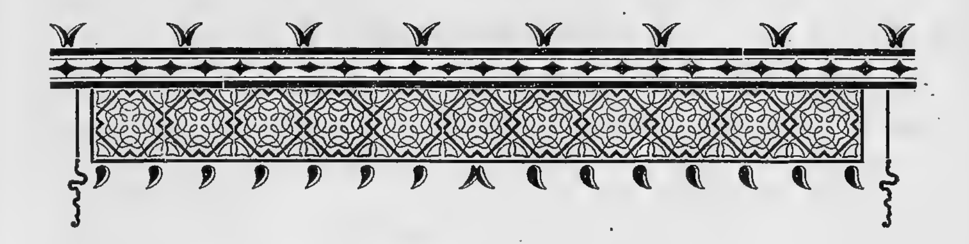
„*Отказать отцу и сыну во Святомъ Духѣ*“.

Сообщ. А. Сергѣевъ.

---

[1]) *Преосвященный Порфирій* родился въ 1804 году, въ Костромской губерніи. Онъ былъ сынъ причетника и въ мірѣ назывался Константиномъ Александровичемъ. Въ 1830 году онъ окончилъ курсъ въ Петербургской академіи и долго былъ настоятелемъ посольской церкви въ Вѣнѣ, а потомъ начальникомъ миссіи въ Іерусалимѣ. Въ 1865 г. онъ былъ возведенъ въ санъ епископа Чигиринскаго. Въ 1877 г. онъ ушелъ наспокой и † въ Московскомъ Ново-Спасскомъ монастырѣ 19 апрѣля 1885 г. Въ 1842, 1845 и съ 1858 по 1861 г. епископъ Порфирій былъ отправленъ на Востокъ для собиранія археологическихъ свѣдѣній.

Забытый фельдмаршалъ[1]).

(Очеркъ дѣятельности главнокомандующаго въ русско-турецкую войну 1877—1878 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ).

(Окончаніе).

III.

Переходъ черезъ Балканы и наступленіе къ Константинополю.

„На войнѣ люди ничего не значатъ, все дѣлаетъ одинъ человѣкъ".

Наполеонъ.

Между тѣмъ, наступили тяжелые дни оборонительныхъ дѣйствій, впредь до прихода ожидаемыхъ изъ Россіи подкрѣпленій.

Быстрый и рѣшительный ходъ кампаніи былъ задержанъ до сосредоточенія всѣхъ предоставленныхъ Главнокомандующему силъ, но какъ только представилась малѣйшая возможность, Его Высочество тотчасъ же началъ подготовлять задуманный имъ планъ рѣшительнаго наступленія и перехода черезъ Балканы. Въ этихъ видахъ, съ приходомъ Гренадерскаго корпуса, еще до паденія Плевны, Главнокомандующій рѣшилъ двинуть гвардію съ генераломъ Гурко на Балканы [2]).

Противникомъ этого движенія былъ помощникъ начальника Штаба генералъ Левицкій, представлявшій Его Высочеству свои болѣе или менѣе вѣскія соображенія, но предложенія генерала Гурко совпадали съ цѣлями Великаго Князя и восторжествовали. Привожу объ этомъ

---

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1907 г.

[2]) 1-я и 2-я гв. пѣх. див., гв. стрѣлковая бригада, Л.-гв. Саперный баталіонъ и 2-я гв. кав. див. съ 2-ю бригадою 3 пѣх. дивизіи и Кавказскою казачьею бригадою.

слѣдующія два письма ко мнѣ Начальника Штаба Генерала Гурко— Д. Н. Нагловскаго, которыя объясняютъ, почему Его Высочество считалъ своевременнымъ движеніе Гурко на Балканы.

а) письмо первое:

„Многоуважаемый
Дмитрій Антоновичъ!

Горька наша судьба—всегда приходится имѣть двухъ непріятелей, одного спереди, другого, въ видѣ К. . . . . сзади.

Противъ насъ стоитъ въ настоящее время отъ 35 до 40 баталіоновъ турецкой пѣхоты. Но какой пѣхоты? На три четверти состоящей изъ мустафизовъ послѣдняго призыва, еще не совсѣмъ оправившейся отъ недавняго паническаго страха. Разбить и уничтожить эту сволочь дѣло не особенно хитрое. Но К. . . стоитъ на дорогѣ и мѣшаетъ исполнить это дѣло. Что же выйдетъ? Пройдетъ двѣ-три недѣли, подойдутъ подкрѣпленія, войска турецкія увеличатся количественно, улучшатся качественно, погода теперь пока еще великолѣпная, испортится, и дѣло сдѣлается до крайности труднымъ.

Пора перестать трусить, пора перестать бояться одного имени Мехмета-Али. Надо пользоваться обстоятельствами. У насъ теперь 43 отборныхъ баталіона, 52 эскадрона, 174 орудія. Неужели это не сила? Неужели она не сломитъ 37 баталіоновъ слабыхъ численностью и бѣдныхъ духомъ,

Боятся Дубняковъ,—но вѣдь за Дубнякомъ слѣдовалъ Телишъ. Гдѣ надо было дѣйствовать по-Дубнякски, мы дѣйствовали по-Дубнякски; гдѣ можно было дѣйствовать по-Телишски, мы дѣйствовали по-Телишски. Все зависитъ отъ обстановки. Вблизи дѣла виднѣе, чѣмъ издали. Помогите получить намъ разрѣшеніе дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, а не съ видами и соображеніями К. . . . , который уже много доказывалъ, что онъ имѣетъ даръ давать самые глупые и несообразные съ обстоятельствами совѣты.

Наша кавалерія заняла съ боя Врацу и въ настоящее время вѣроятно заняла Берковацъ, который былъ очищенъ турками, какъ то доносилъ намъ графъ де-Бальменъ. Она теперь оперируетъ на сообщеніяхъ Виддина съ Софіею и, конечно, сбиваетъ съ толку турокъ. Этимъ операція противъ турецкихъ войскъ около Орханіе значительно облегчается: Софійскія и Нишскія войска не придутъ скоро на помощь Орханійскимъ, которыя уже вывозятъ все изъ Орханіе и жгутъ запасы сѣна и хлѣба. Ясны признаки, что сопротивляться сильно не будутъ.

Время драгоцѣнно; ничѣмъ его не воротишь, худо потерять его;

употребить во зло еще того хуже. Не позволять намъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами есть употребленіе во зло этой драгоцѣнной вещи.

Покорнѣйше прошу Васъ и Михаила Александровича помочь намъ и выхлопотать для насъ свободу дѣйствія. Право, не употребимъ во зло эту свободу.

До свиданія, дорогой Дмитрій Антоновичъ; сообщите, что говорится о нашей экспедиціи и, если можно, то пришлите копію съ записки, поданной К. . . .

Кланяюсь Михаилу Александровичу.

Мы устроили очень удовлетворительно нашу базу въ Радомирцахъ и обезпечены болѣе чѣмъ на мѣсяцъ.

Хлѣбопеченіе идетъ весьма удовлетворительно.

Глубоко уважающій Васъ Дмитрій Нагловскій".

б) второе письмо:

отъ 24 Октября 1877 года, д. Дольній Дубнякъ.

„Многоуважаемый

Дмитрій Антоновичъ!

Изъ прилагаемаго при семъ рапорта Гурко къ Великому Князю Вы увидите наши планы и наше воззрѣніе на современное положеніе дѣлъ. Надѣюсь, что Вы согласитесь съ ними и съ Вашей стороны поддержите насъ. Личный интересъ побуждалъ бы меня къ пассивной блокадѣ, потому что мы устроились довольно комфортабельно, совершенно безопасно и имѣемъ въ перспективѣ, за паденіе Плевны, щедрыя награды! Но привыкши руководить свою дѣятельность другими мотивами, мы отъ этого отказываемся и предлагаемъ сравнительно болѣе трудную дѣятельность. Слѣдовательно, упрекнуть насъ погонею за славою нѣтъ никакого основанія. Я это пишу не для Васъ, потому что вполнѣ увѣренъ, что Вы настолько хорошо меня знаете, что ни минуты не подумаете упрекнуть меня въ побужденіяхъ личнаго свойства. Пишу же для крикуновъ и клеветниковъ, которыхъ и въ Главной Квартирѣ Великаго Князя не мало.

Всѣ мотивы нашего предложенія изложены въ рапортѣ. Здѣсь же прибавляю, что если Великій Князь не согласится съ нами, то я предсказываю, что недѣли черезъ двѣ или три Его Высочество все-таки будетъ вынужденъ, для сохраненія уже пріобрѣтенныхъ успѣховъ надъ Плевною, привести тѣ же двѣ дивизіи, которыя мы просили. Но разница будетъ та, что вмѣсто того, чтобы бить непріятеля, онѣ будутъ только отбиваться отъ него; вмѣсто того, чтобы намъ имѣть иниціативу, ее будутъ имѣть турки. Прибавлю еще, что на горахъ ясно видны громадныя стада овецъ и рогатаго

скота. Слѣдовательно, продовольствія у Османа еще много, и я думаю, что намъ придется проживать здѣсь не менѣе мѣсяца. А мѣсяцъ пассивной блокады создаетъ Богъ знаетъ какія трудности.

И такъ, надѣюсь, что Вы окажете намъ содѣйствіе, а главное устроите дѣло такъ, что рапортъ минуетъ разныя клоаки и попадетъ прямо въ руки Великаго Князя. Пускай рѣшаетъ дѣло Его Высочество самъ, по личнымъ своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, а не по совѣту разумнымъ совѣтниковъ.

Съ глубокимъ къ Вамъ уваженіемъ остаюсь весь Вашъ Д. Нагловскій".

Газенкампфъ въ своемъ дневникѣ отъ 26 октября заноситъ: „Непокойчицкій отстранилъ Левицкаго отъ распоряженій по этому плану, очевидно, вслѣдстіе обнаруженнаго имъ несочувствія: Левицкій считаетъ этотъ планъ рискованнымъ и вчера высказалъ это Непокойчицкому и Великому Князю". Приводя данныя противъ этого движенія, Газенкампфъ заключаетъ: „все это небезосновательно, но тѣмъ не менѣе планъ соблазнителенъ. Безъ риска никогда и ни въ чемъ нѣтъ крупнаго выигрыша; а намъ нельзя тянуть кампанію; если не добьемся рѣшительнаго результата до весны—непремѣнно вмѣшается Англія" и т. д.

Далѣе за день 31-го октября: „Сегодня Левицкій прочелъ Великому Князю и Непокойчицкому составленную имъ записку, возражающую противъ движенія Гурко къ Орханіе и далѣе. Суть записки въ томъ, что движеніе это преждевременно и опасно и надо обождать паденія Плевны. Великій Князь выслушалъ и сказалъ, что переговоритъ лично съ Гурко".

2-го ноября Великій Князь съ Непокойчицкимъ ѣздилъ на свиданіе съ Гурко, Тотлебеномъ и Имеретинскимъ и *приказалъ Гурко овладѣть Орханіею* и, занявъ горные проходы, до паденія Плевны дальше не идти.

„Уже на послѣднемъ совѣщаніи Государь Императоръ высказался въ пользу Забалканскаго похода, пишетъ Домонтовичъ. Затѣмъ на третій день послѣ взятія Плевны Государь собираетъ у себя военный совѣтъ, на которомъ въ принципѣ рѣшено было безотлагательно двинуться за Балканы".

Государь, какъ было выше упомянуто, никогда не препятствовалъ Главнокомандующему въ исполненіи плана кампаніи и одобрилъ переходъ черезъ Балканы, вопреки инструкціи отъ 18 мая, которая отъ Него не исходила и распутать послѣдствія которой Онъ предоставлялъ Князю Горчакову.

Согласіе Государя на переходъ черезъ Балканы можетъ служить доказательствомъ, что Его Величество не считалъ Себя связаннымъ

данными инструкціею обѣщаніями. Тотлебенъ, Имеретинскій и Скобелевъ были также противъ движенія на Балканы, при чемъ Михаилъ Дмитріевичъ изложилъ свои взгляды въ письмѣ ко мнѣ отъ 2 и 3 ноября. Тотлебенъ предлагалъ, послѣ паденія Плевны, заняться осадой крѣпостей.

Письмо ко мнѣ Скобелевъ писалъ, будучи контуженъ въ ночь со 2 на 3 ноября, а 4 ноября Его Высочество, обезпокоенный этою контузіею, лично навѣстилъ Михаила Дмитріевича. При этомъ мнѣ удалось переговорить съ нимъ и увѣрить, что Главнокомандующій преслѣдуетъ свою опредѣленную мысль и цѣль, отъ которой не отойдетъ.

Въ траншеяхъ на Зеленой горѣ.

„Уважаемый Дмитрій Антоновичъ, позвольте мнѣ совершенно потоварищески поговорить о нѣкоторомъ касающемся нашего здѣсь, за Дунаемъ, положенія, не одного меня наводящаго слишкомъ часто на размышленія. Я буду говорить коротко, по пунктамъ, исключительно для Васъ и съ Вами, къ мнѣнію котораго я научился относиться съ уваженіемъ:

1) Ранѣе паденія Плевны наступательныя дѣйствія вредны. Они могутъ повести къ пораженіямъ подъ Тетевеномъ, Врацею, какъ мы уже испытали за Балканами.

2) Движеніе, о которомъ приходится слышать, на Орханіе или Софію, можетъ повести къ двумъ Плевнамъ сразу (или къ отбитому штурму), особенно съ недостаточными силами.

3) Послѣ взятія Плевны можно выбрать одинъ изъ способовъ для дѣйствія:

А. Идти черезъ Балканы и наступать къ Адріанополю.

В. Идти на Софію и зимовать тамъ. Въ первомъ случаѣ: при успѣхѣ война можетъ быть кончена до весны; при неуспѣхѣ послѣдствія трудно исчислить. Вѣрнѣе, что походъ черезъ Балканы не будетъ рѣшителенъ; за Балканами мы встрѣтимъ гдѣ-нибудь новую Плевну и остановимся передъ нею. Неудобства этой остановки могутъ быть значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время, ибо:

1. Подвозъ затруднительнѣе—Дунай дальше.

2. Въ тылу Балканы съ дорогами, зимою и весною непроходимыми.

Другія невыгоды движенія за Балканы:

1. База такъ же не обезпечена, какъ и при началѣ войны въ іюнѣ; за полгода мы ее не уширили; ей по-прежнему грозитъ съ лѣваго фланга Сулейманъ, а съ праваго, даже послѣ Плевны, можетъ грозить какой-нибудь Шефкетъ-паша, который въ Орханіе, или въ другомъ пунктѣ (не считая Виддина) создастъ намъ еще Плевну.

2. Нашъ фронтъ будетъ по-прежнему узокъ, а коммуникаціонные пути относительно не обезпечены. Въ общемъ мы повторимъ первоначально нами, въ эту кампанію, уже сдѣланное, еще въ сильнѣйшей степени.

Мы двинулись къ Балканамъ и за нихъ, не обезпечивъ себѣ широкой базы по Дунаю, и не собравъ достаточно войскъ и средствъ для ихъ довольствія.

Двинувшись за Балканы послѣ паденія Плевны, мы пожалуй соберемъ достаточно войскъ, но средствъ продоволственныхъ нѣтъ. Двигаясь за Балканы въ началѣ кампаніи, мы могли быть отрѣзаны отъ Дуная, двигаясь за Балканы послѣ 7 мѣсяцевъ борьбы, съ цѣлью окончить кампанію, мы по-прежнему можемъ быть отрѣзаны отъ Дуная и, кромѣ того, по времени года можемъ быть отрѣзаны отъ Дуная и непріятелемъ и Балканами.

Окончу: если уже двигаться за Балканы, то грѣшно пускать главныя силы по проходамъ, намъ еще неизвѣстнымъ.

Во второмъ случаѣ:

Послѣ Плевны идти къ Софіи и зимовать тамъ, считая этотъ пунктъ передовымъ къ сторонѣ Константинополя, до весны. Зимою очистить всю полосу къ западу отъ линій: Софія, Ускюбъ, Черногорія, отъ турокъ.

При этомъ турки изгоняются изъ Босніи и Герцеговины; Сербія, Черногорія и Румынія получаютъ опредѣленные районы для дѣйствія. Съ занятіемъ Ускюба Греція можетъ быть приглашена къ участію.

Выгоды:

1. Къ веснѣ, при союзникахъ, вся эта полоса можетъ быть занята ими, а 120.000 русскихъ будутъ готовы двинуться въ любомъ направленіи.

2. База наша расширится всею полосою Румыніи до Виддина, Сербіею, Герцеговиною и, при извѣстной широтѣ плана, быть можетъ, мы свой правый флангъ упремъ въ море (особенно при участіи Греціи) и получимъ содѣйствіе своего флота.

Вышеизложенный планъ долженъ вести къ систематическому отнятію отъ Турціи всѣхъ мѣстностей съ не турецкимъ населеніемъ.

Этотъ планъ въ связи съ развитіемъ нашихъ успѣховъ въ Малой Азіи, источникѣ мусульманскаго населенія, приведетъ въ дѣйствительной побѣдѣ.

Съ принятіемъ этого способа дѣйствій на другихъ театрахъ войны казалось бы было цѣлесообразно:

1. Войскамъ Цесаревича оставаться въ оборонительномъ поло-

женіи, чтобы не натолкнуться на нашемъ лѣвомъ флангѣ на новую Плевну и не сдѣлать того, что желательно непріятелю. Вообще при всякомъ планѣ наступленіе съ этой стороны казалось бы излишне, ибо здѣсь непріятель самъ, вѣроятно, перейдетъ въ наступленіе, увидя, что ни Рущукъ, ни Разградъ, ни Шумла не приносятъ той пользы, которую отъ нихъ ожидали.

2. Войскамъ князя Шаховского прикрывать на оборонительной позиціи путь къ Тырнову.

3. Войскамъ Ѳ. Ѳ. Радецкаго занять гарнизонами въ сильныхъ укрѣпленіяхъ Шипку и Ханкіой, а массу войскъ отвести на зиму въ Тырново и Габрово.

При принятіи въ трехъ этихъ массахъ строго оборонительныхъ дѣйствій, образовать изъ нихъ резервъ, въ размѣрѣ двухъ, даже трехъ дивизій, который держать въ Горномъ Студнѣ, напримѣръ.

Съ занятіемъ нами Софіи и съ захватомъ всей страны по Черногорію турки могутъ:

1. Ударить на нашъ лѣвый флангъ.

2. Перевести армію Сулеймана къ Филиппополю.

3. Собравъ массу силъ, переправиться въ Силистріи или въ другомъ пунктѣ черезъ Дунай.

Первый планъ парализуется оборонительными позиціями Наслѣдника и князя Шаховского, при резервѣ въ Горномъ Студнѣ.

Второй планъ затруднитъ наше движеніе изъ Софіи къ Филиппополю. При принятіи непріятелемъ этого плана намъ придется подать нашъ резервъ изъ Горнаго Студня, напримѣръ, нѣсколько на Западъ.

Третій планъ наиболѣе рѣшителенъ и можетъ причинить намъ наиболѣе хлопотъ. Для парализованія его необходимы сильныя укрѣпленія въ Калафатѣ и, быть можетъ, Журжевѣ и резервный корпусъ около Бухареста.

Занявъ Софію и всю страну къ сѣверо-западу отъ нея, мы можемъ, съ позднею весной:

1. Продвигаться прямо къ Филиппополю.

2. Искусно перекинуть массу войскъ отъ Софіи снова къ Тырнову, и черезъ Ханкіой и Шипку, двинуть въ обходъ Филиппополя, на Адріанополь.

3. При готовности Греціи начать войну, изъ Софіи, занявъ Ускюбъ, двинуться долиною Вардаря къ Салоникамъ и овладѣть этимъ портомъ.

Этимъ движеніемъ мы ограничимъ раіонъ турецкихъ владѣній почти одною Румеліею, отрѣзываемъ отъ нея Албанію, которой даемъ самостоятельность, и Македонію, которую присоединяемъ къ Греціи.

*

Отъ Ускюба до Салоникъ около 200 верстъ. Съ занятіемъ Салоникъ мы можемъ перевести туда весь свой флотъ, который можетъ искать битвы съ турецкимъ. Успѣхъ приведетъ къ лишенію Турціи Болгаріи, Босніи, Герцеговины, Албаніи, Македоніи, что, въ связи съ нашимъ продвиженіемъ впередъ въ Малой Азіи, дастъ возможность имѣть славный и результатный миръ.

Европа отдастъ подвластнымъ Турціи народамъ свободу, если мы захватимъ эти области дѣйствительно.

При движеніи же прямо на Адріанополь, вопросы о Греціи, Герцеговинѣ, Черногоріи и Македоніи могутъ быть рѣшены иначе, а мы, взявъ Адріанополь, отступимъ въ Россію и оставимъ Турціи достаточно силъ, пространства и населенія, чтобы еще много разъ имѣть войны съ нами.

Война съ Турціею будетъ для России *послѣднею*, если у Турціи будутъ отняты Болгарія, Боснія, Герцеговина, Албанія и Македонія.

Недостатокъ предложеннаго плана наиболѣе вѣсскій есть сопротивленіе Австріи и Англіи.

Васъ уважающій

М. Скобелевъ".

Михаилу Дмитріевичу было многое неизвѣстно изъ того, что зналъ Главнокомандующій.

Передъ тѣмъ, что начался послѣдній періодъ кампаніи, наступившій послѣ паденія Плевны и сдачи арміи Османа-Паши,—Его Высочеству пришлось выдержать еще одну борьбу съ Радецкимъ и своими ближайшими помощниками.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій не рѣшался на предложенную ему атаку Весселя-паши и 11-го декабря прислалъ своего Начальника Штаба генералъ-маіора Дмитровскаго съ представленіемъ о затруднительности движенія на Шипку и предпочтеніемъ выждать,—пока Гурко, переваливъ черезъ Балканы, выйдетъ въ тылъ Шипкинской позиціи турокъ. Его Высочество, несмотря на всѣ доводы Дмитровскаго, спокойно и внимательно ихъ выслушалъ, но своего рѣшенія не измѣнилъ.

21-го Его Высочество получилъ извѣстіе отъ Гурко объ окончательномъ переходѣ 19-го черезъ Балканы, 24-го о занятіи Софіи, 27-го о занятіи Трояновскаго перевала 3 пѣхотной дивизіей генерала Карцова. 27-го Его Высочество перешелъ изъ Богота въ Ловчу.

28-го, въ $4^1/_2$ ч. вечера, получена телеграмма Реуфа-паши съ предложеніемъ вступить въ переговоры; а въ 10 ч. вечера—Радецкаго о сдачѣ Шипкинской арміи Весселя-паши.

Гигантская преграда Балканскаго горнаго хребта была преодолѣна.

Извѣстіе это вызвало въ насъ необыкновенный подъемъ духа и радость до опьяненія.

Его Высочество былъ въ восторгѣ. И было отъ чего! Задуманный, и несмотря на всѣ препятствія, наконецъ вполнѣ осуществленный планъ перехода черезъ Балканы—*свершился,* и это какъ разъ въ то время, когда турки уже входили съ предложеніемъ вступить въ переговоры!

Для Великаго Князя успѣхъ этотъ, кромѣ того, имѣлъ огромное личное значеніе, какъ для полководца, который всю свою жизнь посвятилъ излюбленному имъ дѣлу и завершилъ его такою блистательною военною операціею.

Понятно, что, подъ силою этого переполненія чувствъ, Великій Князь со всѣми нами, какъ пишетъ Газенкампфъ—„всталъ и началъ приплясывать по комнатѣ, а вслѣдъ за нимъ и мы, не исключая старика Непокойчицкаго", который, притопывая, вдругъ остановился и укоризненно обратился къ Левицкому:—„А кто меня ночью поднялъ и уговаривалъ идти къ Его Высочеству и упросить остановить наступленіе Радецкаго?"

„Виноватъ, виноватъ", повторялъ, добродушно улыбаясь, Казимиръ Васильевичъ.

„Какъ это было, Ваше Высокопревосходительство?"—подхватилъ я, „когда это Казимиръ Васильевичъ не могъ успокоиться и потревожилъ Васъ и Его Высочество?"

„А это когда уѣзжалъ Дмитровскій", — отвѣтилъ начальникъ Штаба,—„Казимиръ Васильевичъ, уже поздно ночью, уговорилъ меня, и я пошелъ къ Его Высочеству. Великій Князь насъ принялъ въ постели, выслушалъ и говоритъ: „Помните, Артуръ Адамовичъ, нашъ уговоръ, когда вы въ Петербургѣ впервые мнѣ представились, тогда я сказалъ, что буду выслушивать всѣ представленія и обсужденія, но—когда рѣшусь и скажу вамъ: „Я такъ рѣшаю"—тогда конечно, и Я не измѣню своего рѣшенія".—Затѣмъ Его Высочество сказалъ—... „Я такъ рѣшилъ!" Я поклонился, извинился, что потревожили. Мы удалились, и вотъ блестящій результатъ твердости нашего Главнокомандующаго!

„Теперь для насъ нѣтъ болѣе Балканъ",—заключилъ Великій Князь телеграмму къ Государю отъ 20-го декабря изъ Ловчи [1]),— „въ суровую зиму славныя войска Вашего Императорскаго Величества преодолѣли эту грозную преграду и сломили отчаянное сопротивленіе врага на всемъ пространствѣ отъ Софіи до Хаинкіоя и Твардицы. Начатый разгромомъ Софійской арміи, переходъ нашъ

---

[1]) Дневникъ Газенкампфа VI, стр. 27.

черезъ Балканы завершился плѣненіемъ арміи Шипкинской. Возблагодаримъ Бога, даровавшаго намъ столь полную побѣду.

Вездѣ войска наши идутъ впередъ".

— Завтра мы выступаемъ въ Сельви, 30-го—въ Габрово; 31-го перевалимъ черезъ Балканы и встрѣтимъ Новый годъ въ Казанлыкѣ,—объявилъ Великій Князь.

— А какъ же сообщеніе съ отрядами, Ваше Высочество?—спросилъ я,—для этого еще ничего не сдѣлано, оно на время прервется.

— Ничего,—отвѣтилъ Великій Князь,—теперь важнѣе всего пресѣчь путь на Адріанополь и Константинополь Сулейману. Я знаю моего Θедора Θедоровича и спѣшу его обнять.

Великій Князь высоко цѣнилъ отличительныя достоинства своихъ сподвижниковъ, но и зналъ ихъ недостатки.

Θедора Θедоровича Радецкаго Его Высочество считалъ незамѣнимымъ въ минуту опасности, которая вызывала въ Радецкомъ необыкновенную энергію, находчивость и дѣятельность, но когда она проходила, онъ успокаивался [1]).

Послѣдняя черта объясняла поспѣшность, съ которою Его Высочество отправился за Балканы съ ограниченнымъ числомъ лицъ своего Штаба [2]).

Послѣ объѣзда славной 14 пѣхотной дивизіи, и у деревни Шипки войскъ, принимавшихъ участіе въ сраженіяхъ 27-го и 28-го декабря, Великій Князь скомандовалъ:

— Слушай, на караулъ! и, снявъ фуражку, провозгласилъ: „Генералу Радецкому ура!" Войска съ воодушевленіемъ подхватили „ура", а Его Высочество обнялъ и расцѣловалъ Радецкаго. Затѣмъ мы двинулись къ Казанлыку.

Подъѣзжая къ лѣсу, Великій Князь увидѣлъ вытянувшійся строй кавалеріи.

— Это что такое?—обратился онъ ко мнѣ,—узнай, спроси Θедора Θедоровича.

Я подъѣхалъ и повторилъ вопросъ Его Высочества.

— Это, знаете, 1-я дивизія; они очень просили представиться Его Высочеству послѣ труднѣйшаго перехода со Скобелевымъ.

Великій Князь съ мѣста приказалъ отправить одинъ полкъ на Ямболь, а два, подъ начальствомъ Струкова, въ авангардъ Скобелева, чтобы войти въ потерянное соприкосновеніе съ отступившими отрядами турокъ и продолжать наступленіе.

---

[1]) Какъ французскій маршалъ Вандомъ (Vendôme).

[2]) Дневникъ Газенкампфа VI, стр. 40.

„Если бы Великій Князь не поспѣшилъ за Балканы лично, наступательное движеніе началось бы не скоро“, пишетъ Газенкампфъ,—„Радецкій съ Дмитровскимъ вовсе не были расположены трогаться съ мѣста. Дмитровскій спорилъ противъ немедленнаго наступленія такъ же горячо, какъ мѣсяцъ тому назадъ противъ идеи обхода Шипки“.

Это и была причина нашего спѣшнаго перехода въ долину Тунджи,—чтобы лично взять въ свои руки дальнѣйшее наступленіе, воспользоваться достигнутыми побѣдами и довести дѣло до конца.

3-го января взятъ Филиппополь, 4-го—занятъ городъ Сливно и Гурко отбросилъ турокъ подъ начальствомъ Фуадъ-паши въ горы Деспотодагъ, за Еникіой и Ласкову, при чемъ путь на Адріанополь черезъ Хаскіой имъ окончательно отрѣзанъ.

Скобелевъ занялъ: Сейменли, Трновъ, Гютерли и Херманлы.

8-го января Струковъ занялъ Адріанополь.

„Событія такъ быстро совершаются и опережаютъ всевозможныя предположенія (телеграфируетъ Великій Князь Государю), что если такъ Богъ благословитъ далѣе, то мы скоро можемъ быть невольно подъ стѣнами Царьграда. Въ виду этого для Твоихъ политическихъ соображеній сообщаю, что 15 января надѣюсь быть въ Адріанополѣ. Къ тому времени войска Гурко могутъ быть по дорогѣ на Демотику, куда онъ мною направленъ отъ Хаскіоя. Часть пѣхоты Скобелева 2-го теперь уже въ Адріанополѣ. Радецкій будетъ тамъ около 15-го. Голова гренадеръ тоже 15-го у Херманлы. Полагаю двинуть 17-го пѣхоту до дорогамъ отъ Адріанополя на Константинополь. Если не встрѣчу особыхъ препятствій, то къ концу мѣсяца могу быть у стѣнъ Константинополя“.

Казанлыкъ, 10 января, 1 ч. дня.

„Турецкое населеніе, уничтожая все свое имущество, увозитъ семейства, которыя по дорогамъ гибнутъ тысячами.

Паника страшная, неописанная, равно и сопровождающія ее потрясающія событія. Въ виду всего этого долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что *при настоящихъ обстоятельствахъ невозможно уже теперь останавливаться,* и въ виду отказа турками условій мира, *необходимо идти до центра, т. е. до Царьграда и тамъ покончить предпринятое Тобою святое дѣло.* Сами уполномоченные Порты говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены, а намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь. При этомъ занятіе Галлиполи, гдѣ находится Турецкій отрядъ, неизбѣжно, чтобы предупредить, если возможно, приходъ туда англичанъ, и, при окончательномъ разсчетѣ, — имѣть въ своихъ ру-

кахъ самыя существенныя гарантіи для разрѣшенія вопроса въ нашихъ интересахъ. Вслѣдствіе этого не буду порѣшать съ уполномоченными до полученія отвѣта на эту депешу и съ Богомъ иду впередъ".

Казанлыкъ, 10 января, 3 ч. дня.

„Послѣднія двѣ телеграммы составлены самимъ Великимъ Княземъ, пишетъ Газенкампфъ. Созрѣвшая въ Великомъ Князѣ рѣшимость идти безостановочно на Константинополь и Галлиполи одновременно—вполнѣ соотвѣтствуетъ необычайно и неожиданно—благопріятной для насъ обстановкѣ. Такія историческія минуты очень рѣдки и никогда не повторятся, ихъ надо хватать на-лету".

14-го мы прибыли въ Адріанополь.

21-го назначено наступленіе.

12-го Февраля Его Высочество вступилъ въ С.-Стефано.

19-го былъ подписанъ миръ.

Затѣмъ началась дипломатическая борьба съ Англіею и Австріей. Злое сѣмя—„18 мая"—дало свои плоды. Время для занятія Константинополя было давно упущено. Послѣ ряда недоразумѣній возникло неудовольствіе, и Главнокомандующій былъ отозванъ 2-го апрѣля.

„Упущенный моментъ не вернется во вѣки". „Время на войнѣ цѣнится секундами".

Наполеонъ.

Отъѣздъ изъ арміи.

Пятнадцатаго апрѣля 1878 года прибылъ къ намъ въ Санъ-Стефано вновь назначенный главнокомандующій генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.

Когда онъ пришелъ представиться Его Высочеству, Великій Князь приказалъ мнѣ провести его къ себѣ въ спальню.

Это была самая отдаленная комната въ занимаемомъ нами домѣ Аракель-бея-Дадіанъ. Я встрѣтилъ гр. Тотлебена и, попросивъ его подняться наверхъ, провелъ къ Его Высочеству. У Великаго Князя находился уже начальникъ Штаба Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій.

Я заперъ дверь и остался въ своей сосѣдней комнатѣ.

Вскорѣ разговоръ сталъ шумный; до меня долетали отдѣльныя фразы все возвышавшаго свой голосъ гр. Тотлебена.

— Какъ это, Ваше Высочество, Вы позволили себѣ не исполнить приказанія Его Величества!—и что-то тому подобное.

Затѣмъ послышался возвышенный, раздраженный голосъ Великаго Князя:

— Эдуардъ Ивановичъ, вы забываетесь! Не вамъ мнѣ дѣлать замѣчанія! Вы забываете, кто я! Довольно...

Эдуардъ Ивановичъ затихъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вышелъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ блуждавшими глазами и машинально поворачивая голову направо и налѣво.

Я замѣтилъ изъ прежняго времени, что когда онъ бывалъ возбужденъ, то ворочалъ голову и, когда приходилъ, въ особенности отъ своего разсказа, въ удовольствіе, то обыкновенно медленно съ самодовольствіемъ на лицѣ, плавно поворачивался всѣмъ корпусомъ и плечами.

Я проводилъ его по лѣстницѣ и вернулся къ Великому Князю. Его Высочество былъ блѣденъ и сильно взволнованъ.

— Ты слышалъ, обратился онъ ко мнѣ,—Эдуардусъ забылся до того, что сталъ возвышать на меня голосъ, и я долженъ былъ его оборвать.

— Слышалъ, Ваше Высочество. Вижу, что это отголосокъ Петербурга и рѣзкой Государя къ Вамъ телеграммы.

Артуръ Адамовичъ стоялъ блѣдный, переминаясь на ногахъ и повторялъ:

— Это Богъ знаетъ что! Не принимайте, Ваше Высочество, это къ сердцу. Вы свято исполнили Вашъ долгъ. Дѣло само за себя говоритъ.

Разговоръ съ Тотлебеномъ, видимо, очень разстроилъ Великаго Князя.

— Ваше Высочество,—замѣтилъ я,—вѣдь это иначе и быть не можетъ. Вы продолжаете пожинать Ваши лавры.

Помните, что я сказалъ Вамъ въ Казанлыкѣ, когда была получена первая телеграмма послѣ перехода черезъ Балканы, выражавшая въ то время совершенно непонятное для Васъ неудовольствіе.

Это былъ первый листокъ изъ Вашего лавроваго вѣнка, а теперь онъ весь обозначился.

17-го апрѣля Его Высочество простился съ нашими гостепріимными хозяевами. Великій Князь пошелъ въ верхній этажъ дома, гдѣ они помѣщались; я несъ за нимъ серебряный жбанъ, наполненный червонцами. Хозяйка, жена Аракель-бея, за все время нашего пребыванія лежала больная въ кровати.

Взявъ жбанъ отъ меня, Его Высочество передалъ его госпожѣ Дадіанъ, поблагодарилъ за радушное гостепріимство и поцѣловалъ ручку, прося принять жбанъ на память, такъ же, какъ и серебряный чайный сервизъ. Аракель-бей получилъ звѣзду ордена Станислава 2-й степени.

Дадіаны, казалось, были стѣснены денежнымъ подаркомъ, но я объяснилъ старику, что отказаться отъ этого нельзя, такъ же, какъ Великій Князь не отказывался отъ ихъ хлѣба-соли.

До пристани Его Высочество въ сопровожденіи гр. Тотлебена и старшихъ начальниковъ прошелъ пѣшкомъ среди разставленныхъ шпалерами войскъ и оглушительнаго „ура".

Мы сѣли въ паровой баркасъ и поѣхали на „Ливадію". У всѣхъ было тяжело на сердцѣ. Нашъ походъ на востокъ кончился. Въ душѣ, сердцѣ и умѣ ощущалась какая-то пустота; что-то будто оборвалось въ насъ. Мы отчалили. Берегъ съ пристанью сталъ удаляться. Еще доносится „ура" нашей славной побѣдоносной арміи... берегъ унизанъ солдатами... еще можно отличить среди нихъ офицеровъ, машущихъ фуражками и платками... Но вотъ отдѣльныя лица стали сливаться въ линіи, голосъ многотысячной толпы сталъ относиться вѣтромъ, вотъ берегъ совсѣмъ удалился и слился въ общую полосу зданій и садовъ.

Его Высочество молчалъ.—Да, тяжело было на сердцѣ нашего бывшаго главнокомандующаго, который, не взирая на всѣ препятствія, неустройства, недоразумѣнія, связанность въ свободѣ дѣйствій—послѣ Олега снова побѣдоносно привелъ русское войско къ вратамъ Царь-града и долженъ былъ удержаться отъ страшнаго искушенія—взять Царь-градъ и водрузить Крестъ на Св. Софіи, а затѣмъ видѣть, какъ всѣ наши побѣды стали таять и терять свою силу, а положеніе побѣдоносной арміи становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, разбитая же турецкая армія сосредоточилась въ Константинополѣ и едва не была въ торжествующемъ, по сравненіи съ нами, положеніи. Обидно! Досадно! Грустно!

Вотъ прошли Стамбулъ, башню Леандра, Золотой Рогъ. На встрѣчныхъ судахъ и стаціонерахъ люди стояли по вантамъ и реямъ; съ военныхъ турецкихъ судовъ выбѣгали клубы дыма салютовъ.

Дольма-Бахче, вдали Илдысъ-Кіоскъ, направо Бейлербей, налѣво мрачный Румели-Иссаръ, Буюкъ-Дере—все это вновь промелькнуло передъ глазами, какъ сновидѣнье, вызывая въ душѣ смутныя воспоминанія чего-то далекаго, хорошаго.

Все это должно было быть нашимъ, какъ наслѣдіе Византіи, все это было въ нашей власти, лишь стоило сдѣлать одинъ, послѣдній шагъ,—но... насъ задержали, а потомъ сказали: „зачѣмъ не взялъ", когда время прошло и когда не было рѣшительно уже никакой возможности взять то, что давалось намъ въ руки. И такъ кампанія кончилась. Мы перешли Дунай, перешагнули Балканы и стихійной волной насъ принесло къ вратамъ Царь-града. Цѣлый

рядъ успѣховъ сломилъ нашего исконнаго врага; мы держали въ своихъ рукахъ Царь-градъ, къ которому со временъ Олега, Игоря и Святослава насъ направляли историческіе пути, что возможность взять Константинополь была вполнѣ достижима, вошло въ наше сознаніе, а затѣмъ мы видѣли и пережили, какъ все, что трудами, лишеніями и кровью было достигнуто,—неудержимо таяло, ускользало изъ рукъ, и плоды побѣдъ были у насъ вырваны.

Было надъ чѣмъ задуматься.

Великій Князь и съ нимъ всѣ мы чувствовали ту роковую силу, которая не дала намъ возможности воспользоваться достигнутыми успѣхами.

Его Высочество былъ удрученъ и глубоко разстроенъ; всѣ молчали.

Совершенное отсутствіе вѣтра, подернутая бѣлой, прозрачной мглой лазурь небесъ и тишина на морѣ способствовали сосредоточенности настроенія и тихой грусти, которая забиралась въ глубь души.

Въ такомъ настроеніи мы наконецъ достигли Одессы. Вотъ она, родная земля! Казалось, въ виду ея все можно было забыть. Но, нѣтъ!

Неудовлетворенность отравляла естественное чувство радости.

Первая депеша, которую Великій Князь получилъ, вступивши на родную землю, была—„чтобы поѣздъ Его Высочества миновалъ Москву".

Великій Князь обратился ко мнѣ:

— Ты понимаешь это распоряженіе?

— Конечно, понимаю,—отвѣтилъ я.

Въ такомъ удрученномъ настроеніи, мы черезъ Вильну стали подъѣзжать къ Петербургу. Великій Князь былъ сосредоточенъ и молчалъ. Я сидѣлъ противъ него.

Проѣхали Гатчино, Царское.

Его Высочество былъ необыкновенно блѣденъ и, видимо, томился.

— Ваше Высочество, отчего Вы такъ страдаете?

— Хорошо тебѣ! Ты куда ѣдешь? Домой! Тебя встрѣтитъ жена, дѣти, а кто меня встрѣтитъ? Онъ! и я къ Нему пойду.

— Ваше Высочество, а сознаніе исполненнаго долга. Чѣмъ Государь можетъ Васъ попрекнуть! Вѣдь Вы испрашивали разрѣшеніе довести дѣло до конца—взять Константиноноль, когда была возможность, и онъ былъ въ Вашихъ рукахъ. Государь тогда запретилъ. Вѣдь не Вы остановились передъ Константинополемъ, а Васъ остановили.

— Все это такъ,—отвѣтилъ Великій Князь,—но когда желаютъ

или считаютъ нужнымъ, чтобы я былъ виноватъ... Развѣ ты не понимаешь, какое здѣсь настроеніе? Развѣ ты не понялъ изъ хода дѣлъ и нашей переписки и наконецъ—поведеніе со мною Эдуарда. Мнѣ предстоитъ тяжелое объясненіе съ Государемъ. Онъ убѣжденъ, что далъ мнѣ приказаніе взять Константинополь, и что я не исполнилъ, а потому всю неудачу сваливаетъ на меня и винитъ меня.

Мы стали подходить къ платформѣ; поѣздъ замедлилъ ходъ; послышалась команда, заиграла музыка. Вдали на платформѣ виденъ былъ Государь, окруженный своей свитой. Поѣздъ остановился, Великій Князь вышелъ. Государь поцѣловалъ его и предложилъ принять почетный караулъ.

При крикахъ „ура" окружавшей толпы, Его Высочество обошелъ почетный караулъ, пропустивъ который Его Величество сѣлъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ въ коляску и поѣхалъ въ Зимный дворецъ.

На слѣдующій день я отправился къ Его Высочеству. Великій Князь былъ спокойнѣе, сидѣлъ за столомъ и разливалъ чай.

— Ну, что, Ваше Высочество, обошлось благополучно! Государь самъ встрѣтилъ Васъ. Вѣдь могъ и не пріѣхать.

— Да,—отвѣтилъ Великій Князь,—когда мы ѣхали въ коляскѣ во дворецъ, Государь объяснилъ мнѣ, что Онъ для того меня лично встрѣтилъ, чтобы народъ меня не освисталъ.

— Богъ знаетъ, Ваше Высочество... что Вы говорите!—воскликнулъ я.

— Государь раздраженъ политическими неудачами,—замѣтилъ Великій Князь,—и приписываетъ всю вину мнѣ, что я не исполнилъ Его приказанія и не взялъ Константинополя, а я Ему отвѣтилъ, что такого приказанія не получалъ.

Причиною неудовольствія Государя было недоразумѣніе, основанное на телеграммахъ отъ 29 и 30 января.

Государь былъ убѣжденъ, что посланная Имъ телеграмма отъ 29 января служила выраженіемъ Его непремѣнной воли и категорическаго приказанія—„занять Константинополь". Его Величество телеграфировалъ слѣдующее:

„Изъ Лондона получено оффиціальное извѣщеніе, что Британскій кабинетъ, узнавъ отъ Леярда объ опасномъ, будто бы, положеніи христіанъ въ Константинополѣ, далъ приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и *нашихъ войскъ* въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло исполниться дружескимъ образомъ; если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовыми занять Царь-градъ даже силою. О на-

значеніи числа войскъ предоставляю твоему усмотрѣнію, равно, какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками Дунайскихъ крѣпостей".

„По объясненію лица, близко стоявшаго къ Императору Александру II, пишетъ Домонтовичъ-Шильдеръ, телеграмма отъ 29 января была лично составлена Государемъ подъ впечатлѣніемъ сильнаго гнѣва, вызваннаго политикой Англіи. Первоначальный текстъ этой телеграммы Государь прочелъ Военному Министру, но выслушавъ его докладъ и признавъ, что занятіе нашими войсками Константинополя не согласовалось бы съ прежде данными Англіи по этому поводу заявленіями, Его Величество поручилъ генералъ-адъютанту Милютину составить новую телеграмму. Это и была депеша отъ 30 января, въ тотъ же день отправленная Главнокомандующему".

Спустя нѣсколько часовъ и Государь посылаетъ свою телеграмму отъ 29 января, не измѣнивъ числа на бланкѣ.

О посылкѣ этой телеграммы Его Величество сообщилъ г.-ад. Милютину, спустя нѣсколько дней.

Другая депеша отъ 30 января, полученная 1 февраля и опередившая телеграмму отъ 29 января, полученную 2 февраля, содержала въ себѣ такія указанія:

„Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятыя нами относительно Галиполи и Дарданеллъ.

Въ случаѣ, если бы англичане сдѣлали гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю тебѣ въ такомъ случаѣ полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ съ тѣмъ однако же, чтобы избѣгать непосредственное столкновеніе съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно".

Однако же положеніе дѣлъ передъ Константинополемъ совершенно измѣнилось со времени заключенія перемирія и къ тому же не въ нашу пользу.

„Съ каждымъ днемъ, доносилъ Его Высочество 4 февраля въ отвѣтъ на телеграммы отъ 29 и 30 января, занятіе войсками нашими Константинополя становится затруднительнѣе, въ случаѣ, если Порта добровольно не согласится на наше вступленіе, потому что числительность турецкихъ войскъ увеличивается съ каждымъ днемъ войсками, приведенными изъ оставляемыхъ крѣпостей. *Предупреждаю объ этомъ для того, чтобы не считалъ занятіе Царьграда столь же легкимъ, какъ то было день недѣли тому назадъ.*

Затрудняетъ переговоры распущенный въ Царьградѣ слухъ о предполагаемой будто бы Европейской Конференціи, до исхода которой миръ не будетъ считаться окончательнымъ".

Упущенный моментъ не вернется во вѣки! Время на войнѣ цѣнится секундами, говоритъ Наполеонъ.

Если бы наступленіе 21 января не было задержано, Константинополь былъ бы взятъ почти безъ сопротивленія и „тамъ было бы покончено предпринятое святое дѣло", какъ телеграфировалъ Великій Князь Государю 10 января.

Наконецъ телеграмма отъ 29 января не представляла рѣшительно высказаннаго приказанія, оно значительно ослаблялось тѣми оговорками, которыя ея выполненіе ставили въ зависимость отъ тогдашняго общаго положенія дѣлъ на театрѣ войны.

Если бы даже телеграмма отъ 29 января пришла своевременно, т.-е. ранѣе телеграммы отъ 30 января, и тогда бы Великій Князь не могъ принять ее „*за категорическое приказаніе, потому что время было упущено*".

„Геройскія усилія войскъ, отстоявшихъ Шипку, овладѣвшихъ Плевною и перешедшихъ зимой Балканы, могли—(пишетъ Шильдеръ)—совершить новые подвиги; передъ ними можно только благоговѣть, а не основывать на нихъ политическихъ разсчетовъ.

„*То благопріятное для насъ время, когда мы въ январѣ могли сдѣлать все, что хотѣли, прошло безвозвратно*".

Неудовольствіе Государя усугубилось, когда Великій Князь на телеграмму отъ 18 марта [1]), въ дѣйствительности неисполнимую, въ особенности при требованіи—„отнюдь не подвергать предпріятіе какому-нибудь риску"—отвѣтилъ: „Шифрованную телеграмму получилъ; все будетъ принято къ свѣдѣнію и буду дѣйствовать по обстоятельствамъ".

„Отвѣтъ твой на Мою шифрованную телеграмму отъ 18 марта",—телеграфировалъ Государь—„получилъ вчера вечеромъ, во время Инвалиднаго концерта. Удивляюсь, что ты принялъ ее

---

[1]) „Разрывъ съ Англіею почти неизбѣженъ. Мы должны неотлагательно все приготовить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и только тогда, когда все будетъ готово, потребовать отъ Порты категорическаго отвѣта: какъ намѣрена она дѣйствовать въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Англіи?—Если заодно съ нами—то немедленно должна передать въ наши руки укрѣпленія Босфора, по крайней мѣрѣ на Европейскомъ берегу и войти съ тобою въ соглашеніе о распредѣленіи ея военныхъ силъ. Если же она считаетъ себя слишкомъ ослабленною для участія въ войнѣ противъ Англіи,—то должна, сдавъ намъ означенныя укрѣпленія, прекратить всѣ вооруженія, распустить или удалить войска, затрудняющія наши дѣйствія, разоружить остающіяся въ Черномъ морѣ суда и поставить ихъ въ тѣ порты, которые нами будутъ

только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію и руководству, о чемъ подтверждаю тебѣ наистрожайше".

Замѣтимъ здѣсь, что эта телеграмма была отправлена открытою, а не шифромъ. Великій Князь, будучи крайне огорченъ этою телеграммою, поспѣшилъ отвѣтить Государю, что всегда свято исполнялъ и исполнитъ Высочайшія повелѣнія, но обезоружить стотысячную армію и флотъ считаетъ положительно невозможнымъ.

Предъявленіе Турціи этого требованія въ ту минуту, когда она объявитъ себя нейтральною, могло бы возобновить всю ея ненависть къ намъ и неминуемо заставить ее перейти на сторону Англіи.

Поэтому Великій Князь и донесъ, что будетъ имѣть вышеупомянутое повелѣніе въ виду:—противъ совѣсти было бы донести Государю Императору, что будетъ исполнено то, что *по ходу дѣлъ невозможно* [1]).

Злополучная инструкція отъ 18 мая приносила свои горькіе плоды.

Какъ было выше выяснено, въ существѣ своемъ она не исходила отъ Государя и была предъявлена помимо Его воли, а между тѣмъ она вліяла на развитіе дипломатическихъ сношеній, давши поводъ Англіи представлять свои требованія, опираясь на нарушенное обѣщаніе „не идти за Балканы".

Вмѣсто того, чтобы доводить дѣло до конца, какъ испрашивалъ Великій Князь, приходилось дѣлать уступки Англіи и терять время, которое на войнѣ цѣнится „секундами", а это привело къ тому, что „упущенъ былъ моментъ, который не вернется во вѣки".

Понятно, что неудачи эти раздражали Государя, вложившаго въ дѣло освобожденія христіанъ столько сердца и души. У Государя сложилось убѣжденіе, что Великій Князь не исполнилъ Его приказаніе, и это повлекло за собой всѣ неудачи. Однако, установившіяся тяжелыя отношенія съ Великимъ Княземъ тяготили Государя.

Послѣ похоронъ Государя, черезъ нѣсколько дней, кн. Юрьевская просила Его Высочество пріѣхать.

Великій Квязь поѣхалъ.

указаны, и воспретить своимъ подданнымъ всякое участіе во враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны вступать въ Константинополь, но утвердиться только на берегахъ Босфора, занявъ нѣсколько пунктовъ, чтобы эшелонировать загражденія.—Начинать рѣшительные переговоры и дѣйствія слѣдуетъ только тогда, когда все будетъ вполнѣ подготовлено и притомъ отнюдь не слѣдуетъ подвергать предпріятіе какому-либо риску, а для сего желательно заранѣе притянуть ближе къ Босфору наибольшія силы, какія признаешь возможнымъ" (телеграмма отъ 18 марта 1878 г.").

[1]) Шильдеръ, 49.

— „Ваше Высочество", — обратилась она къ нему,—„я считаю своимъ долгомъ сообщить Вамъ о томъ, какъ Государь тревожился, и какъ Онъ тяготился установившимися отношеніями съ Вами.

За нѣсколько дней до смерти Онъ выразилъ это слѣдующими словами:

„Мнѣ очень жаль брата и ты увидишь, какъ Я его возстановлю.

Богу было угодно, чтобы высказанное желаніе Государя не осуществилось, а потому я считаю своей обязанностью передать эти слова Вамъ".

Когда Великій Князь мнѣ это разсказалъ, я невольно воскликнулъ: вотъ видите, Ваше Высочество, какъ хорошо, это должно примирить Васъ съ покойнымъ Царственнымъ Братомъ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Главнокомандующій во всю кампанію не уклонялся отъ своего первоначальнаго плана и, получивъ потребныя для его исполненія силы, вслѣдъ за паденіемъ Плевны, приступилъ къ продолженію временно прерванныхъ дѣйствій, при чемъ событія развернулись и слѣдовали съ молніеносною быстротою:—совершился геройскій переходъ черезъ Балканы и наша славная армія со своимъ побѣдоноснымъ полководцемъ стихійной волной дошла до Царьграда—тысячелѣтней мечты русскаго сердца.

Затѣмъ! Затѣмъ дипломатія свела почти на „нѣтъ" всѣ наши успѣхи.

За время 18 мѣсяцевъ кампаніи Его Высочество только два раза испыталъ чувство глубокаго удовлетворенія:—это *успѣхъ переправы черезъ Дунай и переходъ черезъ Балканы.*

Какъ то, такъ и другое, всецѣло принадлежало его дарованію. Сдача Османа-Паши его радовала, какъ окончаніе терпѣливо выдержаннаго испытанія; а стройное исполненіе наступленія отъ Балканъ до Константинополя и разгромъ турецкой арміи радовали, но только, какъ прямое послѣдствіе славнаго перехода черезъ горный хребетъ, и какъ блестящее заключеніе кампаніи.

Затѣмъ! Затѣмъ въ походѣ:—постоянная работа, безпокойство, выжиданія, интриги, борьба съ людьми, физическое утомленіе, а затѣмъ—по возвращеніи цѣлый рядъ *неудовольствій и огорченій.*

Но и въ эти тяжелые, послѣдующіе годы у Его Высочества было *нѣсколько отрадныхъ дней, когда онъ выѣзжалъ къ войскамъ,* когда ему высказывалось столько истинной любви и увлеченія. Такъ было въ 1881 году, на Ходынскомъ полѣ, необычайный сердечный порывъ гренадеръ къ своему бывшему Главнокомандующему. Тоже въ 1882 году на смотрахъ въ Чугуевѣ, встрѣча съ героями Шипки—Орловцами, Брянцами, Ельцами и Сѣвцами, съ Ѳ. Ѳ. Ра-

децкимъ во главѣ; также въ лагерѣ 3-й пѣхотной дивизіи подъ Нижнимъ-Новгородомъ въ 1883 году и въ Красномъ Селѣ, послѣ вечерней зари въ Высочайшемъ присутствіи въ 1890 г., гдѣ гвардія провожала Его Высочество, и это было въ послѣдній разъ, съ такимъ душевнымъ увлеченіемъ и высказала столько неподдѣльной любви и обожанія, что Его Высочество былъ потрясенъ до глубины души и, возвратившись во дворецъ, весь въ слезахъ отъ умиленія, долго не могъ успокоиться.

Наконецъ, въ неоднократныхъ поѣздкахъ на смотры и маневры въ Варшавскій округъ и въ послѣдній разъ въ 1890 г. въ Варшавѣ, на обѣдѣ у Іосифа Владиміровича Гурко, когда Гурко обратился къ Его Высочеству съ глубокопрочувствованною рѣчью, въ которой *очертилъ Великаго Князя, какъ человѣка, начальника, учителя и побѣдоноснаго полководца.*

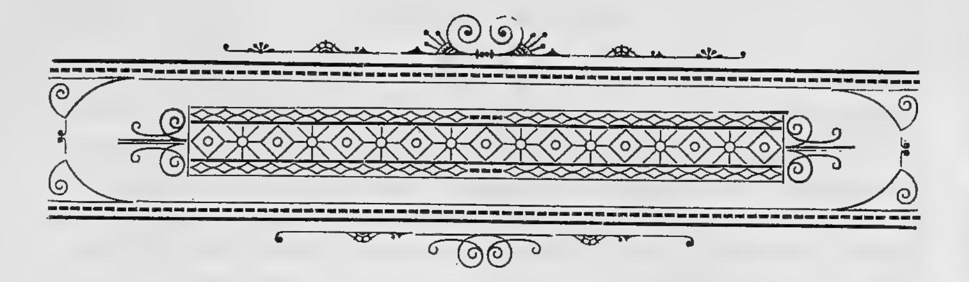
Затѣмъ! Затѣмъ страдальческая кончина и почти совершенное забвеніе.

Но вотъ минули годы, прошла цѣлая четверть столѣтія, появился дневникъ М. А. Газенкампфа, описаніе Турецкой войны 1877—1878 г.г. Гейсмана, и туманъ, заволакивавшій дѣятельность нашего полководца, начинаетъ рѣдѣть и свѣтлый обликъ Великаго Князя Главнокомандующаго снова выясняется: всегда ровный, привѣтливый, наставляющій спокойно, безобидно, снисходительный къ ошибкамъ, если онѣ быстро исправляются, чарующій въ обращеніи, уважающій во всякомъ его человѣческія достоинства, знающій отлично бытъ и службу войскъ, твердый въ преслѣдованіи служебнаго долга, всегда вызывающій чувство радости при своемъ появленіи, Великій Князь снова станетъ дорогъ памяти русскаго воина, будетъ признанъ, и обаяніе его личности, столь знакомое всѣмъ его сослуживцамъ, будетъ доблестнымъ примѣромъ всякому, кто призванъ руководить людьми.

12-го апрѣля 1907 года.

Дмитрій Скалонъ.

Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Изъ записокъ князя Адама Чарторійскаго) [1]).

(Окончаніе).

ГЛАВА XII.

Обостренныя отношенія съ Франціей.—Убійство герцога Энгіенскаго.—Протестъ Россіи.—Рѣзкая нота Талейрана.—Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Государя.—Мой докладъ.—Разрывъ съ Франціей.—Пріѣздъ въ Петербургъ лорда Говера.—Австрія и Пруссія.—Неизбѣжность войны.—Три арміи.—Предположеніе Императора Александра объявить себя королемъ Польскимъ.—Пропускъ нашихъ войскъ черезъ Пруссію.—Кн. Долгорукій.—Александръ въ Берлинѣ.—Потсдамскій доворъ 3 ноября 1805 г.—Веймаръ.—Свиданіе съ австрійскимъ императоромъ въ Ольмюцѣ.—Полк. Вейротеръ.—Маккъ.—Кутузовъ.—Аустерлицъ.

При отношеніяхъ, установившихся къ этому времени между Россіей и Франціей, и при совершенно различныхъ взглядахъ обоихъ правительствъ, достаточно было самаго ничтожнаго случая, чтобы вызвать столкновеніе; судя же по манерѣ, съ который первый консулъ привыкъ вести свои дѣла, можно было легко предвидѣть, что оно произойдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Поводъ къ столкновенію былъ совершенно лишенъ матеріальнаго интереса и состоялъ только въ нарушеніи принципа справедливости и права.

Захватъ герцога Энгіенскаго, произведенный французскимъ отрядомъ въ совершенно независимой странѣ, бывшей съ Франціей въ дружескихъ отношеніяхъ, его процессъ и послѣдовавшая затѣмъ казнь его, изумили Европу и вызвали въ ней чувство негодованія и ужаса, весьма понятное для всѣхъ и каждаго. Случай этотъ произвелъ на Александра и на всю царскую семью сильное впе-

---

[1]) См. „Русская Старина“, 1907 г. ноябрь.

чатлѣніе, которое не только не скрывалось, но намѣренно подчеркивалось ими. Извѣстіе о казни герцога Энгіенскаго было доставлено курьеромъ въ среду. На слѣдующій же день весь дворъ одѣлся въ трауръ и послѣ обѣдни, проходя черезъ залъ, гдѣ собрался весь дипломатическій корпусъ, императоръ и императрица совершенно обошли своимъ вниманіемъ французскаго посланника, тогда какъ ко всѣмъ, стоявшимъ около него, обратились съ привѣтливыми словами. И—дѣйствительно, Россійская держава, принимая во вниманіе роль, усвоенную ея Государемъ въ политикѣ, не могла оставаться спокойной зрительницей подобнаго преступленія противъ закона справедливости и международнаго права. Я составилъ ноту, надѣлавшую въ свое время много шума, она была передана французскому министерству господиномъ Д'Убриль, уполномоченнымъ въ Парижѣ.

Россія въ всеуслышаніе протестовала противъ такого явнаго попранія самыхъ священныхъ правъ человѣка. Она требовала удовлетворенія, очевидно невозможнаго въ этомъ случаѣ. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Тонъ его былъ рѣзкій и оскорбительный. Талейранъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, чтобы доказать неприличіе выходки русской дипломатіи, по поводу казни герцога Энгіенскаго, напомнилъ, что послѣ смерти Императора Павла Франція не сочла себя въ правѣ требовать какого-либо удовлетворенія отъ Россіи. Генералъ Гедувилль передалъ мнѣ, кромѣ этой оффиціальной депеши, письмо, которымъ, вѣроятно, хотѣли смягчить впечатлѣніе. Въ немъ Талейранъ рекомендуетъ ему обратиться непосредственно ко мнѣ. Онъ пишетъ, что первый консулъ довѣряетъ моей личности и моему уму и поэтому увѣренъ, что я сумѣю воспользоваться своимъ положеніемъ и не допущу обѣ страны до разрыва сношеній, не только лично для нихъ полезныхъ, но необходимыхъ для блага всей Европы.

Само собою разумѣется, подобное заигрываніе не произвело желаннаго дѣйствія на меня; наоборотъ, я усмотрѣлъ въ немъ даже личное оскорбленіе. Я очень сухо отвѣтилъ, что представлю все на усмотрѣніе Императора, что не могу сказать, не узнавъ его взгляда на этотъ предметъ, но что, по моему мнѣнію, подобный отвѣтъ французскаго правительства несовмѣстимъ съ высказываемымъ имъ желаніемъ поддерживать дружескія отношенія между двумя державами.

Дальнѣйшія сношенія между кабинетами были немыслимы. Графъ Морковъ незадолго передъ тѣмъ уже выѣхалъ изъ Парижа. Генералъ Гедувилль, отговорившись какими-то частными дѣлами, уѣхалъ въ отпускъ, оставивъ довѣреннымъ въ дѣлахъ г. Райневаль.

Относительно намѣреній русскаго Императора не оставалось никакихъ сомнѣній, впрочемъ, все это уже предвидѣлось при посылкѣ нашей ноты въ Парижъ. До разрыва сношеній Императоръ созвалъ совѣтъ, въ которомъ приняли участіе всѣ министры и многіе изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей. Я былъ уполномоченъ составить записку, излагавшую суть дѣла и способъ рѣшить его.

Я помню, что записку эту надо было написать въ ночь, въ виду обстоятельствъ, не терпящихъ отлагательства, и вызывающаго поведенія французскаго правительства, также не допускавшаго промедленія. Записка эта доказала, что первый консулъ захватомъ и казнью герцога Энгіенскаго нарушилъ права человѣка, что его отвѣтъ на наше представленіе по этому поводу не только не былъ удовлетворителенъ, но, наоборотъ, полонъ намѣреннаго оскорбленія, что онъ все продолжаетъ свою систему земельнаго захвата, не считаясь ни съ чьимъ правомъ, ни съ чьимъ интересомъ, кромѣ своего собственнаго, что, слѣдовательно, излишне и недостойно имѣть дальнѣйшія сношенія съ правительствомъ, недостаточно уважающимъ самого себя, чтобы воздержаться отъ вопіющаго насилія человѣческихъ правъ, съ правительствомъ, которое не внушаетъ никакого довѣрія, такъ какъ попираетъ своими ногами и всѣ общепринятыя другими государствами международныя права.

Записка эта кончалась предложеніемъ объявить Франціи, что никакія дипломатическія сношенія съ нею продолжаться не могутъ и отозвать русскую миссію изъ Парижа, а французской миссіи вручить паспорты, съ просьбою оставить предѣлы Русскаго государства въ самый кратчайшій срокъ. Французскіе подданные, живущіе въ Россіи, не должны подвергаться какому-либо притѣсненію; торговля можетъ не прерываться, и консуламъ предлагалось остаться на своихъ мѣстахъ.

Докладъ этотъ писался сгоряча, въ теченіе ночи, когда не было времени обдумывать выраженія и смягчить то, что при такомъ спѣшномъ изложеніи могло быть слишкомъ сильно сказано. Императоръ, предсѣдательствующій въ созваномъ совѣтѣ, познакомилъ присутствовавшихъ съ содержаніемъ записки и пригласилъ всѣхъ совершенно свободно высказать свое мнѣніе по этому предмету, добавивъ, что онъ желалъ бы, по возможности, всесторонне обсудить предлагаемый вопросъ. Несмотря на такое поощреніе Государя, пренія не отличались особеннымъ оживленіемъ, такъ какъ большинство министровъ совсѣмъ не интересовалось нашей иностранной политикой; они предпочитали предугадывать намѣренія Императора и не имѣли ни таланта, ни даже желанія, чтобы быть въ состояніи противорѣчить ему. Только графъ Кочубей высказался опредѣлен-

нѣе другихъ. Онъ заявилъ (и всѣ согласились съ нимъ), что разрывъ сношеній съ Франціей не представляетъ никакой опасности для Россіи, такъ какъ французамъ до нея не добраться; что подобный разрывъ только спасаетъ Россію отъ многихъ непріятностей, затрудненій и оскорбленій, неизбѣжныхъ при сношеніяхъ со страной, претендующей на первенствующее положеніе въ Европѣ.

Одинъ только графъ Румянцевъ, тогдашній министръ торговли, позднѣе канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, представилъ серьезныя возраженія противъ предложенной мѣры. Въ это время онъ былъ недоволенъ Англіей и симпатизировалъ Бонапарту. Румянцевъ —дипломатъ Екатерининской школы—былъ способенъ, по своимъ независимымъ взглядамъ, придать кабинету Александра характеръ старинной русской политики, что ему дѣйствительно и удалось нѣсколько лѣтъ спустя.

Графъ Румянцевъ призналъ, что послѣ всего случившагося, весьма понятно, трудно было воздержаться отъ шага, показавшаго всѣмъ, что Россія не намѣрена терпѣть обидъ со стороны Франціи и въ этомъ случаѣ послѣднее слово она оставляетъ за собой, но что лучше было бы, конечно, не ставить себя въ такое безвыходное положеніе. При этомъ, не отрицая высокаго значенія вопросовъ чести, справедливости и человѣческихъ правъ, онъ находитъ неблагоразумнымъ совершенное устраненіе вопросовъ личнаго интереса, и что высказываться такимъ положительнымъ, не подлежащимъ измѣненію образомъ можно было только при увѣренности въ благополучномъ для себя исходѣ, хорошо разсчитавъ свои силы и имѣя въ виду явно чью либо основательную поддержку. Онъ освѣдомился, предусмотрѣло ли русское правительство послѣдствія дѣлаемаго имъ рискованнаго шага и дало ли оно себѣ ясный отчетъ въ его результатахъ, и, наконецъ, увѣрено ли оно въ пользѣ этого шага для государства и въ полной безопасностя послѣдняго со стороны Франціи.

Я отвѣчалъ ему, что Имперія не подвергается ни малѣйшей опасности, что предполагаемый шагъ имѣетъ своей цѣлью только удовлетвореніе чувства оскорбленнаго достоинства и справедливости, безъ всякаго намѣренія извлечь изъ подобнаго положенія какія-либо выгоды, въ которыхъ Россія ни мало не нуждается; что Императоръ совершенно удовлетворится выполненіемъ долга чести и сознаніемъ своей правоты въ глазахъ остальной Европы, и что положеніе его даетъ ему возможность позаботиться о средствахъ огражденія и безопасности государства.

Пренія на этомъ закончились; Государь утвердилъ всѣ пункты доклада и отдалъ приказъ о приведеніи ихъ въ исполненіе.

Я пригласилъ къ себѣ г. Райневаль, вручилъ ему ноту, выяснявшую причины принятаго императоромъ рѣшенія, а также передалъ и паспортъ для его немедленнаго выѣзда. Онъ принялъ сообщенное ему извѣстіе совершенно спокойно и не сдѣлалъ ни малѣйшихъ замѣчаній, сообразивъ, что при существовавшемъ положеніи вещей они были бы уже совершенно излишни. Съ моей стороны понятно было желаніе смягчить непріятность такого внезапнаго отъѣзда всего посольства и устранить всѣ затрудненія, вызванныя имъ, что̀ я и постарался сдѣлать. Впослѣдствіи я получилъ выраженія благодарности, какъ отъ г. Райневаль, такъ и отъ генерала Гедувилля, которому я также въ свое время оказалъ нѣкоторыя личныя услуги.

Историки того времени, по-моему, представляютъ наступившія событія не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Отношенія, устанавливавшіяся съ этого момента между Франціей и Россіей, были безпримѣрны въ исторіи. Чисто нравственная подкладка разрыва была новостью въ дипломатическомъ мірѣ, такъ какъ пострадавшее лицо не принадлежало къ семьѣ русскаго императорскаго дома и петербургскій кабинетъ не имѣлъ прямого права къ вмѣшательству. Подобное рѣшеніе было вызвано единственно возмущеніемъ—противъ явнаго попранія человѣческихъ правъ и международныхъ законовъ.

Ни одна изъ другихъ державъ не послѣдовала примѣру Россіи, хотя, правда, она находилась въ это время въ исключительно благопріятномъ положеніи, такъ какъ была единственною державою, на континентѣ, сохранившею независимость и не уровнившею своего достоинства. Неуязвимая со стороны Франціи, по неимѣнію послѣднею флота, она была грозна своимъ презрительнымъ спокойствіемъ, какъ неподвижная туча, таящая въ себѣ молніи и бурю. Россіи надо было, какъ можно дольше, сохранять такое внушительное положеніе; просьбы о поддержкѣ, о союзѣ, выраженія уваженія и почтенія сыпались на нее со всѣхъ сторонъ. Россія не должна была выходить изъ этого единственнаго въ своемъ родѣ положенія, не убѣдившись, что и личные, и общіе интересы дѣйствительно требуютъ, наконецъ, ея активнаго вмѣшательства; но случилось иначе.

Чтобы понять политическое движеніе этой эпохи и горячность, съ которой Европа принялась бороться съ Наполеономъ, несмотря на страхъ, внушаемый имъ, слѣдуетъ припомнить общественное мнѣніе о Наполеонѣ, преобладавшее въ Европѣ.

Люди, съ энтузіазмомъ привѣтствовавшіе первые шаги французской революціи, видѣли въ Наполеонѣ героя и поборника свободы; они считали его за человѣка, посланнаго самимъ Провидѣніемъ, чтобы дать восторжествовать на землѣ справедливости.

По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ не оправдывалъ ихъ ожиданій,

чувства его поклонниковъ все болѣе и болѣе охлаждались. Французская республика и времена Директоріи, несомнѣнно, были виновны во многихъ безразсудныхъ дѣйствіяхъ, но ихъ правительство всетаки оставалось вѣрно своей цѣли, ошибаясь только въ средствахъ ея достиженія; оно принесло странѣ много зла, но не измѣнило ей. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи оно поняло бы свою ошибку, вышло бы на вѣрный путь и научилось бы служить принципу не только собственнаго, но всеобщаго равноправія и справедливости для всѣхъ безъ различія. Но вся вѣра въ Наполеона, всякая иллюзія ея изчезла, какъ только онъ всталъ во главѣ правительства Франціи. Каждое его слово, каждый поступокъ убѣждали всѣхъ, что онъ думаетъ дѣйствовать только силой штыковъ и массой войскъ. Это было основной ошибкой Наполеона, подорвавшей его могущество. Онъ пересталъ быть надеждой угнетенныхъ народовъ и желаннымъ заступникомъ ихъ правъ. Потерявъ право на эти почетные титулы, создавшіе могущество французской республики, несмотря на ея недостатки и безумства, Бонапартъ самъ себя отодвинулъ въ ряды обыкновенныхъ честолюбивыхъ правителей. Правда, онъ выказалъ себя разносторонне-талантливымъ человѣкомъ, но обнаружилъ также и свое полное неуваженіе чьихъ-либо правъ и желаніе всѣхъ поработить и подчинить своему произволу.

Поэтому, когда наступилъ моментъ, благопріятный для борьбы съ Наполеономъ, всѣ приняли въ ней участіе со спокойной совѣстью, такъ какъ это была борьба съ силой, переставшей быть полезной для общества. Такое мнѣніе, ставшее въ Европѣ общимъ, распространилось и въ Россіи. Оно-то и толкнуло ея правительство, погрѣшившее, можетъ быть, излишней торопливостью, на путь, на которомъ уже не было никакой возможности сохранить за собой прежнюю роль, наиболѣе достойную для Россіи.

Миръ, заключенный въ Амьенѣ и встрѣченный съ одинаковымъ энтузіазмомъ по обѣ стороны пролива, былъ нарушенъ Наполеономъ съ присущей ему рѣзкостью, хотя право на этотъ разъ было на его сторонѣ. Онъ потребовалъ немедленнаго удаленія войска съ Мальты, которую Англія заняла подъ непремѣннымъ условіемъ очистить послѣ заключенія мира. Дальнѣйшая судьба этого острова, по состоявшемуся соглашенію, должна была быть урегулирована сообща всѣми державами. Англія надменно отказалась отъ выполненія этой статьи договора, и война разгорѣлась съ новой силой.

Лордъ Говеръ, новый англійскій посланникъ, прибылъ въ Петербургъ. Это былъ еще молодой человѣкъ, одаренный не только большой врожденной осторожностью, но какимъ-то инстинктивнымъ тактомъ, выражавшимся въ каждомъ его словѣ и въ его манерѣ

вести дѣла. Ко мнѣ онъ относился съ полнымъ довѣріемъ, подчасъ даже чисто по-дружески. Пріѣхалъ онъ въ сопровожденіи сэра Карла Стюарта, неоднократно состоявшаго секретаремъ различныхъ посольствъ и поэтому уже успѣвшаго пріобрѣсти навыкъ въ дипломатическихъ дѣлахъ. Впослѣдствіи обѣ эти личности были хорошо извѣстны въ Парижѣ, гдѣ они нѣсколько разъ перемѣнялись мѣстами, такъ какъ лордъ Говеръ, принявшій имя лорда Гранвилля, присоединился къ партіи виговъ, а сэръ Карлъ Стюартъ, ставшій лордомъ Стюартомъ, остался вѣренъ партіи торіевъ. Лордъ Говеръ прибылъ въ Россію съ важными порученіями. Цѣлью ихъ было привлеченіе Императора къ союзу и къ активному содѣйствію борьбѣ съ Франціей. Въ это же время австрійское правительство, руководимое министромъ Кобенцелемъ, тоже назначило къ намъ новаго посланника, графа Стадіона. Въ противоположность Англіи, выражавшей свои предложенія твердо и увѣренно, австрійское правительство дѣйствовало боязливо и нерѣшительно. Оно было въ постоянномъ страхѣ скомпрометтировать себя преждевременнымъ ознакомленіемъ Англіи со своими планами, и мы должны были нѣкоторое время скрывать свои сношенія съ Англіей и подвергаться съ ея стороны упрекамъ, на которые не скупился и графъ Семенъ Воронцовъ.

Наполеонъ, выступая на арену государственной дѣятельности, неблагоразумно отказался отъ всего, что прежде заставляло всѣхъ вѣрить въ его высокую и благородную миссію. Онъ задался цѣлью возстановить повсюду самодержавную власть въ прежнемъ ея видѣ и со всѣми присущими ей недостатками. Наполеонъ сталъ обыкновеннымъ правителемъ, и сразиться съ нимъ его же оружіемъ являлось только актомъ справедливости.

Такимъ образомъ, повсюду, безъ исключенія, люди съ сердцемъ и съ сознаніемъ своихъ нравственныхъ обязанностей, дорожащіе честью своей родины, а также люди независимые, честолюбивые и смѣлые,—всѣ, какъ одинъ человѣкъ, были настроены противъ Наполеона.

Такое настроеніе Европы постепенно передалось и въ Россію и заразительнымъ образомъ подѣйствовало на Императора Александра и на его интимныхъ друзей. Малѣйшее возраженіе вызывало упреки въ сочувствіи французскому правительству. Австрія уже вооружалась; она настаивала на выработкѣ общаго плана военныхъ дѣйствій, съ цѣлью обезопасить себя отъ вторженія иностранныхъ войскъ. Пора было подумать о приведеніи этого плана въ исполненіе на случай, если начало непріязненныхъ дѣйствій станетъ неизбѣжнымъ. Вотъ о чемъ шли переговоры въ Петербургѣ съ одной

стороны съ Австріей, а съ другой съ Англіей; послѣдняя должна была доставить необходимыя для вооруженія Европы—средства. Переговоры заняли немало времени и не обошлись безъ затрудненій. Требованія Австріи казались англичанамъ чрезмѣрными. Наконецъ, цѣною взаимныхъ уступокъ удалось достичь соглашенія. Часть субсидіи предназначалась для Пруссіи, которую мы не переставали возбуждать и уговаривать болѣе или менѣе настоятельными депешами. Я долженъ признаться, что нерѣшительность Пруссіи присоединиться къ европейскому концерту не особенно меня огорчала. Само собою разумѣется, я не упускалъ ни одного случая, чтобы не постараться втянуть ее въ общее движеніе, но я предвидѣлъ съ удовольствіемъ, что, въ случаѣ ея окончательнаго отказа, необходимость вынудитъ насъ перешагнуть черезъ нее. Я зналъ, что въ этомъ случаѣ состоится возстановленіе Польскаго королевства подъ властью Александра. Предположеніе это было встрѣчено съ энтузіазмомъ, такъ какъ представляло собою единственный возможный случай возродить Польшу, забытую даже Франціей. Между тѣмъ Наполеонъ, какъ бы желая исключить всякую возможность мирнаго исхода, короновался въ это время королемъ Италіи, съ сохраненіемъ правъ наслѣдованія. Овладѣвъ Генуэзскою республикою, угрожая Неаполю и поставивъ Савойскій домъ въ безвыходное положеніе, онъ только подлилъ масла въ огонь и, кромѣ того, отнялъ у Россіи всякую надежду добиться принятія имъ ея условій, которыя она считала долгомъ чести продолжать поддерживать.

Теперь уже не было сомнѣнія, что намъ оставалось только готовиться къ неизбѣжной войнѣ. Самыя большія затрудненія, какъ я уже упоминалъ, представляли переговоры относительно субсидіи, которую Англія обязывалась доставить Австріи въ требуемомъ ею размѣрѣ. Какъ это ни было трудно, но, благодаря нашему посредничеству, все наконецъ уладилось. Три милліона фунтовъ стерлинговъ были переданы вѣнскому правительству, три другіе назначались для удовлетворенія Пруссіи, въ случаѣ, если бы удалось побѣдить ея колебанія. Дипломатическая сторона дѣла была такимъ образомъ вскорѣ закончена. Армія, составленная изъ русскихъ и шведскихъ войскъ, сосредоточивалась на островахъ Рюгенѣ и Штральзундѣ; русскими войсками командовалъ графъ Толстой. Другой русскій корпусъ, стоявшій на Корфу, долженъ былъ служить прикрытіемъ для Неаполя. Слѣдующая армія, подъ командой генерала Кутузова, двинулась къ австрійской границѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, придти на помощь генералу Макку, стягивавшему свои войска къ Ульму. Наконецъ, генералъ Михельсенъ двинулся къ прусской границѣ, чтобы положить конецъ колебаніямъ Пруссіи

Всѣ эти передвиженія происходили согласно предложенному Австріей и всѣми совмѣстно разсмотрѣнному плану. Повидимому, планъ этотъ отвѣчалъ требованіямъ даннаго положенія, и если бы онъ не удался, никто, кромѣ самой Австріи, не былъ бы въ этомъ виноватъ. Въ случаѣ окончательнаго несогласія Пруссіи присоединиться къ намъ, предполагалось, не задумываясь, пройти черезъ нее.

Наконецъ наступилъ моментъ для Императора Александра выступить дѣйствующимъ лицомъ на театрѣ военныхъ событій. По мѣрѣ приближенія этого момента, я замѣчалъ, что его рѣшимость ослабѣваетъ. Тѣмъ не менѣе мы отправились въ путь. Навстрѣчу намъ попались курьеры г. Алопеуса, доставившіе намъ его тревожныя донесенія относительно впечатлѣнія, произведеннаго въ Берлинѣ движеніемъ русскихъ войскъ, какъ на короля, такъ и на нѣкоторыхъ генераловъ, наиболѣе цѣнимыхъ Императоромъ. Александръ рѣшилъ остановиться въ Пулавахъ у моихъ родственниковъ, которымъ онъ хотѣлъ сдѣлать визитъ.

Проектъ насильно пройти Пруссію не былъ нами оставленъ. Императоръ настаивалъ также на своемъ намѣреніи объявить себя королемъ Польши. По поводу этого я писалъ графу Разумовскому, чтобы подготовить вѣнскій дворъ къ этому событію. Австрія ничего не имѣла противъ, поставивъ только условіе, чтобы прежняя граница Галиціи оставалась неприкосновенной.

Лордъ Говеръ, на возвратномъ пути изъ Англіи, встрѣтилъ насъ на дорогѣ и объявилъ, что въ случаѣ насильственнаго прохожденія нашихъ войскъ черезъ Пруссію, Англія передастъ Россіи субсидію, предназначавшуюся Пруссіи. Кромѣ того, онъ увѣдомилъ насъ, что Англія согласна на возстановленіе Польскаго королевства.

Я выѣхалъ изъ Бреста, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы пріѣхать въ Пулавы за сутки до Императора, и засталъ тамъ всѣхъ въ большомъ волненіи и въ разгарѣ приготовленій къ пріему Императора. Маіоръ Ортовскій былъ спеціально уполномоченъ на это. Онъ вошелъ въ сношенія съ австрійскими и мѣстными властями, такъ какъ, кромѣ Императора и его свиты, ожидалось прохожденіе двухъ армейскихъ корпусовъ, генерала Михельсена и генерала Буксгевдена. Князь Понятовскій уже заранѣе былъ ознакомленъ съ проектомъ Императора возстановить Польшу и долженъ былъ встать во главѣ движенія, для приданія ему національнаго характера. Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Пулавы, польскіе агенты отправились въ Варшаву съ извѣстіемъ о прибытіи Императора, на слѣдующій же день принятаго моими родными. Онъ выразилъ имъ чрезвычайно трогательное чувство расположенія и пріязни и, повидимому, почувствовалъ себя прекрасно, очутившись въ болѣе мягкомъ климатѣ. Онъ

наслаждался прекрасной погодой, дѣйствительно сильно разнившейся отъ петербургской, а моя мать, сестры и братья старались, какъ могли, скрасить его двухнедѣльное пребываніе въ Пулавахъ.

Въ это время прежнее желаніе Императора—во что бы то ни стало пройти черезъ Пруссію, было сильно поколеблено; онъ попросилъ свиданія съ королемъ, избравъ для этого порученія князя Долгорукаго, съ удовольствіемъ взявшаго его на себя, въ разсчетѣ помѣшать осуществленію моихъ надеждъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, менѣе обращавшій вниманіе на представлявшіяся ему затрудненія, считая ихъ не важными, самовольно прошелъ черезъ одну прусскую провинцію, задержавшую его при выполненіи задуманнаго предпріятія. Прусскій король, оскорбленный его поведеніемъ, согласился тогда на пропускъ русскихъ войскъ, и князь Долгорукій возвратился съ торжествующимъ видомъ и съ приглашеніемъ къ Императору Александру пожаловать въ Берлинъ для переговоровъ съ королемъ относительно дальнѣйшихъ мѣропріятій. Такое рѣшеніе вопроса уничтожало на этотъ разъ надежду увидать возстановленіе Польши, но самъ по себѣ этотъ, хотя и неудавшійся, проектъ доказалъ все-таки Наполеону, что Польша еще жива, и что ему не мѣшаетъ подумать о ея судьбѣ, о чемъ онъ, повидимому, забылъ послѣ Люневильскаго мира и съ тѣхъ поръ, какъ императорское достоинство вскружило ему голову. Александръ уѣхалъ изъ Пулавъ съ обѣщаніемъ вернуться назадъ.

Мы проѣхали Варшаву, нигдѣ не останавливаясь, исключая Виланова, гдѣ хозяинъ дома пригласилъ насъ позавтракать. Князь Понятовскій со многими другими представителями польскаго общества провожалъ верхомъ Государя за нѣсколько верстъ отъ Варшавы. Всѣ они возвратились назадъ, сильно опечаленные, сознавая, что первый лучъ надежды, блеснувшій для поляковъ, угасъ безвозвратно.

Проѣзжая черезъ Позенъ, мы повстрѣчались съ моей старшей сестрой, возвращавшейся въ Пулавы въ сопровожденіи своихъ двухъ воспитанницъ. Императоръ сдѣлалъ ей визитъ и обошелся съ нею, по обыкновенію, чрезвычайно любезно. Она мнѣ говорила потомъ, что была поражена его красотою и, дѣйствительно, его обаятельная внѣшность, дышавшая добротою, сразу очаровывала всѣхъ приближавшихся къ нему.

Императоръ замѣтно успокоился, получивъ согласіе прусскаго короля на пропускъ войскъ. Мы пріѣхали въ Берлинъ, гдѣ насъ ждалъ блестящій пріемъ. Королева вложила все очарованіе своего ума, чтобы сдѣлать пребываніе Александра въ Берлинѣ пріятнымъ и чтобы устранить затрудненія, представленныя г-номъ фонъ-

Хогвицемъ. Наконецъ, министру фонъ-Гарденбергу, вліяніе котораго возрастало по мѣрѣ развитія происходящихъ событій и, кромѣ того, поддерживаемому самой императрицей, удалось благополучно привести переговоры къ желанному концу. Подписаніе Потсдамскаго договора состоялось 3 ноября 1805 года. Союзъ двухъ государей былъ скрѣпленъ клятвой въ вѣчной дружбѣ, произнесенной на могилѣ короля Фридриха Великаго. Для военныхъ приготовленій Пруссіи назначался срокъ въ размѣрѣ одного мѣсяца, былъ назначенъ не только день, но даже часъ открытія враждебныхъ дѣйствій, въ случаѣ, если бы предложенія, представленныя Наполеону фонъ-Хогвицемъ, не были имъ приняты. Въ это время пріѣхалъ эрцгерцогъ Антоній и привезъ самыя неутѣшительныя извѣстія объ успѣхахъ Наполеона. Александръ и вся его свита поспѣшно выѣхали изъ Берлина навстрѣчу французскому императору, направлявшемуся прямо къ армейскому корпусу генерала Кутузова, выступившему, согласно плана, присланнаго изъ Вѣны, черезъ Галицію въ Австрійскую Силезію.

Совершенно излишне съ моей стороны разсказывать здѣсь о событіяхъ, такъ прекрасно описанныхъ авторомъ „*Исторіи Консульства и Имперіи*“. Я упомяну о фактахъ, подробности которыхъ не могли быть извѣстны г. Тьеру и, къ сожалѣнію, выражу о нихъ не во всемъ согласное съ нимъ мнѣніе.

Тьеръ относился ко мнѣ очень внимательно, отдавая замѣтное предпочтеніе передъ другими, что меня не мало тогда трогало, и я хотѣлъ бы хоть здѣсь выразить ему мою благодарность.

Изъ Берлина Государь направился въ Веймаръ, гдѣ ему хотѣлось посѣтить мою сестру. Старый великій герцогъ еще былъ бодръ, полонъ силъ и жизни. Будучи прекраснымъ кавалеристомъ, онъ, бывало, проѣзжалъ верхомъ пространство, отдѣляющее Веймаръ отъ Карлсбада. Онъ, повидимому, старался подражать своимъ предкамъ, отличавшимся во время тридцатилѣтней войны.

Насъ приняли съ выраженіемъ искренняго расположенія, и мы тронулись далѣе, познакомившись при Веймарскомъ дворѣ съ такими литературными знаменитостями, какъ Гёте, Шеллингъ, Гердеръ, Виландъ и друг. Александръ торопился въ Ольмюцъ, гдѣ его уже ожидалъ императоръ Францъ. Государь этотъ, подвергавшійся въ данный моментъ наибольшей опасности, старался ободрить своихъ союзниковъ, говоря имъ, что ему уже случалось выносить на своихъ плечахъ подобныя несчастія, и онъ выходилъ изъ нихъ благополучно.

Нѣсколько дней, проведенныхъ въ Ольмюцѣ, посвящены были совѣщаніямъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ союзниковъ. *Полковникъ*

Вейротеръ, на котораго возлагались обязанности начальника главнаго штаба, былъ въ Пулавахъ во время нашего тамъ пребыванія и сумѣлъ произвести хорошее впечатлѣніе на Императора Александра. Прекрасный, смѣлый, серьезно образованный офицеръ, Вейротеръ, такъ же какъ и генералъ Маккъ, былъ слишкомъ самонадѣянъ и полагался только на свои личныя соображенія, нерѣдко весьма запутанныя, не допуская мысли, чтобы непріятель своей ловкостью могъ ихъ разрушить. Присутствіе въ Ольмюцѣ его и князя Долгорукаго, горячность котораго не оставалась безъ вліянія на Государя, приподняли настроеніе Александра. Въ это время пріѣхалъ графъ Кобенцель. У него вырвалось нѣсколько необдуманныхъ словъ о необходимости для государей въ трудные моменты самимъ становиться во главѣ своихъ армій. Александръ взглянулъ на эти слова, какъ на совѣтъ и даже какъ на упрекъ. Не обращая болѣе вниманія на мнѣніе окружающихъ, онъ не сталъ слушать нашихъ убѣжденій, что его присутствіе лишитъ генерала Кутузова возможности направлять ввѣренныя ему войска наиболѣе цѣлесообразно. Этого, дѣйствительно, слѣдовало ожидать, зная придворную выправку и почтительность этого генерала.

Императоръ все-таки отправился къ мѣсту расположенія войскъ. Меня дѣла задержали въ Ольмюцѣ еще на нѣсколько часовъ. Покончивъ съ ними, я отправился вслѣдъ за Государемъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ольмюца я увидалъ императора Франца и его свиту, завтракающими на лужайкѣ; меня пригласили тоже; но я отказался, спѣша догнать Императора. Послѣ довольно большого переѣзда, я прибылъ въ Вишау, занятый русскими войсками. Они только-что разбили какой-то французскій отрядъ и захватили нѣсколькихъ плѣнныхъ. Государь проѣхалъ впередъ. Главная квартира торжествовала. Теперь вопросъ шелъ о томъ, что предпринять въ виду наступленія французской арміи. Наполеонъ дошелъ уже до Брюна, и его аванпосты вытянулись параллельно нашимъ. Я нашелъ Государя почти на передовыхъ позиціяхъ нашей арміи окруженнымъ военной молодежью и очень довольнымъ результатами схватки подъ Вишау. Предстояло рѣшить, идти ли налѣво, ближе къ эрцгерцогамъ Карлу и Іоанну, оттѣснившимъ принца Евгенія въ Италію, или же было благоразумнѣе двинуться направо, для соединенія съ прусской арміей, которая въ назначенный моментъ должна была двинуться впередъ и принять участіе въ дѣйствіяхъ соединенной арміи. Предпочтеніе было отдано первому предположенію, за которое стоялъ Вейротеръ и другіе австрійскіе офицеры.

При этомъ всѣми было признано необходимымъ не предпринимать никакихъ вызывающихъ дѣйствій, чтобы не подвергать себя

напрасному риску. Надо было дать время подойти эрцгерцогамъ и, въ особенности, дождаться извѣстія о движеніи прусской арміи впередъ.

Возможность выступленія Наполеона изъ Брюнна, т. е. его отдаленіе отъ своихъ запасовъ и продовольственныхъ складовъ, казалось невѣроятнымъ, но въ случаѣ подобной ошибки съ его стороны, рѣшено было спѣшить навстрѣчу подходившимъ подкрѣпленіямъ. Вотъ въ чемъ состояла главная ошибка, допущенная Императоромъ Александромъ и его тогдашними совѣтниками. Всѣ они представляли себѣ Наполеона въ весьма опасномъ положеніи и чуть ли не готовящимся къ отступленію. Французскіе аванпосты дѣйствительно выказывали какую-то нерѣшительность и робость, поддерживавшія эту иллюзію, и съ нашихъ аванпостовъ постоянно приходили донесенія о вѣроятности въ недалекомъ будущемъ обратнаго движенія французской арміи. Крайняя важность даннаго момента—точно была забыта, всѣ увлеклись только однимъ желаніемъ не упустить такого прекраснаго случая уничтожить непріятельскую армію и нанести рѣшительный, роковой ударъ Наполеону.

Во время нашего фланговаго движенія, на возвышенностяхъ, скрывавшихъ отъ насъ расположеніе непріятельскихъ войскъ, мы видѣли французскихъ офицеровъ, очевидно, наблюдавшихъ за нашимъ передвиженіемъ. Оно было выполнено въ полномъ порядкѣ, и армія вытянулась въ назначенномъ для нея направленіи. Мы должны были даже нѣсколько отступить, чтобы быть ближе къ эрцгерцогамъ на случай, хотя и мало вѣроятный, преслѣдованія нашей арміи Наполеономъ.

1-го декабря, въ тотъ именно день, когда графъ Хогвицъ привезъ во французскій лагерь нашъ ультиматумъ, который, въ случаѣ отказа Наполеона удовлетворить его, долженъ былъ немедленно вызвать движеніе прусскихъ войскъ, русскій Императоръ рано утромъ получилъ письмо отъ князя Долгорукаго, гдѣ тотъ превозносилъ рѣшимость Александра, удвоившаго, какъ онъ выражался, своимъ присутствіемъ и своимъ мужествомъ храбрость русскаго войска.

По всѣмъ признакамъ Наполеонъ собирался бить къ отступленію; чтобы использовать такое положеніе непріятеля, рѣшено было сдѣлать небольшое движеніе впередъ и, хотя сопротивленія со стороны французовъ не ожидалось, тѣмъ не менѣе было предложено, на всякій случай, опредѣлить маршрутъ каждаго отдѣльнаго корпуса арміи. Порученіе это передали полковнику Вейротеру, такъ какъ онъ прекрасно зналъ мѣстность, неоднократно объѣзжалъ и даже измѣрялъ ее. Я не присутствовалъ на этомъ совѣщаніи, предметъ

котораго совершенно не соотвѣтствовалъ моему личному мнѣнію. Не знаю также, принималъ ли въ немъ участіе генералъ Кутузовъ, если да, то, вѣроятно, его не захотѣли выслушать.

Инструкція, которою должны были руководиться при передвиженіи всѣ генералы, дошла до нихъ, я думаю, не ранѣе утра 2-го декабря. Въ туманный и холодный вечеръ перваго числа Императоръ, окруженный самыми приближенными къ его особѣ лицами, проѣхался шагомъ по тому направленію, куда должна была завтра двинуться наша армія. Мы встрѣтили отрядъ кроатскихъ пограничниковъ; они пѣли одну изъ своихъ протяжныхъ пѣсенъ, носящихъ всегда меланхолическій характеръ. Ихъ пѣніе, погода и туманъ привели насъ въ унылое настроеніе; кто-то вспомнилъ еще, что завтра понедѣльникъ, день, считающійся въ Россіи тяжелымъ. Въ эту минуту Государь наѣхалъ на бугоръ, лошадь его поскользнулась и упала, самъ же онъ вылетѣлъ изъ сѣдла. Какъ ни маловаженъ былъ этотъ случай, но нѣкоторые взглянули на него, какъ на дурное предзнаменованіе.

На другой день, на разсвѣтѣ, т. е. около 7 часовъ, Государь, окруженный своими друзьями, отправился къ пункту, назначенному, по составленному плану, быть центромъ военныхъ операцій. Армія наша состояла изъ корпуса генерала Буксгевдена, авангарда подъ командой князя Багратіона, гвардейскаго корпуса Милорадовича, резерва, остававшагося подъ непосредственнымъ командованіемъ генерала Кутузова, и, наконецъ, австрійскаго корпуса подъ начальствомъ принца Іоанна Лихтенштейна, обязаннаго принять участіе, если произойдетъ бой.

Когда мы пріѣхали къ назначенному пункту, я оглянулся кругомъ и увидалъ обширную равнину. Одна колонна австрійской пѣхоты, показавшаяся мнѣ малочисленною, уже подходила, чтобы выстроиться въ боевомъ порядкѣ. На лицахъ австрійскаго генерала и его солдатъ ясно читалось безпокойство; только артиллерійскіе офицеры не поддавались общему унынію и выражали полную увѣренность въ разрушительномъ дѣйствіи своихъ орудій. Какъ правое, такъ и лѣвое наше крыло ничѣмъ не были защищены. Гвардія, стоявшая направо, согласно плану, должна была отойти подальше, что еще болѣе затрудняло помощь этой сторонѣ; лѣвая же была совершенно беззащитна.

Съ ранняго утра, на передовыхъ позиціяхъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ загорался бой съ французами, впрочемъ, безъ всякаго видимаго успѣха. Вдругъ мы увидали, что французскія колонны быстро двинулись на насъ и отбросили корпусъ, стоявшій на ихъ пути. Какъ только я увидалъ это быстрое движеніе французскихъ

войскъ, я почувствовалъ, что сегодняшній день плохо окончится для насъ. Императоръ тоже былъ пораженъ стремительностью движенія непріятеля, внесшаго настоящую панику въ ряды австрійскаго войска. Надо замѣтить, что у насъ кавалеріи въ этомъ важномъ пунктѣ, бывшемъ центромъ всѣхъ операцій, совсѣмъ не было.

Спустя мгновеніе, раздалися крики, что необходимо защитить Императора. Всѣ повернули своихъ лошадей и бросились врассыпную. Я поступилъ, какъ остальные, и вскорѣ добрался до возвышенности, откуда могъ видѣть все происходившее въ сторонѣ русской гвардіи, гдѣ сосредоточивалась почти вся кавалерія нашей арміи. Я увидѣлъ совершенно ясно послѣдовательныя атаки, произведенныя двумя линіями непріятельской кавалеріи, при чемъ каждая, по очереди, переходила въ наступленіе и затѣмъ возвращалась обратно черезъ изгороди, вѣроятно, сильно затруднявшія движеніе. Наблюденіе за этими атаками, повторявшимися нѣсколько разъ, задержало меня на холмѣ. Проѣхавъ затѣмъ правѣе, къ мѣсту боя нашей гвардіи съ французами, я встрѣтилъ князя Шварценберга. Я предложилъ ему возстановить порядокъ въ стоявшихъ передъ нами войскахъ и пріостановить отступленіе. Сперва онъ, какъ будто, поддался на мои убѣжденія, но затѣмъ, спохватившись, сказалъ мнѣ, что боится помѣшать плану сраженія, бывшему въ полномъ разгарѣ. Тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ я встрѣтилъ сильную батарею русской артиллеріи, которую ея командиръ, видимо, сбившись съ пути, велъ въ сторону, противоположную отъ поля сраженія. Я принудилъ его вернуться назадъ и занять позицію, удобную для помощи сражающимся колоннамъ. Къ счастью, мнѣ все время удавалось находить Императора въ различныхъ пунктахъ, которые онъ перемѣнялъ неоднократно. Часто онъ посылалъ меня впередъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и я оставался совершенно одинъ.

Пора было подумать объ отступленіи, и Государь поѣхалъ къ Аустерлицу, еще занятому корпусомъ Багратіона, сдѣлавшимся теперь арьергардомъ русской арміи. Туда же пріѣхали и адъютанты Государя: генералъ Ливенъ, генералъ Милорадовичъ и князь Михаилъ Долгорукій, младшій братъ князя Петра, несравненно болѣе его умный. Онъ былъ раненъ въ бедро и продолжалъ биться до послѣдней возможности. Здѣсь же я увидалъ несчастнаго Вейротера, который безстрашно носился по полю сраженія, не думая объ опасности и желая только исправить бѣду, одной изъ главныхъ причинъ которой являлся онъ самъ. Онъ изнемогалъ отъ усталости, отъ отчаянія и даже не пытаясь извиняться, исчезъ куда-то. Тѣ изъ офицеровъ, которымъ посчастливилось захватить плѣнниковъ,

представляли ихъ Императору съ выраженіями своей преданности и готовности пролить кровь за славу и честь Россіи.

Я не знаю, что сталось съ нашими друзьями, но ни одного изъ нихъ я не нашелъ въ этомъ собраніи. Разсѣянные смятеніемъ, происшедшимъ по всей линіи, они вѣроятно, не могли отыскать Императора и растеряли свои экипажи. Когда мы всѣ собрались около Государя, генералъ Милорадовичъ озадачилъ меня довольно страннымъ вопросомъ; „почему это вы такъ спокойны?", при чемъ показалъ взглядомъ на генералъ-адъютанта Ливена, вся фигура котораго выражала крайнюю растерянность и безпокойство.

Необходимо было принять мѣры, для сообщенія распоряженій Багратіону, стоявшему совершенно одиноко, противъ побѣдоносныхъ колоннъ Наполеона, такъ какъ можно было опасаться, что безпорядокъ распространится также и на его корпусъ. Генералу Винценгероде приказано было отправиться къ Аустерлицу и отвезти Багратіону приказаніе отступить въ самый городъ и держаться тамъ, какъ можно дольше, стараясь не подвергать себя опасности.

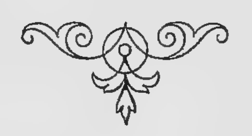
Вскорѣ мы услыхали крики въ рядахъ французскихъ солдатъ; они означали прибытіе Наполеона къ своему войску. День склонялся къ вечеру; генералы начали разъѣзжаться по своимъ мѣстамъ, а Государь, чтобы пробраться до безопаснаго мѣста, поѣхалъ по направленію къ Голичу. Я пробрался впередъ, чтобы посмотрѣть, что происходитъ на лѣвой сторонѣ нашей арміи, и встрѣтилъ разбитаго генерала Буксгевдена. Бѣдняга безъ шляпы и вообще все платье его пришло въ безпорядокъ. Онъ замѣтилъ меня издали и закричалъ: „Меня бросили одного, мною пожертвовали!" и продолжалъ отступленіе, а я поспѣшилъ къ Государю.

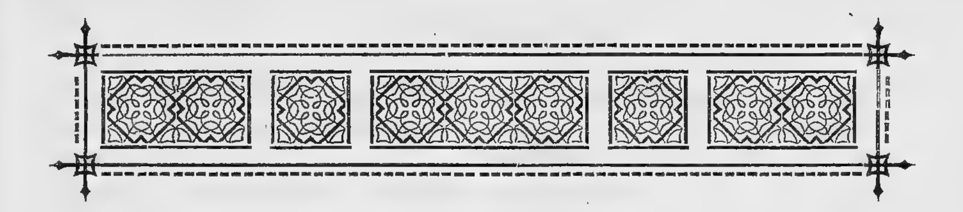
Настала ночь. Мы шагомъ двинулись по шоссе, ведущему къ Голичу. Государь былъ въ удрученномъ состояніи, сильное волненіе пережитаго дня отозвалось на его здоровьи. Я, какъ могъ, старался ободрить его. Такъ мы шли два дня и три ночи, пока не достигли Голича. Проѣзжая черезъ деревни, мы слыхали смутный гулъ толпы людей, искавшихъ въ винѣ забвенія своего несчастія. Жители, конечно, страдали отъ этого, и повсюду царилъ страшный безпорядокъ. Наконецъ мы пріѣхали въ болѣе спокойное мѣстечко. Я разъискалъ комнату для Императора, и мы всѣ немного отдохнуля; на случай преслѣдованія, лошади наши стояли подъ сѣдломъ.

Дѣйствительно, устремись за нами нѣсколько французскихъ эскадроновъ, чтобы докончить наше пораженіе, я не знаю, чтобы и было. Ни полковъ, ни корпусовъ въ соединенной арміи болѣе не было, вся она разбилась на безпорядочныя шайки, грабившія все по пути и еще увеличивавшія разореніе этого края.

Мнѣ хотѣлось соединить обоихъ Императоровъ вмѣстѣ, чтобы видѣть ихъ въ безопасности, но мнѣ это не удалось. Императоръ Францъ шелъ другой стороной, поручая мнѣ иногда передавать свое утѣшеніе Александру; оно заключалось все въ тѣхъ же фразахъ о томъ, что онъ, императоръ Францъ, уже испытывалъ подобныя несчастія и до сихъ поръ еще не теряетъ надежды...

Сообщилъ К. Военскій.

Къ исторіи 1812-го года [1]).

(Окончаніе).

VI. Документы къ занятію и оставленію французами въ октябрѣ мѣсяцѣ 1812 г. Смоленска.

27-го октября французы заняли Смоленскъ. Какъ видно изъ писемъ, нѣкоторые изъ нихъ мечтали укрѣпиться здѣсь на долгое время. Они были весьма обрадованы, что нашли кой-какіе запасы.

Генералъ Ларибосьеръ очень радъ, что нашелъ тамъ вино:

Ларибосьеръ (1-й инспекторъ артиллеріи).

№ 1. Маіору Пуарелю, начальнику артиллеріи въ Вильнѣ. Смоленскъ $\frac{\text{10 ноября.}}{\text{29 октября.}}$

„Мы прибыли въ Смоленскъ, любезный маіоръ, въ коемъ нашли большое количество боевыхъ припасовъ, а потому нѣтъ надобности присылать еще въ этотъ пунктъ. Сохраните въ Вильнѣ все, что у Васъ имѣется. Напишите въ Ковно, чтобы этотъ пунктъ продолжалъ быть хорошо снабженнымъ. Изъ этихъ двухъ депо вы должны продолжать удовлетворять требованія 2, 9 и 10 корпусовъ; вамъ нѣтъ надобности присылать намъ еще оружія. Не присылайте намъ больше вина, насъ обременяетъ уже и то, которое мы нашли въ Смоленскѣ“.

Le G-al Lariboissière 1-er Inspecteur de l'Artillerie au Major Poirel Commandant l'art. à Vilna. Smolensk 10 Novembre.

Nous sommes arrivés à Smolensk, mon cher Major, nous y avons trouvé beaucoup de munitions, il est inutile d'en envoyer d'avantage sur ce point. Conservez à Vilna tout ce que vous avez. Ecrivez à Kovno p-r que ce point reste bien approvisionné. Vous devez continuer à fournir de ces deux depôts

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1907 г.

aux consommations des 2-me, 9-me et 10-me corps, vous n'avez pas besoin de nous envoyer des armes. Ne nous envoyez plus de vin, celui que nous avons trouvé à Smolensk nous embarasse.

Господинъ Бодюенъ мечтаетъ о зимнихъ квартирахъ:

№ 2. Бодюенъ генералу Марену.

„Въ случаѣ возстановленія королевства Польскаго, что очень вѣроятно, Смоленскъ будетъ составлять часть оборонительной линіи въ качествѣ важнаго пункта на Днѣпрѣ. А посему я полагаю, что наши зимнія квартиры будутъ недалеко отсюда".

M-r Bauduin au G-al Marin.

Si comme il est probable on organise le Royaume de Pologne Smolensk fera partie de la ligne de défense comme un point important sur le Boristène ou Nieper. En conséquence, je présume que notre quartier d'hyver ne sera pas très éloigné d'ici.

Жюно [1]) жалуется, что нѣтъ хорошаго вина.

№ 3. Письмо Жюно къ женѣ изъ Смоленска, 9-го ноября 1812 года.

„Съ самаго нашего отъѣзда я не спалъ и двухъ ночей въ домѣ, а все на бивакахъ, или у себя въ каретѣ, не ѣвши цѣлый день, до 9 или 10 часовъ вечера. Вчера я прибылъ сюда; теперь уже 5 часовъ вечера и до сихъ поръ не дождался еще ни одной изъ своихъ повозокъ. Къ счастью, я встрѣтилъ генерала Шарпантье, который принялъ меня къ себѣ, но у него неважныя вина и поваръ, потому ты можешь себѣ представить, что я не доволенъ подобнаго рода „гостиницей".

Завтра я снова отправлюсь въ путь и займу позицію за нѣсколько миль отсюда, но не знаю, долго ли на ней пробуду".

Lettre de Junot à sa femme en date de Smolensk, le 9 Novembre 1812.

Depuis notre départ je n'ai pas couché deux fois dans une maison, toujours au bivouac ou dans ma voiture, sans manger de toute la journée que le soir à 9 ou à 10 heures. Hier je suis arrivé ici et aujourd'hui il est cinq heures du soir et je n'ai encore aucune de mes voitures d'arrivées. Heureusement j'ai trouvé le G-al Charpentier qui m'a reçu chez lui mais il est mal monxé en vins et en cuisinier ainsi tu dois penser que je ne trouve pas l'auberge bonne.

Demains je repars et vais occuper une position à quelques lieux d'ici, je ne sais pas si j'y resterai longtems.

---

[1]) Жюно, герцогъ д'Абрантесъ (1771—1813) командовалъ 2 корпусомъ, но дѣйствія его были настолько неудовлетворительны, особенно въ сраженіи при Валутиной горѣ, что Наполеонъ удалилъ его изъ арміи, назначивъ правителемъ Иллиріи, гдѣ онъ сошелъ съ ума и, возвратившись во Францію, умеръ. *Н. З.*

Дюрокъ утѣшается тѣмъ, что при нихъ находится комическая труппа и сообщаетъ, что съ Смоленскомъ сдѣлано то же, что и съ Москвою.

№ 4. Дюрокъ оберъ-камергеру Монтескью.

„Какъ видите, всѣ наши приготовленія для зимовки въ Москвѣ оказались безполезными и что всѣ наши надежды на удовольствія и на зрѣлища пошли прахомъ, но не совсѣмъ, однако, ибо мы возимъ съ собою комическую труппу, и если она не застрянетъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, то мы будемъ имѣть удовольствіе смотрѣть комедію тамъ, гдѣ будемъ стоять на зимнихъ квартирахъ. Мы совершенно не знаемъ, гдѣ это будетъ, все будетъ зависѣть отъ хода событій и отъ движеній непріятеля. Смоленскъ сохранился не лучше Москвы. Онъ выжженъ въ такой же степени, какъ и столица“.

De Duroc à M-r de Montesquiou G-d Chambellain.

Vous voyez que tous nos préparatifs pour passer l'hiver à Moscou sont devenus inutiles et que toutes nos espérances de plaisirs et de spectacles se sont évanouies, mais cependant pas tout à fait entièrement, car nous charrions avec nous la troupe comique, et si elle ne reste pas sur le chemin nous pourrons nous donner le plaisir de la comédie là où nous passerons nos quartiérs d'hiver. Nous ignorons tout à fait où cela pourra être, cela dépend des évènements et des mouvements de l'ennemi. Smolensk n'est guères mieux conservé que Moscou, il est bien brulé dans la même proportion que l'a été la capitale.

А вотъ подлинный документъ, подтверждающій слова Дюрока, касающійся распоряженій Наполеона на случай оставленія Смоленска:

№ 5. Смоленскъ, $\frac{14}{2}$ ноября 1812 года, въ 7 часовъ утра.

„Князь Экмюльскій! Императору угодно, чтобы вы пришли на помощь къ герцогу Эльхингенскому въ дѣлѣ производимаго имъ арріергарднаго отступленія, такъ какъ вице-король вынужденъ отправиться завтра, 15-го, въ Красный; посему вы постараетесь занять или смѣнить посты, по вашему усмотрѣнію, и которые могутъ быть оставленными вице-королемъ. Его Величество желаетъ, чтобы вы отступили со своимъ армейскимъ корпусомъ и съ корпусомъ герцога Эльхингенскаго къ Красному. Произведя ваше движенье 16 или 17 числа, генералъ Шарпантье со своимъ гарнизономъ, состоящимъ изъ трехъ третьихъ польскихъ баталіоновъ и изъ одного кавалерійскаго полка, уйдетъ изъ города съ арріергардомъ. Передъ уходомъ вы распорядитесь взорвать башни стѣны, окружающей Смоленскъ, приказавъ зажечь уже приготовленныя мины; вы позаботитесь о томъ, чтобы были сожжены артиллерійскіе снаряды, зарядные ящики и все, чего нельзя будетъ увезти, между прочимъ и ружья; что же касается до орудій, которыхъ нельзя будетъ взять

съ собой, то велите артиллеристамъ спилить цапфы и закопать ихъ. Генералы Шаслу [1]) и Ларибосьеръ останутся здѣсь для наблюденія за выполненіемъ вышесказанныхъ распоряженій, каждый по своей части.

Вы позаботитесь, г-нъ маршалъ, о назначеніи патрулей для подбиранія всѣхъ отсталыхъ и примете мѣры къ тому, чтобы въ госпиталяхъ осталось возможно меньшее количество людей.

Прилагаю къ письму моему только-что продиктованную мнѣ Императоромъ инструкцію, касающуюся выполненія упомянутыхъ выше распоряженій. Вы будете руководиться этой инструкціей.

Князь Невшательскій, генералъ-маіоръ".

Подписано: Александръ.

Инструкція насчетъ способа выполненія распоряженій Императора.

„Герцогъ Эльхингенскій останется на своей позиціи весь сегодняшній день 14-го. Завтра, 15-го, онъ займетъ монастырскую гору, тетъ-де-понъ и предмѣстья. 16-го, въ 4 часа утра, когда все будетъ въ готовности, должны быть взорваны стѣны и сожжены боевые припасы. Князь Экмюльскій займетъ, въ ночь съ 15-го на 16-е, позицію за рвомъ, оставивъ въ Смоленскѣ только одну изъ своихъ дивизій, командованіе которою онъ можетъ поручить герцогу Эльхингенскому; 16-го на разсвѣтѣ послѣ того, какъ всѣ мины будутъ взорваны, герцогъ Эльхингенскій двинется къ Красному. Если непріятель не обнаружитъ большаго, чѣмъ до сихъ поръ, количества войскъ, и если не все будетъ еще въ готовности, герцогъ Эльхингенскій можетъ пробыть въ городѣ весь день 16-го, занимая тетъ-де-понъ и взорвать стѣны только 17-го числа, за два часа до разсвѣта.

Принцъ Экмюльскій, герцогъ Эльхингенскій, генералъ Ларибосьеръ, генералъ Шаслу, генералъ Гаксо и генералъ Шарпантье сговорятся относительно измѣненія и утвержденія настоящихъ распоряженій. Смоленскъ, $\frac{14}{2}$ ноября 1812 года.

Принцъ Невшательскій, генералъ-маіоръ„.

Подписано: Александръ.

Smolensk le 14 Novembre 1812. 7h. du m-in.

Monsieur le Prince d'Eckmühl, l'intention de l'Empereur est que vous souteniez le Duc d'Elchingen dans la retraite d'arrière garde qu'il fait, le Vice-Roi devant partir demain 15 pour se rendre à Krasnoï; vous verrez donc à faire occuper et relever les postes que vous jugerez convenables et que le Vice-Roi sera dans le cas d'évacuer. L'intention de Sa Majesté est que vous vous reployez avec votre corps d'armée et celui du Duc d'Elchingen sur Krasnoi

[1]) Начальникъ инженернаго корпуса.

en faisant votre mouvement le 16 ou le 17. Le G-al Charpentier avec sa garnison composée de trois troisièmes batallions Polonais et d'un régiment de Cavalerie quittera la ville avec l'arrière-garde. Avant de partir vous ferez sauter les tours de l'enceinte de Smolensk en faisant mettre le feu aux mines déjà préparées. Vous veillerez à ce qu'on fasse bruler les munitions d'artillerie, les caissons et tout ce qu'on ne pourra pas emmener ainsi que les fusils; mais quant aux canons que l'on ne pourra pas emporter l'artillerie fera scier les tourillons et on les fera enterrer. Les Gén-aux Chasseloup et Lariboisière resteront ici pour faire exécuter chacun en ce qui le concerne les dispositions ci-dessus.

Vous aurez soin, M-r le Maréchal, d'ordonner des patrouilles pour qu'il ne reste ici aucun trainard; vous prendrez des mesures pour ne laisser dans les hopitaux que le moins de monde possible.

Monsieur le Prince d'Eckmühl, je joins à ma lettre une instruction que l'Empereur vient de me dicter sur le mode d'exécution des dispositions ci-dessus. Vous vous conformerez à cette instruction. Le Prince de Neuchatel Major Général Signé Alexandre.

Instruction sur la manière d'exécuter les ordres de l'Empereur.

Le Duc d'Elchingen resterait dans sa position toute la journée d'aujourd'hui 14. Demain 15 il occuperait les hauteurs du couvent, la tête de pont, les faubourgs.—Le 16 à 4 h-s du matin, si tout était prêt, on ferait sauter les remparts, et brûler les munitions. Le P-ce d'Eckmühl aurais pris positión dans la nuit du 15 au 16 derrière le ravin, ne laissant à Smolensk, qu'une de ses divisions, qu'il pourrait placer sous les ordres du Duc d'Elchingen.

Le 16 à la pointe du jour, toutes les mines ayant sauté, le Duc d'Elchingen se mettrait en marche sur Krasnoï.

Si l'ennemi ne montrait pas une plus grande quantité de forces que jusqu'à cette heure, et que tout ne fut pas prêt, le Duc d'Elchingen pourrait rester toute la journée du 16 dans la ville, occupant la tête de pont, et ne faisant sauter les remparts que le 17 deux heures avant le jour.

Le Prince d'Eckmühl, le Duc d'Elchingen, le G-al Lariboissière, le G-al Chasseloup, le G-al Haxo et le G-al Charpentier s'entendront sur les changements et ratifications à faire aux présentes dispositions.

Smolensk le 14 Novembre 1812. Le Prince de Neuchatel Major Général. Signé: Alexandre.

VII. Разные документы.

Слѣдующія письма не имѣютъ какой-либо опредѣленной связи, но характеризуютъ главнымъ образомъ положеніе армій за періодъ отъ Полоцка (8 октября) до Чашниковъ (2-го ноября). Въ ожиданіи боя при Чашникахъ всѣ взоры французовъ были устремлены на только-что прибывшій на театръ войны корпусъ маршала Виктора (28 тысячъ), которому поручено было атаковать русскихъ. Между тѣмъ Наполеонъ изъ Смоленска далъ строжайшее приказаніе Виктору вторично перейти въ наступленіе и во что бы то ни стало оттѣснить Витгенштейна за Двину, чтобы обезпечить путь отступленія арміи. 30 октября Викторъ двинулся къ Лукомлѣ (близъ Чаш-

никовъ), 1-го ноября атаковалъ русскихъ, завязался кровопролитный бой, стоившій для обѣихъ армій больше 6 тысячъ человѣкъ. Однако Виктору не удалось отбросить Витгенштейна, но и послѣдній не могъ выполнить своей задачи—отрѣзать Виктора отъ главной арміи и открыть сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ на правомъ берегу Березины. Около этихъ событій группируются письма д'Альбиньяка, Гилье и самого маршала Виктора. Они свидѣтельствують, сколь большія надежды возлагались на этотъ маневръ. *Н. З.*

№ 1. Письмо генерала д'Албиньякъ (d'Albignac), начальника главнаго штаба 6-го корпуса, герцогу Бассано, изъ Минска, отъ $\frac{13}{1}$ ноября.

„Вынужденный остановиться здѣсь на нѣсколько дней, я отправилъ письмо, адресованное Вашему Превосходительству герцогомъ Реджіо. Я буду имѣть честь дать ему отчетъ въ томъ, что мнѣ поручено было сказать ему на словахъ. Вашему Превосходительству извѣстно, что сегодня на непріятеля долженъ былъ напасть герцогъ де Беллюно [1]) въ Чашникахъ. Желательно, чтобы онъ (непріятель) былъ разбитъ. Императоръ приказалъ, чтобы дѣло это было упорнымъ. Долженъ сознаться Вашему Превосходительству, что герцогъ Беллюно, идущій на непріятеля по направленію къ Чашникамъ изъ Лукомля и открывающій свой лѣвый флангъ корпусу, находящемуся въ Лепелѣ, внушаетъ безпокойство, ибо если русскіе дебушируютъ изъ Лепеля, то они помѣшаютъ его движенію. Если же, напротивъ того, они заставятъ его завязать серьезный бой при Чашникахъ и атакуютъ его съ тылу, то это можетъ повести къ катастрофѣ".

Lettre du G-al d'Albignac Chef d'Etat Major du 6-me Corps au Duc de Bassano, de Minsk le 13 Novembre.

Forcé de m'arrêter ici quelques jours j'ai fait partir la lettre adressée à V. E. par M-r le M-al Duc de Reggio. J'aurai l'honneur de lui rendre compte de ce que j'avais été chargé de lui dire verbalement. V. E. sait que c'est aujourd'hui que l'ennemi a dû être attaqué à Tchatchnitki par le Duc de Bellune. Il est à désirer qu'il soit battu, l'Empereur a ordonné que l'affaire soit vigoureuse. Je dois avouer à V. E. que le M-al Duc de Bellune en marchant à l'ennemi sur Tschatchnitki de Lulkhoml et prêtant le flanc gauche au corps qui se trouve à Lepel donne de l'inquiétude car si les Russ se débouchent de Leppel, le voilà arrêté dans son mouvement. Si au contraire, ils le laissent engager dans une attaque sur Tschatchitki, et qu'ils tombent sur ses derrières, il peut en résulter des désastres.

№ 2. Гилье г-ну Пирону.

„Арміи Витгенштейна навѣрно придется раскаяться во всемъ томъ злѣ, которое она намъ причиняетъ. Императоръ идетъ къ ней

[1]) Маршалъ Викторъ.

на перерѣзъ съ 100.000 человѣкъ, а маршалы Викторъ и Сенъ-Сиръ тѣснятъ ее у насъ въ тылу, и я надѣюсь, что она вскорѣ будетъ уничтожена. А пока набѣги ея отрядовъ причиняютъ намъ всевозможный вредъ, а когда къ намъ приходятъ подкрѣпленія, казаки оказываются уже далеко. Все было взято въ Витебскѣ, генералъ-губернаторъ, комендантъ крѣпости, находившіяся тамъ наши орудія; одинъ изъ канонировъ далъ себя изрубить въ куски, прежде чѣмъ отдать свое орудіе въ руки непріятеля и сколь люди, отличающіеся такой отвагой, достойны сожалѣнія; смерть одного полковника и нѣсколькихъ офицеровъ изъ числа моихъ знакомыхъ, убитыхъ при той же оказіи, усугубляетъ печаль мою по поводу этого происшествія.

Меня предупредили, что непріятель въ Оршѣ, въ четырехъ миляхъ отсюда, и я немедленно уѣзжаю".

M-r Guillier à M-r Piron.

L'armée de Witgenstein aura sûrement à se repentir de tous les maux qu'elle nous cause, l'Empereur vient avec 100.000 hommes la couper, les maréchaux Victor et St.-Cyr, la tiennent en échec sur nos derrières et j'espère qu'elle ne tardera pas à être anéautie [1]), en attendant les incursions de ses détachements nous font tout le mal possible et quand il nous arrive des forces les Cosaques sont dejà bien loin. Tout a été pris à Witepsk, le Gen-al Gouverneur, le Commandant de place, les pièces de canon que nous y avions. Un des canoniers s'est fait hacher sur sa pièce avant de la laisser entre les mains de l'ennemi, et comme des gens de ce courage sont à regretter, un colonel et plusieurs officiers de ma connaissance ont été tués, ce qui augmente encore mes regrets sur l'évènement.

On me prévient que l'ennemi est à Orcha, à quatre lieues d'ici, je vais partir sur le champ.

№ 3. Письмо маршала Виктора герцогу Бассано изъ Череи, 9-го ноября 1812 года.

„Я получилъ письмо Вашего Превосходительства отъ 4-го сего мѣсяца, вмѣстѣ съ депешей генерала Брониковскаго, въ коей онъ увѣдомляетъ меня, что русская армія, дѣйствующая противъ князя Шварценберга, направляется на Слонимъ. Если это движеніе состоится, то Его Сіятельству необходимо будетъ поспѣшить движеніемъ въ тылъ или на лѣвый флангъ сей арміи, дабы тревожить ее, замедлять ея движеніе и даже атаковать ее, если представится удобный къ тому случай.

2-й и 9-й корпуса находятся между Березиною и Усвеею. Герцогъ де-Реджіо прибылъ и снова принялъ командованіе. Мы сговорились относительно того, что будетъ наиболѣе полезнымъ. Армія

---

[1]) Cette jactance aurait de quoi effrayer, si les résultats n'avaient été plus que rassurants. N-e des Editeurs.

графа Витгенштейна стоитъ противъ насъ въ Чашникахъ; говорятъ, что она состоитъ изъ 40 или 50 тысячъ человѣкъ. Увѣряютъ, что онъ отправилъ отрядъ на Минскъ; это пока сомнительно, потому что всѣ дороги свободны. У насъ было два авангардныхъ дѣла въ Лукомлѣ 6-го и 7-го сего мѣсяца, они были благопріятны для насъ. Непріятельская конница и пѣхота, явившіяся въ семъ пунктѣ, были опрокинуты. У нихъ оказались потери убитыми и взятыми въ плѣнъ".

Lettre du M-al Victor au Duc de Bassano en date de Tschéréia, le 9 Novembre 1812.

J'ai reçu la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le 4 du courant. J'ai reçu en même tems une dépêche du M-r le G-al Bronikovsky qui m'annonçait très positivement que l'armée russe opposée à M-r le Prince de Schwarzenberg se dirige snr Slonim. Si ce mouvement a lieu M-r le Prince ne peut pas trop presser sa marche sur les derrières ou sur le flanc gauche de cette armée pour l'inquiéter, ralentir sa marche et même l'attaquer s'il en trouve une occasion favorable.

Les 2 et 9 corps sont entre la Beresina et la Ousweia. M-r le Duc de Reggio est arrivé et a repris son commandement. Nous nous concerterons pour faire le mieux possible. L'armée de M-r de Wittgenstein est devant nous à Tschachnitki; on la dit forte de 40 à 50.000 h. On prétend qu'il a fait un détachement sur Minsk, ce qui est encore douteux puis-que les routes sont libres.

Nous avons eu deux affaires d'avant-garde à Loukoml, le 6 et 7 de ce mois; elles nous ont été avantageuses; la cavalerie et l'infanterie ennemie qui s'étaient présentées sur ce point ont été culbutées. On leur a tué des hommes et fait des prisonniers.

Въ письмахъ Лелорна и Альфонса де-Верженна заключаются воспоминанія о болѣе раннихъ событіяхъ. Первый упоминаетъ о Вязьмѣ, а второй о Полоцкѣ.

№ 4. Письмо Лелорна герцогу Бассано.

„Со времени Славкова я не имѣлъ чести писать Вамъ. Императоръ провелъ тамъ весь день 4-го числа. Выѣхалъ же оттуда 5-го въ 5 часовъ утра съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Дорогобужъ. 6-го Его Величество отправился въ Михайловку, гдѣ и провелъ ночь. 7-го Императоръ ночевалъ въ маленькомъ замкѣ на берегахъ Днѣпра, недалеко отъ станціи Пнево. Его Величество сѣлъ въ карету въ первый разъ, со времени выѣзда изъ Москвы. Снѣгъ, шедшій въ этотъ день, и сильный вѣтеръ дѣлали ѣзду верхомъ очень непріятной. 8-го ночевали на станціи Бередикино, противной маленькой деревушкѣ, гдѣ мы были нагромождены одинъ на другомъ. 9-го Императоръ прибылъ въ Смоленскъ въ часъ пополудни. Мы пробыли тамъ вчерашній день и остаемся и сегодня, а уѣдемъ, можетъ быть, завтра. Начиная съ 7-го числа походъ нашъ былъ очень труднымъ по причинѣ дурной погоды. Шелъ сильный снѣгъ и мо-

розъ, сопровождавшійся вѣтромъ, былъ все время отъ 4 до 8 градусовъ. Лошади истощены. Было сдѣлано все возможное для спасенія артиллеріи. Нѣкоторые обозы останутся позади. Это не важно, въ виду нашего теперешняго положенія. При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, надо было спасать людей, лошадей и орудія. Въ этомъ мы успѣли и если только непріятель справедливъ, то онъ долженъ удивляться поспѣшности и порядку нашего движенія. Я сообщу вамъ подробности, когда буду имѣть счастіе бесѣдовать съ вами у васъ дома. Погода продолжаетъ быть холодной, хотя сегодня не болѣе 2 градусовъ. Генералъ Барагè д'Ильè [1]) случился очень кстати на дорогѣ въ Ельну, гдѣ ему удалось остановить наступательное движеніе отряда, подъ начальствомъ казацкаго офицера графа Орлова-Денисова, имѣющаго подъ начальствомъ 12 полковъ Донскихъ казаковъ, 2 полка регулярной конницы и можетъ быть одну пѣхотную дивизію. Милорадовичъ находится съ авангардомъ между Вязьмою и Дорогобужемъ. Платовъ преслѣдуетъ маршала Нея съ своими казаками и безпокоитъ его, не причиняя ему большого вреда. Неизвѣстно, навѣрное, гдѣ находится самъ главнокомандующій.

Генералъ Самсонъ попался въ плѣнъ съ 4 полками, близъ Дорогобужа".

Lettre de Lelorgne au Duc de Bassano.

Depuis *Slavkovo* je n'ai point eu l'honneur de vous écrire. L'Empereur y a passé la journée du 4. Il en est parti le 5 à 5 h. du matin pour aller à *Dorogobouge*.

Le 6. S. M. est allé à Mikhailovka où elle a passé la nuit.

Le 7 l'Empereur a été coucher dans un petit chateau sur les bords du Dnièpre près de la poste de *Pnevo*. S. M. a monté en voiture pour la première fois depuis Moscou. La neige que nous avons eu a jour là et le grand vent rendait le cheval fort incommode. Le 8 on a couché à la poste de *Beredikino* vilain petit trou, où nous étions entassés les uns sur les autres.

Le 9 l'Empereur est arrivé à Smolensk à une heure après midi. On y est resté hier; on y est encore aujourd'hui et peut-être en partira-t-on demain.

Depuis le 7 notre marche a été difficile à cause du mauvais tems. Il tombait beaucoup de neige et le froid, accompagné du vent, a été continuellement de 4 à 8 degrés. Les chevaux sont exténués. On a fait ce qu'il fallait faire pour sauver l'artillerie. Quelques bagages resteront en arrière. C'est de peu d'importance pour le moment où nous nous trouvons. Les hommes, les

---

[1]) Дивизіонный командиръ. При дальнѣйшемъ отступленіи часть его дивизіи принуждена была сдаться, что повлекло на него гнѣвъ Наполеона. Удрученный немилостью Императора, онъ скончался въ декабрѣ того же года въ Берлинѣ.

chevaux et les canons, voilà ce qu'il fallait sauver dans la situation où nous étions. On y a réussi, et l'ennemi, s'il est juste, doit être surpris de la rapidité et du bon ordre de notre mouvement. Je vous en dirai les détails quand j'aurai le bonheur de pouvoir *causer avec vous chez Vous.* Le tems se maintient au froid, mais il n'y a pas aujourd'hui plus de 2°.

Le G-al Baraguay d'Hilliers s'est trouvé fort à propos sur le chemin d'Elnia pour arrêter la marche d'un corps détaché sous les ordres du Comte Cosaque Orloff-Denissoff qui commande 12 Reg-t du Don, 2 de Cavalerie régulière et peut-être une division d'infanterie. Miloradovitch est avec l'avant-garde entre Wiasma et Dorogobouge. Platoff poursuit le M-al Ney avec ses cosaques. Il le gène sans lui faire grand mal. On ne sait pas bien où se trouve le G-al en Chef.

Le G-al Samson s'est laissé prendre avec 4 Reg-t près de Dorogobouge.

№ 5. Отъ г-на Альфонса де-Верженнъ, адъютанта дивизіоннаго генерала Думера, къ г-ну Фридриху де-Верженнъ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ не писалъ, любезный другъ, съ нами случилось столько непріятныхъ происшествій, что я считаю себя очень счастливымъ возможностью улучить нѣсколько минутъ спокойствія для увѣдомленія тебя объ оныхъ. Необходимо вернуться немного назадъ. Ты, вѣдь, знаешь, что 18-го октября мы были еще въ Полоцкѣ, съ нашимъ необходимымъ армейскимъ корпусомъ, состоящимъ изъ 20.000 человѣкъ; но непріятель, получившій нѣсколько времени тому назадъ подкрѣпленія, имѣлъ подъ ружьемъ 52.000 человѣкъ и съ этимъ подкрѣпленіемъ, гордый своимъ превосходствомъ, онъ изводилъ насъ безпрестанно. Наконецъ, 18-го октября, онъ рѣшилъ атаковать насъ и взять Полоцкъ обратно. Г-нъ маршалъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ оборонялся превосходно и держался въ теченіе 4-хъ дней съ упорствомъ, могущимъ считаться славнѣйшимъ подвигомъ французскаго оружія; но, въ концѣ концовъ, мы были вынуждены очистить городъ и покинули берега Двины, все время преслѣдуемые".

M-r Alphonse de Vergennes Cap-ne aide de camp du G-al de D-n Doumère à M-r Fréderic de Vergennes.

Depuis que je ne t'ai écrit, mon cher ami, il nous est arrivé tant d'événements désagréables que je suis trop heureux de jouir de quelques instants de tranquillité pour te mettre un peu au courant. Il faut que je remonte d'un peu haut. Tu sauras donc que le 18 Octobre nous étions encore à Polotsk avec notre petit corps d'armée, fort de 20.000 hommes; mais depuis quelque tems l'ennemi ayant reçu des renforts se trouvait avoir 52.000 hommes sous les armes, et avec ce renfort, fier de sa supériorité il nous chagrinait continuellement. Enfin le 18 Octobre il se décida à attaquer et à reprendre Polotsk. M-r le M-al Gouvien St. Cyr fit la plus belle défense et tint pendant quatre jours avec une résistance qui peut passer pour le plus beau fait d'armes de l'armée française, mais enfin nous fûmes obligés d'évacuer et nous quittâmes les bords de la Dwina poursuivis continuellement.

Сюда же принадлежатъ слѣдующія два донесенія Наполеону:

военнаго министра о наборѣ рекрутъ отъ $\frac{\text{23 сентября}}{\text{5 октября}}$ и министра полиціи отъ $\frac{1}{13}$ октября.

№ 6. Рапортъ военнаго министра отъ $\frac{\text{23 сентября}}{\text{5 октября}}$ 1812.

„Имѣю честь представить Вашему Величеству нѣсколько замѣчаній, съ которыми обратился ко мнѣ г. завѣдующій рекрутскимъ наборомъ касательно срока отправки 17.000 рекрутъ, наборъ коихъ предстоитъ въ нынѣшнемъ году для пополненія состава когортъ національной гвардіи 1-го всеобщаго народнаго ополченія.

Генералъ баронъ д'Астрель замѣчаетъ, что было бы желательно, чтобы время выступленія контингентовъ, предназначаемыхъ для когортъ, не было слишкомъ близкимъ къ сроку отправки рекрутъ, предназначаемыхъ для линейныхъ полковъ, для того, чтобы дать время соотвѣтствующимъ вѣдомствамъ на пополненіе состава ихъ контингентовъ, съ цѣлію избѣжать возможности зачисленія въ армію рекрутъ, которые согласно вынутому ими нумеру должны войти въ составъ когортъ.

Онъ присовокупляетъ, что такое замедленіе имѣло бы экономическое значеніе въ смыслѣ сбереженія расходовъ на жалованье, и что, кромѣ того, непополненіе когортъ не можетъ обусловить въ данный моментъ какихъ-либо неудобствъ вслѣдствіе того, что время года не даетъ непріятелю возможности предпринять что-либо противъ прибрежья. А потому онъ предлагаетъ отложить на 2 или 3 мѣсяца отправку 17.000 человѣкъ, предназначенныхъ для когортъ, назначивъ срокомъ для ихъ отправки 10 или 25 февраля 1813 года, съ тѣмъ, чтобы къ 15 или 20 марта они находились уже въ депо. Сія мѣра избавила бы, кромѣ того, сихъ молодыхъ людей отъ путешествія въ дурное время года.

Ожидаю по этому предмету распоряженій Вашего Величества. *Резолюція*: „Одобрено". Славково, 3 ноября 1812 года".

Подписано: Наполеонъ.

Rapport du M-tre de la Guerre à l'Empereur et Roi en date de Paris du 5 Octobre 1812.

J'ai l'honneur de soumettre à V. M-té quelques observations que M-r le Directeur Général de la Conscription Militaire viant de m'adresser relativement à l'époque de départ des 17.000 conscrits qui doivent être levés cette année, pour completer les cohortes de la garde nationale du 1-er ban. Le G-al Baron d'Hastrel me marque qu'il serait à désirer que l'époque de départ des contingents pour les cohortes ne fut pas trop rapprochée de celle de départ des conscrits destinés pour la ligne, afin de donner aux Departements le tems de compléter leur contingent et d'éviter ainsi que des conscrits qui, d'après leur numéro de tirage, devront faire partie des cohortes ne fussent désignés pour compléter les cadres de l'armée.

Il ajoute, que ce retard aurait un avantage d'économie sous le rapport de la solde, et qu'il ne peut d'ailleurs résulter, en ce moment, aucun inconvénient de l'incomplet des cohortes, puisque la saison ne permet à l'ennemi, aucune tentative sur les côtes.

Il propose en conséquînce, d'ajourner à deux on trois mois le départ des 17.000 hommes destinés pour les cohortes et de fixer leur départ au 10 ou au 25 Février 1813 de manière à ce qu'ils soyent rendus du 15 au 20 Mars dans les dépôts. Cette mesure éviterait aussi à ces jeunes gens de voyager pendant la mauvaise saison.

Je demande à cet égard les ordres de V. M.

Décision: approuvé. Slawkovo le 3 Novembre 1812.

Signé Napoléon.

№ 7. Рапортъ министра полиціи, отъ 13/1 октября 1812 года.

„Я узналъ о взятіи въ Прагѣ подъ стражу г-на Грунера, бывшаго начальника полиціи въ Берлинѣ. Я зналъ, что онъ былъ оставленъ въ семъ городѣ г-номъ Штейномъ, ѣхавшимъ тогда въ Россію.

Г-нъ Штейнъ оставался долгое время въ Прагѣ для руководства интригами, клонившимися къ возбужденію умовъ и объединенію страстей нѣмцевъ противъ французской системы и власти Вашего Величества.

Разборъ бумагъ г-на Грунера и протоколы допросовъ его должны дать важныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ продѣлкахъ. Мнѣ кажется, что для пользы службы Вашего Величества было бы полезно познакомиться съ этими документами.

Имѣю честь предложить Вашему Величеству поручить министру иностранныхъ дѣлъ потребовать и сообщить мнѣ копіи протоколовъ допросовъ и результатовъ разбора бумагъ г-на Грунера.

Резолюція: „Отослано къ министру иностранныхъ дѣлъ". Славково, 3 ноября 1812 года". Подписано: Наполеонъ.

Rapport du Ministre de la Police à l'Empereur et Roi en date de Paris le 13 Octobre.

J'ai été informé de l'arrestation du S-r Grunert, ci-devant Directeur de la Police à Berlin, qui a eu lieu à Pragues. Je savais qu'il avait été laissé dans cette ville par le S-r de Stein, lors qu'il est passé en Russie.

Le S-r de Stein est resté longtems à Pragues pour y diriger le mouvement des intrigues tendantes, à exciter les esprits et rallier les passions des Allemands contre le système français et contre le Gouvernement de V. M.

L'examen des papiers du S-r Grunnert et ses interrogatoires doivent fournir des renseignements importants sur ces manoeuvres. Je pense qu'il serait utile pour le service de V. M, de connaitre ces documents.

J'ai l'honneur de proposer à V. M. de charger Son M-tre des relations extérieures de demander et de me communiquer les copies des interrogatoires et du résultat de l'examen des papiers du S-r Grunert.

Décision:

Renvoyé au M-tre des Relations Extérieures. Slawkovo le 3-me Novembre. 1812. Signé Napoléon.

Послѣдній документъ напоминаетъ намъ о попыткахъ порабощенныхъ Наполеономъ народовъ къ ниспроверженію его власти. Знаменитый прусскій реформаторъ начала XIX вѣка министръ иностранныхъ дѣлъ Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ фонъ-Штейнъ, отставленный Наполеономъ отъ службы (1808) за организацію общественныхъ силъ, выѣхалъ въ Россію, гдѣ въ 1812 году организовалъ нѣмецкій баталіонъ. Когда Пруссія въ 1812 году заключила союзъ съ Наполеономъ, Грунеръ, оставивъ постъ министра полиціи, отправился въ Прагу и оттуда руководилъ выполненіемъ плана, задуманнаго Штейномъ—организовать народное возстаніе въ Сѣверной Германіи. Уступая грозному требованію французовъ, австрійское правительство арестовало Грунера и продержало его цѣлый годъ въ заточеніи. Объ этомъ событіи и доноситъ французскій министръ полиціи Наполеону и этимъ рапортомъ заканчивается коллекція документовъ, отобранныхъ у французовъ во время бѣгства ихъ изъ Москвы.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

„Кромѣ того“.

(Эпизодъ изъ царствованія Императора Александра II).

Въ 1869 году Государь Императоръ Александръ II прибылъ въ Москву въ началѣ августа и остановился въ Петровскомъ дворцѣ, въ Петровскомъ паркѣ.

Бывшій тогда московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Араповъ ежедневно наряжалъ соотвѣтствующее число полицейскихъ чиновъ, для соблюденія порядка; причемъ, въ приказѣ по полиціи, въ графѣ о нарядахъ, значилось такъ:

„Къ Петровскому дворцу: приставъ N. N., квартальные надзиратели N. N...,“ а затѣмъ *„Кромѣ того“* [1]) переименовывался рядъ фамилій полицейскихъ чиновъ, что означало, что эти чины должны быть въ штатскомъ платьѣ и составлять какъ-бы тайную охрану Особы Государя. Къ ихъ обязанностямъ относилось неотлучно слѣдовать за Государемъ, въ качествѣ публики, слушать разговоры въ толпѣ и т. д.

Государь, обыкновенно, въ 8 часовъ выходилъ изъ дворца и, одинъ съ собакой, прогуливался по парку; при чемъ очень не любилъ, если его сопровождали полицейскіе чины или отгоняли случайно встрѣчающихся Его Величеству прохожихъ и гуляющихъ.

Гуляя, разъ, такимъ образомъ, по парку, Государь обратилъ вниманіе, что за нимъ неотступно идетъ какой-то штатскій. Государь свернулъ на боковую дорожку, штатскій за нимъ, и такъ продолжалось во все время прогулки.

Наконецъ, Государь, съ недовольнымъ видомъ, быстро повертывается назадъ и, подойдя къ штатскому, спрашиваетъ: „Что Вамъ угодно?“—„Ничего“—отвѣчалъ штатскій. „Такъ зачѣмъ Вы идете по моимъ слѣдамъ?“

— Я... *„кромѣ того“*, Ваше Величество“.

— „Что такое?“

— „Я, я, *„кромѣ того“*, повторяетъ штатскій дрожащимъ голосомъ.

— „Уберите этого сумасшедшаго“—говоритъ Государь, обращаясь къ ближайшему городовому, и недовольный возвратился во дворецъ.

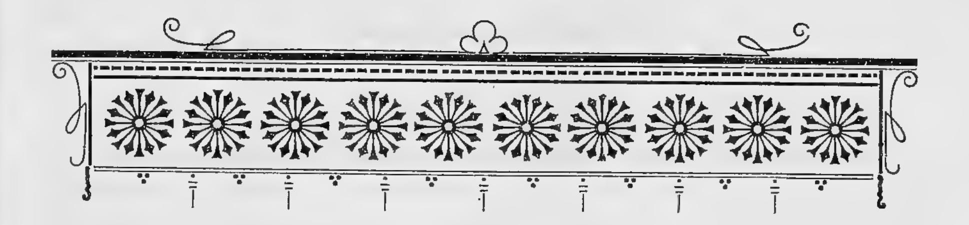
Когда Государю объяснили значеніе „кромѣ того“, то онъ очень смѣялся и повелѣлъ не взыскивать съ полицейскаго.

Сообщ. Е. Каменскій.

---

[1]) Это названіе обратилось въ нарицательное.—Вы куда назначены—спраВаетъ одинъ.—Я „кромѣ того“—отвѣчаетъ другой полицейскій. И это понятно имъ.

Къ финляндскому „вопросу“ [1].

Заключеніе по проекту основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго: „формы правленія“ и „сословныхъ привилегій“, выработанному особымъ учрежденнымъ, по Высочайшему повелѣнію 9/21 Марта 1885 г., комитетомъ въ г. Гельсингфорсѣ.

(Окончаніе).

Въ печатаемой заключительной части мнѣнія Э. В. Фриша обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ общій выводъ, такъ и особенно выясненіе значенія акта соединенія и охраненія 1789 г., какъ закона, *возстановившаго* въ Швеціи почти полное единовластіе Короля. Принявъ въ разсчетъ эти разъясненія, нельзя не придать особаго значенія и смысла Высочайшей резолюціи Императора Александра II-го, собственноручно положенной въ 1862 году: *„Съ этимъ заявленіемъ я не могу согласиться, ибо постановленіе 21 августа 1772 года отмѣнено позднѣйшимъ актомъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года. Слѣдовательно, сей послѣдній законъ одинъ теперь обязателенъ и долженъ служить руководствомъ впредь“.*

Отсюда видно, что, отвергая цѣликомъ примѣнимость шведской формы правленія 1772 г. и допуская лишь актъ соединенія и охраненія 1789 г., Императоръ Александръ II этимъ самымъ подчеркивалъ, какова истинная природа Верховной Власти Русскаго Императора въ Финляндіи.

Заключительныя соображенія Э. В. Фриша о порядкѣ законодательнаго разрѣшенія общегосударственныхъ вопросовъ были, какъ извѣстно, осуществлены въ манифестѣ и основныхъ положеніяхъ 3 февраля 1899 года. Теперь эти узаконенія пріостановлены въ своемъ дѣйствіи, въ виду измѣненій, послѣдовавшихъ въ законодательномъ строѣ самой Имперіи. Народилась Государственная Дума; Государственный Совѣтъ измѣнилъ свое значеніе и свой составъ. Поэтому естественно ожидать, что наступитъ чередъ установленія указаннаго порядка на новыхъ основаніяхъ—безъ чего финляндскій вопросъ будетъ продолжать оставаться въ неопредѣленномъ и запутанномъ положеніи.

Н. А. Т-нъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., ноябрь.

На той же ст. 37 формы правленія, а также на слѣдующей *ст. 38* комитетъ основываетъ право созыва земскихъ чиновъ на сеймъ, принадлежащее тому, кто уполномоченъ управлять страной вмѣсто Императора и Великаго Князя (ст. 62 проекта; ср. мотивы стр. 43, 52). Это положеніе также не подтверждается цитатами. Ст. 37 говоритъ о временномъ правительствѣ въ случаѣ болѣзни или дальняго путешествія Короля или смерти его и малолѣтства наслѣдника престола, а въ ст. 38 сказано, что никто, кромѣ Королевскаго Величества, не властенъ по какой бы то ни было причинѣ созывать государственные чины на общій риксдагъ, за исключеніемъ времени несовершеннолѣтія Короля, когда его опекуны (förmyndare) пользуются симъ правомъ, и, сверхъ того, если престолъ сдѣлается свободнымъ вслѣдствіе пресѣченія королевской династіи въ мужскомъ поколѣніи, государственные чины обязаны сами собраться въ Стокгольмъ для выбора Короля. Комитетъ, какъ замѣчено выше, примѣняетъ правила о замѣстительствѣ шведскаго Короля къ Финляндскому Сенату и указаніе ст. 37 и 38 формы правленія въ цитатахъ подъ ст. 62 проекта означаетъ, слѣдовательно, предоставленіе Сенату права созыва земскихъ чиновъ на сеймъ. На самомъ же дѣлѣ всѣ эти правила шведской формы правленія не могутъ имѣть никакого примѣненія къ Финляндіи со времени присоединенія ея къ Имперіи потому, что порядокъ назначенія временнаго правительства и опеки въ случаѣ несовершеннолѣтія Императора и Великаго Князя опредѣляется основными законами Имперіи (ст. 18—30), а порядокъ призыва земскихъ чиновъ на сеймъ сеймовымъ уставомъ 1869 г., согласно которому право этого призыва предоставлено Государю Императору, а не Сенату или какой-либо иной мѣстной власти (ст. 2 сейм. уст.).

Въ *ст. 39* формы правленія 1772 г. сказано: „государственные чины должны съ вѣрноподданностью сохранять всѣ королевскія права, какъ ихъ описываетъ законъ (lag) Швеціи, въ полной ихъ силѣ и могуществѣ совершенно ненарушимыми, и то, что такимъ образомъ принадлежитъ королевской власти, соблюдать, охранять и укрѣплять съ усердіемъ, раченіемъ и заботливостью, и посему ничего въ сихъ фундаментальныхъ законахъ не улучшать, не измѣнять, не прибавлять и не убавлять, безъ совѣта и согласія Короля, такъ чтобы никакое беззаконіе не было выше правильнаго закона и чтобы свободы подданныхъ, и права Короля не пренебрегались и не подавлялись, чтобы каждый могъ пользоваться своими законными правами и благопріобрѣтенными привилегіями; при чемъ всѣ другія постановленія, съ 1680 г. по настоящее время (т. е. до

21 августа 1772 г.) признававшіяся основными законами, симъ отмѣняются и отвергаются". Эта статья, несомнѣнно имѣвшаяся въ виду при начертаніи въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ вышеупомянутой надписи при утвержденіи сеймоваго устава 1869 г., есть одна изъ весьма немногихъ статей шведской формы правленія, оказывающаяся согласною съ дѣйствующими нынѣ законами Финляндіи. Слѣдуетъ замѣтить, что означенная статья не содержитъ въ себѣ ничего иного, кромѣ запрещенія сословіямъ или подданнымъ нарушать права Монарха и измѣнять въ чемъ-либо коренные законы безъ его воли и согласія, и съ этой цѣлью отмѣняетъ древніе основные законы шведскаго королевства. Комитетъ совершенно неумѣстно цитируетъ эту статью подъ ст. 63—65 своего проекта, коими пытается установить общимъ правиломъ, что изданіе или измѣненіе и отмѣна, равно какъ и поясненіе церковнаго уложенія, морского устава и другихъ перечисленныхъ въ ст. 63 проекта законовъ, а также всѣхъ вообще постановленій, состоявшихся при участіи сейма, не можетъ послѣдовать помимо земскихъ чиновъ. Но подобныхъ ограниченій въ статьѣ 39 не содержится. Въ ст. 93 проекта внесенъ комитетомъ сокращенный отрывокъ изъ статьи 39, но также съ вставкою, не оправданною въ цитатахъ, именно сказано: „земскіе чины Финляндіи должны со тщаніемъ и вѣрностью оставлять права Императора и Великаго Князя, каковы они суть по закону и сей формѣ правленія (т. е. по проекту), ненарушимыми и съ усердіемъ и раченіемъ охранять и укрѣплять".

Въ *ст. 40* формы правленія 1772 г. сказано: „Король не можетъ издавать какой-либо новый законъ (nylag) безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ или отмѣнять какой-либо старый". Эта статья, охранявшая права шведскаго риксдага (сейма), не можетъ имѣть примѣненія къ Финляндіи въ такомъ безусловномъ значеніи, какое придаютъ финляндцы. Не слѣдуетъ упускать изъ вида что со времени присоединенія Финляндіи къ Имперіи, Правительство пользовалось правомъ издавать, измѣнять и отмѣнять законы и постановленія безъ созыва сейма и что на изданныхъ такимъ образомъ, Высочайше утвержденныхъ узаконеніяхъ, уставахъ, учрежденіяхъ, манифестахъ, инструкціяхъ и указахъ основывается въ существенныхъ чертахъ настоящее устройство Великаго Княжества Финляндскаго. Сеймъ, созванный въ Борго въ 1809 г., кромѣ принесенія присяги на вѣрноподданство и заявленія мнѣній и ходатайствъ по разнымъ вопросамъ, ничего болѣе не сдѣлалъ, а съ того времени до 1863 г. сеймы вовсе не созывались; между тѣмъ въ это время изданы дѣйствующія и донынѣ учрежденія

Сената, генералъ-губернаторства, статсъ-секретаріата, главныхъ управленій разнаго рода, новыхъ гофгерихтовъ и прочихъ судебныхъ мѣстъ, законы межевые, финансовые, лѣсные и цѣлый рядъ законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, судебныхъ и административныхъ,—законы, несомнѣнно примѣняемые на практикѣ, и ссылками на которые испещрены, между прочимъ, и новѣйшія изданія дѣйствующаго въ Финляндіи общаго уложенія 1734 г. Созваніе сеймовъ вновь съ 1863 г., какъ видно изъ Высочайшаго указа 6/18 Іюня 1863 г., вызвано было желаніемъ Верховной власти получить, въ видахъ всесторонняго разрѣшенія Правительствомъ особенно важныхъ дѣлъ, содѣйствіе земскихъ чиновъ, состоящее въ спокойномъ и зрѣломъ обсужденіи предложенныхъ имъ дѣлъ. Съ изданіемъ сеймоваго устава 1869 года и закона 13/25 Іюня 1886 г., предоставившаго сословіямъ право законодательнаго почина (инициативы), изданіе, отмѣна и поясненіе законовъ не по всѣмъ предметамъ, а лишь относящимся къ законамъ основнымъ и привилегіямъ, какъ сіе точно выражено въ статьѣ 71 сеймоваго устава 1869 г., должно происходить при обязательномъ участіи сейма. Изложенныя въ мотивахъ къ проекту комитета ученыя разысканія по исторіи шведскаго конституціоннаго законодательства не могутъ колебать этого заключенія [1]). Если въ семъ отношеніи держаться иного взгляда, то логическимъ послѣдствіемъ онаго являлся бы выводъ о недѣйствительности учрежденій Сената и разныхъ другихъ установленій, равно какъ всѣхъ вообще законовъ, изданныхъ въ періодъ времени съ 1809 по 1863 г.г. Между тѣмъ и комитетъ не отрицаетъ, что и въ самой Швеціи ко времени Фридрихсгамскаго мира королевская власть не была лишена права издавать законы, хотя шведскія сословія издавна вели постоянную противъ этого права борьбу, увѣнчавшуюся особеннымъ успѣхомъ въ періодъ вольницы, открывшейся со вступленіемъ на престолъ Королевы Ульрики Елеоноры (1719 г.) и ея супруга Фридриха Гессенскаго (1720 г.). Исторія этого вопроса по сочиненію Наумана (швед. госуд. право, т. I) показываетъ между прочимъ, что уже въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія королевская власть развилась до степени самодержавія и заключала въ себѣ полное право законодательства по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ, церковнымъ и административнымъ. Указы Карла XI 1680 и 1682 г.г. свидѣтель-

[1]) Вотъ, вѣроятно, почему въ нынѣшнемъ проектѣ всякія ученыя изысканія въ область давнопрошедшаго уже отсутствуютъ, а попросту закрѣплены тѣ притязанія, которыхъ въ Финляндіи давно уже привыкли держаться.

Т.

ствуютъ, что онъ прямо называетъ себя самодержавнымъ Королемъ, которому всѣ обязаны повиноваться и который никому на землѣ не даетъ отвѣта въ своихъ дѣлахъ, но имѣетъ власть и державу по своему усмотрѣнію, яко христіанскій Государь, править и управлять своимъ государствомъ. Въ періодъ вольницы, продолжавшейся съ 1719 до 1772 гг., королевская власть была значительно ослаблена и хотя съ формою правленія 1772 г. начался поворотъ къ возстановленію правъ королевской власти, но и въ этомъ законѣ сохранились еще многіе слѣды прежней вольницы; статья 40 была однимъ изъ такихъ остатковъ предыдущаго періода. Рѣшительнымъ шагомъ къ упроченію и усиленію королевской власти былъ вызванный Аньяльскимъ въ Финляндіи заговоромъ актъ соединенія и охраненія 1789 г., предоставившій Королю быть кормчимъ и охранителемъ закона и правосудія и вести всѣ дѣла, касающіяся попеченія о государствѣ, тѣмъ порядкомъ, какой покажется ему наиполезнѣйшимъ (ст. 1). Объ этомъ актѣ историкъ шведскаго государственнаго права Христіанъ Науманъ замѣчаетъ, что Король былъ имъ облеченъ властью, почти граничившею съ единовластіемъ [1]); онъ имѣлъ право безъ выслушанія сословій начинать войну, постановлять, по своему благоусмотрѣнію, о должностяхъ государства и распоряжаться о веденіи прочихъ дѣлъ, касающихся попеченіи о государствѣ, тѣмъ порядкомъ, какой казался ему полезнѣйшимъ, при чемъ это послѣднее выраженіе имѣло въ виду прежде всего учрежденіе управленія и регламентацію коллегій или упраздненіе ихъ по желанію, но было столь неопредѣлительно и растяжимо, что оставляло мѣсто для всякаго толкованія на будущее время; на риксдагахъ не могли быть обсуждаемы никакія другія дѣла, кромѣ предложенныхъ Королемъ, такъ что право почина было отнято у сословій. Право созывать или не созывать риксдагъ принадлежало Королю безусловно до такой степени, что, по разъясненію Короля, даже назначеніе срока дѣйствія чрезвычайныхъ податей онъ считалъ вторженіемъ въ свое право созывать риксдагъ, когда ему заблагоразсудится. Пользуясь верховнымъ правомъ законодательства по всѣмъ дѣламъ государственнаго управленія, Король Густавъ III, безъ всякаго участія риксдага, упразднилъ государственный совѣтъ, преобразовалъ коллегіи, учредилъ высшій королевскій судъ или ревизію юстиціи, основалъ новое установленіе для подготовки ко всеподданнѣйшему докладу всѣхъ дѣлъ и вопросовъ, кои въ прежнее время производились въ государственномъ совѣтѣ въ экспедиціяхъ хозяйственной, камеральной, торговой, финансовой, а также дѣлъ

---

[1]) См. ниже разбора этого акта. *Т.*

духовныхъ, церковныхъ и т. п. Въ такомъ фазисѣ развитія Шведской королевской власти застало Финляндію покореніе ея Россіею и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія шведскаго государственнаго права невозможно сдѣлать тотъ выводъ, къ которому приходитъ комитетъ въ статьѣ 63 своего проекта. Комитетъ въ мотивахъ къ проекту едва-ли правильно пытается истолковать выраженіе „riksvärdande arender“, „государственно-попечительныя дѣла“ (отъ rike—государства и värd—попеченіе, värda—пещись), въ узкомъ смыслѣ дѣлъ экономическихъ или административныхъ (ср. швед. ф. правл. 1809 г. § 89 и швед. риксд. уст. 1810 г. § 34), при чемъ и самъ находитъ, что отдѣлить ясною чертою область этихъ законовъ, касающихся общественнаго хозяйства страны, отъ всѣхъ прочихъ законоположеній невозможно. За всѣмъ тѣмъ, основываясь на историческихъ изысканіяхъ и теоретическихъ умозрѣніяхъ, комитетъ считаетъ возможнымъ выставить въ своемъ проектѣ два начала: 1) что вообще, въ случаѣ сомнѣнія, никакого новаго закона, безъ согласія земскихъ чиновъ, не можетъ быть издано, и 2) что если какое-либо узаконеніе издано при участіи земскихъ чиновъ, то отмѣна или измѣненіе, равно какъ и поясненіе онаго не можетъ послѣдовать помимо земскихъ чиновъ. Но эти начала совершенно не вытекаютъ изъ законодательныхъ источниковъ, принятыхъ комитетомъ въ основаніе статьи 63 своего проекта.

По *статьѣ 41* формы правленія 1772 г. государственные чины не могутъ отмѣнять какой-либо старый законъ или новый законъ издавать безъ воли и согласія Короля. Комитетъ помѣстилъ эту статью лишь въ цитатахъ подъ статьей 63, но въ самый текстъ проекта не внесъ изъ нея ничего, вѣроятно потому, что правило, въ ней изложенное о томъ, что и земскіе чины Финляндіи не могутъ ни отмѣнять, ни издавать законовъ безъ согласія Верховной власти, само собою разумѣется.

Статья 42 формы правленія содержала въ себѣ два постановленія, изъ коихъ первое, касавшееся права законодательной иниціативы сословій, отмѣнено было актомъ $\frac{\text{21 февраля}}{\text{3 апрѣля}}$ 1789 г. (ст. 6), а въ Финляндіи замѣнено новымъ закономъ $^{13}/_{25}$ Іюня 1886 г. (ст. 51 и 52 сейм. уст. въ 1886 г.); другое же о порядкѣ внесенія въ риксдагъ Королевскихъ предложеній, разсмотрѣнныхъ предварительно въ государственномъ совѣтѣ, отмѣнено за упраздненіемъ государственнаго совѣта Швеціи въ 1789 году, а въ Финляндіи замѣняется правилами сеймоваго устава (ст. 50 и 52 въ ред. 1886 г.). Комитетъ безъ всякихъ основаній приводитъ эту статью подъ статьею 63 своего проекта и на ней же пытается основать въ статьѣ 73 пра-

вило о сообщеніи сейму протоколовъ (неизвѣстно кого?) по дѣламъ, передаваемыхъ на обсужденіе земскихъ чиновъ.

Статья 43 формы правленія, предусматривая возникновеніе новаго законодательнаго вопроса при обсужденіи какого-либо законопроекта въ риксдагѣ, обращаетъ этотъ вопросъ къ тому же порядку инициативы и внесенія предложеній, какой опредѣленъ выше, въ статьѣ 42. Самостоятельнаго содержанія эта статья не имѣетъ и къ ней примѣняется то же, что замѣчено выше о статьѣ 42. Комитетъ приводитъ ее подъ статьями 63 и 64 проекта, которыя упоминаютъ о совершенно иныхъ предметахъ, о мотивахъ къ проекту; безъ всякаго основанія усматриваетъ въ этой статьѣ яко бы отмѣну на будущее время принадлежавшаго прежде Верховной власти права непосредственно издавать постановленія по такимъ дѣламъ, о которыхъ ранѣе не было сказано въ законѣ (мот. къ пр. ф. стр 86). Между тѣмъ въ Финляндіи статью 43 формы правленія слѣдуетъ считать замѣненною сеймовымъ уставомъ и дополнительнымъ къ нему закономъ ¹³/₂₅ Іюня 1886 г. [1])

По *статьѣ 44* формы правленія 1772 г., хотя чеканка монеты остается собственнымъ дѣломъ казны и ей принадлежащимъ правомъ, когда имѣется въ виду и предпринимается какое-либо повышеніе или пониженіе въ вѣсѣ и добротѣ (пробѣ монеты), чтобы такое измѣненіе не происходило безъ ихъ вѣдома и согласія. Первая часть этой статьи о томъ, что право чеканить монету принадлежитъ исключительно казнѣ, введена комитетомъ въ статью 66 проекта, хотя она могла бы быть основана и на законахъ Финляндіи. Изъ второй же части означенной статьи комитетъ выводитъ въ статьѣ 63 проекта правило о томъ, что земскіе чины Финляндіи имѣютъ право сообща съ Императоромъ издавать, измѣнять, отмѣнять и пояснять законъ о монетѣ страны, и что никакой законъ этого рода, въ изданіи котораго земскіе чины принимали участіе, не можетъ быть измѣняемъ, отмѣняемъ или поясняемъ иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ. Это положеніе не находитъ, однако, себѣ подтвержденія въ дѣйствующихъ законахъ Финляндіи. Со времени присоединенія этого края къ Имперіи Верховная власть всегда признавала за собою право издавать законы о монетѣ для Финляндіи. На сеймѣ, бывшемъ въ Борго, затребовано было, между прочимъ, мнѣніе сословій и по вопросу о монетѣ, но никакого сеймоваго закона не состоялось. Затѣмъ Высочайшими манифестами 1809 г. Декабря ¹⁷/₂₉, 1840 Марта 28 (апр. 9) и 1860 Марта 23 (Апр. 4), безъ всякаго участія сейма, три раза была преобразована

---

[1]) Теперь сеймовый уставъ только-что переизданъ. *Т.*

вся денежная система Великаго Княжества, при чемъ первые два указа имѣли цѣлью введеніе въ Финляндіи русской монетной системы, а манифестомъ 1860 г. введена была особая марочная монета, вѣсъ и проба которой опредѣлены потомъ, также безъ участія сейма, уставомъ монетнаго двора Финляндіи 1 Марта 1865 г. (ст. 12 и слѣд.). Только позднѣйшій законъ о золотой монетѣ 9 августа 1877 г. изданъ былъ по предварительномъ обсужденіи проекта земскими чинами. Но въ этомъ законѣ, а именно въ статьѣ 12, выражено, что величина, чеканъ, подпись монетъ и прочее, что относится къ ихъ наружному виду, установляются особо, каковыя подробности и были опредѣлены безъ участія земскихъ чиновъ впослѣдствіи, согласно съ общими основаніями закона 9 Августа 1877 г., новымъ уставомъ монетнаго двора, Высочайше утвержденнымъ, по представленію Сената, 13 Ноября 1878 г. (§§ 9 и слѣд.). Такимъ образомъ заключеніе комитета не только не подтверждается дѣйствующими узаконеніями, но также не согласуется съ исторіей мѣстнаго финлядскаго по указанному предмету законодательства.

Въ *статьяхъ 45 и 46* формы правленія 1772 г. были изложены ограниченія королевской власти въ правѣ установленія податей и налоговъ; право это признавалось за нею лишь въ случаѣ оборонительной войны, когда государство подвергалось нападенію непріятелей (ст. 45); кромѣ того, для покрытія текущихъ расходовъ по государственному управлеiю въ томъ случаѣ, когда риксдагъ не установилъ бы предложенной правительствомъ чрезвычайной или добровольной подати, должно было оставаться при прежней подати (ст. 46). Эти ограниченія не были прямо отмѣнены и актомъ соединенія и охраненія 1789 г., хотя онъ предоставилъ Королю право начинать не только оборонительную, но и наступательную войну (ст. 1). Въ статьѣ 5 того же акта сказано было, что „такъ какъ истинная свобода состоитъ въ томъ, чтобы свободно давать на содержаніе государства, что найдено будетъ нужнымъ, то *шведскій народъ* имѣетъ неоспоримое право относительно сего съ Королемъ совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить соглашеніе“. По поводу употребленнаго въ этой статьѣ выраженія „шведскій народъ“ (а не риксдагъ) историкъ шведскаго государственнаго права Науманъ замѣчаетъ, что „въ актѣ не выражено, что помянутое въ статьѣ 5 право шведскаго народа должно было осуществляться сословіями, какъ представителями народа, такъ что это дѣло могло быть предоставлено какому-либо комитету или, какъ было въ древнія времена, составить предметъ занятій для провинціальнаго съѣзда, или же, какъ было сдѣлано прежде при Густавѣ

же III съ налогомъ на винокуреніе и спиртные напитки, могло быть передано на обсужденіе приходскихъ или общинныхъ собраній, и только внесенныя въ ту же статью слова „съ Королемъ“ даютъ возможность иного, кажется, болѣе правильнаго толкованія“ (Науманъ, т. I, 385). Съ другой стороны, какъ справедливо замѣчено въ мотивахъ комитета къ пр. ф. пр. (стр. 92), королевская власть въ Швеціи издавна пользовалась правомъ взимать таможенные и разные другіе ординарные доходы, налоги и пошлины, опредѣлять ихъ размѣръ и порядокъ взиманія собственными постановленіями, участіе же риксдага требовалось для установленія лишь чрезвычайныхъ или добровольныхъ податей. Такая чрезвычайная или добровольная подать, разъ установленная, обыкновенно повторялась изъ года въ годъ и съ теченіемъ времени обращалась въ ординарную постоянную подать; объ этихъ именно податяхъ и сказано было въ статьѣ 46 формы правленія 1772 г., что если риксдагъ не утвердитъ никакой новой добровольной подати, то слѣдуетъ оставаться при старой. Правило это совершенно понятное и вовсе не противорѣчитъ статьѣ 45 того же закона. Въ государственную роспись, составлявшуюся по образцу росписи 1696 г., вносились всѣ государственные доходы и расходы и она, въ цѣломъ ея видѣ, не подлежала разсмотрѣнію или утвержденію риксдага. Въ такомъ положеніи финансовой власти Королей застало Финляндію присоединеніе этого края къ Имперіи. Финляндскій сеймъ въ Борго 1809 г. не сдѣлалъ никакихъ по этому предмету постановленій и не заявилъ притязаній на прямое или косвенное вліяніе или участіе въ составленіи государственной росписи. Съ того времени Правительство всегда признавало за собою какъ право на составленіе и утвержденіе государственной росписи, такъ и право издавать, измѣнять и отмѣнять законы о податяхъ, налогахъ и пошлинахъ всякаго рода и регулировать все вообще хозяйство казны. Цѣлый рядъ Высочайшихъ указовъ по всѣмъ этимъ предметамъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго, подтверждаетъ изъясненное заключеніе. Порядокъ составленія государственной росписи хозяйственнымъ департаментомъ Сената (бывшаго Совѣта) и утвержденія Собственноручнымъ подписаніемъ Государя Императора за скрѣпою Министра Статсъ-Секретаря опредѣляется регламентомъ 6/18 Августа 1809 г. (ст. 42 гл. II), манифестомъ 17 Марта 1826 г. и инструкціею Стасъ-Секретаріату (отд. II, § 8). Затѣмъ Высочайшими указами, безъ всякаго участія сейма, опредѣлены были мантальные (а въ Выборгской губерніи подушные) и поземельные налоги и оброки, порядокъ ихъ исчисленія и взиманія, гербовый сборъ, таможенныя пошлины, питейный и разные другіе

сборы и доходы казны. Созванiе сеймовъ вновь съ 1863 г. и изданiе въ 1869 г. сеймоваго устава, если разсматривать дѣло съ точки зрѣнiя закона и права, не измѣнили правъ Верховной власти въ отношенiи установленiя и взиманiя налоговъ. Правда, со времени созванiя сейма въ 1863 г. проекты законовъ о налогахъ разнаго рода (кромѣ таможенныхъ пошлинъ, маячнаго сбора и нѣкоторыхъ другихъ доходовъ казны) обыкновенно вносились на предварительное обсужденiе земскихъ чиновъ. Такимъ образомъ изданы были, по выслушанiи заключенiй земскихъ чиновъ, Высочайшiя постановленiя о личныхъ податяхъ, объ окладномъ оброкѣ съ поземельныхъ имѣнiй и о новыхъ оброкахъ въ Выборгской губернiи, о сборѣ на содержанiе судовъ, о гербовомъ сборѣ или временномъ гербовомъ налогѣ, о винокуренiи и продажѣ крѣпкихъ напитковъ, о временныхъ налогахъ на производство напитковъ изъ солода, на табакъ, на игральныя карты и на иностранцевъ; при чемъ замѣчается та особенность, что чрезвычайные налоги вотировались большею частiю на срокъ отъ одного сейма до другого и получали характеръ и наименованiе временныхъ налоговъ. Но объясненная законодательная практика по установленiю налоговъ сама по себѣ не даетъ еще твердыхъ основанiй къ точному опредѣленiю порядка обложенiя налогами финляндскихъ обывателей. Во всякомъ случаѣ не можетъ быть признаваемъ безусловно правильнымъ выводъ, дѣлаемый комитетомъ, будто бы правительственная власть помимо сейма лишена права назначать и взимать налоги, такъ какъ ни въ одной статьѣ сеймоваго устава не выражено, чтобы всякiя предложенiя о налогахъ должны были обязательно поступать на разсмотрѣнiе сейма. Въ исторiи финляндскихъ сеймовъ, при всей ея краткости, бывали уже случаи, что Правительство прямо устраняло участiе земскихъ чиновъ въ обсужденiи вопросовъ, касавшихся финансоваго управленiя (наприм., Выс. ман. 1872 Дек. 4). Такимъ образомъ предположенiя комитета, относительно установленiя налоговъ (ст. 63 и 68—70 проекта), оказываются несогласными съ историческими основанiями и ходомъ развитiя мѣстнаго финансоваго управленiя Финляндiи.

По заключенiю комитета *статья 47* формы правленiя 1772 г. замѣнена сеймовымъ уставомъ, а *статья 48* помянутой формы объ условiяхъ объявленiя войны была отмѣнена еще въ Швецiи актомъ соединенiя и охраненiи 1789 года.

Статья 49 той же формы правленiя говоритъ о передачѣ риксдагу протоколовъ по дѣламъ, которыя Королевское Величество обсуждалъ съ государственными чинами, и въ виду прямого указанiя во введенiи къ сеймовому уставу 1869 г. на отмѣну „всѣхъ древ-

нихъ и новѣйшихъ законовъ, уставовъ и опредѣленій, изданныхъ касательно сеймовыхъ собраній земскихъ чиновъ", должна считаться замѣненною этимъ уставомъ, такъ что отъ усмотрѣнія Правительства зависитъ сообщать сейму тѣ или другія бумаги по дѣламъ, передаваемыхъ на его обсужденіе; съ другой стороны, сеймъ, по статьѣ 40 своего устава, можетъ, въ случаѣ надобности, просить о сообщеніи ему нужнымъ справокъ. Поэтому первая часть статьи 73 проекта, заимствованная изъ переработанныхъ комитетомъ статей 42 и 49 формы правленія 1772 г., не подтверждается этими статьями.

Статья 50 формы правленія 1772 г., по которой „состояніе государственныхъ финансовъ (stats verk.) показывается комиссіи государственныхъ чиновъ, дабы они могли освѣдомиться о томъ, что деньги употреблялись на пользу и благо государства", должна быть признана замѣненною сеймовымъ уставомъ 1869 г., именно статьею 27 онаго, по которой, „на каждомъ урочномъ сеймѣ, при открытіи онаго или же въ теченіе 14 дней послѣ того, имѣетъ быть сообщаемо земскимъ чинамъ о состояніи статскаго вѣдомства (т. е. вѣдомства казенныхъ финансовъ), дабы доставить имъ свѣдѣнія объ употребленіи доходовъ казны въ пользу и на благо края". Поэтому изъ статьи 50 формы правленія комитетъ могъ бы извлечь только совершенно излишнюю ссылку на сеймовый уставъ (ст. 71 проекта); но онъ проводитъ эту статью совершенно неумѣстно подъ статьей 69 проекта, гдѣ сказано, между прочимъ, что земскимъ чинамъ предоставляется будто бы исключительное право установлять срокъ для взиманія чрезвычайной подати или отказываться отъ таковыхъ податей, а также право установлять срокъ для взиманія чрезвычайной подати, опредѣлять цѣли, для коихъ она должна быть употребляема, и ставить другія условія касательно употребленія доходовъ казны.

Статья 51 формы правленія о наказаніи за оскорбленіе членовъ риксдага, какъ замѣчено и комитетомъ, должна считаться замѣненною правилами, изложенными въ статьѣ 9 сеймоваго устава.

Статью 52 формы правленія 1772 г. о порядкѣ пожалованія новыхъ привилегій комитетъ вводитъ въ статьи 63 и 65 своего проекта, но съ нѣкоторыми однако измѣненіями. По смыслу статьи 63 проекта Верховная власть не имѣетъ права издавать, измѣнять, отмѣнять и пояснять сословныя привилегіи и соотвѣтственно съ тѣмъ въ статьѣ 65 проекта комитетъ, излагая статью 52 формы правленія, прибавилъ къ ней такое правило, будто бы сіи привилегіи нельзя измѣнять или отмѣнять безъ согласія всѣхъ сословій. Эта прибавка едва-ли можетъ быть выведена изъ точнаго смысла

статьи 52 шведскаго источника, которая требуетъ согласія всѣхъ четырехъ сословій лишь въ случаѣ пожалованія новыхъ привилегій одному изъ сословій въ ущербъ другимъ сословіямъ. Общая ссылка на форму правленія, сдѣланная въ статьѣ 71 сеймоваго устава, не можетъ повидимому измѣнять смысла статьи 52. Слѣдуетъ замѣтить еще, что помянутая ссылка и по вопросу о порядкѣ пожалованія новыхъ привилегій можетъ возбуждать сомнѣнія, потому что статья 52 формы правленія 1772 г. и въ этомъ отношеніи можетъ быть разсматриваема какъ замѣненная статьями 1 и 7 акта соединенія и охраненія 1789 г., чему доказательствомъ служатъ упомянутыя въ подписи Короля на этомъ актѣ и пожалованныя имъ отъ своего имени, безъ участія риксдага, привилегіи городамъ и крестьянству.

Статья 54 о подтвержденіи привилегій, дарованныхъ до 1772 г. отдѣльнымъ шведскимъ городамъ, по замѣчанію комитета (мот. къ проект. прив., стр. 23), должна считаться замѣненною позднѣйшими узаконеніями, начиная съ королевской грамоты городамъ 23 Февраля 1789 г. Эта послѣдняя грамота, въ свою очередь, также должна быть признана отмѣненною или замѣненною дѣйствующими нынѣ въ Финляндіи узаконеніями о новомъ устройствѣ городского общиннаго управленія, объ отмѣнѣ разницы въ правахъ стапельныхъ и внутреннихъ городовъ, о промыслахъ въ городахъ и уѣздахъ, о представительствѣ городовъ на сеймѣ и разными другими, касающимися всѣхъ или нѣкоторыхъ городовъ Финляндіи, постановленіями.

Статья 55 формы правленія 1772 г., содержащая въ себѣ правило о банкѣ шведскихъ государственныхъ чиновъ [1]), проводится комитетомъ подъ статьею 74 проекта, указывающею на особый уставъ финляндскаго банка. Устройство и операціи сего банка и порядокъ надзора за ними опредѣляются особыми мѣстными законами; капиталъ этого банка есть собственность казны, а не сейма, и предоставленное постановленіемъ 9 Декабря 1867 г., земскимъ чинамъ право завѣдыванія и надзора не означаетъ передачи его фондовъ въ собственность земскихъ чиновъ; по статьѣ 1 устава банка 1878 г. онъ состоитъ лишь подъ гарантіею и въ вѣдѣніи земскихъ чиновъ. Примѣнять къ нему законы, изданные въ прошломъ столѣтіи для шведскаго банка и давно отмѣненные въ самой Швеціи, нѣтъ правильнаго основанія.

---

[1]) Въ современномъ проектѣ установленъ порядокъ надзора сейма за финансами, исключающій почти всякую возможность для Верховной власти самостоятельнаго распоряженія денежными средствами края, хотя-бы отчасти. *Т.*

Статья 57 формы правленія 1772 г. опредѣляетъ порядокъ поясненія этого основного шведскаго закона и должна быть признана непримѣнимою къ Великому Княжеству Финляндскому, такъ какъ порядокъ изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны основныхъ законовъ въ Финляндіи опредѣляется статьею 71 сеймоваго устава 1869 года.

Заключительныя слова формы правленія 1772 г. свидѣтельствуютъ, до какой степени еще въ 1772 г. была слаба въ Швеціи королевская власть, только что пережившая въ то время періодъ сословной вольницы, питавшейся идеями древней выборной монархіи. Слова сіи слѣдуетъ считать отмѣненными актомъ соединенія и охраненія 1789 г., вслѣдствіе чего они не были повторены и въ шведской формѣ правленія 6 Іюня 1809 г. Въ особенности же не могутъ они имѣть никакого примѣненія къ Финляндіи, какъ не соотвѣтствующія тому положенію дѣлъ, которое возникло послѣ ея присоединенія къ Россіи. Этимъ несоотвѣтствіемъ объясняется пропускъ въ изданномъ въ 1824 г. оффиціальномъ русскомъ переводѣ шведскаго уложенія 1734 г. для Финляндіи § 8 главы IV отдѣла о преступленіяхъ, опредѣлявшаго наказаніе за стремленіе ввести неограниченное правленіе. Хотя впослѣдствіи въ шведскомъ изданіи уложенія, напечатанномъ въ 1856 г. въ Гельсингфорсѣ особою учрежденною, по Высочайшему повелѣнію, комиссіею, этотъ параграфъ снова возстановленъ и повторяется также въ частныхъ финляндскихъ изданіяхъ уложенія, но эти изданія, не получившія Высочайшаго одобренія или утвержденія, не могутъ имѣть по объясненному вопросу никакого значенія.

Комитетъ въ своемъ проектѣ также не рѣшился воспроизвести заключительныя слова шведской формы правленія 1772 г., а только приводитъ ихъ подъ статьей 93 въ подтвержденіе того, что проектъ его долженъ дѣйствовать, какъ непоколебимый основной законъ, и что только въ согласіи съ этимъ проектомъ народъ долженъ оказывать Верховной власти повиновеніе во всемъ, что исполнять приличествуетъ.

IV. Актъ соединенія и охраненія 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г.

Наконецъ въ отношеніи послѣдняго шведскаго закона—акта соединенія и охраненія 1789 года, признаваемаго комитетомъ сохраняющимъ понынѣ свое значеніе, слѣдуетъ имѣть въ виду, что отдѣльныя статьи означеннаго закона приводятся комитетомъ подъ многими статьями его проекта новой формы правленія, но, какъ замѣчено выше, комитетъ недостаточно оцѣнилъ значеніе первой и главнѣйшей статьи этого акта, имѣвшаго цѣлью „дать основамъ правительства вновь крѣпость и силу".

Статья 2 этого закона содержитъ въ себѣ ссылку на уложеніе 1734 г. и тѣмъ самымъ отмѣняетъ соотвѣтствующую ссылку формы правленія 1772 г. на королевскій отдѣлъ земскаго уложенія Христофера 1442 г. Эта статья означена въ цитатахъ подъ статьями 10, 11, 18, 24 и 26 проекта.

Статья 3, предоставляющая всѣмъ сословіямъ право владѣть землею и пріобрѣтать ее, съ сохраненіемъ при томъ исключительныхъ привилегій дворянъ, и устанавливающая принципъ неизмѣнности стародавняго свойства земель, должна быть признана замѣненною въ Финляндіи закономъ 2 Апрѣля 1864 г. Упомянутое въ послѣдней части этой статьи право на шкатовый выкупъ казенныхъ гейматовъ опредѣляется въ настоящее время законами, изданными объ этомъ предметѣ въ самой Финляндіи, примѣнительно къ шведскимъ постановленіямъ 19 Сентября 1723 года и 21 Февраля 1789 года.

Статья 4 о порядкѣ замѣщенія государственныхъ должностей въ Швеціи введена комитетомъ въ статью 44 проекта и означена сверхъ того въ цитатахъ подъ статьею 41 онаго, о каковыхъ статьяхъ упомянуто выше.

Статья 5, введенная въ статью 69 проекта, уже разсмотрѣна выше, въ связи съ статьями 45 и 46 формы правленія 1772 года.

Дальнѣйшія статьи акта 1789 г., имѣющія лишь значеніе историческое и замѣненныя въ Финляндіи мѣстными законами, не требуютъ особаго разсмотрѣнія.

Общій выводъ.

Вышеизложенное обозрѣніе шведскихъ законовъ прошлаго столѣтія, положенныхъ въ основаніе составленнаго временнымъ изъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго комитетомъ проекта свода основныхъ законовъ сего Княжества, приводитъ къ заключенію, что законы сіи не представляютъ достаточнаго законодательнаго матеріала для установленія тѣхъ положеній, которыя, на основаніи оныхъ, изложены въ проектѣ комитета. Недостаточностью помянутаго матеріала обусловливается и полное несоотвѣтствіе онаго выводамъ комитета, которые, большею частью,—какъ объяснено выше,—оказываются не вытекающими изъ тѣхъ источниковъ, изъ коихъ они заимствованы. Съ другой стороны комитетомъ не приняты въ руководство, при составленіи разсматриваемаго проекта, позднѣйшія, изданныя послѣ 1809 г., узаконенія, на которыхъ въ сущности зиждется существующее мѣстное управленіе Финляндіею, отличное отъ управленія прочими частями Имперіи. Упущеніе комитетомъ изъ виду означенныхъ узаконеній повело къ неточному исполненію имъ задачи, возложенной на него Высочайшимъ повелѣніемъ 9/21 Марта 1885 г. По буквальному смыслу сего повелѣнія комитету предстояло составить сводъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи, съ указаніемъ также особо тѣхъ постановленій, которыя въ практикѣ права стали дѣйствовать взамѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ основныхъ законоположеній. Подъ сими послѣдними узаконеніями должны, внѣ всякаго сомнѣнія, разумѣться постановленія и правительственныя распоряженія, изданныя послѣ 1809 г., при начертаніи коихъ въ свое время были уже приняты въ должное соображеніе шведскіе законы и порядки, послужившіе уже такимъ образомъ основаніемъ къ установленію мѣстнаго управленія Финляндіею на особыхъ основаніяхъ,—конечно, настолько, насколько сіе представилось возможнымъ въ виду новаго послѣ 1809 г. положенія дѣлъ, возникшаго послѣ присоединенія названнаго края въ Россіи. Невключеніе упомянутыхъ постановленій въ сводъ объясняется комитетомъ тѣмъ, что къ нимъ будто бы не былъ примѣненъ порядокъ изданія законовъ, который долженъ, по заключенію комитета, быть соблюдаемъ въ Финляндіи въ соотвѣтствіе дѣйствовавшему въ семъ отношеніи порядку во времена шведскаго владычества въ семъ краѣ. Но это объясненіе не можетъ никоимъ образомъ заслуживать уваженія. Не останавливаясь на томъ, что порядокъ изданія законовъ въ Швеціи въ концѣ прошлаго столѣтія, какъ о семъ изъяснено

ниже, не опирался на какія-либо твердыя и неопровергаемыя правила, нельзя вообще согласиться съ взглядомъ комитета на возможность игнорированія законодательства за время болѣе полувѣкового существованія Финляндіи въ качествѣ части Россійскаго государства,—законодательства, которое обусловливалось, такъ сказать, новою жизнью этого края, возникшею для него послѣ присоединенія къ Россіи.

Съ устраненіемъ упомянутаго законодательства съ одной стороны и за недостаточностью шведскихъ законоположеній съ другой, неизбѣжно обнаружились пробѣлы въ законахъ, признаваемыхъ комитетомъ съ своей точки зрѣнія дѣйствующими. Эти пробѣлы, которые могутъ быть пополнены лишь изданными въ установленномъ порядкѣ узаконеніями, комитетъ считаетъ возможнымъ пополнить въ сводѣ выводами, основанными не на положительныхъ законахъ, а на болѣе или менѣе шаткихъ историческихъ изысканіяхъ и теоретическихъ умозрѣніяхъ, а также на „обычаѣ" и „практикѣ", при чемъ,—какъ объяснено выше,—нерѣдко относительно такихъ предметовъ, которые съ точностью опредѣляются уже узаконеніями, изданными послѣ 1809 г. Такимъ образомъ въ проектѣ комитета оказывается неотмѣченнымъ, что именно основывается на дѣйствующемъ законѣ и что составляетъ новое предполагаемое лишь правило, вслѣдствіе чего является смѣшеніе кодификаціи законовъ, въ смыслѣ соединенія во единое цѣлое изданныхъ, въ установленномъ порядкѣ, въ разное время дѣйствующихъ узаконеній, не требующихъ поэтому новой законодательной ихъ санкціи, съ проектированіемъ новыхъ законоположеній, подлежащихъ всестороннему разсмотрѣнію и засимъ утвержденію въ порядкѣ, для разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ установленномъ. При такомъ смѣшеніи, представляющемъ крайнія затрудненія для различенія дѣйствующаго закона лишь кодифицированнаго отъ вновь проектируемаго, возможно утвержденіе какого-либо внесеннаго въ проектъ постановленія подъ видомъ дѣйствующаго уже закона, тогда какъ въ дѣйствительности оно никогда не было утверждено въ законодательномъ порядкѣ или не признавалось положительнымъ закономъ. Если принять засимъ во вниманіе, что проекту, составленному комитетомъ, предполагается усвоить значеніе закона основного, измѣненіе котораго можетъ послѣдовать, согласно статьѣ 71 сеймоваго устава 1869 г., лишь при участіи сейма, то нельзя не усмотрѣть необходимости соблюсти крайнюю осторожность при утвержденіи тѣхъ, либо другихъ положеній проекта.

Ближайшее засимъ съ указанной точки зрѣнія разсмотрѣніе проекта показываетъ, что многія постановленія онаго могли бы быть

выпущены, съ одной стороны, потому, что не составляютъ предмета мѣстнаго закона, дѣйствующаго исключительно въ Финляндіи, а съ другой—по той причинѣ, что не относятся къ разряду законовъ основныхъ. Прежде всего, подлежали бы исключенію изъ проекта всѣ положенія онаго, на основаніи которыхъ комитетъ пытается опредѣлить отношенія Великаго Княжества Финляндскаго къ Имперіи Россійской: сіи отношенія долженствуютъ быть опредѣляемы не въ мѣстномъ финлядскомъ законѣ, а въ общемъ законодательствѣ Имперіи, которое уже и содержитъ въ себѣ необходимыя по сему предмету постановленія. Такъ о нераздѣльности Престола Россійской Имперіи и Великаго Книжества Финляндскаго выражено въ статьѣ 4 Основныхъ Законовъ Имперіи; въ соотвѣтствіе сему въ манифестѣ Императора Александра I, 16 Августа 1826 г., о назначеніи Наслѣдникомъ Престола Государя Великаго Князя Николая Павловича было провозглашено: „государственныя сословія . . . немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго". Равнымъ образомъ въ манифестахъ 19 Февраля 1855 г. и 1 Марта 1881 г. упоминается о вступленіи на Престолъ Россійской Имперіи „и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго". Затѣмъ въ тѣхъ же Законахъ Основныхъ съ точностью опредѣляются порядокъ наслѣдія Престола, а также постановленія: о совершеннолѣтіи Императора, о правительствѣ и опекѣ, о вступленіи на Престолъ и присягѣ подданства, о короновaніи, о титулѣ и гербѣ, о вѣрѣ, объ управленіи Имперіи на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Верховной власти исходящихъ, наконецъ о власти верховнаго управленія. Положенія сіи очевидно одинаковымъ образомъ относятся какъ къ Имперіи, такъ и къ Финляндіи, какъ нераздѣльной ея части [1]). На семъ основаніи касающіяся исчисленныхъ предметовъ статьи проекта формы правленія (какъ-то: 1—15, 25, 27, 28, 36, 41, 62 и др.) подлежатъ исключенію.

Далѣе постановленія проекта формы правленія относительно гофгерихтовъ и предсѣдателей присутственныхъ мѣстъ (ст. 30—32, 34 и 37), а также о служебныхъ должностяхъ (ст. 7, 8, 16, 33,

---

[1]) На сіе указано было и въ § 3 программы, Высочайше одобренной 7/19 Декабря 1864 года.

Программа эта, и вообще всѣ труды комиссіи ген.-л. Норденстама напечатаны въ приложеніи къ только что вышедшему труду ген. М. М. Бородулина *„Исторія Финляндіи. Время Императора Александра II"*.

36—46) и различныхъ видахъ землевладѣнія (ст. 75—92) вовсе не составляютъ предметовъ, опредѣляемыхъ Законами Основными, и если бы признано было необходимымъ законы эти кодифицировать или подвергнуть новому пересмотру, то препятствій къ сему не могло бы встрѣтиться, при томъ, однако, условіи, чтобы постановленія по означеннымъ предметамъ были обсуждены въ связи съ относящимися къ нимъ подробными правилами, примѣняемыми нынѣ въ Финляндіи, и вошли не въ сводъ Законовъ Основныхъ, а въ подлежащіе уставы, обнимающіе всю совокупность законодательства по данному предмету; такъ, напр., правила о служебныхъ должностяхъ могли бы найти себѣ мѣсто въ уставѣ о службѣ, постановленія о различныхъ видахъ землевладѣнія—частью въ гражданскомъ кодексѣ, а частью въ положеніяхъ о податяхъ и налогахъ, наконецъ правила о гофгерихтахъ и предсѣдателяхъ присутственныхъ мѣстъ—въ учрежденіяхъ (регламентахъ) сихъ установленій.

Съ исключеніемъ изъ проекта упомянутыхъ постановленій, а также положеній, касающихся воинской повинности и составляющихъ буквальное повтореніе соотвѣтственныхъ статей устава о сей повинности 1878 г., въ предполагаемомъ сводѣ было бы полезно сосредоточить постановленія о Сенатѣ и прокурорѣ (ст. 18—22, 24—29 и 34), о статсъ-секретаріатѣ (ст. 17) и о генералъ-губернаторѣ (ст. 23), которыя, какъ объяснено выше, дѣйствуютъ на основаніи изданныхъ для нихъ Верховною властью узаконеній и инструкцій, безъ всякаго при томъ въ настоящее время соотношенія съ шведскими порядками прошлаго столѣтія—порядками, бывшими уже въ виду при изданіи означенныхъ постановленій и согласованными съ сими послѣдними настолько, насколько это представлялось возможнымъ и удобнымъ. Въ виду сего было бы наиболѣе правильнымъ и вполнѣ согласнымъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ 1885 г. составить сводъ учрежденіямъ помянутыхъ установленій на точномъ основаніи изданныхъ для нихъ законоположеній, примѣняемыхъ въ настоящее время въ Финляндіи и являющихся такимъ образомъ „дѣйствующимъ закономъ“. Въ этотъ сводъ надлежало бы также включить и сеймовый уставъ 1869 г. Въ такомъ видѣ сводъ представлялъ бы собою собраніе мѣстныхъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ объ общемъ управленіи симъ краемъ.

Предположенный къ изданію сводъ быть можетъ представилось бы полезнымъ дополнить правилами о порядкѣ изданій и обнародованіи законовъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, который существеннымъ образомъ отличается отъ порядка, установленнаго по сему предмету Основными Законами Имперіи (ст. 49—79). Порядокъ, въ семъ отношеніи долженствующій быть соблюдаемымъ въ Финляндіи,

не опредѣляется, однако, положительными правилами [1]). Во время шведскаго владычества въ Финляндіи въ отношеніи порядка изданія узаконеній, имѣли значеніе постановленія двухъ законовъ: формы правленія 21 Августа 1772 г. и акта соединенія и охраненія 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г. Эти законоположенія не были, однако, между собою согласованы. Такъ хотя въ статьѣ 40 формы правленія 1772 г. и было выражено, что никакой законъ не можетъ быть изданъ или отмѣненъ безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ, а въ статьѣ 44—что безъ ихъ согласія не можетъ быть произведено повышеніе или пониженіе въ пробѣ монеты, но постановленія сіи утратили практическое значеніе съ изданіемъ въ 1789 году акта охраненія и соединенія, въ статьѣ 1 котораго, между прочимъ, упомянуто, что дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ, завѣдываются какъ Королю покажется наиполезнѣйшимъ, а въ статьѣ 6—что государственные чины не имѣютъ права заниматься никакими дѣлами, кромѣ тѣхъ, какія имъ предложены Королемъ. Засимъ другихъ, кромѣ приведенныхъ, шведскихъ узаконеній, которыя бы относились непосредственно къ разсматриваемому предмету, въ виду не имѣется. При такомъ положеніи законодательства въ вышеозначенный періодъ времени не представляется возможнымъ вывести какое-либо точное по сему предмету правило; изъ сопоставленія же упомянутыхъ законоположеній возможно придти и къ такому выводу, что въ послѣдній періодъ шведскаго владычества въ Финляндіи (съ 1789 г.—1809 г.) участіе земскихъ чиновъ въ разрѣшеніи законодательныхъ дѣлъ и вопросовъ зависѣло отъ Верховной власти. Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи въ 1809 г., въ отношеніи порядка изданія законовъ, точно также не было установлено твердыхъ и опредѣлительныхъ правилъ и лишь въ позднѣйшее время, въ сеймовомъ уставѣ $^{3}/_{15}$ Апрѣля 1869 г., въ статьѣ 71 положительно выражено, что изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Императора и съ согласія всѣхъ сословій. Равнымъ образомъ и вопросы о привилегіяхъ сословныхъ, согласно той же статьѣ сеймоваго устава и статьѣ 52 формы правленія 1772 г., могутъ быть разрѣшаемы лишь при участіи земскихъ чиновъ. Наконецъ, въ статьѣ 52 сеймоваго устава въ новой ея редакціи по закону $^{13}/_{25}$ Іюня 1886 г. упоминается о такихъ „общихъ" законахъ, установленіе, измѣненіе или отмѣна коихъ за-

[1]) Въ 1899 году, въ отношеніи законовъ общегосударственнаго значенія, это предложеніе Э. В. Фриша осуществлено было изданіемъ манифеста и основныхъ положеній 3 февраля, дѣйствіе которыхъ нынѣ пріостановлено.

Т.

*

виситъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами; но какіе именно законы здѣсь подразумѣваются, не выяснено ни въ законѣ 1886 г., ни въ позднѣйшихъ законоположеніяхъ. Такимъ образомъ при настоящемъ положеніи законодательства по разсматриваемому предмету, возможно придти къ несомнѣнному заключенію, что участіе земскихъ чиновъ Финляндіи въ изданіи законовъ представляется обязательнымъ только въ случаяхъ измѣненія или отмѣны основныхъ законовъ, а равно законовъ о привилегіяхъ. Засимъ вопросъ о томъ, какіе именно законы должны быть почитаемы основными или касающимися привилегій сословій, не имѣетъ твердыхъ къ его разрѣшенію основаній. Изъ числа изданныхъ для Финляндіи съ 1809 г. узаконеній лишь весьма немногіе законодательные акты признаны Верховною властью основными, а именно сеймовый уставъ 3/15 Апрѣля 1869 г. (ст. 83), нѣкоторыя положенія устава о воинской повинности, съ точностью перечисленныя въ особомъ манифестѣ отъ 6/18 Декабря 1878 г., и законъ 11 Ноября 1889 г. о правѣ финскихъ гражданъ, принадлежащихъ къ христіанской вѣрѣ не-евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, занимать должности и служебныя мѣста въ Финляндіи. Въ виду сего на практикѣ нерѣдко возникаютъ сомнѣнія относительно дальнѣйшаго направленія тѣхъ либо другихъ законопроектовъ. Устраненіе такихъ сомнѣній сводится въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ разрѣшенію вопроса: не имѣетъ ли предположенное къ изданію узаконеніе характера закона основнаго, либо относящагося къ области законовъ о привилегіяхъ. Разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ должно зависѣть, за исключеніемъ случаевъ, касающихся вышеупомянутыхъ трехъ признанныхъ основными законовъ,—отъ усмотрѣнія Верховной власти, отъ которой также зависитъ, буде признается необходимымъ, въ особомъ законодательномъ актѣ, разъ навсегда опредѣлить, какіи именно узаконенія относятся къ разряду законовъ, требующихъ участія сейма, въ случаѣ ихъ измѣненія или отмѣны.

При опредѣленіи порядка изданія законовъ для Финляндіи надлежало бы установить также самую форму ихъ изданія въ смыслѣ сближенія оной съ формами, соблюдаемыми въ семъ отношеніи въ Имперіи [1]). Въ настоящее время, судя по формѣ изданія и обнародованія Высосочайше утверждаемыхъ Верховною властью постановленій для Финляндіи, возможно заключить, что законы издаются въ этомъ краѣ Финляндскимъ Сенатомъ Именемъ Императорскаго Ве-

---

[1]) Это и было сдѣлано въ 1902 году, но потомъ законъ этотъ оказался въ числѣ прочихъ отмѣненнымъ по силѣ манифеста 22 октября 1905 года. *Т.*

личества, при чемъ въ Сборникѣ Постановленій Финляндскихъ не проявляется съ достаточною наглядностью Высочайшая санкція закона, а лишь наглядно выставляются подписи Сенаторовъ Финляндскаго Сената, обсуждавшихъ обнародываемое узаконеніе. Казалось бы весьма полезнымъ установить для Финляндіи принятую въ Имперіи форму изданія законовъ, изъ которой съ ясностью усматривалось бы Монаршее утвержденіе закона Собственноручною подписью Императорскаго Величества, или Генералъ-Губернаторомъ, въ качествѣ предсѣдателя Сената, если законъ издается по представленію Сената и не требуетъ для его утвержденія Высочайшей подписи.

Нельзя также, при установленіи порядка изданія законовъ, не принять во внимаіе, что предпринимаемыя собственно для Финляндіи мѣропріятія нерѣдко касаются также и Имперіи и по тѣснымъ связямъ Великаго Княжества съ прочими частями Имперіи, имѣя близкое отношеніе къ обоимъ управленіямъ, требуютъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны соображенія. Этого рода дѣла, на основаніи ст. 27 учр. Ком. Мин. изд. 1886 г., должны поступать въ Комитетъ Министровъ, когда финляндскій генералъ - губернаторъ признаетъ сіе нужнымъ и когда по онымъ не требуется измѣненія действующихъ въ Финляндіи узаконеній. Для тѣхъ же случаевъ, когда означенными мѣропріятіями вызывается измѣненіе или дополненіе финляндскихъ законовъ, въ дѣйствущемъ законодательствѣ не указанъ порядокъ дальнѣйшаго направленія сихъ дѣлъ. Казалось бы необходимымъ, въ согласность съ Основными Законами Имперіи, подвергать подобные законопроекты обсужденію и разрѣшенію въ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ законодательныхъ, т. е. чрезъ Государственный Совѣтъ [1]) или же путемъ изданія Именныхъ за Собственноручнымъ подписаніемъ Императорскаго Величества указовъ, въ порядкѣ верховнаго управленія объявляемыхъ. Установленіе такого порядка не составляло бы вовсе нововведенія, а являлось бы обращеніемъ въ твердое и положительное правило порядка, который соблюдался на практикѣ. Такъ, напр., духовное вѣдомство всѣхъ православныхъ церквей греко-россійскаго вѣроисповѣданія въ Финляндіи подчинено Святѣйшему Синоду Именнымъ указомъ 11 Декабря 1811 г., воспослѣдовавшимъ въ порядкѣ верховнаго управленія, а правила о производствѣ дѣлъ по преступленіемъ, чинимымъ въ Финляндіи россійскими, а въ Россіи финляндскими обывателями, установлены закономъ 25 Марта 1825 г. состоявшимся

[1]) Это и былъ порядокъ, установленный позднѣе манифестомъ 3-го февраля 1899.

по предварительномъ обсужденіи сего дѣла Государственнымъ Совѣтомъ; равнымъ образомъ манифестъ 11 Декабря 1811 г., о подчиненіи прежней Финляндіи, послѣдовалъ согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Что же касается, наконецъ, составленнаго комитетомъ проекта сословныхъ привилегій, то, какъ объяснено выше, большая часть правилъ этого проекта содержится уже въ подлежащихъ по соотвѣтственнымъ предметамъ законоположеніяхъ; эти послѣднія могли бы быть дополнены и прочими постановленіями проекта, которыя въ оныя не вошли. Засимъ едва-ли представляется необходимымъ составленіе особаго свода таковымъ привилегіямъ. Во всякомъ же случаѣ, если бы признано было необходимымъ издать отдѣльный по сему предмету сводъ, то въ проектѣ онаго должно быть съ ясностью отличено, что̀ составляетъ дѣйствующій законъ и что̀—выводъ изъ древнихъ шведскихъ законовъ, съ тою главнѣйшею цѣлью, чтобы всѣ подобные выводы подвергались всестороннему обсужденію въ качествѣ новыхъ законопроектовъ, требующихъ законодательной санкціи.

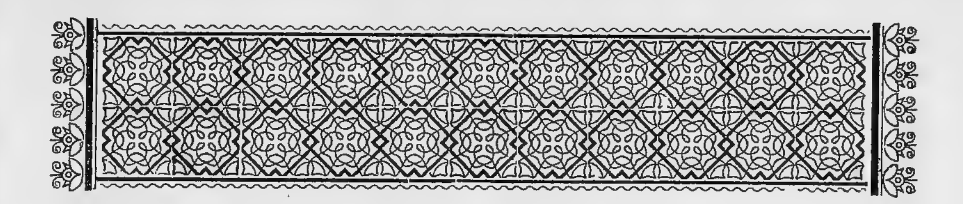
Въ заключеніе, на основаніи всего вышеизложеннаго, нельзя не придти къ общему выводу, что составленный комитетомъ проектъ какъ формы правленія, такъ и сословныхъ привилегій не отвѣчаетъ, въ настоящемъ видѣ, той цѣли, которая высочайше предуказана была повелѣніемъ $^{9}/_{21}$ Марта 1885 г., и потому подлежалъ бы пересмотру на изъясненныхъ выше основаніяхъ.

Главноуправлящій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, Статсъ-Секретарь (подписалъ) *Эд. Фришъ.*

Сообщилъ Н. А. Т.

1 Августа 1890 г.

Изъ прошлаго [1]).

Въ Болгаріи.

XI.

Мнѣ приходилось уже не разъ указывать выше [2]) на то недоброжелательство, съ которымъ относилась Австрія къ росту и упроченію Болгаріи, и на ту интригу которую велъ, уже лично противъ меня, графъ Кевенгюллеръ. Опытная австрійская дипломатія, зная силу печати, отлично пользовалась ею для сѣянія смуты, извращая факты, или же, при невозможности этого сдѣлать, окрашивала ихъ въ нужный, по обстоятельствамъ минуты, цвѣтъ. Могу привести здѣсь наглядный образчикъ, который можно провѣрить по документамъ.

Въ концѣ телеграммы полковника Шепелева отъ 26 ноября графу Д. А. Милютину [3]) сказано буквально: „Камера заявила, что недовѣріе къ министерству не касается Паренсова". Телеграмма эта хранится въ дѣлахъ Военно-ученаго архива главнаго штаба, отд. С. № 313, и слѣдовательно, недовѣряющій моему разсказу о депутаціи ко мнѣ членовъ народнаго собранія и о довѣріи, ими мнѣ высказанномъ, долженъ будетъ повѣрить оффиціальному документу. А вотъ, что писала австрійская „Politische Correspondenz", въ телеграммѣ изъ Софіи, отъ 15 ноября: „Князь Александръ отказался пока принять отвѣтный адресъ Скупщины на тронную рѣчь, который заключаетъ въ себѣ выраженіе рѣшительнаго недовѣрія къ министерству, *въ томъ числѣ и къ военному министру*" [4]). Телеграмма эта была передана въ Петербургъ нашимъ „международнымъ теле-

---

[1]) См. „Русская Старина", 1907 г., іюнь.
[2]) Гл. VI, VIII и X.
[3]) Гл. X.
[4]) Курсивъ мой. *П. П.*

графнымъ агентствомъ" и напечатана въ „Новомъ Времени", 17 ноября 1879 года, № 1337 и въ „Голосѣ", отъ того же числа, № 318. Фраза обо мнѣ Софійскаго корреспондента большой австрійской газеты, своей редакціей, настолько подчеркнута, что на нее нельзя не обратить вниманія и, слѣдовательно, сдѣлать выводъ, неблагопріятный для болгарскаго народнаго собранія, не щадящаго Россіи, „неблагодарнаго" къ державѣ-освободительницѣ, а также неблагопріятный для русскаго генерала, стоящаго во главѣ болгарскаго войска, очевидно, не умѣющаго управлять имъ и заслужившаго неодобреніе собранія.

Телеграммы изъ Софіи въ Вѣнскія газеты и особенно въ „Politische Correspondenz" проходили черезъ горнило австрійскаго генеральнаго консульства въ Болгаріи. Читателю, освѣдомленному, въ телеграммахъ этихъ всегда видна печать австрійской дипломатіи. Искусное смѣшеніе дѣйствительнаго съ выдуманнымъ придавало изложенію событій характеръ правдоподобности, а ведомое систематично въ одномъ и томъ же направленіи созидало цѣлую послѣдовательную, однотонную картину. То же русское „международное телеграфное агентство" сообщило въ русскія газеты, почерпнутую, также изъ „Politische Correspondenz", слѣдующую телеграмму отъ 23 декабря 1879 года:

„Болгары начинаютъ сердиться на то, что на разныя министерскія должности поступило, и при томъ съ значительнымъ содержаніемъ, такъ много иностранцевъ. Военное министерство поглощаетъ, въ дѣйствительности, большую часть доходовъ страны и само оказывается вынужденнымъ сократить армію, чтобы имѣть возможность платить жалованье значительному числу своихъ чиновниковъ. Бывшій военный министръ Золотаревъ, съ помощью только трехъ лицъ, успѣлъ осуществить реорганизацію арміи. Говорятъ, что князь созоветъ большое національное собраніе для измѣненія конституціи. Съ другой стороны утверждаютъ, что князь намѣренъ, ѣдучи въ Петербургъ, прислать оттуда отреченіе свое отъ трона, если нѣкоторыя постановленія конституціи не будутъ подвергнуты пересмотру".

Въ этой телеграммѣ истина съ вымысломъ переплетены на каждомъ шагу. Иностранцемъ, занимавшимъ „министерскую" должность, былъ только одинъ—я. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ были два русскихъ: въ первомъ—г. Рогге, во-второмъ г. Каченовскій; они были въ родѣ консультантовъ, и не только министрами, но даже „товарищами" министра не назывались. Военное министерство, при мнѣ, не только не оказывалось вынужденнымъ сокращать армію, но, какъ выше указано, увеличило ее со-

зданіемъ пограничнаго батальона, сильнаго состава, вызывавшаго, въ то время, общее удовольствіе населенія. При г. Золотаревѣ, кромѣ „военнаго министерства“ съ его чинами, существовалъ еще „Штабъ Болгарскаго Земскаго войска“, съ начальникомъ штаба полковникомъ Липранди, чинами этого штаба и начальникомъ войска, генераломъ Шелейховскимъ, которые, съ уходомъ русскихъ войскъ изъ Болгаріи, тоже ушли, должности ихъ упразднены, а вотъ я, въ дѣйствительности, остался съ „помощью“ не „трехъ“, а только „двухъ“ лицъ, капитановъ генеральнаго штаба Соловьева и Ясенскаго, которые со мною и составили все „военное министерство“, управленіе и командованіе арміей. Кажется, понятно, что вести дѣло въ такомъ составѣ было немыслимо, хотя бы уже потому одному, что когда капитанъ Соловьевъ заболѣлъ и уѣхалъ въ отпускъ, то я остался съ однимъ офицеромъ—помощникомъ по всему министерству.

О созывѣ Великаго народнаго собранія, дѣйствіи вполнѣ законномъ, но также вполнѣ несвоевременномъ, и въ поминѣ не было, а на счетъ угрозы отреченія при неисполненіи предъявленныхъ княземъ требованій, то это дѣйствительно было, и при томъ не только было хорошо извѣстно австрійскому консульству въ Софіи, но, по всей вѣроятности, въ немъ же было сфабриковано. О семъ будетъ подробно сказано въ своемъ мѣстѣ, ниже.

Вообще, къ корреспонденціямъ „съ мѣста“ приходится относиться весьма осторожно. И въ нашихъ газетахъ того времени, „собственные корреспонденты“, даже хорошо освѣдомленные, сообщали свѣдѣнія, окрашивая ихъ по личному ихъ усмотрѣнію. При этомъ даже самыя добросовѣстныя изъ нихъ, какъ, напр., корреспонденціи почтеннаго дѣятеля войны за освобожденіе Болгаріи, лично мнѣ извѣстнаго и глубокоуважаемаго г. В. Р., помѣщенныя въ „Новомъ Времени“ 1880 г. №№ 1372, 1381 и т. д., безусловно односторонни.

Къ этимъ корреспонденціямъ я еще возвращусь позже; теперь же закончу упоминаніемъ объ одной изъ нихъ, въ „Нов. Вр.“ 16 декабря 1879 г.—„Въ дебряхъ болгарской политики“, г. С. Корреспонденція написана въ видѣ разговора двухъ лицъ, на желѣзной дорогѣ. Разсуждая объ упомянутомъ мною выше отвѣтномъ адресѣ народнаго собранія князю, г. С., возражая своему собесѣднику, говоритъ: „....вы ставите въ укоръ собранію редакцію его постановленія о ежегодномъ выраженіи благодарности и ищете, по этому случаю, въ текстѣ адреса, какихъ-то затаенныхъ политическихъ замысловъ. Между тѣмъ дѣло можетъ быть объяснено простой психической причиной. Каждый разъ, когда среди болгаръ заходитъ рѣчь о признательности къ Россіи и произносится имя

царя Александра, они до того отдаются влеченію своего сердца, что забываютъ все и думаютъ только объ томъ, какъ бы задушевнѣе, сильнѣе и крѣпче заявить безграничное умиленіе и восторгъ тому, кому они обязаны своимъ, безпримѣрнымъ въ исторіи, освобожденіемъ. Согласитесь, что въ такія минуты трудно отъ простосердечнаго народа требовать соблюденія шаблонныхъ формальностей и іерархическихъ тонкостей".

Я нахожу, и смѣю считать мое мнѣніе, вынесенное изъ опыта, вѣрнымъ, что въ приведенныхъ словахъ г. С. слышна безусловная правда. Я поражался слѣпотѣ и отсутствію государственной мудрости у князя Александра, отринувшаго, и при томъ въ весьма настойчивой и рѣзкой формѣ, включеніе этого обстоятельства въ одну изъ двухъ причинъ отклоненія адреса. Я тогда же думалъ, что князю Александру, еще ничѣмъ въ Болгаріи себя не заявившему, державшемуся *исключительно* тѣмъ, что онъ ставленникъ русскій, „момче" царя Александра, слѣдовало не только ухватиться за это предложеніе собранія, но узнавъ о немъ, еще до поднесенія адреса, пойти навстрѣчу желанію депутатовъ. Вѣдь какъ ни какъ, а это выраженіе чувствъ представителей народа надо было разсматривать какъ знаменованіе духовныхъ узъ, существовавшихъ между двумя братскими народами, единоплеменными и единовѣрными, одно изъ проявленій солидарности славянскаго племени. Обиды или униженія князю, умаленія его величія тутъ не было, такъ какъ благодарность была обращена къ высокой личности Царя-Освободителя, дяди князя, его выдвинувшаго и его поставившаго на княженіе. Я и тогда думалъ, и теперь думаю, что, ставъ во главѣ подобнаго движенія, князь уже однимъ этимъ сдѣлалъ бы большой шагъ себѣ на пользу; это было бы однимъ изъ „столбовъ угла" созидавшагося и нужнаго ему зданія популярности среди болгаръ.—Я понимаю, что князь, по рожденію своему, полу-нѣмецъ, полу-полякъ, воспитанія германскаго, не могъ *чувствовать* того, что чувствовали: болгарскій народъ, Шепелевъ, я и многіе другіе, но желая „управлять"—онъ долженъ былъ это *понять*, а не брезговать выраженіемъ народнаго чувства. Это была бы „мудрая" политика, привильно очерченная Шепелевымъ въ его телеграммѣ отъ 26 ноября: „Князю нужно стать сперва популярнымъ, а затѣмъ уже думать о переворотѣ". Я сказалъ выше, что „чувства" не было, а теперь скажу: и „пониманія" не было.—Первое естественно, а потому простительно; это болгарамъ надо было имѣть въ виду и съ этимъ мириться; второе же было непростительно, и хотя князь, вопреки изложенной выше мысли Шепелева, сдѣлалъ переворотъ 1881 г., не дождавшись популярности, но зато и

конецъ былъ, понятно, княземъ нежеланный: конецъ жизни въ Грацѣ, на службѣ въ австрійской кавалеріи. Я конечно не допускаю ни на минуту мысли, чтобы нашъ представитель А. П. Давыдовъ могъ участвовать въ преніяхъ, происходившихъ во дворцѣ, по поводу этого мѣста адреса; полагать надо, что и разговоры объ этомъ происходили не при немъ; но что гр. Кевенгюллеръ, прямо или косвенно, въ нихъ участвовалъ—это несомнѣнно. Замѣчательно, что оба пункта, по которымъ адресъ былъ отклоненъ, были вопросами личнаго тщеславія; одинъ о титулѣ, другой о выраженіи благодарности русскому государю. За ширмами этого плачевнаго дѣянія несомнѣнно видна была рука, враждебная Болгаріи, славянству и Россіи, замаскированная расположеніемъ къ князю, якобы блюстительница его „царственныхъ" прерогативъ и интересовъ, а въ дѣйствительности преслѣдовавшая совсѣмъ другія цѣли, при достиженіи которыхъ, стремленіе ослѣпленннаго князя къ гибели, а затѣмъ и дѣйствительно состоявшаяся впослѣдствіи его гибель—не болѣе какъ шахматный ходъ игры, въ которой не князь былъ угрожаемымъ королемъ [1]).

Справедливость заставляетъ меня при этомъ сдѣлать относительно князя оговорку: ему было 21—22 года и при немъ не было „довѣреннаго совѣтника". Самый достойный изъ приближенныхъ князю лицъ, полковникъ Шепелевъ, характеристику котораго я сдѣлалъ выше [2]), ни любовью, ни довѣріемъ князя не пользовался; князь его побаивался и только исходя изъ этого, иногда его слушалъ.

24-го ноября, вечеромъ, получилъ я записочку отъ князя, которая хранится у меня въ подлинникѣ, слѣдующаго содержанія:

Mon cher Ministre.

Vu que je viens de dissoudre la chambre, je Vous prie de prendre des mesures *secretes* [3]) pour que l'ordre public ne soit pas dérangé.

Votre Alexandre [4]).

(Мой дорогой министръ.

Въ виду того, что я распустилъ палату, прошу васъ принять *секретныя* мѣры, чтобы общественный порядокъ не былъ нарушенъ.

Вашъ Александръ).

---

[1]) Роль Кевенгюллера очерчена мною въ главѣ IV-й. (Стр. 91-ая отдѣльнаго изданія, въ выноскѣ).

[2]) Стр. 70.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) Письмо это, въ отдѣльномъ изданіи будетъ помѣщено facsimile.

Хотя я и зналъ, что проектъ распущенія существуетъ, но я все же надѣялся, что благоразуміе, совѣты Шепелева, извѣстное князю несочувствіе Петербурга къ крутымъ мѣрамъ—повліяютъ и приведутъ князя къ рѣшенію составить кабинетъ изъ оппозиціи. Письмо князя произвело на меня удручающее впечатлѣніе: я увидѣлъ начало конца.... Вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что и мои дни въ Болгаріи сочтены, такъ какъ твердо помнилъ слова князя, сказанныя мнѣ по поводу его желанія вызвать въ болгарскую армію нѣмецкихъ офицеровъ: „я вызову этихъ офицеровъ по окончаніи теперешней сессіи, а къ будущему октябрю (время созыва палаты), надѣюсь, что Собранія не будетъ; я твердо рѣшился остаться въ Болгаріи только подъ условіемъ коренныхъ измѣненій въ конституціи“ [1]).

Хотя письмо князя было помѣчено 24-мъ числомъ, но опубликованіе роспуска произошло позже, кажется 27-го, что̀ и дало возможность полковнику Шепелеву послать еще одну телеграмму гр. Милютину отъ 26 ноября, помѣщенную выше.

Въ Софіи „общественный“ порядокъ нарушенъ не былъ, но по всей странѣ поднялась сильнѣйшая агитація въ виду предстоявшихъ новыхъ выборовъ. Вожди оппозиціи разъѣхались изъ столицы въ мѣстности, которыми они были выбраны, и „общій“ порядокъ въ Болгаріи былъ, въ полной мѣрѣ, нарушенъ.

Роспускъ „Народнаго Собранія“ несомнѣнно рѣшенъ былъ во дворцѣ гораздо раньше. Полагать надо, что Давыдовъ это зналъ, но никому ни сообщалъ, можетъ быть связанный словомъ. Шепелевъ же очевидно не зналъ объ окончательно состоявшемся 24 ноября рѣшеніи, иначе онъ не посылалъ бы своей телеграммы 26 ноября. Что касается моей освѣдомленности о состоявшемся уже рѣшеніи распустить палату, то я долженъ вернуться къ письму ко мнѣ князя отъ 24 ноября. 1) Если бы вопросъ о роспускѣ былъ обсуждаемъ и рѣшенъ съ участіемъ всего кабинета, а слѣдовательно и моимъ, то я бы, понятно, зналъ окончательный исходъ совѣщанія и князю не надо было бы оповѣщать меня словами: „vu que je viens de dissoudre“.., т. е. „въ виду того, что я распустилъ“... Такая редакція фразы подразумѣваетъ, очевидно, что мнѣ сообщается извѣстіе, мнѣ еще неизвѣстное. 2) Если бы я участвовалъ въ совѣщаніи, рѣшившемъ вопросъ, то вѣроятно мнѣ тутъ же было бы сообщено о принятіи заблаговременныхъ, секретныхъ мѣръ къ охраненію порядка. Мало того, именно въ виду секретности этихъ мѣропріятій, мнѣ бы сообщили о необходимости ихъ заблаговременно, тутъ же, на заклю-

---

[1]) Гл. IX. Мое письмо гр. Д. А. Милютину. № 182. (Стр. 204 отдѣльнаго изданія).

чительномъ совѣщаніи, а не прибѣгли бы къ письму. Думаю, что все изложенное вполнѣ обрисовываетъ картину событія и свидѣтельствуетъ о томъ, что роспускъ Народнаго Собранія былъ результатомъ рѣшенія „келейнаго".

Наступившее преобладаніе склонности къ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ въ вопросахъ управленія страной отразилось и на отношеніяхъ ко мнѣ въ дѣлахъ, касавшихся войска. Князь сдѣлался весьма упоренъ въ своихъ требованіяхъ, пересталъ выслушивать мои соображенія и настаивалъ на исполненіи его желаній.—Однажды, послѣ очередного доклада, князь пригласилъ меня въ сосѣднюю комнату и показалъ мнѣ, выписанные имъ изъ Берлина, сдѣланные по его заказу, образцы конскаго снаряженія для офицеровъ разныхъ родовъ оружія и генераловъ. Я былъ пораженъ необычайной роскошью всего разложеннаго на столахъ и, похваливъ изъ вѣжливости, красоту этихъ образцовъ, попробовалъ доложить о томъ, что все это ляжетъ очень тяжело на бѣдный карманъ болгарскихъ офицеровъ. Чтобы дать понятіе о томъ, что я увидѣлъ, привожу здѣсь описаніе конскаго убора для генераловъ [1]).

„Суголовье какъ для генеральнаго штаба (изъ желтаго ремня), но съ золотымъ приборомъ и цѣльнымъ трензельнымъ суголовьемъ. *Ремни трензелеваго суголовья, лобовой ремень и трензельные поводья обшиты золотымъ генеральскимъ галуномъ*. Цѣпи на лбу *золотыя*, съ такимъ же *медальономъ*, на которомъ придѣланъ *серебряный рельефный левъ* [2]). *Вторая такая же бляха, но бо́льшихъ размѣровъ*, посреди груди, на грудовыхъ ремняхъ, которые тоже обшиты *золотымъ галуномъ*. На концахъ удилъ *серебряныя* бляхи, съ *золотыми рельефными вензелями* [3]). Вальтрапъ образца русской кавалеріи, *краснаго сукна*. Вокругъ вальтрапа нашиты *два галуна* (генеральскихъ) *каждый въ два вершка* (*!!*). Въ заднихъ углахъ по большому, золотому, металлическому вензелю".

Тутъ же былъ показанъ мнѣ образецъ генеральской шапки, бѣлой мерлушковой, какъ прежде, но съ приставленнымъ большимъ, стоячимъ султаномъ.

Кромѣ очевидной дороговизны всего, мнѣ показаннаго, меня больно укололо то, что совершенно вопреки моей воли, глядя на все, разложенное на столахъ, мнѣ пришло въ голову оскорбительное воспоминаніе о генералѣ Бумъ-Бумъ изъ оперетки „Madame l'Archiduc"....

---

[1]) Описаніе сдѣлано со словъ князя, т. е. подъ его диктовку, однимъ изъ русскихъ флигель-адъютантовъ князя.

[2]) Гербъ Княжества: левъ стоящій на заднихъ лапахъ. Un lion rampant.

[3]) Вензель князя.

Тутъ же князь познакомилъ меня съ выписаннымъ имъ изъ Берлина нѣмецкимъ портнымъ Робрехтъ, присовокупивъ, что кромѣ шитья платья Робрехтъ можетъ снабдить меня, офицеровъ и даже солдатъ пуговицами новаго проектированнаго и утвержденнаго княземъ образца[1]).

Такъ все это было тяжко... Одновременно съ такими проектами мнѣ вновь было высказано настоятельное требованіе о принятіи на службу иностранныхъ офицеровъ. Положеніе мое становилось просто невыносимымъ. Съ одной стороны—готовность Собранія увеличить бюджетъ и жертвовать деньги на благоустройство войска, а съ другой—эти галуны, пуговицы и нѣмецкіе офицеры! Вѣдь не на это же давало мнѣ деньги Народное Собраніе,

Переговоривъ съ Шепелевымъ, и на этотъ разъ даже съ Давыдовымъ, я, воспользовавшись секретнымъ шифромъ Шепелева, еще 15 ноября послалъ графу Д. А. Милютину слѣдующую телеграмму:

„15-го (27-го) ноября. Дѣла болгарскаго войска, вслѣдствіе неисполнимыхъ желаній князя, приходятъ въ такое положеніе, что я вынужденъ просить вызвать Шепелева для личнаго доклада и снабженія меня инструкціями. Шепелевъ знаетъ дѣло, доложитъ вамъ, сообщитъ мнѣ ваше рѣшеніе. При настоящемъ порядкѣ дѣло не можетъ идти.

Паренсовъ".

На другой день Шепелевъ получилъ отвѣтъ отъ графа Д. А. Милютина:

„16 ноября. Высочайше повелѣно вамъ для объясненій по службѣ прибыть въ Петербургъ.

Милютинъ".

Шепелевъ обязанъ былъ доложить князю о полученіи этой телеграммы и въ результатѣ разговора вынужденъ былъ послать въ Петербургъ слѣдующую телеграмму:

„19 ноября. Военному министру. Князь проситъ соизволенія Государя Императора, чтобы я отложилъ свой отъѣздъ въ Петербургъ до разрѣшенія министерскаго кризиса. Дѣла улаживаются и есть надежда, что дней черезъ шесть все кончится благополучно.

Шепелевъ".

Графъ Милютинъ естественно долженъ былъ доложить эту телеграмму Государю Императору, результатомъ чего была слѣдующая телеграмма полковнику Шепелеву изъ Петербурга.

---

[1]) Чтобы быть точнымъ, въ приложеніи 11-мъ и 12-мъ отдѣльнаго изданія, помѣщены facsimile двухъ росписокъ частнаго секретаря князя, г-на Менгеса.

„20 ноября. Высочайше разрѣшено отложить вашъ отъѣздъ по соображенію обстоятельствъ. *Переговорите съ Царенсовымъ* [1]).

Милютинъ“.

Конецъ телеграммы Шепелева отъ 19 ноября: „... Дѣла улаживаются и есть надежда, что дней черезъ шесть все кончится благополучно“, сопоставленный съ прежними его телеграммами отъ 13 ноября: „...князь рѣшится скорѣе распустить Собраніе, чѣмъ призвать исключительно либеральный кабинетъ...“ и отъ 17 ноября: „Кризисъ продолжается... князь... отказывается принять адресъ палаты...“ и т. д.,—звучатъ весьма странно, особенно если прибавить къ этому двѣ телеграммы того же Шепелева, отправленныя 23 и 24 ноября [2]), посланныя приблизительно „дней черезъ шесть“ послѣ выраженія надежды, что „все кончится благополучно“. Объясненіе такого быстраго перехода надеждъ къ разочарованіямъ надо искать въ слѣдующемъ. Отъѣздъ Шепелева въ Петербургъ во время кризиса былъ для князя крайне неудобенъ не столько потому, чтобы онъ лишался въ немъ, въ такую опасную минуту, опытнаго совѣтника, популярнаго въ странѣ и примиряющаго разныя теченія, сколько по другому: Шепелевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, лично доложилъ бы положеніе дѣлъ графу Милютину, Гирсу и, вѣроятно, самому Государю; доложилъ бы, понятно, о необходимости „испытать сперва всѣ средства къ образованію новаго кабинета“ и „не прибѣгать къ роспуску Собранія“ [3]). Несомнѣнно, что слова даровитаго, осмотрительнаго и знающаго дѣло Шепелева произвели бы надлежащее впечатлѣніе, результатомъ котораго было бы полученіе княземъ, приблизительно 22-го и 23-го ноября, соотвѣтственной телеграммы, удерживающей его отъ рѣшительныхъ дѣйствій, что̀ конечно приводило къ образованію кабинета изъ оппозиціи, умиротворенію страстей и водворенію порядка въ странѣ. Первое было нежелательно князю, а послѣднее не согласовалось съ программой западныхъ совѣтниковъ князя и ихъ слѣпыхъ, мѣстныхъ, орудій. Очевидно, надо было задержать Шепелева во что бы то ни стало, а такъ какъ онъ былъ вызываемъ Высочайшимъ повелѣніемъ, то надо было указать на необходимость присутствія Шепелева въ Софіи „до разрѣшенія министерскаго кризиса“; при-

---

[1]) Напечатанное курсивомъ въ телеграммѣ зашифровано.

[2]) 23-го ноября: „Если сегодня не состоится компромиссъ, завтра предстоитъ распущеніе“ и 24-го ноября: „Смѣшанный кабинетъ по вкусу князя не удался. Рѣшено распустить палату“.

[3]) Конецъ телеграммы графа Милютина полк. Шепелеву отъ 15 ноября. Гл. X, стр. 216.

сутствіе же Шепелева въ Софіи было особенно важно въ виду того, что, яко бы, „дѣла улаживаются“ и скоро, „дней черезъ шесть“, все кончится благополучно.—А тогда Шепелевъ можетъ и ѣхать.

А. А. Шепелевъ слишкомъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ, чтобы, по своей инициативѣ, увѣрять Петербургъ объ улаживаніи дѣлъ, когда все кругомъ клокотало; несомнѣнно, что эти розовыя надежды были ему внушены. Мало того, несомнѣнно, что ему были даны положительныя увѣренія и обѣщанія въ соотвѣтственномъ духѣ.

Зная хорошо всю тогдашнюю обстановку, я рѣшаюсь положительно утверждать, что, въ данномъ случаѣ, Шепелевъ, говоря деликатно, былъ введенъ въ заблужденіе....

По роспускѣ Народнаго Собранія кабинетъ былъ преобразованъ. Изъ старыхъ министровъ ушли: Бурмовъ и Атанасовичъ; вошли новые: тырновскій епископъ Климентъ, министромъ народнаго просвѣщенія и президентомъ совѣта [1]), а нѣсколько позже Икономовъ (изъ Шумлы), министромъ внутреннихъ дѣлъ. Остальные портфели были временно распредѣлены между оставшимися министрами.

Пользуясь отсрочкой отъѣзда Шепелева, который рѣшилъ выѣхать 29 ноября утромъ, я написалъ графу Милютину еще слѣдующее:

„Милостивый Государь 27 ноября / 1879 г.“

Графъ Димитрій Алексѣевичъ.

Полковникъ Шепелевъ будетъ имѣть честь представить Вашему Сіятельству письмо мое за № 182 [2]), которое, имѣя характеръ оффиціальный, не могло вмѣстить въ себѣ многаго, что я вынужденъ сказать.

Шепелевъ, хорошо знающій положеніе дѣлъ вообще, и которому извѣстны мельчайшія подробности моей дѣятельности и жизни, при докладѣ Вашему Сіятельству, дополнитъ мои слова; тѣмъ не менѣе, позволяю себѣ просить васъ прочитать и эти строки, на которыя осмѣливаюсь просить посмотрѣть какъ на неоффиціальныя.

При существующемъ положеніи и стремленіяхъ князя я рѣшительно парализованъ. Я не могу быть одновременно во главѣ серьезнаго дѣла военнаго управленія въ Болгаріи и угодникомъ князя. Этого не допускаетъ моя совѣсть и репутація.

Безъ преувеличенія скажу, и полковникъ Шепелевъ не откажется засвидѣтельствовать, что имя мое пользуется извѣстнымъ довѣріемъ

---

[1]) Характеристика этого замѣчательнаго болгарскаго патріота будетъ приведена ниже. *П. П.*

[2]) Гл IX.

въ странѣ и между начальниками частей войскъ; но я могу потерять это сразу, въ ущербъ дѣлу, стоитъ мнѣ не только подчиниться нѣкоторымъ невозможнымъ требованіямъ князя, который ко всему прикладываетъ нѣмецкій масштабъ и постоянно возражаетъ; „chez nous c'est autrement" [1]).

Между тѣмъ, могу завѣрить Ваше Сіятельство, что князь держится здѣсь только тѣмъ, что онъ племянникъ государя, но отнюдь не личными качествами.

Князь и нѣкоторые, пріѣхавшіе съ нимъ нѣмцы, очевидно наобѣщали нѣмецкимъ офицерамъ мѣста въ Болгаріи и теперь не знаютъ какъ быть. Много нѣмецкихъ офицеровъ являлось сюда, получали отъ меня отказъ, и нѣкоторые должны были быть отправлены княземъ на его счетъ, съ уплатою ихъ долговъ въ гостиницахъ.

Теперь князь настаиваетъ, чтобы я отдалъ приказъ о зачисленіи въ службу прусскаго кавалерійскаго офицера, племянника генерала Альбедиля [2]).

Какая цѣль можетъ привлекать въ Болгарію человѣка, который, повидимому, могъ бы съ успѣхомъ служить въ Пруссіи? Очевидно, ему неудобно оставаться въ Германской арміи [3]).

Что ни день князь затѣиваетъ новыя формы, невозможныя по ихъ дороговизнѣ и совершенно ненужныя.

Я дѣлалъ, по временамъ, послабленія, насколько могъ, но его свѣтлость не останавливается въ своихъ желаніяхъ. Серьезныхъ же взглядовъ и стремленій не вижу.

Я не вмѣшиваюсь въ распоряженія князя, касающіяся его военной свиты и конвоя, но въ вопросахъ, касающихся всего войска, считаю нужнымъ поступать иначе.

Болгары еще дѣти во всемъ; ихъ надо воспитывать, а не портить. Князь только и мечтаетъ, что въ Болгарію будутъ пріѣзжать иностранные государи и царственныя особы, и что онъ, для нихъ, будетъ дѣлать парады, а о ружьяхъ и пушкахъ не заботится, хотя и говоритъ о присоединеніи Румеліи посредствомъ вооруженнаго дѣйствія.

Будучи генераломъ, я, въ то же время, по положенію моему, министръ конституціонной страны.

Благодаря случайностямъ прошедшей войны, имя мое (заслуженно

---

[1]) У насъ (т. е. въ Германіи) это иначе.

[2]) Альбедиль, генералъ-адъютантъ императора Вильгельма, начальникъ его военнаго кабинета, одинъ изъ знаменитаго тріо: Мольтке, фонъ-Роонъ, Альбедиль. *П. П.*

[3]) Смотри гл. VIII.

или нѣтъ) извѣстно странѣ съ хорошей стороны. Дѣятельность моя какъ министра заслужила одобренiе различныхъ партiй, въ томъ числѣ и, такъ называемыхъ, радикаловъ. Недавно ко мнѣ являлась депутацiя отъ Народнаго Собранiя просить не обижаться, что въ адресѣ князю коснулись армiи. Не стану разбирать, искренны были ихъ заявленiя или нѣтъ. Если искренны—тѣмъ лучше; если неискренни, то все же, самъ фактъ явленiя депутацiи показываетъ, что они мной дорожатъ, или видятъ во мнѣ необходимость. Но и это можетъ скоро исчезнуть, стоитъ мнѣ согласиться съ желанiями князя и заставить бѣдныхъ болгарскихъ офицеровъ носить расшитые золотомъ воротники, ѣздить на шитыхъ золотомъ вальтрапахъ и манежныхъ коняхъ, выписывая все изъ Берлина, или согласиться принять хотя бы одного нѣмецкаго офицера въ войско.

Сопротивленiе мое желанiямъ князя легко можетъ быть перетолковано въ смыслѣ соглашенiя моего съ оппозицiей, и чего добраго, я стану скоро нигилистомъ, краснымъ и радикаломъ, что уже эксплоатируется нѣкоторыми иностранцами, въ томъ числѣ австрiйскимъ дипломатическимъ агентомъ графомъ Кевенгюллеромъ.

Какъ образчикъ желанiй князя на дѣло позволю себѣ разсказать случай, бывшiй вчера. Я представилъ князю докладъ—положенiе о товарищѣ военнаго министра. Положенiе было составлено, по моей просьбѣ, полковниками Шепелевымъ и Тимлеромъ, и проектъ мною утвержденъ, для доклада его свѣтлости. Такимъ образомъ этотъ проектъ есть результатъ работы трехъ офицеровъ русскаго генеральнаго штаба.

По этому проекту товарищу военнаго министра предоставлены нѣкоторыя дисциплинарныя права [1]).

Князь не согласился утвердить этотъ проектъ, говоря, что въ Германiи не такъ, и что даже гр. Мольтке не имѣетъ дисциплинарныхъ правъ. Когда же я просилъ и доказывалъ необходимость предлагаемаго мною, то его свѣтлость отложилъ рѣшенiе вопроса на сутки и послалъ своего адъютанта къ моему подчиненному, завѣдывавшему военно-судной частью, полковнику Мордвинову, справиться, такъ ли дѣлается въ Россiи, какъ я предлагаю. Конечно это

---

[1]) Здѣсь надо указать, что въ то. начальное, время, военный министръ въ Болгарiи былъ не только административное лицо, но и командное по отношенiю къ армiи, имѣвшей, въ лицѣ царствующаго князя, своего верховнаго вождя—главнокомандующаго. Очевидно, что и товарищъ военнаго министра, какъ помощникъ командующаго армiей, долженъ былъ имѣть нѣкоторыя, строго обусловленныя, командныя обязанности и дисциплинарныя права.

было облечено въ форму, будто самъ адъютантъ интересуется вопросомъ [1]).

Я не въ претензіи на подобный неумѣстный контроль, но желаю только, чтобы дѣло не страдало; въ то же время имѣю смѣлость думать, что дѣло скорѣе выиграетъ, если будетъ руководимо мною, а не юношей-адъютантомъ.

Простите, Ваше Сіятельство, что утруждаю Васъ подобными мелочами; но эти мелочи повторяются ежедневно и въ состояніи довести самаго спокойнаго человѣка до нервнаго раздраженія.

Грустный, несчастный фактъ распущенія палаты повергнетъ страну въ хаотическое положеніе; весьма возможно, что возникнутъ безпорядки, потребуется содѣйствіе войскъ. Агитація будетъ продолжаться до новыхъ выборовъ, до созванія новаго Народнаго Собранія, въ февралѣ или мартѣ. Можно думать, что составъ этого новаго Собранія будетъ такой же, какъ и теперь, т. е. оппозиціонный правительству.

Въ виду этихъ печальныхъ условій крайне необходимо военному министру получить инструкціи отъ русскаго правительства, или приказать ему во всемъ сообразоваться съ представителями Россіи, которыхъ снабдить опредѣленными указаніями, а военному министру облегчить веденіе дѣла организаціи войска, снабдивъ про-

---

[1]) Такой образъ дѣйствій князя не былъ для меня неожиданностью. Я случайно узналъ о негласныхъ справкахъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ моихъ помощниковъ, русскій штабъ-офицеръ, очень способный, но до крайности честолюбивый, докладывая мнѣ однажды порученное ему дѣло, представлялъ свои возраженія на мой проектъ, хотя и не лишенныя основанія, но которыхъ я, при обстоятельствахъ того времени, принять къ исполненію не могъ. Пріѣхавъ на другой день во дворецъ съ докладомъ, въ которомъ должно было фигурировать это дѣло, меня нѣсколько удивило то, что дежурный адъютантъ, Корвинъ, не пошелъ немедленно къ князю доложить о моемъ прибытіи, а просилъ подождать, говоря, что у князя кто-то уже есть. Въ ожиданіи пріема я сталъ ходить по длинному корридору, который велъ въ кабинетъ князя. Черезъ нѣсколько минутъ изъ кабинета вышелъ какъ разъ тотъ самый штабъ-офицеръ, съ которымъ я разбиралъ дѣло наканунѣ и при томъ вышелъ не въ мундирѣ, какъ я обыкновенно ходилъ къ докладу, а въ сюртукѣ, т. е. по домашнему. Это меня еще болѣе удивило, но все же, по нѣкоторымъ, извѣстнымъ мнѣ даннымъ, я отнесъ появленіе этого штабъ-офицера во дворцѣ совсѣмъ къ другимъ причинамъ. Услышавъ же, отъ князя, при докладѣ, тѣ самыя возраженія, которыя слышалъ наканунѣ отъ моего подчиненнаго, я понялъ игру. Divide et impera. (Раздѣляй и царствуй). Не догадался добродушнѣйшій Корвинъ спрятать меня въ какую-нибудь комнату дворца; я бы не видѣлъ уходящаго подчиненнаго и терялся бы въ догадкахъ. А тутъ все увидѣлъ... Дѣлали дѣло, да не додѣлали.

*

граммою, на которую онъ могъ бы опереться при докладахъ князю.

Полагалъ бы тоже полезнымъ сообщить его свѣтлости эту программу, хотя бы въ общихъ чертахъ".

Петръ Паренсовъ.

Письмо это было закончено утромъ 28-го ноября и должно было быть отправлено съ Шепелевымъ 29-го, одновременно съ первымъ моимъ письмомъ № 182 [1]), но вечеромъ 28-го случилось нѣчто совсѣмъ особое, которое ясно опредѣлило все ближайшее будущее.

Часу въ шестомъ вечера получилъ я приказаніе немедленно прибыть къ князю. Тревожные дни второй половины ноября и поздній, неурочный часъ призыва не вселяли въ меня спокойствія, но покуда я собирался, покуда доѣхалъ по темнымъ переулкамъ отъ моего дома до дворца, я успѣлъ нѣсколько остыть и входилъ въ кабинетъ князя довольно спокойнымъ; увидѣвъ же его, я вполнѣ овладѣлъ собой. Князь сидѣлъ у своего письменнаго стола, и лицо его носило отпечатокъ величайшаго возбужденія, волненія, но и рѣшимости. Очень красный, съ блестѣвшими глазами, князь принялъ меня вѣжливо, корректно, но очень сдержанно и указалъ на стулъ противъ себя. Затѣмъ, подавая бумажку, на которой было написано: Sous-lieutenant Köller [2]), князь приказалъ мнѣ отдать немедленно приказъ о зачисленіи его на службу въ болгарскую кавалерію, прибавивъ, что, не желая предавать это дѣло огласкѣ, онъ приказываетъ мнѣ зачислить его въ Виддинскую сотню и сейчасъ же, какъ будто торопясь поскорѣй выговорить все, что его угнетало, прибавилъ другое приказаніе: немедленно составить правила о принятіи, вообще на службу, всѣхъ иностранныхъ офицеровъ и заготовить о семъ приказъ.

Я нарочно не прерывалъ князя, чувствуя, какъ ему все это было тяжело выговорить, но когда онъ замолчалъ, то я, вполнѣ спокойно, вновь (и уже въ который разъ!), доложилъ ему, что подобный шагъ противорѣчитъ основному закону страны. Князь перебилъ меня, сказавъ, что послѣ распущенія палаты онъ признаетъ конституцію несуществующею. Такой скачекъ мысли меня поразилъ, такъ какъ я достаточно хорошо зналъ, что даже многократный роспускъ Собранія не знаменуетъ еще уничтоженія основного государственнаго закона, для чего требуется или законный созывъ Великаго Народнаго Собранія, или насильственный переворотъ; я спросилъ у князя: изданъ ли уже государственный актъ, декретъ князя,

---

[1]) Гл. IX.

[2]) Подпоручикъ Кёллеръ.

возвѣщающій объ уничтоженіи конституціи, и получилъ отвѣтъ: „non; et je m'en passerai“ [1]. Тогда я всталъ и доложилъ, что покуда конституція оффиціально не уничтожена, я не могу подписать подобнаго приказа, а если его свѣтлости угодно принять иностранныхъ офицеровъ въ войска, то я прошу предварительно согласиться на мое увольненіе отъ должности министра и отъ службы въ болгарскихъ войскахъ. Князь тоже всталъ и голосомъ уже очень не сдержаннымъ сказалъ мнѣ: Vous êtes toujours en opposition envers moi; Vous contrecarez toujours mes projets [2]. Эти слова показались мнѣ очень обидными; я тоже вскипѣлъ и разразился длинной рѣчью, въ которой изложилъ всѣ мои труды по организаціи и упроченію военной силы княжества, мои мечты о будущемъ, и кончилъ такъ: „...et quand Vous Monseigneur, à la tête de Votre armée, organisée et consolidée par moi, avec la bénédiction de la Russie et avec le consentement muet de l'Europe, marcherez vers les frontières, créerez une grande Bulgarie, deviendrez son premier roi, mon ambition me dit, que l'histoire, en écrivant Votre nom sur ses pages, placera à coté du Votre—un autre, plus petit, mais aussi inoubliable: cela sera le mien.—Voila mon ambition. C'est alors que je compterais ma tâche accomplie et m'en irais... Mais maintenant je vois bien que vous ne m'avez jamais compris... et je regrette... ne comprendrez jamais“ [3]. Выпаливъ это, я поклонился и ушелъ.

Рубиконъ былъ пройденъ. Отступленія не было; я сжегъ свои корабли.

Уже на лѣстницѣ дворца я спохватился, что собственно по вопросу о принятіи на службу Келлера и объ изданіи указа относительно принятія вообще иностранцевъ на службу мы такъ ничѣмъ и не порѣшили; спохватился и о другомъ: я пожалѣлъ о сказанныхъ мною самыхъ послѣднихъ словахъ: „...ne comprendrez jamais [4]. Я такъ былъ еще молодъ душой [5], что приходило иногда въ голову: а вдругъ уразумѣетъ; пойметъ! Данныя на это были. Князю было

---

[1] Нѣтъ; я обойдусь и безъ этого.

[2] Вы стоите всегда въ оппозиціи мнѣ; вы всегда мнѣ противорѣчите.

[3] И когда Вы, во главѣ Вашей арміи, мною организованной и мною упроченной, съ благословенія Россіи и при молчаливомъ согласіи Европы, выступите на границы (княжества) и создадите великую Болгарію, сдѣлаетесь ея первымъ царемъ, мое самолюбіе мнѣ подсказываетъ, что исторія, написавъ на своихъ страницахъ Ваше имя, впишетъ рядомъ съ Вашимъ и другое, меньшее, но тоже незабываемое: мое. Вотъ въ чемъ мое самолюбіе! Тогда я считалъ бы свое призваніе исполненнымъ—и удалился бы... Но теперь я вижу, что Вы никогда меня не понимали. ...и сожалѣю... никогда не поймете.

[4] Никогда не поймете.

[5] Да и годами; мнѣ было 36 лѣтъ.

тогда 22 года; энергіи и здоровья,—хоть убавляй. Отъ природы одаренъ хорошо. Хотя болѣе хитеръ, чѣмъ уменъ, но все же далеко не глупъ. Самолюбіе и честолюбіе громадныя... Ну что, кабы всѣ эти дары природы направлены были къ великой, возвышенной цѣли! Что бы можно было натворить!.. Но, къ сожалѣнію, вся дальнѣйшая судьба этого поистинѣ несчастнаго князя, несчастнаго для себя, для окружавшихъ его и для Болгаріи,—все показало, что если его стремленія и были большія, то они не вели къ великой цѣли. Не было ни широкихъ замысловъ, ни большого размаха, ни вдохновенія; не было той волны, временно сдерживаемой обстоятельствами, которая влечетъ великихъ людей, творящихъ великое дѣло; были только мелкія, мелкія струйки, заглохшія въ пучинѣ жизни, не оставивъ даже слѣда!

Но какъ бы то ни было, слово мое было сказано и возвратить его было нельзя.

Что мнѣ было однако дѣлать? Такъ какъ Шепелевъ уѣзжалъ на другой день и такъ какъ Давыдова игнорировать было нельзя, то я и направился къ нему, куда мы вызвали и Шепелева, несмотря на сборы его въ дорогу. Рѣшено было, что я напишу князю письмо съ докладомъ, что такъ какъ принятіе иностранныхъ офицеровъ въ болгарское войско не только противорѣчитъ неотмѣненному закону, но и затрогиваетъ судьбу русскихъ офицеровъ, поступившихъ на службу инструкторами болгарскихъ офицеровъ, а не сослуживцами нѣмецкихъ, то, что я, въ виду послѣдняго обстоятельства, весь вопросъ представилъ на усмотрѣніе русскаго военнаго министра для доклада Государю Императору, князя же почтительно просилъ обождать рѣшеніемъ до полученія отвѣтовъ на мои письма, посланныя съ Шепелевымъ. Шепелевъ ушелъ, а я принялся за письмо, которое, будучи исправлено Давыдовымъ, послано мною на другой день, рано утромъ, князю. Вотъ это письмо.

Monseigneur.

Hier Votre Altesse a bien voulu m'ordonner de faire un décrêt concernant l'entrée au service du souslieutenant, Köller et d'en redigerun autre avec un reglement concernant l'entrée des officiers étrangers dans les troupes de Votre Altesse.

Cette question ayant été discutée plusicurs fois je me trouvais toujours dans le plus grand embarras vu la position difficile dans laquelle ces officiers se trouveront parmis les officiers Russes et Bulgares et vu l'existance d'une loi qui n'est pas encore changée.

Pour applanir les difficultés dans lesquelles je me trouvais et considérant que c'est une question de principes, au sujet de laquelle il

serait bon de consulter le gouvernement Impérial Russe, j'ai demandé des instructions sur se sujet au comte Milutine.

C'est avec le colonel Schepeleff que j'ai envoyé ma lettre en priant le ministre de la guerre Russe de m'initier aux vues de Sa Majesté l'Empereur.

J'ai parlé de cette affaire avec Monsieur Davidoff, qui partage mon avis et je prends la hardiesse de prier Vorte Altesse d'attendre la reponse de Sa Majesté l'Empereur.

Il m'est bien penible Monseigneur d'écrire ces lignes, mais j'agis en cette occasion selon les prescriptions de ma conscience.

Veuillez agréer Monseigneur les sentiments du parfait devouement du serviteur de Votre Altesse

P. Parensoff[1]).

Еще вечеромъ 28-го, написавъ это письмо къ князю, но еще не отправивъ его, я сдѣлалъ приписку въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ графу Д. А. Милютину.

„28 ноября. 7 часовъ вечера.

Сію минуту Его Свѣтлость Князь потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ принять въ Болгарскія войска лейтенанта Кёллера, зачисливъ его въ Виддинскую сотню.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Свѣтлость приказалъ мнѣ отдать приказъ съ изложеніемъ правилъ о принятіи на службу всѣхъ иностранныхъ офицеровъ.

Всѣ мои возраженія не привели ни къ чему.

На возраженіе, что это противорѣчитъ основному государствен-

---

[1]) Вчера Вашему Высочеству угодно было приказать мнѣ издать указъ о принятіи на службу подпоручика Кёллера и другой съ проектомъ положенія о принятіи иностранныхъ офицеровъ въ войска Вашего Высочества

Вопросъ этотъ, неоднократно уже обсуждаемый, ставилъ меня всегда въ крайне затруднительное положеніе въ виду того неудобнаго положенія, которое эти офицеры займутъ среди русскихъ и болгарскихъ офицеровъ, а также въ виду существующаго закона, еще не измѣненнаго.

Чтобы устранить затрудненія, въ которыхъ я, по этому вопросу, находился и принимая во вниманіе, что тутъ затронутъ вопросъ принципіальный, о которомъ не лишнее спросить Русское Императорское правительство, я запросилъ инструкціи графа Милютина.

Полковникъ Шепелевъ везетъ мое письмо, въ которомъ я прошу русскаго военнаго министра освѣдомить меня о воззрѣніяхъ Его Величества Государя Императора.

Я обсуждалъ этотъ вопросъ съ г. Давыдовымъ, который раздѣляетъ мои взгляды, и я беру на себя смѣлость просить Ваше Высочество обождать отвѣта Его Императорскаго Величества.

Мнѣ очень тяжело, Ваше Высочество, писать эти строки, но въ этомъ дѣлѣ я дѣйствую согласно указаніямъ моей совѣсти.

ному закону, конституціи. Князь сказалъ, что послѣ распущенія палаты, онъ признаетъ конституцію несуществующею.

Поговоривъ по этому предмету съ д. с. с. Давыдовымъ и п. Шепелевымъ, я отвѣчаю Князю письменно, что не могу исполнить его приказанія до полученія отвѣта отъ Вашего Сіятельства на письмо мое, посылаемое съ п. Шепелевымъ.

Считаю долгомъ доложить, что допущеніе иностранныхъ офицеровъ на службу въ Болгарскія войска повлечетъ за собою удаленіе русскихъ офицеровъ, по крайней мѣрѣ большинства, настолько подорветъ мое значеніе, что я вынужденъ буду просить меня уволить отъ должности, а съ уходомъ моимъ и массы офицеровъ, я не ручаюсь за прочность княжескаго престола. Вслѣдствіе изложеннаго я рѣшаюсь телеграфировать Вашему Сіятельству, взявъ ключъ у Шепелева.

Генералъ Паренсовъ".

Въ тотъ же вечеръ, пользуясь секретнымъ ключемъ Шепелева, я послалъ графу Милютину шифрованную телеграмму такого содержанія.

„28 ноября [1]). Сегодня князь потребовалъ отъ меня принятія на службу нѣмецкаго офицера и изданія указа о пріемѣ вообще иностранцевъ въ войска. Это противорѣчитъ закону и вообще считаю положительно невозможнымъ. Полковникъ Шепелевъ выѣзжаетъ завтра, везетъ мое подробное письмо, но до полученія на него отвѣта, прошу указаній Вашего Сіятельства. Князю я доложилъ, что не могу исполнить его приказанія до полученія инструкцій отъ Вашего Сіятельства. Считаю долгомъ прибавить, что въ случаѣ принятія нѣмцевъ въ войска, большинство русскихъ офицеровъ не останется въ Болгаріи. Ключъ есть.

Паренсовъ".

На другой день, 29-го ноября, утромъ, пришелъ ко мнѣ Давыдовъ, что бывало рѣдко. Видъ у него былъ очень озабоченный. Изъ его разсказа я узналъ, что рано утромъ, вѣроятно, тотчасъ по полученіи моего письма, князь пригласилъ его къ себѣ. Волненіе князя было, по словамъ Давыдова, неописуемо. Прежде всего князь заявилъ Давыдову о своемъ намѣреніи телеграфировать Государю Императору просьбу о немедленномъ моемъ отозваніи. Что отвѣчалъ Давыдовъ, мнѣ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ эта тема была оставлена и не возобновлялась. Затѣмъ князь спросилъ: уѣхалъ ли Шепелевъ и увезъ ли онъ мое письмо графу Милютину. Получивъ

---

[1]) На этой телеграммѣ, рукой графа Милютина, сдѣлана помѣтка. (Получ. 29-го). Дѣло Гл. Штаба.

утвердительный отвѣтъ, князь поинтересовался узнать, въ какой мѣрѣ самъ Давыдовъ солидаренъ со мной и съ Шепелевымъ въ вопросѣ о принятіи иностранныхъ офицеровъ въ войска княжества. Давыдовъ, будучи какъ я уже сказалъ выше, вполнѣ честнымъ человѣкомъ, не уклонился отъ отвѣта и заявилъ, что онъ считаетъ мѣру, задуманную княземъ, безусловно неприложимою и опасною. Князь, все болѣе и болѣе волнуясь, спросилъ: не написалъ ли и онъ кому-нибудь о своемъ взглядѣ, на что получилъ отвѣтъ, что Давыдовъ написалъ, въ такомъ же духѣ, Гирсу. Тогда князь задалъ еще вопросъ: полагаетъ ли Давыдовъ, что письмо мое Милютину и его—Гирсу, будутъ доложены этими лицами Государю Императору? Давыдовъ отвѣтилъ, что „въ извлеченіи—несомнѣнно“. При этихъ словахъ князь впалъ въ совершенное уныніе, такъ что Давыдову жалко было на него смотрѣть. Затѣмъ пошли со стороны князя вопросы и просьбы, нельзя ли какъ-нибудь предотвратить докладъ объ этихъ письмахъ Государю. Давыдовъ, вполнѣ основательно, замѣтилъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ главную роль играю я, и что надо спросить прежде всего моего согласія; онъ прибавилъ, что, судя по нашимъ разговорамъ, врядъ ли я пойду на какія-нибудь сдѣлки. Тогда князь отвѣтилъ: „alors c'est moi qui fera le premier pas; je ferai des concessions“ [1]). Въ дальнѣйшей нашей бесѣдѣ со мной, Давыдовъ высказалъ глубокое свое убѣжденіе, полную увѣренность, что князь самъ въ тискахъ, наобѣщавъ въ Германіи нѣкоторымъ лицамъ устроить ихъ въ Болгаріи, что повидимому эти лица, не тѣ маленькіе офицеры, о которыхъ идетъ рѣчь, а повыше, и что эти-то высокія лица на князя нажимаютъ. По словамъ Александра Петровича, князь, разсказывая все это въ видѣ намековъ, не желая или не имѣя возможности выложить все на-чистоту, былъ положительно удрученъ и жалокъ. А. П. сказалъ, что князь поручилъ ему позондировать почву, попробовать уговорить меня, устроить какънибудь дѣла такъ, чтобы мое письмо не было читано Государю и что если я соглашусь, то онъ съ своей стороны дастъ слово не поднимать больше вопроса объ иностранныхъ офицерахъ, кромѣ однако двухъ подпоручиковъ: Кёллера (племянника Альбедиля) и еще одного, фамилію котораго не сказалъ, завѣривъ впрочемъ своимъ словомъ, что это второе лицо еще въ первомъ офицерскомъ чинѣ. Давыдовъ согласился взять на себя переговоры со мной, прибавивъ, что если я соглашусь, то и онъ, въ свою очередь, постарается, чтобы и его письмо осталось извѣстнымъ только Гирсу. Давыдовъ нѣсколько насмѣшливо, улыбаясь, добавилъ, что князь,

---

[1]) Тогда я сдѣлаю первый шагъ; я пойду на уступки.

провожая его, какъ бы спохватившись, сказалъ: mais Vous devez lui demander sa parole qu'il executera sa promesse[1]).

Мнѣ предстояло рѣшить задачу: выигравъ въ крупномъ, т. е. заручившись словомъ царствующаго князя, переданнымъ мнѣ черезъ представителя Россіи, не поднимать болѣе вопроса о принятіи иностранцевъ въ войска княжества, сдѣлать уступку относительно помянутыхъ двухъ юношей, а также пойти на то, чтобы графъ Милютинъ принялъ мои доклады только для личнаго своего свѣдѣнія,—или упорствовать?

Обсудивъ все самымъ спокойнымъ образомъ, мы пришли къ слѣдующему заключенію: главный вопросъ мною выигранъ. Опираясь на Давыдова, въ этомъ дѣлѣ со мной вполнѣ согласнаго, я, понятно, обезпеченъ отъ новыхъ требованій князя, касающихся иностранцевъ, два же совсѣмъ юныхъ подпоручика, размѣщенные въ разныя части, вреда не принесутъ. Конечно, оппозиція будетъ меня ругать на чемъ свѣтъ стоитъ, скажутъ мнѣ: „и ты Брутъ"..., но подобные случаи неизбѣжны на поприщѣ публичной, а тѣмъ болѣе государственной дѣятельности. Что же касается до того, что мои письма будутъ или не будутъ доложены Государю Императору, то понятно, что суть дѣла заключалась въ томъ, чтобы графъ Милютинъ былъ бы *вполнѣ въ курсѣ дѣла,* а это во всякомъ случаѣ будетъ. Въ результатѣ я согласился, и мы вмѣстѣ съ Давыдовымъ составили и послали Шепелеву въ Рущукъ телеграмму такого содержанія.

Colonel Schepelef.

Affaire en question arrangée en principe selon nos desires, avec concession de ma part pour deux individus. Suis engagé d'honneur à ce que contenu des mes lettres ne soit connu que de celui à qui elle sont adressées. Il est de même de la lettre de Davidof. Envoi lettre avec Bergstresser[2]).

Я просилъ Давыдова отнести копію этой телеграммы князю, чтобы у него было письменное доказательство того, что „я далъ слово" и его исполнилъ, въ предѣлахъ мнѣ доступныхъ, но просилъ также доложить, что еще наканунѣ послалъ телеграмму, непосредственно Милютину, что остановить эту телеграмму или дать ей иное направленіе я уже не въ силахъ, такъ какъ возможно, что

---

[1]) Но вы должны взять съ него слово, что онъ исполнитъ обѣщанное.

[2]) „Извѣстный (вамъ) вопросъ принципіально улаженъ, соотвѣтственно нашимъ желаніямъ, но съ уступкой съ моей стороны относительно двухъ лицъ. Обязался словомъ, что содержаніе моихъ писемъ будетъ извѣстно только тому, кому они адресованы (т. е. Милютину). Тоже и относительно письма Давыдова (Гирсу). Посылаю письмо (вамъ) съ Бергштрессеромъ".— Бергштрессеръ—русскій инженеръ путей сообщенія на службѣ княжества.

она уже доложена, но что я допускаю, что графъ Милютинъ, получивъ ее, воздержится отъ доклада Государю до прибытія Шепелева и полученія моихъ писемъ, въ этой телеграммѣ упоминаемыхъ.

1-го декабря получилъ я отъ графа Милютина замѣчательный отвѣтъ, шифрованной телеграммой:

„На телеграмму вашу 28 ноября могу сообщить только частное мое мнѣніе, что было бы желательно въ войскахъ болгарскихъ устранить иностранцевъ, кромѣ русскихъ; но оффиціальныхъ инструкцій не могу давать вамъ *какъ министру* князя болгарскаго, *отвѣтственному въ конституціонномъ порядкѣ*. Было бы крайне неудобно вмѣшательство русскаго правительства во внутреннія дѣла княжества [1]).

Милютинъ".

Я назвалъ эту телеграмму замѣчательной, потому что въ этихъ краткихъ словахъ, на мой взглядъ, изложена цѣлая программа. Для меня же лично эта телеграмма была драгоцѣнностью, такъ какъ ясно указывала: „что вы меня спрашиваете, когда вы отвѣтственны въ конституціонномъ порядкѣ?" Выводъ очевидный: держитесь конституціи....

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ словахъ я прочиталъ и одобреніе моимъ „принципіальнымъ" дѣйствіямъ. Почему я отвергалъ пріемъ иностранныхъ офицеровъ въ войска?—Потому что это было неосуществимо на практикѣ, вредно для дѣла и даже опасно,—и потому что это противорѣчило конституціи. Почему я былъ противъ присвоенія княземъ, собственнымъ указомъ, титула Высочества? Потому что это тоже не согласовалось съ конституціей....

Прочитавъ телеграмму графа Милютина, я вполнѣ успокоился. Fais ce que dois, advienne que pourra. Успокоился, но конечно понималъ и помнилъ, что Рубиконъ пройденъ, и что корабли мои сожжены.

Примѣчаніе. Я могъ бы во всемъ этомъ инцидентѣ, воспользовавшись случаемъ, подать въ отставку и уйти. Но, во-первыхъ, я отлично зналъ, что князь, какъ это уже было не разъ, отставки не приметъ, скажетъ: „Vous me quittez dans des moments si penibles, je n'ai personne pour Vous remplacer" и т. п.; будетъ телеграфировать въ Петербургъ, прося меня оставить, „въ виду смутнаго времени", а главное употребитъ всѣ усилія, чтобы не допустить мой уходъ добровольный, по моей иниціативѣ, а сдѣлать его недобровольнымъ, не по моей волѣ, а по волѣ его—князя.

П. Паренсовъ.

[1]) Курсивъ мой.

Шуточное пригласительное шестистишіе Я. И. Ростовцова Ѳ. Н. Глинкѣ.

Семья ждетъ пира: „будетъ онъ“
Приходъ его—приходъ желанный.

Давно съ женою онъ почтенъ,
Какъ Іакимъ съ женою Анной.

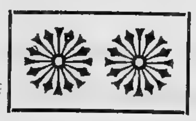
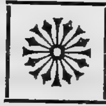
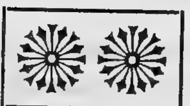
Ихъ просятъ братья и друзья,
Вся благодарная семья.

8 марта 1849 года.

Я. И. Ростовцовъ, не чуждый литературѣ, какъ авторъ поэмы „Персей“, написалъ приводимое выше шуточное пригласительное шестистишіе извѣстному писателю Ѳ. Н. Глинкѣ; оно заимствовано мною изъ архива послѣдняго; въ шестистишіи упоминается жена Глинки; это была Авдотья Павловна, урожденная Голенищева-Кутузова, тоже не безизвѣстная писательница.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Къ воспоминаніямъ о графѣ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Бергѣ [1]).

Окончаніе).

XI.

Вспоминая о томъ, какъ графъ Бергъ, въ качествѣ намѣстника и главнокомандующаго обходился съ поляками, нельзя не отмѣтить, что вообще онъ не признавалъ возможности относиться съ ненавистью къ какой бы то ни было націи или къ отдѣльнымъ людямъ за ихъ принадлежность къ той или иной націи. Не мало ходило въ тѣ времена разсказовъ, которые свидѣтельствовали о томъ, что этою благородною чертою онъ отличался; изъ массы такихъ разсказовъ нелишне привести хоть одинъ.

Должность варшавскаго коменданта въ первые годы намѣстничества графа занималъ генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ.—Это былъ старый Кавказскій рубака, родной братъ того князя Бебутова, который въ сраженіи подъ Башкандыкларомъ отличился со своимъ отрядомъ въ такой степени, что Императоръ Николай Павловичъ, придя въ восторгъ отъ его геройства, перевѣсившаго на нашу сторону побѣду надъ многочисленными вражескими скопищами и давшаго возможность его совершенно разсѣять,—немедленно, по полученіи извѣстія, велѣлъ заложить въ одиночку сани и орломъ прилетѣлъ въ Пажескій корпусъ; тамъ Государь вызвалъ сына героя и при собраніи всего корпуса сказалъ ему: „твой отецъ поставилъ меня въ такое же затрудненіе, въ какое былъ поставленъ имъ упорно дравшійся непріятель;—его геройскимъ подвигомъ я былъ поставленъ въ тупикъ, не зная, какъ достаточно наградить его;—ордена св. Георгія 3-ей и 2-ой степени онъ уже имѣетъ, титула ему не надо, поэтому я послалъ ему сегодня черезъ особаго курьера

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь, 1907 года.

орденъ св. Андрея Первозваннаго съ мечами! Пусть знаютъ, что для награжденія истинныхъ героевъ у меня нѣтъ рамокъ, когда и они въ своихъ подвигахъ не знаютъ границъ!“

Комендантъ кн. Бебутовъ часто со слезами умиленія и восторга разсказывалъ объ этой безпримѣрной милости царя: вотъ какъ истинно величаво, по-царски умѣютъ награждать русскіе цари, добавлялъ князь всякій разъ.—Былъ ли кто-либо еще отличенъ такой наградой?

Безвременно погибшимъ въ ночь на 25-ое іюля этого года при крушеніи поѣзда подъ Берлиномъ—княземъ Константиномъ Александровичемъ Бебутовымъ—этотъ случай былъ занесенъ въ его въ высшей степени интересныя записки;—герою Бебутову князь Константинъ Александровичъ приходился племянникомъ также, какъ и бывшему варшавскому коменданту.—Комендантъ обладалъ величественною наружностью, а главное отличался прямымъ открытымъ взглядомъ, соотвѣтствовавшимъ его открытому, спокойному, характеру.

Поляки, коверкая фамилію, коменданта, называли его „князь Безбутовъ“ (Ksiaze Bezbutów), что по буквальному переводу на русскій языкъ означаетъ князь безъ сапогъ. Средства онъ имѣлъ хорошія, много помогалъ и голой бѣднотѣ и небогатымъ людямъ; широко былъ открытъ для нихъ его кошелекъ; этимъ, къ сожалѣнію, нѣкоторые даже злоупотребляли, но онъ относился къ этому совершенно хладнокровно.—Только одинъ разъ отставному офицеру, который, занявши у него три раза по 150 рублей, пришелъ просить такую же сумму въ четвертый разъ, князь Бебутовъ сказалъ: голубчикъ, ты хоть бы разнообразилъ, въ четвертый разъ хочешь взять и все на похороны жены и все ту же сумму; а вчера твоя жена пришла, Христомъ-Богомъ, проситъ не давать тебѣ денегъ; говоритъ—при деньгахъ онъ начинаетъ бунтить и въ духанахъ [1]) и дома; бьешь ее, бира-тэцъ ты мой, того гляди сведешь въ могилу; вотъ уже и хоронить въ четвертый разъ собираешься! Устыдись, образумься; денегъ я тебѣ не дамъ, а передамъ ей и это въ послѣдній разъ.—Названіе Безбутовъ такимъ образомъ по отношенію къ князю едва-ли подходило; оно было любителями дешевыхъ остротъ присвоено ему только потому, что такую кличку легко было создать посредствомъ вставки одной буквы въ фамилію и перестановки ударенія.

Удивительно, что этотъ добрѣйшій, сердечнѣйшій, снисходительный, всепрощавшій человѣкъ, питалъ глубокую ненависть къ

---

[1]) Слово духанъ—значитъ ресторанъ, трактиръ, корчма, кабакъ; слово это кажется армянское, но на Кавказѣ оно сдѣлалось общеупотребительнымъ.

полякамъ; что его такъ озлобило,—неизвѣстно. При этомъ нужно однако отдать справедливость, что онъ ненавидѣлъ, но ни въ чемъ своей ненависти не проявлялъ: ни несправедливости, ни какого бы то ни было гоненія съ его стороны не было; одни говорили про него, что онъ только чувствовалъ ненависть, а другіе утверждали, будто только думаетъ, воображаетъ, что эту ненависть испытываетъ; въ такомъ человѣкѣ ея быть не могло.

И вотъ однажды, при докладѣ ли или въ простомъ разговорѣ, когда онъ графу Бергу высказалъ къ случаю эту свою ненависть, фельдмаршалъ, со свойственною ему мягкостью, отвѣтилъ: „нѣтъ, нѣтъ, князь, это невѣрно, этого нельзя; мы должны сурово относиться къ полякамъ-измѣнникамъ, къ негодяямъ, возстающимъ противъ царя, не знающимъ вѣрности; но мирныхъ честныхъ жителей, идущихъ своею дорогою въ трудѣ, а также вѣрою и правдою служащихъ,—мы должны уважать; это люди; вотъ-вотъ я знаю, много поляковъ, которые служатъ хорошо, это драгоцѣнный служилый матеріалъ, я имъ всегда дорожилъ и дорожу;—вы присмотритесь, князь; и тогда сами убѣдитесь въ этомъ; навѣрное перемѣните свой взглядъ; вѣрные поляки хороши и здѣсь, но еще цѣннѣе они въ Россіи; и на Кавказѣ, и въ Оренбургѣ мнѣ случалось сплошь и рядомъ встрѣчать между ними вполнѣ порядочныхъ, крайне полезныхъ и твердо вѣрныхъ людей.“

Князь Бебутовъ, уже совершенно больной, разбитый ревматизмомъ и подагрой, получилъ къ Пасхѣ 1867 года орденъ св. Анны I степени; графъ Бергъ, зная, что князь уже очень слабъ, пріѣхалъ къ нему самъ оказать вниманіе своимъ поздравленіемъ.—Князь оживился; онъ очень дорожилъ расположеніемъ къ нему фельдмаршала-намѣстника; „ны знаю какъ благодарить, ны знаю, ны знаю,“ твердилъ онъ армянскимъ говоромъ; „какія у меня заслуги тоже ны знаю, Анну получить лестно, очинъ лестно, ваше сіятельство, а если бы къ ней еще можно было прибавить силъ нижегородскаго прапорщика!“ (князь всю жизнь гордился тѣмъ, что служилъ въ славномъ нижегородскомъ драгунскомъ полку).—Графъ смѣялся шуткѣ стараго кавказца.

Къ сожалѣнію, „эту Анну“ довелось только пронести на подушкѣ при пышныхъ похоронахъ маститаго ветерана-служаки: вскорѣ послѣ Ѳоминой недѣли онъ скончался въ Варшавѣ же;—громадныя толпы невѣдомаго народа провожали тѣло добряка-благотворителя, который всю жизнь, дѣлая добро, отдавая все свое,—твердо держался принципа,—„правая рука не вѣдаетъ, что творитъ лѣвая“.

XII.

Итакъ въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ графъ Бергъ слылъ за человѣка справедливаго и вообще пользовался такимъ расположеніемъ къ себѣ, какого рѣдко начальники, стоящіе во главѣ высшаго управленія, имѣютъ случай заслуживать. Прослывъ сразу за человѣка энергичнаго, рѣшительнаго, спокойнаго, тактичнаго, въ высшей степени нравственнаго, гр. Бергъ, за время введенія новаго положенія объ управленіи краемъ, стяжалъ себѣ славу человѣка безпристрастнаго.

Но вотъ, мало по малу начали проникать въ общество, а особенно въ военную среду, слухи о различныхъ фактахъ, показывавшихъ, что года графа стали подходить къ старческимъ.—Помогло этому то, что стоящимъ въ подобныхъ случаяхъ всегда вездѣ на стражѣ своихъ личныхъ интересовъ, родственникамъ удалось воспользоваться нѣсколько разъ стремленіями графа не обходить, отъ времени до времени, близкихъ родныхъ и по возможности имъ помогать; они втянули его въ нѣсколько такихъ исторій, которыя сразу, если не омрачили славу этого царскаго слуги, то значительно ее пошатнули. Если каждая изъ тѣхъ исторій сама по себѣ и могла бы считаться мелкою, то тѣмъ болѣе ихъ могъ бы такой большой дипломатъ избѣжать и на нихъ не попасться хотя бы ради сохраненія чистоты своего имени.

Пошли вдругъ разговоры о томъ, что графъ Бергъ держитъ около себя извѣстнаго генерала Затлера, такъ темно зарекомендовавшаго себя въ Крымскую кампанію въ должности интенданта арміи.—Маленькій, юркій, по виду хитроумный, дальній родственникъ фельдмаршала, Затлеръ вертѣлся при „дворѣ“ графа, всегда бывалъ у него почти запросто; графъ даже исходатайствовалъ ему какое-то полупомилованіе,—такъ говорили вездѣ въ тѣ времена.

Въ томъ же 1867 году лѣтомъ Государь Императоръ посѣтилъ Варшаву въ первый разъ послѣ усмиренія возстанія; проведя въ ней 5-6 дней, Государь произвелъ разнообразные смотры войскамъ, остался очень доволенъ всѣмъ, что видѣлъ, пожаловалъ награды; но, какъ тогда говорили, ходатайство графа о предоставленіи Затлеру должности на дѣйствительной службѣ рѣшительно отклонилъ.

Приблизительно въ это время графъ усыновилъ трехъ сыновей родного брата своего—курляндскаго помѣщика Берга;—въ этомъ, конечно, никто ничего предосудительнаго не усмотрѣлъ и усмотрѣть не могъ.—Графъ былъ бездѣтный, женатъ онъ былъ на итальянкѣ (женился на ней послѣ романической исторіи, въ которой пришлось ему дуэлью потребовать развода);—къ описываемому времени онъ и жена его были въ преклонныхъ годахъ; съ согласія графини,

онъ исходатайствовалъ усыновленіе трехъ племянниковъ,—сыновей, своего брата Густава, съ передачей имъ титула, а также маіоратныхъ и другихъ имѣній;—въ этомъ рѣшительно ничего не было особеннаго.

Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, кажется окончивши курсъ Дерптскаго университета или Александровскаго лицея, поступилъ въ Уланскій Его Величества полкъ, получивъ прямо офицерскій чинъ (корнета) и очень скоро былъ назначенъ флигель-адъютантомъ (впослѣдствіи онъ женился на вдовѣ убитаго въ одномъ изъ Шипкинскихъ боевъ командира батареи 14 артиллерійской бригады флигель-адъютанта полковника князя Мещерскаго; жена этого князя Мещерскаго была рожденная княжна Долгорукова—родная сестра свѣтлѣйшей княгини Юрьевской).—Всѣ три молодые графы Берги были очень симпатичные и прекрасные люди.—Едва-ли однако вопросъ объ усыновленіи дѣтей одного брата не вызвалъ исторіи, такъ какъ графъ, ничего не подозрѣвая, счелъ себя обязаннымъ вознаградить другого брата.—Вотъ одинъ изъ эпизодовъ, о которомъ всѣ, стоявшіе на сторонѣ прекрасныхъ качествъ графа Берга, разсказывали съ сожалѣніемъ, а враги передавали изъ устъ въ уста съ большимъ злорадствомъ, какъ нѣчто якобы доказательное противъ его нравственныхъ качествъ, придавая этому широкое значеніе.

XIII.

Слѣдующій фактъ надолго повернулъ общее мнѣніе о графѣ.

Къ началу польскаго возстанія, между прочимъ была при своей кавалерійской дивизіи переведена изъ внутреннихъ губерній въ Польшу 2-ая конно-артиллерійская бригада.—Одной изъ батарей бригады и всей бригадой командовалъ полковникъ фонъ-деръ Бриггенъ, а другой батареей—подполковникъ Ц.

Вскорѣ по вступленіи бригады въ предѣлы царства Польскаго, подполковникъ Ц., какъ гласила тогда молва, отправляя свое семейство въ Курляндію или въ Лифляндію, сопровождалъ его и, какъ дошло до свѣдѣнія тогдашняго начальника артиллеріи генералъ-адъютанта Шварца,—нашелъ возможнымъ и умѣстнымъ исходатайствовать для себя и для семьи своей проѣздной (путевой) паспортъ или видъ отъ польскаго повстанскаго правительства (Rząd narodowy —жондъ народовый). Съ этимъ паспортомъ онъ проѣхалъ туда и возвратился обратно, имѣя, разумѣется, при себѣ и служебный военный билетъ, при чемъ будто бы умудрялся показывать, смотря по надобности, то тотъ, то другой.

Генералъ-адъютантъ Владиміръ Максимовичъ Шварцъ, узнавъ объ этомъ, тщательно провѣрилъ фактъ, а затѣмъ потребовалъ Ц. къ себѣ и приказалъ ему немедленно выйти въ отставку, пригрозивъ, въ случаѣ неповиновенія, увольненіемъ безъ прошенія; какъ человѣкъ крутой, рѣзкій и правдивый, генералъ Шварцъ не стѣснялся охарактеризовать поступокъ Ц., какъ ему казалось наиболѣе подходящимъ.

Врядъ ли Ц. желалъ уйти по случаю военнаго времени, и нельзя думать, чтобы онъ обрадовался случаю не подвергать себя опасностямъ военнаго времени—какъ тогда говорили; вѣрнѣе онъ жалѣлъ о своей участи;—но такъ или иначе, онъ безпрекословно исполнилъ требованіе генерала Шварца, не заставивъ себѣ повторить приказаніе.

Это случилось за нѣсколько мѣсяцевъ до назначенія графа Берга намѣстникомъ царства Польскаго и главнокомандующимъ. Прошло смутное время повстанья; 2-ая бригада со своей кавалеріей ушла обратно въ Россію; въ царствѣ Польскомъ осталась лишь 3-я кавалерійская дивизія со своей артиллеріей—съ 3-й конно-артиллерійской бригадой. Въ ней одной батареей и бригадой командовалъ генералъ-маіоръ Николай Павловичъ Головачевъ, а другой батареей—подполковникъ Николай Ивановичъ Штоссъ.

Съ теченіемъ времени генералъ-адъютантъ Шварцъ былъ замѣненъ генералъ-лейтенантомъ княземъ Ник. Ѳед. Масальскимъ.

Въ декабрѣ 1866 г. фельдмаршалъ графъ Бергъ, совершенно неожиданно, возложилъ на начальника артиллеріи князя Масальскаго обязанность объявить генералу Головачеву, что онъ не можетъ оставаться болѣе на службѣ и долженъ подать прошеніе объ увольненіи въ отставку.

Никакихъ причинъ этого не только не объявлялось, но, вѣроятно, и не подыскивалось. Въ тѣ времена все это продѣлывалось совсѣмъ упрощенно; чтобы кто-либо подумалъ предложить въ утѣшеніе усиленную пенсію или что-нибудь подобное, объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Князь Н. Ѳ. Масальскій представлялъ собою человѣка въ высшей степени справедливаго, рыцарски честнаго; поэтому совершенно неожиданное предложеніе генералу Головачеву выйти въ отставку принято было такъ, что если князь Масальскій не нашелъ нужнымъ и возможнымъ отстоять своего подчиненнаго, значитъ, нашлись къ тому вѣскіе поводы и причины.

Въ концѣ января 1867 г. генералъ Головачевъ былъ уволенъ отъ службы; но вотъ что поразило всю армію: въ серединѣ или въ концѣ марта она съ удивленіемъ прочла въ „Русскомъ Инвалидѣ“,

что отставной подполковникъ Ц. опредѣленъ на службу съ производствомъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ 3-й конно-артиллерійской бригады и конно-облегченной № 6-го батареи той бригады (впослѣдствіи 2-я батарея 3-й конно-артиллерійской бригады).

Какъ громомъ поразило это извѣстіе весь Варшавскій военный округъ. Полковникъ, батарейный командиръ, уволившійся въ отставку въ моментъ начала военныхъ дѣйствій—если не за проступокъ, то во всякомъ случаѣ по поводу проступка, пробывъ въ отставкѣ болѣе четырехъ лѣтъ, награждается, какъ отличившійся, чиномъ полковника и изъ батарейныхъ командировъ возводится въ бригадные.

Тогда же въ мартѣ 1867 года, къ ужасу всѣхъ выяснилось, что Ц. былъ женатъ на дочери другого родного брата намѣстника,—курляндскаго же помѣщика Берга—Максима, и только оттуда происходило все его—Ц. счастье. Весьма вѣроятно, что ни графъ Бергъ, ни князь Масальскій объ исторіи съ паспортомъ, о сношеніяхъ Ц. съ „жондомъ народовымъ" ничего не подозрѣвали и не знали. Родные воспользовавшись расположеніемъ намѣстника къ нимъ, а отчасти приближеніемъ его къ полному рамолисменту, упросили его сдѣлать это; онъ ничего ровно въ этомъ не подозрѣвалъ,—а между тѣмъ, радовался случаю и предвкушалъ удовольствіе хоть сколько-нибудь вознаградить брата, которому могло показаться непріятнымъ усыновленіе всѣхъ сыновей другого брата и потому—велѣлъ сдѣлать представленіе; въ штабѣ округа, конечно, не посмѣли возразить, въ главномъ артиллерійскомъ управленіи не захотѣли, главному штабу было все равно и не изъ-за чего было идти противъ такой силищи, какую представлялъ фельдмаршалъ графъ Бергъ—такое дѣло сладилось и подошло подъ Высочайшую подпись.

Могло случиться и то, что графъ Бергъ приказалъ провѣрить обстоятельства дѣла, и въ его глазахъ могло оказаться неправильнымъ все, принятое генералъ-адъютантомъ Шварцемъ за непреложное.—Въ глазахъ графа Берга полковникъ Ц. могъ оказаться совершенно оправданнымъ, и тогда является тѣмъ болѣе понятнымъ желаніе его вознаградить штабъ-офицера, пострадавшаго вслѣдствіе невѣрнаго донесенія на него и несправедливаго освѣщенія его поступка.

Генералъ-адъютантъ Шварцъ, состоявшій въ то время членомъ Военнаго Совѣта и предсѣдателемъ одного изъ комитетовъ, быть можетъ, не только побрюзжалъ, но и покричалъ, попѣтушился, да уже послѣ того, какъ Высочайшій приказъ состоялся, т. е. тогда, когда было поздно.

Такъ или иначе,—сколько было объ этомъ разговоровъ въ Варшавѣ; чего-чего только не всплели на графа Берга и на нѣмцевъ

вообще! Тутъ еще начали увѣрять, что попавшій подъ начальство Ц. подполковникъ Штоссъ былъ по службѣ въ чинѣ подполковника старше Ц. и такимъ образомъ оказался какъ бы обойденнымъ; это можетъ быть и не совсѣмъ такъ, но очень можетъ быть, что если подполковникъ Штоссъ, въ минуту увольненія подполковника Ц. въ отставку, былъ тоже подполковникомъ, то за четыре съ лишнимъ года бытности Ц. въ отставкѣ, онъ—Штоссъ могъ, оставаясь на службѣ, пріобрѣсти числомъ лѣтъ надъ Ц. старшинство въ чинѣ.—Это мелочь; но и безъ этого дѣло показалось настолько вопіющимъ, что пройти безъ скандала и шума никоимъ образомъ не могло.

Сначала казалось, что Ц. шагу ступить не дадутъ, что ему житья не будетъ; но въ этомъ отношеніи все обошлось, хотя и съ нѣкоторыми шероховатостями,—благополучно для Ц. Онъ тою бригадою и батареею прокомандовалъ лѣтъ 8 съ лишнимъ, а всего на службѣ оставался до генералъ-лейтенантскаго чина лѣтъ 25, пока не умеръ, кажется, отъ старости,—унеся съ собой въ гробъ то, что испытывала въ этомъ отношеніи его совѣсть. Онъ очень долго командовалъ 10-ою артиллерійскою великаго князя Михаила Николаевича бригадою.

Извѣстно, какъ трудно разубѣдить общественное мнѣніе, даже принимая для достиженія этого самыя серьезныя мѣры; въ этомъ же случаѣ не явилось даже попытки къ тому, вслѣдствіе этого въ обществѣ, особенно же въ военной средѣ, не было и повода отбросить установившееся мнѣніе, хотя бы и несправедливое; никто не приложилъ къ этому тогда ни малѣйшаго труда. Такъ нареканіе и осталось на всегда.

Какъ ни былъ мелоченъ этотъ фактъ, какъ ни кажется онъ и теперь пустячнымъ на горизонтѣ широкой государственной дѣятельности генералъ-фельдмаршала графа Берга, но онъ оставилъ на ней въ глазахъ всѣхъ неизгладимое пятно, какъ-будто бы какой-то фальши, подкупности, несправедливости, кривды и пристрастія, съ пренебреженіемъ ко всему тому, что дорого истинно-русскому человѣку вообще, а въ томъ краѣ въ особенности.—Бочку меду испортило дѣло Ц., ложкой дегтя. Въ военныхъ кругахъ этого простить не могли.—Жалко было, что мнѣніе о такомъ крупномъ государственномъ дѣятелѣ и серьезномъ человѣкѣ вдругъ коренным образомъ измѣнилось въ той средѣ, которая была пропитана уваженіемъ къ нему.—Ему, конечно, отъ этого не было ни тепло, ни холодно, но со стороны жаль было видѣть и знать, что такъ жестоко былъ подведенъ человѣкъ, твердый, всегда стоявшій на стражѣ оберeганія своей репутаціи.

XIV.

Нельзя пройти молчаніемъ нѣсколько небольшихъ эпизодовъ, случившихся въ Варшавѣ въ томъ же 1867 г.—Въ страстную субботу графъ, получивъ изъ Петербуга по телеграфу списки Высочайшихъ наградъ, вышедшихъ къ Пасхѣ, послалъ начальнику жандармскаго округа царства Польскаго генералъ-маіору барону Плат. Алекс. Фредериксу поздравленіе съ награжденіемъ его орденомъ Св. Анны 1 степени. Обрадованный Фредериксъ немедленно пріобрѣлъ орденъ и на ночной пасхальный выходъ въ замокъ явился въ новой лентѣ. Черезъ два дня, когда пришли изъ Петербурга газеты, оказалось, что орденомъ Св. Анны 1 степ. награжденъ не баронъ Фредериксъ, а генералъ-маіоръ Фридрихсъ, кажется, тогдашній московскій комендантъ.—Сконфуженъ баронъ Фредериксъ былъ до того, что подалъ прошеніе объ отчисленіи отъ должности; графъ Бергъ, послѣ долгихъ переговоровъ, уволилъ его въ отпускъ безъ отчисленія; а въ іюнѣ, по пріѣздѣ Государя, доложилъ Его Величеству объ этомъ случаѣ, какъ о своемъ непростительномъ промахѣ. Государь, оставаясь всегда вѣрнымъ себѣ въ дѣлѣ оказанія при всякихъ случаяхъ милостей, велѣлъ объявить генералу барону Фредериксу, что, зная и цѣня его службу, жалуетъ ему этотъ орденъ, и что онъ можетъ возвратиться къ мѣсту служенія; въ слѣдующемъ, 1868 году, въ пріѣздъ свой въ Варшаву, Государь вспомнилъ объ этомъ эпизодѣ, поговорилъ о немъ и назначилъ генералъ-маіора барона Фредерикса въ свою свиту.

Въ тотъ же пріѣздъ Государя надѣлала не мало шума исторія, случившаяся въ замкѣ на балу, данномъ намѣстникомъ-фельдмаршаломъ въ честь Государя.—Государь былъ очень доволенъ всемъ, что ему довелось видѣть въ Варшавѣ. Пріѣхавъ на балъ въ очень благодушномъ настроеніи, Его Величество подходилъ къ наиболѣе виднымъ представителямъ польскаго общества и милостиво бесѣдовалъ съ ними.

Магнаты, въ большинствѣ быть можетъ тѣ же самые, которые года за четыре до того стояли передъ этимъ самымъ кроткимъ, великодушнымъ Государемъ, слушая его многознаменательное, твердое и грозное наставленіе—„point de rêveries!“—были, видимо, въ восторгѣ отъ оказанной имъ ласки. Поговоривъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, Государь подошелъ къ стоявшему неподалеку генералу Т.' который занималъ въ высшей администраціи очень видный постъ и всегда вызывалъ со стороны фельдмаршала-намѣстника похвалы своей дѣятельности, одобреніе и благодарность; вѣроятно, графъ Бергъ

доложилъ Государю о выдающейся дѣятельности этого генерала. Государь съ нимъ заговорилъ привѣтливо и ласково. О чемъ думалъ въ тѣ минуты генералъ Т., является большимъ вопросомъ: вѣроятно, до него долетали отдѣльныя фразы изъ бесѣды, которою Государь удостоилъ магнатовъ на французскомъ языкѣ, и онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ на привѣтливое русское обращеніе Царя разразиться французскими отвѣтами. Государь слегка насупился, отступилъ на одинъ шагъ, оглядѣлъ своего „собесѣдника" и тихо,—въ полголоса,—сказалъ: „если Вамъ дѣлаютъ честь—обращаются къ Вамъ, слѣдуетъ соблюдать самую простую деликатность—отвѣчать на томъ языкѣ, на которомъ съ Вами заговариваютъ". Дальнѣйшей бесѣды Государь не удостоилъ этого генерала.

Графъ Бергъ былъ крайне огорченъ случившимся; говорили, что онъ потомъ старался всячески утѣшить генерала, котораго заслуги такъ цѣнилъ и службой котораго такъ дорожилъ.

— Вотъ-вотъ, какъ это могло случиться?—если бы я могъ предвидѣть, я Васъ предупредилъ бы; Государь рѣдко съ кѣмъ изъ насъ говоритъ иначе, какъ по-русски, по-французски говоритъ, по большей части, лишь съ тѣми, кто не знаетъ русскаго языка, а Вы, генералъ, прекрасно владѣете своимъ роднымъ, русскимъ языкомъ; если бы я могъ подумать, я Вамъ подсказалъ бы раньше.

Независимо отъ этого графъ представилъ генерала Т., въ числѣ двухъ, трехъ лицъ изъ высшихъ чиновъ, къ награжденію высшими орденами, и Государь передъ отъѣздомъ утвердилъ представленіе.—Генералъ Т. получилъ орденъ Бѣлаго Орла или Александра Невскаго. Утѣшеніемъ, конечно, это ему служить не могло—слишкомъ большой промахъ былъ учиненъ; Государь далъ этому случаю совершенно опредѣленную оцѣнку, а генералу большой чувствительный урокъ.

Графъ Бергъ не разъ возвращался къ этому промаху и при этомъ говорилъ: да, да Государь говоритъ по-французски съ тѣмъ, кто плохо владѣетъ русскою рѣчью; къ сожалѣнію и къ стыду, такіе встрѣчаются у насъ между генералами и вообще между высокими чинами, а между тѣмъ намъ всѣмъ слѣдуетъ знать русскій языкъ въ совершенствѣ.

Разсказывали, что Государь, проявляя особую любезность къ маститому фельдмаршалу, говорилъ съ нимъ, почти всегда съ глазу на глазъ, по-французски.

Здѣсь кстати замѣтить, что самъ графъ прекрасно говорилъ по-русски и зналъ языкъ до тонкостей. Если ему случалось встрѣтить офицера, или штабъ-офицера или генерала, плохо выражавшагося по-русски, онъ всегда выискивалъ удобный случай или моментъ,

преподать въ мягкихъ и деликатныхъ выраженіяхъ совѣтъ „выработать акцентъ“, или „больше читать по-русски“, или по-просту „заняться русскимъ языкомъ“; „Вотъ-вотъ, учиться никогда не поздно, а служа въ Россіи, мы обязаны быть вполнѣ русскими, такъ же, какъ и заботиться обо всемъ русскомъ“.

XV.

Въ томъ же году сталъ извѣстенъ случай, повидимому, пустой, но, въ сущности, много говорящій и показывающій, насколько покойный фельдмаршалъ былъ вообще внимателенъ, несмотря на массу дѣлъ и на преклонный возрастъ.—Въ 3-ей конно-артил. бригадѣ, въ батареѣ подполковника Штосса, молодой офицеръ въ самыхъ первыхъ числахъ февраля, подалъ прошеніе объ увольненіи его въ четырехмѣсячный заграничный отпускъ; приложенное къ прошенію медицинское свидѣтельство указывало, что состояніе легкихъ и дыхательныхъ путей требуетъ немедленнаго отъѣзда для пребыванія въ южномъ климатѣ.—Смыслъ этого указанія былъ тотъ, чтобы молодому организму предоставлено было провести внѣ климата царства Польскаго раннюю весну;—климатъ варшавскаго раіона всегда считался губительнымъ.—Во второй половинѣ мая обѣ батареи бригады прибыли походомъ изъ Сѣдлецкой губ.,—изъ городовъ Бѣлы и Радина подъ Варшаву, гдѣ и расположились за Вольской рогаткой на Сохачевскомъ трактѣ по деревнямъ: Гройцы въ 5 верстахъ, Лятхаржевъ въ 9 верстахъ, Бабицы въ 14 верстахъ отъ Варшавы.—Молодой офицеръ, жаждавшій отпуска и серьезно въ немъ нуждавшійся, за неполученіемъ разрѣшенія, вынужденъ былъ прибыть подъ Варшаву со своей батареей верхомъ, при чемъ, конечно, за девять дней похода, довелось ему испытать и усталость, и тропическую жару, а когда и стужу, и проливной дождь.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи батарей, командиры ихъ, т. е. командиръ 2-ой батареи и всей бригады полковникъ Ц. и командиръ 1-ой батареи подполковникъ Штоссъ, являлись начальнику артиллеріи, а затѣмъ главнокомандующему.—Каково же было удивленіе полковника Ц., когда при общемъ представленіи командировъ артиллерійскихъ частей, прибывшихъ въ лагерь (всего было собрано девять бригадъ), графъ Бергъ, обратившись къ нему, сказалъ: вотъ-вотъ, полковникъ, у васъ вышла большая неисправность, большая; офицеръ молодой, больной просился въ отпускъ, крайне въ немъ нуждался, съ начала февраля ждетъ, а я получилъ возможность разрѣшить ему отпускъ только вчера; я очень заинтересовался

этимъ „курьезомъ"; надо было приложить особое стараніе къ тому, чтобы это ходатайство, со дня подачи офицеромъ, шло до главнокомандующаго 108 дней, изъ коихъ задержалось у васъ въ бригадѣ 96 дней; на остальныя инстанціи оказалось вполнѣ достаточно 12-ти дней (окружное артил. управл., штабъ округа и докладъ главнокомандующему).

Фельдмаршалъ разсказалъ подробности этого, какъ онъ назвалъ, „курьеза"; а затѣмъ добавилъ: офицеровъ у васъ подъ командой очень мало (дѣйствительно во всей бригадѣ состояло 11 человѣкъ), ходатайства офицерскія могутъ поступать къ вамъ рѣдко, поэтому да и потому, что вообще офицеры обращаются съ ходатайствами только въ крайнемъ случаѣ, когда дѣйствительно къ тому является крайняя нужда,—хорошій заботливый командиръ, заботясь о нуждахъ офицеровъ, долженъ приходить имъ на помощь во всемъ, это его долгъ; при условіяхъ, въ которыхъ вы находитесь и въ вопіющемъ случаѣ подобномъ тому, о которомъ идетъ рѣчь, вамъ слѣдовало поторопить дѣло; вотъ-вотъ офицеру надо было провести весну на югѣ, онъ уже успѣлъ бы почти отбыть четырехмѣсячный отпускъ и вернулся бы къ лагерной службѣ здоровымъ. Это вопіющее дѣло, полковникъ Ц.

Дѣйствительно, вышелъ „курьезъ" и мало за это вопіющее дѣло досталось полковнику Ц.; оказалось, что прошеніе, поданное при рапортѣ на имя командира батареи подполковника Штосса 5 февраля, было отправлено 7-го въ г. Бѣлу (50 верстъ) къ командиру бригады полковнику Ц.; возвращенное изъ бригаднаго управл. при надписи отъ 11 марта, оно поступило обратно въ батарею 13 марта; надпись гласила, что въ медицинскомъ свидѣтельствѣ батарейный врачъ Каличицкій передъ своей подписью не поставилъ числа—предписывалось восполнить этотъ пропускъ и представить вновь. 15 марта отослано въ Бѣлу. При надписи бригаднаго управленія отъ 16 апр. возвращено вновь, во 1-хъ, для исправленія представлявшейся въ подобныхъ случаяхъ краткой записки о службѣ ходатайствовавшаго офицера—въ ней написано было:—„содержанія 312 рублей въ годъ" пропущено, значитъ, слово „получаетъ", а во 2-хъ, для истребованія объясненія отъ офицера,—пожелаетъ ли онъ воспользоватьси отпускомъ безъ сохраненія содержанія—ходатайство о сохраненіи содержанія не можетъ быть представлено на разрѣшеніе высшаго начальства.

Въ батарею поступило 19-го, а 21-го отправлено въ Бѣлу за надлежащимъ исправленіемъ и съ отвѣтомъ, что офицеръ воспользоваться отпускомъ безъ содержанія хочетъ (104 рубля въ треть, т. е. за четыре мѣсяца). И вотъ изъ словъ фельдмаршала видно, что отъ управленія 3-ей конно-артил. бригады дѣло пришло въ Вар-

шаву на 96-й день—6-го мая; а через 12 дней, т. е. 18-го, оно дошло до фельдмаршала, и онъ разрѣшилъ отпускъ.

Въ этомъ „курьезѣ“ не менѣе „курьезно“ то, что когда на замѣчаніе графа, выраженное словами: „это вопіющее дѣло, полковникъ Ц.“, послѣдній отвѣтилъ должно быть очень смутившись: я уже замѣчалъ, а теперь на бригаднаго адъютанта князя Ратіева будетъ наложено взысканіе,—фельдмаршалъ сказалъ: вотъ-вотъ, хорошо, что нашелся виновный кромѣ васъ.

Объѣзжая однажды батареи во время смотра практической стрѣльбы, маститый главнокомандующій, вспомнивъ объ офицерѣ, спросилъ о немъ такъ:—а гдѣ потерпѣвшій? Полковникъ Ц. сначала растерялся, не понявъ, о комъ шла рѣчь,—о просителѣ или объ адъютантѣ, такъ безбожно проволочившемъ его ходатайство. Узнавъ о томъ, что офицеръ предполагаетъ воспользоваться отпускомъ позже—такъ какъ пожелалъ отбыть предстоявшій Царскій смотръ, графъ Бергъ приказалъ представить ему того офицера, а отпускъ разрѣшилъ ему съ сохраненіемъ содержанія, при чемъ сказалъ, обратившись къ полковнику Ц.: „объ этомъ вамъ слѣдовало сразу представить на мое усмотрѣніе“.

Поразительная память и удивительное вниманіе.

„Потерпѣвшій“ отбылъ такимъ образомъ въ строю лагерное время и между прочимъ успѣлъ, по распоряженію начальника артил., генералъ-лейтенанта князя Масальскаго, отсидѣть трое сутокъ на гауптвахтѣ за то, что прозѣвалъ какую-то команду въ строю.

XVI.

Когда въ 1870 году командиръ 3-ей батареи гвардейской конной артиллеріи полковникъ М. И. Бревернъ обратился къ главнокомандующему съ просьбой—почтить своимъ присутствіемъ 6 декабря торжество освященія устроеннаго имъ во вновь построенной батарейной каменной казармѣ храма во имя Св. Николая Чудотворца, графъ принялъ приглашеніе съ видимымъ удовольствіемъ. Служившіе тогда въ той славной батареѣ помнятъ, что графъ пріѣхалъ къ началу богослуженія въ формѣ 13-го (нынѣ 37-ой Драгунскій) Драгунскаго Военнаго Ордена полка, въ списки котораго былъ зачисленъ, за годъ до того, кажется, 26 ноября 1869—въ день празднованія столѣтія со времени установленія Великою Екатериною ордена Св. Георгія и знака отличія Военнаго Ордена.

Послѣ освященія храма, фельдмаршалъ обошелъ казарму, попробовалъ солдатскую пищу, поздравилъ батарею съ новымъ, хорошо по-

строеннымъ и заботливо устроеннымъ помѣщеніемъ, принялъ предложенный полковникомъ Бреверномъ, сервированный въ одномъ изъ залъ казармы завтракъ, за которымъ въ краткомъ словѣ выразилъ удовольствіе по поводу всего имъ видѣннаго и свое слово закончилъ такъ: „но вотъ-вотъ, пріятнѣе всего знать и видѣть, что вы—лютеранинъ, показали примѣръ такого горячаго участія къ духовной жизни ввѣренной вамъ батареи; нужно замѣтить, что въ послѣднее время такое похвальное проявленіе участія начинаетъ встрѣчаться иногда; а прежде можно было встрѣтить много командировъ, которые, будучи иновѣрцами, относились совершенно равнодушно и безучастно ко всему, что касается господствующей религіи православной; это тоже приходится вспоминать къ стыду; нашъ долгъ заботиться о православной церкви, по крайней мѣрѣ столько же, сколько заботятся о ней ревностные начальники изъ числа русскихъ, истинно православныхъ людей“.

По этому поводу нельзя не вспомнить, что Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ однажды въ началѣ своего царствованія одинъ изъ гв. кавалерійскихъ полковъ, обходилъ его казарменно-квартирное расположеніе и, увидѣвъ въ раіонѣ полка церковь, сказалъ: это полковой храмъ? во имя какого святого? Полковой командиръ,—нѣмецъ, едва говорившій по-русски, ничего не понялъ; Государь повторилъ вопросъ по-французски; командиръ и понятія объ этомъ не имѣлъ, но, не желая, Боже сохрани, показать свое незнаніе, сообразилъ отвѣтить, что это храмъ во имя „всѣхъ святыхъ“.

Государь этого не забылъ, а когда подошло время, предупредилъ за нѣсколько дней и пріѣхалъ въ полкъ въ день празднованія всѣхъ святыхъ; съ тѣхъ поръ полкъ праздновалъ свой праздникъ въ этотъ день, а между тѣмъ полковая церковь имѣла престольный образъ Знаменія Пресвятой Богоматери.

Полковой командиръ этотъ впослѣдствіи командовалъ дивизіей, а затѣмъ корпусомъ; тогда же во время завтрака, по отъѣздѣ фельдмаршала, батарейный командиръ М. И. Бревернъ разсказывалъ, что когда однажды, начальникъ штаба, получая отъ того генерала приказаніе о парадѣ съ крестнымъ ходомъ, спросилъ: прикажете выходить съ „хоругвями“,—генералъ, вообразивъ, что рѣчь идетъ о „хирургахъ“ т. е. медицинскихъ чинахъ, будто бы сердито отвѣтилъ: „какой праздничный (праздный) вопросъ, всѣмъ чинамъ участвовать, не можно изъ большой парадъ доктора und ветринеры исключать“.

Про этого же генерала разсказывали, будто бы онъ, несмотря на то, что много лѣтъ слышалъ русскую поговорку „нашла коса на

камень",—во-первыхъ, произносилъ ее „пошла коза ногами", а во-вторыхъ, употреблялъ ее всегда, что называется, ни къ селу, ни къ городу,—совершенно не кстати.

XVII.

Отличительною чертою графа Берга являлась забота его о бытѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ; этой же заботы онъ требовалъ отъ начальствующихъ лицъ.—Когда выходило какое-либо измѣненіе формы, графъ Бергъ сейчасъ бралъ на себя инаціативу исходатайствованія денежныхъ выдачъ офицерамъ на обзаведеніе.—Служившіе въ то время въ артиллеріи между прочимъ помнятъ, что когда въ 1867 году въ пѣшей артиллеріи дорого стоившій барашковый вальтрапъ былъ замѣненъ суконнымъ съ широкими бархатными полосами, графъ Бергъ, несмотря на то, что данъ былъ двухгодичный срокъ для донашиванья и постепенной замѣны, призналъ необходимымъ выдать артиллерійскимъ офицерамъ пособіе—это не сюртукъ, который необходимо перемѣнить, когда сносишь,—дорогой барашковый вальтрапъ въ два года не сносишь, въ особенности, если пришлось его только-что передъ замѣной купить новый.—„Подлежащія вѣдомства" старались не дать или оттянуть разными представленіями выдачу, но графъ взялъ дѣло въ свои руки; результатомъ его настойчивости вышла выдача офицерамъ артиллеріи по 100 р.—Тѣ же „подлежащія вѣдомства" старались опять-таки „многорѣчивыми представленіями на благовоззрѣніе" спасти хоть половину суммы, почтительно докладывая, что новый суконный вальтранъ стоитъ лишь 45 рублей.—Графъ фельдмаршалъ на эту мелочь не обратилъ вниманія, велѣлъ выдать, какъ сказано, по 100 рублей: бросить или изъять приходится дорогой барашковый вальтрапъ, за который платилось 175—200 рублей.—А когда неугомонныя „подлежащія вѣдомства" послѣ выдачи денегъ донесли, что неправильно выдано по 100 руб. не только офицерамъ пѣшей артиллеріи, но и конно-артиллеристамъ, а между тѣмъ у нихъ вальтрапъ остался той же формы, которую, именно по образцу конной артиллеріи, ввели и въ пѣшей артиллеріи, слѣд., надлежитъ возвратить въ казну ошибочно ассигнованную сумму,—фельдмаршалъ сказалъ, что взыскать слѣдовало бы съ тѣхъ, кто, за пустыми препирательствами, прозѣвалъ объ этомъ доложить во-время; во всякомъ случаѣ деньги уже выданы, вѣроятно, истрачены, возвращать ихъ не приходится; казна или интендантство отъ этого немного потеряетъ, такъ какъ офицеровъ конной артиллеріи немного, а имъ такая сумма въ маленькомъ бюджетѣ всегда пригодится.

Разсказы объ этихъ и подобныхъ случаяхъ со всѣми мелочами разносились по частямъ войскъ, варьировались, разбирались на разные лады, занимали офицерскія общества, болѣе и болѣе вселяя въ нихъ убѣжденіе въ томъ, что графъ Бергъ, выказывая всегда и всюду „мелочную" заботу о бытѣ офицеровъ, нижнихъ чиновъ, а также и войсковыхъ частей,—былъ въ сущности далеко немелочной человѣкъ.

Пріѣзды Государя въ Варшаву всегда ознаменовывались выдачею офицерамъ округа третного или полутретного жалованья: какъ всѣ знали, графъ Бергъ докладывалъ Государю ходатайство свое о такой выдачѣ во вниманіе къ тому, что офицеры съ большой радостью пріобрѣтаютъ новое обмундированіе, дабы представиться Государю щеголями, а это, при дороговизнѣ жизни въ Варшавѣ, и въ округѣ, отзывается каждый разъ чувствительно на болѣе, чѣмъ скромномъ бюджетѣ каждаго изъ офицеровъ.

XVIII.

Въ заботахъ вообще о частяхъ войскъ графъ поднялъ вопросъ о необходимости постепенной постройки казармъ для всѣхъ родовъ оружія и систематическаго веденія этого дѣла; по его настоятельному, энергичному представленію были построены въ Варшавѣ въ Лазенкахъ каменныя казармы для полковъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго и уланскаго Его Величества, а также для 3-ей батареи гвардейской конной артиллеріи. Тогда же ходила молва, что первое представленіе графа Берга объ этомъ встрѣтило большія затрудненія со стороны всѣхъ властей, учрежденій и вѣдомствъ, въ особенности же со стороны министра финансовъ, каковымъ состоялъ тогда Рейтернъ.—Надъ смѣлымъ представленіемъ графа чуть ли не смѣялись, приписывая его праздному измышленію больной фантазіи бредящаго старца; представленію грозила участь быть запрятаннымъ и пропасть въ ворохахъ другихъ представленій подъ спудомъ бумагъ бездѣльныхъ и несуразныхъ,

Но, видимо, ни Рейтернъ, ни другіе не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло: графъ Бергъ, своей энергіей, силой и неотступавшею ни передъ чѣмъ настойчивостью, довелъ дѣло до того, что Государь нѣсколько разъ требовалъ доклады о ходѣ переписки и черезъ какихъ-нибудь 15—18 мѣсяцевъ дѣло изъ-подъ спуда увидѣло на столько свѣтъ, что тогда же было рѣшено, по первоначальной идеѣ фельдмаршала, создать немедленно планъ и принять постепенную повсемѣстную въ имперіи постройку казармъ для всѣхъ родовъ

оружія, руководствуясь выдвиганіемъ на очередь частей, наиболѣе нуждающихся и находящихся въ худшихъ условіяхъ.—Была попытка затереть это дѣло въ первый разъ, ни съ того, ни съ сего, вскорѣ послѣ кончины графа, а во второй разъ по случаю понесенныхъ громадныхъ расходовъ на войну 187⁷/₈ гг., но важное это дѣло, иниціаторомъ котораго явился графъ Бергъ, пріобрѣло мало-по-малу слишкомъ много защитниковъ, понявшихъ настоятельность скорѣйшаго выполненія проекта престарѣлаго фельдмаршала, заглядывавшаго орлинымъ взоромъ своимъ всегда и во всемъ далеко въ будущее.

Разсуждали нерѣдко на ту тему, что графъ хлопоталъ о постройкѣ казармъ вовсе не въ заботѣ о войскахъ и о людяхъ служащихъ, а въ сознаніи того, что вообще неказарменное расположеніе на широкихъ квартирахъ было неудобовыполнимо въ царствѣ Польскомъ и приносило много хлопотъ.—Эти вздорныя разсужденія не стоятъ и возраженій; а этотъ поводъ возбужденія ходатайства, если бы онъ былъ и единственнымъ вполнѣ, достоинъ уваженія; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что у графа и этотъ поводъ и заботы были одинаково приняты во вниманіе—слишкомъ за это говоритъ вообще все его многолѣтнее въ отношеніи войскъ поведеніе.

Во всякомъ случаѣ Россія въ настоящее время богата массой казармъ; смѣлымъ иниціаторомъ этого былъ фельдмаршалъ графъ Бергъ; его иниціатива дала другимъ возможность показать и развить свою дальнѣйшую похвальную въ этомъ важномъ дѣлѣ энергію, и сколько войсковыхъ частей должны благословлять судьбу за то, что попадаютъ въ хорошо построенныя и прекрасно устроенныя казармы;—не вѣдаютъ они имени того, кому они должны быть благодарны за созданіе и проведеніе въ жизнь этого вопроса, сохранившаго Россіи немалое число тысячъ ея сыновъ, призывавшихся къ выполненію святого дѣла служенія Царю и Отечеству.

Оглядываясь назадъ, приходится за заботливое выполненіе, а также за заботы о дальнѣйшемъ развитіи и преуспѣяніи этого благодѣтельнаго плана, вспоминать съ усердною благодарностью имена военныхъ министровъ графа Милютина и Ванновскаго, содѣйствовавшихъ скорѣйшему осуществленію идеи, благосклонно принятой къ сердцу царями— Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и Императоромъ Александромъ Александровичемъ.—Слава Богу, выполненіе затѣяннаго и созданнаго графомъ Бергомъ плана идетъ успѣшно и въ нынѣшнее царствованіе.

XIX.

Вспыхнувшая лѣтомъ 1870-го года франко-прусская война всполошила всѣхъ, заставила говорить о себѣ и чего-то ожидать для Россіи; вскорѣ послѣ раздавшихся на весь міръ громкихъ побѣдъ германцевъ или,—какъ старались представить Бисмаркъ и К°,—пруссаковъ, произошелъ небольшой, мелкій, вѣроятно одинъ изъ многихъ, случай спора двухъ сторонъ, державшихся разныхъ убѣжденій и поддерживавшихъ то ту, то другую изъ воюющихъ сторонъ. Въ тѣ времена въ полевой конной артиллеріи еще держался, освященный традиціями сѣдого прошлаго, обычай, согласно котораго офицеры пользовались гостепріимствомъ своихъ батарейныхъ командировъ, ежедневно обѣдая у нихъ—одинаково у семейныхъ и у одинокихъ.

Случай, о которомъ приходится теперь сказать два слова, вышелъ именно за обѣдомъ у того самаго Ц., о которомъ выше въ этомъ очеркѣ было разсказано.—Полковникъ Ц., всецѣло держась стороны пруссаковъ, горячо и много высказывалъ сочувствія имъ; офицеры же всѣ поголовно (ихъ обыкновенно въ батареѣ бывало три—четыре, да два штабныхъ—а кромѣ того два доктора, капельмейстеръ, ветеринаръ, адъютантъ и казначей) держали сторону французовъ. Съ обѣихъ сторонъ разговоръ держался на очень деликатной почвѣ; было ли что-либо произнесено кѣмъ-нибудь изъ офицеровъ или же полковникъ Ц.—вообще человѣкъ сдержанный, на этотъ разъ не выдержалъ простого общаго напора офицерскихъ мнѣній—неизвѣстно, но вѣрно то, что вдругъ среди возраженій, сдѣланныхъ въ спокойномъ тонѣ двумя-тремя офицерами, онъ, остановивъ упорный взглядъ своихъ громадныхъ глазъ на штабсъ-капитанѣ Ж., сказалъ съ большимъ оттѣнкомъ нѣмецкаго акцента: Хорошо, хорошо, такъ думайте, такъ говорите, но не говорите это здѣсь, у меня! Ж., человѣкъ до тонкости воспитанный, спокойный, возразилъ, что онъ, кажется, въ правѣ былъ бы считать себя въ кругу лицъ, одинаково имѣющихъ право высказывать свои мнѣнія—не о коренныхъ убѣжденіяхъ и дѣло идетъ.—Я вамъ сказалъ, и повторяю, что вы можете это все думать вездѣ, а говорить вездѣ, только не здѣсь, у меня въ домѣ.—Тогда Ж. всталъ и раскраснѣвшись сказалъ: Я думалъ однако не то, что оказалось—и если оказывается, что я говорю не у русскаго батарейнаго командира, какъ батарейный офицеръ, а въ домѣ нѣмецкаго барона, то мнѣ и не приходится здѣсь оставаться.—Что тутъ было дальше, трудно вообразить,—и невозможно передать. Ж. ушелъ; дѣло было въ началѣ обѣда, который конечно этимъ окончился, за Ж. послѣдовали болѣе не кстати, чѣмъ умѣстно, два-три

товарища, а на мѣстѣ, за столомъ, все завершилось кислыми, дѣло не поправившими, фразами оставившихся.

Разсказывается этотъ небольшой эпизодъ къ тому, что онъ сталъ очень скоро извѣстенъ главнокомандующему. Какимъ путемъ онъ дошелъ до фельдмаршала, осталось невыясненнымъ; кто говоритъ, что Ц. довелъ до свѣдѣнія самъ, другіе предполагали, что могъ донести старый капельмейстеръ, опредѣленный въ бригаду самимъ фельдмаршаломъ изъ числа старинныхъ его сослуживцевъ по 1830-му году, считавшій себя близкимъ къ нему человѣкомъ и кичившійся тѣмъ, что, во 1-хъ, онъ, по возрасту, былъ въ то время старше самого фельдмаршала, а во 2-хъ, былъ близкимъ родственникомъ и въ свое время будто бы на рукахъ носилъ польскаго поэта, котораго быть можетъ былъ, въ сущности, лишь однофамильцемъ; наконецъ, высказывали предположеніе, что ни тотъ, ни другой не сдѣлали этого самостоятельно, а старикъ капельмейстеръ исполнилъ въ точности, сходившуюся съ его вожделѣніями, преподанную ему въ ясныхъ намекахъ инструкцію полковника Ц.—Какъ это произошло—неважно, но дѣло въ томъ, что, по всѣмъ тогда распространившимся свѣдѣніямъ, графъ Бергъ пригласилъ къ себѣ Ц. и не какъ фельдмаршалъ и главнокомандующій, а на правахъ „дяди“ разодолжилъ его отчаянной головомойкой; досталось ему на этотъ разъ гораздо строже, чѣмъ за проволочку ходатайства объ увольненіи офицера въ отпускъ.

„Вы и какъ командиръ части, и какъ гостепріимный хозяинъ не могли и не должны были довести дѣло пустячнаго и вздорнаго спора до такой, явившейся для насъ скандальною, исторіи; Ж. виноватъ, но вы еще больше,—сказалъ графъ, и видя готовность полковника Ц. возражать, спокойно добавилъ: et n'en parlons plus“.

Штабсъ-капитанъ Ж., подавъ рапортъ о болѣзни, не являлся болѣе въ гостепріимный домъ Ц.; затѣмъ уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, а графъ Бергъ,—безъ всякаго съ чьей бы то ни было стороны ходатайства,—приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы помочь молодому офицеру устроить свою дальнѣйшую судьбу.—Правда, Ж. посчастливилось устроить ее самому, еще до того, что графъ приложилъ къ этому свою мощную руку, но онъ все-таки всегда цѣнилъ благородный поступокъ и тактичное поведеніе фельдмаршала въ этомъ, быть можетъ и пустомъ, но характерномъ дѣлѣ.

XX.

25 декабря 1870 г. мирное теченіе жизни Лазенковскаго отряда (въ Варшавѣ въ Лазенкахъ тогда стояли полки л.-гвардіи Уланскій Его Величества и л.-гв. Гродненскій Гусарскій, а при нихъ 3-я батарея гвард. конной артиллеріи) было нарушено; въ ночь на этотъ день верстахъ въ пяти отъ Лазенокъ на дуэли корнетомъ л.-гв. Уланскаго Его Величества полка В—омъ былъ убитъ корнетъ того же полка Шахъ-Назаровъ.

Шахъ-Назаровъ былъ замѣчательный стрѣлокъ; разсказывали, что никто не отказывался держать въ рукахъ туза, подставляя его для стрѣльбы этого лазенковскаго Вильгельма Теля, и онъ всегда безъ промаху билъ въ очко.

Изъ-за чего произошла дуэль, разсказывать долго.—Шахъ-Назаровъ въ то время былъ переведенъ въ Павловскъ, гдѣ въ тѣ времена стоялъ пятый эскадронъ полка; 23-го и въ сочельникъ онъ ѣздилъ съ прощальными визитами, а подъ утро „рожденія мира міра" палъ отъ пули, которою закадычный другъ его нечаянно угодилъ ему въ самое сердце.—По разсказамъ секундантовъ, Шахъ-Назаровъ нарочно цѣлилъ въ ноги, дабы окончить поединокъ несмертельнымъ исходомъ.—В. будто бы хотѣлъ послѣдовать его примѣру; въ тотъ моментъ, когда, по счету разъ, два, три, онъ, будучи раненъ въ обѣ ноги насквозь, сталъ валиться, рука его мгновенно поднялась съ пистолетомъ, выстрѣлъ послѣдовалъ при его паденіи и пуля, пролетѣвъ выше, попала въ сердце Шахъ-Назарову.—Молодой, полный силъ, какъ живой, пролежалъ онъ въ ожиданіи прибытія армянскаго духовенства нѣсколько дней въ своей опустѣвшей, по случаю предстоявшаго отъѣзда въ Павловскъ, квартирѣ и съ большими почестями былъ похороненъ 29 декабря.

Передъ выѣздомъ на поединокъ Шахъ-Назаровъ одѣлся во все новое и тщательно побрился; а ко дню похоронъ у покойника густой синевой оттѣнились бакенбарды и борода настолько, что при жизни непремѣнно понадобилось бы вновь побриться.

Всякій разъ, когда должна была произойти въ Варшавѣ или вообще въ Варшавскомъ округѣ дуэль между офицерами, графъ Бергъ, отъ котораго ничего не утаивалось, всегда отдавалъ строгое распоряженіе,—не допускать поединка. Офицеровъ обычно обязывали подпиской, а, при неувѣренности въ дѣйствительности этой мѣры, арестовывали домашнимъ арестомъ.

Одинъ разъ не удалось ни то, ни другое: будучи передъ самой дуэлью настигнуты требованіемъ отказаться отъ нея, два офицера Гродненскаго гусарскаго полка, кажется, въ началѣ 1869 г.,

штабсъ-ротмистръ Ч. и корнетъ Баронъ Р. по уговору съ секундантами, быстро перемѣнили способъ поединка, рѣшивъ прибѣгнуть къ американскому: жребій стрѣлять въ себя,—палъ на барона Р; онъ предобросовѣстно выстрѣлилъ себѣ въ лобъ; пуля, скользнувъ по лобовой кости, прострѣлила шкапъ и застряла въ потолкѣ; много говорили тогда о крѣпости его лба, а затѣмъ стали увѣрять, что онъ „не приноровился“: желая исполнить свой долгъ вполнѣ честно, онъ, для того, чтобы рука дрогнувши не отвела пистолетъ ото лба, уперъ его крѣпко въ лобъ; воздухъ, въ моментъ выстрѣла, оттолкнулъ дуло, пуля сдѣлала довольно глубокую борозду на лбу, который оказался также сильно помятъ сжатіемъ воздуха; такимъ образомъ баронъ Р. вышелъ изъ поединка цѣлымъ хотя и неневредимымъ.

Въ этотъ разъ однако, какъ тогда говорили, графу Бергу было своевременно извѣстно о предстоявшей дуэли между Шахъ-Назаровымъ и В—омъ, но онъ приказалъ „не мѣшать“.—Какая была тому причина,—Богъ знаетъ; разсказывали, будто-бы онъ считалъ поводъ къ дуэли слишкомъ серьезнымъ, обиду находилъ кровною, а потому считалъ вопіющею несправедливостью и большою жестокостью не дать возможности возстановить попранную честь, помѣшать оскорбленному самолюбію получить должное удовлетвореніе.

Въ этой дуэли, помнится, палъ вызвавшій на дуэль,—оскорбленный.

Графъ Бергъ съ особымъ стараніемъ хлопоталъ объ участи секундантовъ, и это ему вполнѣ удалось: 13-го февраля [1]) 1871 года Государь, поздравляя свой любимый полкъ съ полковымъ праздникомъ и съ сороковой годовщиной славнаго боя, добавилъ въ поздравительной телеграммѣ о полномъ освобожденіи секундантовъ отъ отвѣтственности.

XX.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ пригласилъ друга дѣтства своего—фельдмаршала князя А. Н. Барятинскаго пожить нѣкоторое время въ Варшавѣ и окрестностяхъ. Князь проживалъ передъ тѣмъ очень долго за границей, гдѣ лѣчился отъ мучившей его подагры. Весной 1871 года онъ пріѣхалъ въ Варшаву и помѣстился въ маломъ Лазенковскомъ дворцѣ,

[1]) Это годовщина дня отличія уланъ Его Величества (1831 г.) въ славномъ бою подъ Гроховымъ; въ описываемый годъ былъ живъ и проживалъ въ Варшавѣ въ очень преклонномъ возрастѣ генералъ-отъ-кавалеріи Витте, командовавшій эскадрономъ, врѣзавшимся въ полчища непріятельской пѣхоты и положившимъ несмѣтныя массы врага.

въ ожиданіи возможности переѣзда въ Императорскій Скерневицкій дворецъ [1]), который къ осени должны были по Высочайшему повелѣнію отдѣлать для него.

По слухамъ, которые тогда носились, графу Бергу не нравилось это совмѣстное съ нимъ въ одномъ городѣ пребываніе еще одного фельдмаршала. Смѣялись тогда, что и правда неловко двумъ жукамъ сидѣть въ одной банкѣ. Врядъ ли это было вѣрно, но всѣ, искренно вѣрившіе этому, въ одинъ голосъ выражали удивленіе необыкновенно тонкой, изысканной корректности, съ которою графъ держалъ себя въ отношеніи царскаго гостя, являвшагося въ то же время гостемъ ввѣреннаго ему края; всѣ преклонялись передъ этой корректностью и передъ умѣніемъ графа держать себя.

Князь Барятинскій былъ человѣкъ очень веселаго нрава, остроумный говорунъ и большой хлѣбосолъ. На обѣды, которые онъ нерѣдко давалъ своимъ старымъ бывшимъ кавказскимъ сослуживцамъ, онъ отъ времени до времени приглашалъ намѣстника; графъ никогда не манкировалъ случаемъ побывать у своего „коллеги“. Князь былъ гораздо моложе его годами, но гораздо старше по „жезлу“, который онъ стяжалъ въ 1859-мъ году усмиреніемъ и покореніемъ бурныхъ жителей ауловъ богатаго Закавказья—этой скалистой твердыни.

Однажды на такомъ обѣдѣ, князь-фельдмаршалъ, намѣчая гостямъ мѣста,—что самъ онъ дѣлалъ рѣдко, обыкновенно же предоставлялъ кому-либо изъ старыхъ друзей своихъ,—обратился къ генералъ-адъютанту князю Радзивиллу [2]) и сказалъ ему вполголоса, дружески, какъ бы мимоходомъ.

— Леонъ, я посажу около тебя на этотъ разъ японца; пожа-

---

[1]) Варшавской губерніи.

[2]) Генералъ-адъютантъ Императора Николая Павловича князь Радзивиллъ годами былъ гораздо старше князя Барятинскаго,—состоялъ въ званіи флигель-адъютанта еще при Александрѣ I.—Онъ очень любилъ разсказывать о своемъ прошломъ; изъ разсказовъ его видно, что онъ всегда былъ безпечно веселъ, жизнь свою короталъ, какъ вся богатая молодежь тѣхъ временъ; службу свою онъ несъ при Императорахъ въ свитѣ; хотя нѣсколько лѣтъ прослужилъ на Кавказѣ, черезъ который тогда, какъ черезъ военную школу, проходили всѣ блестящіе молодые офицеры; съ княземъ Барятинскимъ онъ сдружился въ молодости. Императоръ Николай I зналъ его за весельчака, остряка, за bon enfant; нерѣдко распекалъ, ставя ему на видъ неточное исполненіе порученій или какія-нибудь, правда невинныя, продѣлки, но вообще очень любилъ его. Никакой политики князь никогда не зналъ, не во что не мѣшался; поѣсть, попить, пожуировать въ веселой компаніи съ прекраснымъ поломъ,—вотъ что онъ предпочиталъ всему и чѣмъ дорожилъ больше всего.

луйста, познакомься съ нимъ самъ и будь любезенъ; онъ говоритъ только на своемъ языкѣ, но, въ сущности, онъ очень милый и добрый малый.

— Постой, отозвался князь Радзивиллъ, на какомъ же языкѣ я съ нимъ познакомлюсь и на какомъ буду любезенъ?

— Ну, ужъ, какъ-нибудь обойдись, выручи; мнѣ, право, больше некого просить, будь другъ, не откажи.

— Задалъ задачу, нечего сказать, спасибо, аллаверды,—вспомнилъ князь Радзивиллъ чеченское присловье.

Военная музыка заиграла; собравшіеся на обѣдъ у князя Барятинскаго разсѣлись по мѣстамъ; съ правой стороны возлѣ князя Радзивилла помѣстился его старинный знакомый, землякъ, сверстникъ и пріятель—варшавскій комендантъ генералъ-лейтенантъ Развадовскій,—а съ лѣвой дѣйствительно усѣлся желтый, косоглазый, типичнѣйшій сынъ страны восходящаго солнца. Не обращая на него вниманія, князь занялся своимъ правымъ сосѣдомъ.

Генералъ Развадовскій, какъ только-что доказавшій тогда свои графскія права, былъ возведенъ въ титулъ графа; его это очень занимало; князь Радзивиллъ успѣлъ объ этомъ узнать и не безъ нѣкоторой усмѣшки, правда добродушной, невинной, принялся ласкать его пріятнымъ разговоромъ на эту тему, играя на его слабыхъ стрункахъ. Поговоривъ съ нимъ вдоволь, онъ перекинулъ нѣсколько игривыхъ словъ со своимъ визави, которымъ оказался, начавшій службу въ конно-піонерахъ, блестящій генеральнаго штаба офицеръ, произведенный незадолго передъ тѣмъ въ генералъ-маіоры, зачисленный въ свиту Его Величества, назначенный начальникомъ штаба варшавскаго военнаго округа, молодой,—свѣтлѣйшій князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій [1]), только-что женившійся тогда на богатой, прелестной, образованной, въ высшей степени серьезной, симпатичной графинѣ Мордвиновой.

Сервировался чудный, изысканно приготовленный, несмотря на нѣкоторую грубость кухни, обѣдъ изъ кавказскихъ блюдъ; съ этой кухней гостепріимный кавказскій ветеранъ-фельдмаршалъ въ свое время сроднился, очень ее любилъ и всегда предпочиталъ; иногда

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-инспекторъ стрѣлковыхъ батальоновъ, а затѣмъ, начальникъ 2 пѣхотной дивизіи, съ которою ему довелось 22 августа 1877 года взять приступомъ укрѣпленный городъ Ловчу; нач. штаба дѣйствующей арміи (при Тотлебенѣ), послѣ того нач. шт. гв. и Петерб. воен. округа, позднѣе главн. военный прокуроръ и начальникъ главнаго военносуднаго управленія, а наконецъ, варшавскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками варшавскаго военнаго округа (1898—1901 гг.). На послѣднемъ посту князь внезапно скончался въ Варшавѣ.

впрочемъ, не забывая вкусовъ гостей, онъ приказывалъ мѣшать ее съ французской; кулинарное дѣло было у него поставлено безподобно.

Князь Радзивиллъ вполнѣ наслаждался, аппетитъ у него былъ почти юный, чтобы не сказать волчій. Благодушный по природѣ, князь за трапезой обычно втягивался въ особо-добродушное настроеніе. Вотъ взглянулъ онъ мелькомъ на лѣваго сосѣда; небольшая тучка, омрачившая его лицо при назначеніи княземъ Барятинскимъ ему въ сосѣдство японца, уже разсѣялась. Онъ снова повернулся къ князю Имеретинскому и весело, беззаботно заговорилъ:

C'est très aimable de la part du prince Bariatinsky de m'avoir placé auprès de ce grédin-la; regardez sa bonhomie; il me plait baucoup ce jeune homme; mais quelle langue dois je parler à ce diable de japonnais? [1]).

Князь Имеретинскій сидитъ, что называется, самъ не свой ни живъ, ни мертвъ, задыхается, краснѣетъ и, наконецъ, чтобы прекратить забавный, но неловкій разговоръ, произноситъ, обращаясь черезъ столъ къ своему визави и къ его сосѣду: господа, позвольте Васъ познакомить—князь Радзивиллъ, попечитель Варшавскаго учебнаго округа В.

Шутникъ князь Леонъ, нисколько не смутившись, привѣтливо протянулъ сосѣду руку,—masz tobi los (польское выраженіе,—буквально означающее—бери свою судьбу; соотвѣтствуетъ русскому—вотъ тебѣ и разъ!) c'est une très bonne idée de m'expedier si loin—de Varsovie à Tokkio, oh blagueur, au mois de juillet tu me regale de poisson d'avril; je ne te l'oublierai jamais [2])... Затѣмъ до конца обѣда онъ весело болталъ, балагурилъ, чокался, любезничалъ съ сановникомъ, счастливо водвореннымъ въ лоно россійскаго подданства, изъ котораго былъ отторгнутъ невинной шуткой стараго кавказскаго героя.

Послѣ обѣда князь Барятинскій отъ души хохоталъ, радуясь тому, что его шутка такъ хорошо удалась.

В., понявъ эту шутку, нисколько не обидѣлся и очень умно отнесшись къ ней, разсказалъ ее при первомъ случаѣ графу Бергу.

— Вотъ-вотъ,—сказалъ спокойно намѣстникъ, выслушавъ В., Вы

---

[1]) Это очень любезно со стороны князя Барятинскаго посадить меня около этого шута, посмотрите его добродушный видъ, мнѣ очень нравится молодой человѣкъ; но на какомъ языкѣ я долженъ говорить съ этимъ японцемъ.

[2]) Прекрасная мысль,—послать меня такъ далеко изъ Варшавы въ Токіо; о, насмѣшникъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ ты меня угощаешь 1-мъ апрѣля; я тебѣ этого никогда не забуду.

очень мило это приняли, но, думаю, что Вы не пошутили бы такъ надъ своимъ гостемъ; а на Кавказѣ, кажется, и вовсе не принято осмѣивать своихъ гостей; или, впрочемъ, что же я говорю, онъ вѣдь тоже нашъ гость. Это было единственное, что у графа Берга сорвалось по адресу стараго кавказскаго вождя, причинившаго ему нѣкоторую неловкость чувствъ своимъ пріѣздомъ въ край и пребываніемъ въ немъ.

Тѣмъ, кто зналъ тогда эту исторію, она приходитъ на умъ очень часто теперь,—съ тѣхъ поръ, какъ мы пережили портсмутскіе переговоры и нажили портсмутскій договоръ. Воспоминаніе это наводитъ на много мыслей; невольно скажешь,—много въ природѣ невѣдомаго, потаеннаго.

Фельдмаршалъ князь Барятинскій прожилъ лѣтъ 5 при графѣ и года три въ бытность варшавскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта Павла Евстафіевича Коцебу въ Скерневицахъ; отъѣзжалъ онъ лишь по временамъ на минеральныя воды за границу и очень рѣдко заглядывалъ въ свои родовыя помѣстья, раскинувшіяся въ предѣлахъ Льговскаго и Рыльскаго уѣздовъ, Курской губерніи.

Въ 1878-мъ году князь очень сильно расхворался; въ это время былъ отвергнутъ его проектъ—начать немедленно войну противъ Австріи, которая, послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, по мѣрѣ приближенія къ Берлинскому конгрессу, принимала все болѣе угрожающее по отношенію къ Россіи положеніе.

Старый кавказскій вояка-намѣстникъ, который, кажется, чуть ли не прочилъ себя въ главнокомандующіе, обидѣлся, побрюзжалъ нѣкоторое время въ Петербургѣ и въ Скерневицахъ, а затѣмъ уѣхалъ за границу съ тѣмъ, чтобы оттуда не возвращаться. Вскорѣ онъ тамъ скончался, кажется, года черезъ полтора послѣ заключенія злосчастнаго Берлинскаго трактата.

XXI.

Въ началѣ января 1874 года графъ Бергъ получилъ одно изъ многихъ Высочайшихъ приглашеній прибыть въ Петербургъ; два или три раза онъ выѣзжалъ на вокзалъ, но за болѣзнью отмѣнялъ свою поѣздку и возвращался домой. Наконецъ, онъ выѣхалъ уже тогда, когда наступилъ послѣдній срокъ, далѣе котораго откладывать не представлялось возможнымъ, такъ какъ надо было явиться на свадьбу великой княжны Маріи Александровны,—единственной дочери Государя,—съ герцогомъ Эдинбургскимъ.

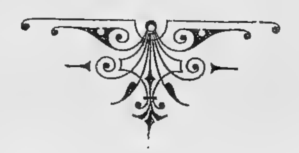
Въ дорогѣ ему сдѣлалось хуже, онъ сильно расхворался, а по пріѣздѣ въ Петербургъ скончался, кажется, въ Эрмитажѣ, гдѣ ему обыкновенно отводились апартаменты или въ Европейской гостиницѣ, гдѣ помѣщеніе пришлось отвести въ этотъ разъ за большимъ наплывомъ въ столицу иностранныхъ Высочайшихъ особъ.

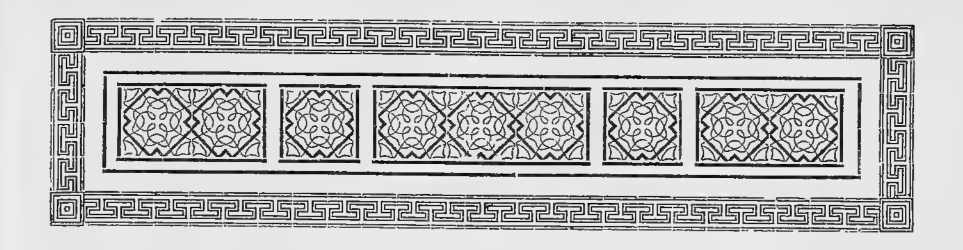
Говорили тогда, что, прослывши въ теченіе всей своей жизни превосходнымъ дипломатомъ, фельдмаршалъ графъ Бергъ умеръ не во-время,—своей кончиной сдѣлавъ большой промахъ, т. е. поступилъ крайне недипломатично и даже до нѣкоторой степени безтактно. Этой шуткѣ, конечно, не слѣдуетъ давать иного значенія, кромѣ лишь того, что это простая острота какого-нибудь празднаго говоруна.

Во всякомъ случаѣ графа Берга во всѣхъ сферахъ русской среды царства Польскаго очень жалѣли и, можетъ быть больше, чѣмъ при какомъ-либо другомъ случаѣ, вспоминали извѣстную русскую поговорку: „что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ“.

Е. Андреевскій.

Ст. Сиверская
1907 г. Іюня 12-го.

Предки И. С. Тургенева.

Если трудно найти народность, въ массѣ которой не было бы значительной примѣси иноплеменной крови: побѣжденныхъ, побѣдителей, или просто сосѣдей, то тѣмъ труднѣе встрѣтить „чистоту“ крови въ верхнихъ, болѣе подвижныхъ, слояхъ народа, особенно культурнаго. Фактъ этотъ легко доступенъ провѣркѣ, но провѣряется онъ чаще всего лишь по отношенію къ людямъ выдающимся, біографіи которыхъ и интересуютъ изслѣдователей. Отсюда весьма распространенное мнѣніе, будто отсутствіе „чистоты“ крови—одно изъ главныхъ условій талантливости. Ницше въ своихъ посмертныхъ замѣткахъ, изданныхъ въ 1904 году, высказываетъ между прочимъ, что лучшіе изъ нѣмцевъ хороши только потому, что въ ихъ жилахъ течетъ не одна своя, но и чужая кровь, преимущественно славянская. Въ числѣ примѣровъ у него фигурируетъ и Бисмаркъ. Тургеневъ говаривалъ иногда то же самое: „Назовите мнѣ въ Россіи хоть одного великаго человѣка чисто-русскаго происхожденія?! Пушкинъ—африканская кровь... Лермонтовъ—шотландская... У Жуковскаго—мать турчанка“...

— А Тургеневъ? спросила разъ его г-жа Віардо.

Иванъ Сергѣевичъ ничего ей не отвѣтилъ, а въ интересахъ послѣдовательности долженъ былъ бы назвать себя татариномъ.

Въ старинныхъ грамотахъ родовой гербъ Тургеневыхъ описанъ такимъ образомъ: „Подъ рыцарскимъ, лазореваго цвѣта съ золотымъ подбоемъ, наметомъ, увѣнчаннымъ шлемомъ съ обыкновенною золотою дворянскою короной, осѣняемою тремя страусовыми перьями, поставленъ щитъ, раздѣленный на четыре равныя части, изъ коихъ въ нижней половинѣ въ лѣвой части въ голубомъ полѣ золотая звѣзда, изъ Золотой Орды происхожденіе рода Тургеневыхъ показую-

щая, надъ коею серебряная рогатая луна, означающая прежнiй магометанскiй законъ, а надъ сею частiю, въ верхней половинѣ на лѣвой части, въ серебряномъ полѣ, парящiй съ распростертыми крыльями и какъ бы отлетающiй отъ луны орелъ, смотрящiй вверхъ,— означаетъ удаленiе отъ магометанства и воспаренiе къ свѣту христiанской вѣры. Въ той же верхней половинѣ на правой части въ красномъ полѣ обнаженный съ золотою рукояткою мечъ—въ воспоминанiе кроваваго закланiя страдальца Петра Никитича Тургенева отъ Гришки Отрепьева самозванца за безбоязненное обличенiе его; въ нижней половинѣ на правой части въ золотомъ полѣ готовый, осѣдланный, бѣгущiй по зеленому лугу конь, показующiй всегдашнюю рода Тургеневыхъ готовность и ревность къ службѣ государю и отечеству“ [1]).

Иванъ Сергѣевичъ употреблялъ этотъ гербъ, напримѣръ, на печати „Спасской главной конторы“ [2]), зналъ происхожденiе своего рода и все-таки считалъ себя вполнѣ русскимъ, каковымъ является онъ и въ глазахъ соотечественниковъ, не говоря уже объ иностранцахъ. „Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности. Въ немъ жилъ цѣлый мiръ и говорилъ его устами; цѣлыя поколѣнiя предковъ, безмолвныя, затерянныя въ забвенiи вѣковъ, черезъ его посредство обрѣли жизнь и слово“. Такъ говорилъ Э. Ренанъ про И. С. Тургенева, прощаясь съ останками великаго писателя, покидавшими Францiю. И дѣйствительно, что ни говорили бы про западничество Тургенева, какъ бы ни старались расширить значенiе этого слова или, наоборотъ, придать ему одностороннiй смыслъ, Иванъ Сергѣевичъ остается „вмѣстѣ и народомъ и избранникомъ народа“, по выраженiю того же Ренана. Какъ ни велика была его сознательная любовь къ родинѣ, тайныя силы, связующiя его съ самой сутью, сердцемъ русской жизни были еще значительнѣе. И эти связи были созданы не только воспитанiемъ, но и происхожденiемъ его изъ стариннаго дворянскаго рода. У насъ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, дворянство—плоть отъ плоти и кость отъ кости великаго нацiональнаго цѣлаго—было въ своей лучшей части полнымъ представителемъ народныхъ стремленiй и народныхъ идеаловъ.

Тургеневъ любилъ иной разъ разсматривать старинныя родословныя. Разбирая ихъ, онъ какъ бы глубже проникалъ въ судьбы

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1885 г., IX, 366.

[2]) Гербъ (три золотыя звѣзды и серебряный единорогъ на голубомъ полѣ), помѣщенный въ IV части общаго гербовника и перепечатанный въ книгѣ Mourier „Tourguéneff à Spasskoé“, принадлежитъ другому роду Тургеневыхъ.

своей родины, касался тѣхъ сторонъ ея жизни, которыя недостаточно сильно отражаются въ общихъ историческихъ трудахъ изслѣдователей русской старины. Какимъ сочувствіемъ, сочувствіемъ русскаго человѣка проникнуты хотя бы слѣдующія строки его самаго „западническаго“ произведенія „Дымъ“ о родословной Осининыхъ: „То были настоящіе, не татаро-грузинскіе, а чистокровные князья, Рюриковичи; имя ихъ часто встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ при первыхъ московскихъ великихъ князьяхъ, русской земли собирателяхъ; они владѣли обширными вотчинами и многими помѣстьями, неоднократно были жалованы за „работы и кровь и увѣчья“, засѣдали въ думѣ боярской, одинъ изъ нихъ даже писался съ „вичемъ“; но попали въ опалу по вражьему наговору въ „вѣдунствѣ и кореньяхъ“; ихъ разорили „страшно и всеконечно“, отобрали у нихъ честь, сослали ихъ въ мѣста заглазныя, рухнули Осинины и уже не справились, не вошли снова въ силу; опалу съ нихъ сняли со временемъ и даже „московскій дворишко“ и „рухлядишку“ возвратили, но ничто не помогло. Забѣднялъ, „захудалъ“ ихъ родъ—не поднялся ни при Петрѣ, ни при Екатеринѣ, и все мельчая и понижаясь, считалъ уже частныхъ управляющихъ, начальниковъ винныхъ конторъ и квартальныхъ надзирателей въ числѣ своихъ членовъ“.

Иванъ Сергѣевичъ любилъ также пробѣгать поколѣнную роспись и своей родословной. Посѣщавшіе Спасскій домъ при жизни писателя видѣли тамъ на стѣнѣ подъ портретомъ отца Тургенева висѣвшее въ рамкѣ „родословное дерево“ съ неизбѣжными кружечками для именъ на искусно-разрисованныхъ вѣтвяхъ и вѣточкахъ могучаго ствола. Изъ своей генеалогіи Иванъ Сергѣевичъ нагляднѣе убѣждался, теплѣе чувствовалъ, какъ самъ онъ крѣпко связанъ черезъ своихъ предковъ съ многоразличными и знаменательными моментами родной старины и давно прошедшей и свѣжей еще въ памяти живыхъ поколѣній. Послѣдуемъ и мы за нимъ, воспроизведемъ важнѣйшіе факты изъ Тургеневскаго прошлаго, которые вспоминались ему, окруженные той исторической и бытовой обстановкой, какая извѣстна была Ивану Сергѣевичу не изъ однихъ семейныхъ преданій и записей, но и по хорошо знакомой ему исторической литературѣ.

Въ серединѣ XV вѣка, когда только-что образовалось царство Казанское, и когда набѣги усилившагося крымскаго ханства стали особенно тяжелы для Московскаго государства, правительство великаго князя Василія Васильевича Темнаго (1425—1462 гг.) впервые положило начало обдуманной, систематической защитѣ южной и юго-восточной окраинъ московскихъ владѣній. Оборонительныя мѣры выразились прежде всего въ поселеніи по городамъ рѣки Оки—Ка-

ширѣ, Серпуховѣ, Касимовѣ и др.—подручныхъ „служилыхъ" татарскихъ царевичей и мурзъ съ принятіемъ ихъ въ составъ русскихъ вооруженныхъ силъ. Вотъ въ это-то время и выѣхалъ изъ орды къ великому князю Василію Васильевичу мурза Левъ Тургеневъ, получившій во св. крещеніи имя Ивана и ставшій родоначальникомъ той фамиліи Тургеневыхъ, къ которой и принадлежалъ Иванъ Сергѣевичъ. Семейное преданіе, нѣсколько прикрашивая это событіе, передаетъ, что воспріемникомъ при крещеніи былъ самъ великій князь, пожаловавшій крестника своего многими вотчинами въ нынѣшней Калужской губерніи, въ томъ числѣ такимъ огромнымъ имѣніемъ, что почти половина теперешняго Перемышльскаго уѣзда принадлежала ему [1]).

Не всѣ Тургеневы, встрѣчающіеся на страницахъ нашей исторіи, ведутъ свое начало отъ мурзы Льва. Потомство послѣдняго еще въ 1688 году, представляя свою родословную въ Разрядъ (приказъ, вѣдавшій дворянскія службы и родословныя), сдѣлало въ ней слѣдующее заявленіе: „А Тургеневы, что служатъ по Ярославлю, Дмитрову, въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ и съ 7195 (1687) г. по Москвѣ, и тѣ Тургеневы не нашего роду". Такимъ образомъ извѣстные Николай, Александръ и Андрей Ивановичи Тургеневы, равно какъ и отецъ ихъ Иванъ Петровичъ, масонъ и членъ „Дружескаго ученаго общества", считающіеся часто родственниками Ивана Сергѣевича, не были съ нимъ въ родствѣ и принадлежали къ фамиліи совсѣмъ иного происхожденія.

Но обратимся къ родословной автора „Записокъ Охотника". Разсматривая сухой, но полный перечень его предковъ во второмъ томѣ (стр. 536 и слѣд.) сборника В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, мы должны прежде всего сдѣлать слѣдующій выводъ: Тургеневы въ царскій періодъ русской исторіи служили главнымъ образомъ по такъ называемому московскому списку, т. е. принадлежали къ столичнымъ служилымъ людямъ: стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ. Всѣ эти четыре „чина", или общественныхъ слоя, составляли второй изъ трехъ крупныхъ разрядовъ, на которые дѣлилось тогдашнее дворянство. Тургеневы не попадали въ высшій—въ члены Боярской Думы, но и не засиживались въ низшемъ, т. е. среди провинціальнаго дворянства. Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы первоначально были придворными должностями: позднѣе же, съ XVI вѣка, становятся чинами, обязанными ратной и административной службой. Они составляли „государевъ полкъ", соотвѣтствующій нынѣшней гвардіи. Были высшимъ слоемъ

---

[1]) Записки Мухановой. „Русск. Архивъ", 1878 г., I, 213.

боевыхъ силъ Московскаго государства, такъ какъ не только являлись наилучше вооруженнымъ корпусомъ, обыкновенно сопровождавшимъ царя въ военныхъ походахъ, но изъ нихъ же назначались головы и воеводы, т. е. офицеры и полковники въ армейскіе полки, формировавшіеся провинціальнымъ дворянствомъ. Такъ Григорій Михайловичъ Тургеневъ значится головою въ Черниговѣ (1598 г.), Аѳанасій Дмитріевичъ—полковымъ воеводою въ Бѣлгородѣ (1635 г.), Денисъ Петровичъ—полковымъ и осаднымъ воеводою въ Тамбовѣ и т. д. Въ мирное время стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ ставили начальниками второстепенныхъ московскихъ приказовъ (какъ бы директорами департаментовъ), воеводами во второстепенные города, въ свиту къ посламъ. Тургеневыхъ мы встрѣчаемъ на воеводствахъ: въ XVI вѣкѣ въ Рыльскѣ, Дѣдиловѣ, Каргополѣ, въ XVII вѣкѣ—въ Осколѣ, Калугѣ, Торжкѣ, Муромѣ, Саратовѣ, Тулѣ, Царицынѣ, Орлѣ и въ другихъ городахъ. Нѣсколькихъ Тургеневыхъ находимъ приставами при посольствахъ: Персидскомъ (1590 г.), Шведскомъ (1598 г.), при поѣздкѣ Іерусалимскаго патріарха въ 1649 г. и др.

Подобныя же службы несли Тургеневы и послѣ Петровскихъ преобразованій. Имена предковъ Ивана Сергѣевича часто попадаются въ гвардейскихъ полкахъ, преимущественно, впрочемъ, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Въ гражданской службѣ они занимали мѣста главнымъ образомъ по дворянскимъ выборамъ: ландратовъ (совѣтники и помощники губернаторовъ), земскихъ комиссаровъ, власть которыхъ была нѣсколько обширнѣе власти смѣнившихъ ихъ при Екатеринѣ II капитанъ-исправниковъ, засѣдателей дворянскихъ опекъ и др.

Почти во всѣхъ крупныхъ событіяхъ, совершавшихся въ нашемъ отечествѣ со временъ Грознаго, мы можемъ найти имена предковъ Ивана Сергѣевича. Въ великихъ заботахъ Ивана IV по завоеванію царствъ Казанскаго и Астраханскаго не послѣднюю роль игралъ Петръ Дмитріевичъ, пра-правнукъ родоначальника Тургеневыхъ. Въ 1551 году онъ былъ посланъ къ ногайскимъ мурзамъ и князьямъ, чтобы отговорить ихъ идти на помощь къ казанскому царю и „претерпѣлъ въ Ордѣ отъ князя Юсуфа (отца царицы Сююнбеки) великое поруганіе и былъ ограбленъ“, а затѣмъ убѣдилъ астраханскаго царя Дервиша перейти на службу Россіи и въ 1554—1555 гг. оставался при немъ въ Астрахани съ русскимъ полкомъ [1]).

Передъ самымъ появленіемъ страшной опричины царь Иванъ

---

[1]) Руммель и Голубцовъ, II, 536. Соловьевъ. „Исторія Россіи“, II, 93—95 въ изд. товарищ. „Общественная Польза“.

Васильевичъ, чтобы крѣпче держать въ рукахъ заподозрѣнныхъ бояръ, сталъ брать на нихъ особыя поручныя записи. Въ этихъ памятникахъ знаменитой борьбы Грознаго со своимъ боярствомъ мы встрѣчаемъ въ качествѣ поручителей и нѣсколькихъ Тургеневыхъ. Тотъ же, напримѣръ, Петръ Дмитріевъ, сынъ Тургеневъ, въ 1562 году „ручалъ и руку приложилъ" къ записи по князѣ И. Д. Бѣльскомъ, чтобы послѣднему не оставлять службу царю Ивану и его дѣтямъ; въ случаѣ же его побѣга обязывался вмѣстѣ съ другими поручителями заплатить въ казну 10.000 рублей (болѣе 600.000 рублей на нынѣшнія деньги). Въ слѣдующемъ году, среди другихъ, четверо Тургеневыхъ ручались за князя А. И. Воротынскаго и т. д. [1]).

Великая смута въ Московскомъ государствѣ тоже отозвалась на Тургеневыхъ. Петръ Никитичъ за обличеніе лже-Димитрія былъ пытанъ и казненъ въ Москвѣ въ 1606 г. Семейное преданіе разсказываетъ объ этомъ такъ: „Петръ Никитичъ сказалъ лже-царю: ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отрепьевъ, бѣглый изъ монастыря; я тебя знаю.—За это голова его пала на плахѣ, а онъ ублажается церковью, какъ св. мученикъ"... „Вообще Тургеневы", замѣчаетъ дальше преданіе, „отличались честностью и неустрашимостью" [2]).

Бунтъ Стеньки Разина далъ себя знать предкамъ Ивана Сергѣевича не менѣе больно. Въ 1670 году въ Царицынѣ сидѣлъ воеводою стряпчій (подполковникъ гвардіи) Тимоѳей Васильевичъ Тургеневъ, когда шайки Васьки Уса 13 апрѣля измѣною проникли въ городъ. Воевода вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Матвѣемъ Павловичемъ Тургеневымъ, прислугою, десяткомъ московскихъ стрѣльцовъ и тремя человѣками царицынцевъ заперся въ башнѣ. Въ городѣ начались пиры, попойки съ казаками; самъ Разинъ пріѣхалъ въ городъ и угостился допьяна. Въ этомъ видѣ онъ повелъ казаковъ на приступъ къ башнѣ и взялъ ее послѣ долгаго боя. Несчастный Тимоѳей Васильевичъ достался живой казакамъ, и на другой день они угостили себя пріятнымъ зрѣлищемъ: привели Тургенева на веревкѣ къ рѣкѣ, прокололи копьемъ и утопили [3]). И перешелъ въ память своихъ потомковъ царицынскій воевода подъ именемъ „первострадальца" въ этомъ буйномъ казацкомъ движеніи. Дошелъ разсказъ о немъ и до Ивана Сергѣевича, который подъ впечатлѣніемъ его написалъ удивительную XVI главу „Призраковъ":

---

[1]) Собр. Государств. грам. и договоровъ, I, №№ 175, 179, 184, 191.

[2]) „Русск. Архивъ", 1878 г., I, 213.

[3]) Соловьевъ. „Исторія Россіи", III, 305.

„...Степанъ Тимоѳеичъ! Степанъ Тимоѳеичъ идетъ!—зашумѣло кругомъ:—идетъ нашъ батюшка, атаманъ нашъ, нашъ кормилецъ!—Я по-прежнему ничего не видѣлъ, но мнѣ внезапно почудилось, какъ будто громадное тѣло надвигается прямо на меня... — Фролка! гдѣ ты, песъ? загремѣлъ страшный голосъ.—Зажигай со всѣхъ концовъ—да въ топоры ихъ, бѣлоручекъ!

На меня пахнуло жаромъ близкаго пламени, горькой гарью дыма—и въ то же мгновенье что-то теплое, словно кровь, брызнуло мнѣ въ лицо и на руки... Дикій хохотъ грянулъ кругомъ“...

Наступила тяжелая пора великихъ преобразованій, когда всѣ классы общества были призваны къ самой напряженной работѣ. Петръ заставилъ прежде всего дворянъ „узнавать съ фундамента солдатское дѣло“, и нѣсколько Тургеневыхъ зачислены были нижними чинами въ гвардейскіе полки, гдѣ должны были наравнѣ съ рядовыми изъ тяглыхъ людей ходить на работы, чистить каналы, возить провіантъ и даже бѣгать на посылкахъ у офицеровъ. Безпрерывныя войны великаго преобразователя вырвали изъ числа Тургеневыхъ стольника Ивана Михайловича, убитаго подъ Юрьевымъ въ 1704 году. Другому, стольнику же, Ивану Григорьевичу Тургеневу было велѣно въ 1713 году отправиться на старости лѣтъ на островъ Котлинъ въ числѣ первыхъ русскихъ поселенцевъ на вновь завоеванныхъ мѣстахъ [1]).

Теперь, однако, пора обратиться къ предкамъ Ивана Сергѣевича исключительно по прямой нисходящей линіи: къ родному прапрадѣду писателя Роману Семеновичу, къ прадѣду – Алексѣю Романовичу, женатому на П. М. Сухотиной, и къ дѣду—Николаю Алексѣевичу, женатому на Е. П. Апухтиной.

Романъ Семеновичъ Тургеневъ, помѣщикъ Медынскаго, Карасевскаго, Мещовскаго, Малоярославскаго и Саранскаго уѣздовъ, началъ службу въ 1700 году и въ 1704 г. изъ жильцовъ, т. е. изъ чина, соотвѣтствующаго нынѣшнему поручику гвардіи, въ силу новыхъ Петровскихъ порядковъ, былъ записанъ въ солдаты въ Преображенскій полкъ и въ томъ же году переведенъ унтеръ-офицеромъ въ „Драгунскій шквадронъ Шереметева“ и до конца царствованія Петра Великаго не выходилъ изъ строевой службы. Въ 1705 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1708 г.—въ поручики, въ 1709 г. числился поручикомъ „лейбъ-шквадрона“ въ рангѣ капитана; въ 1715 г.—ротмистромъ ранга премьеръ-маіора, въ 1722 г.—премьеръ-маіоромъ въ полевыхъ полкахъ; наконецъ, въ 1726 г. подполковникомъ и капраломъ кавалергардовъ. Съ 22 іюля по 14 декабря 1731 года, онъ

---

[1]) См. Соловьевъ „Исторія Россіи“, IV, 161.

уже въ чинѣ полковника, занимаетъ отвѣтственное мѣсто управляющаго дѣлами при гетманѣ Малороссіи Д. П. Апостолѣ. Анна Іоанновна, желая сильнѣе слить Украйну съ Имперіей, снова подчинила Малороссію Сенату, изъявъ ее изъ вѣдѣнія иностранной коллегіи. Эта мѣра и вызвала командировку на югъ Тургенева, смѣнившаго тамъ кн. Шаховского [1]). Въ 1736 г., во время войны Россіи съ Турціей, Романъ Семеновичъ получилъ мѣсто оберъ-кригсъ-комиссара армейской походной комиссіи (завѣдывающаго денежнымъ и вещевымъ довольствіемъ войскъ).

Судьба сына его Алексѣя Романовича была интереснѣе. О первоначальной его службѣ въ сборникѣ Руммеля и Голубцова сказано только, что онъ былъ съ 1 мая 1730 г. пажомъ императрицы Анны; въ началѣ 1737 года былъ выпущенъ поручикомъ въ Углицкій пѣхотный полкъ и въ томъ же году посланъ былъ изъ подъ Очакова курьеромъ ко двору. На пути раненъ и взятъ въ плѣнъ въ Турцію, гдѣ и пробылъ до 1740 г. Семейное преданіе разсказываетъ объ этихъ фактахъ подробнѣе: „Алексѣй Романовичъ Тургеневъ служилъ въ пажахъ у императрицы Анны Іоанновны. По ревности Биронъ удалилъ его, пославъ въ армію, дѣйствовавшую тогда противъ турокъ съ приказаніемъ его погубить. Онъ попался въ плѣнъ и взятъ султаномъ въ гаремъ, гдѣ подавалъ ему кофе и раскуривалъ трубку. Его принуждали принять магометанскій законъ, за что онъ претерпѣлъ много побоевъ, такъ что тоже можетъ считаться исповѣдникомъ. Любимая султанша увидѣла его какъ-то, плѣнилась его красотою, сжалилась надъ нимъ, передала ему какими-то средствами наполненный золотомъ кошелекъ, съ совѣтомъ бѣжать въ отечество и доставила ему вмѣстѣ съ этимъ проводниковъ до границы. Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога предъ образомъ Святителя Николая о благополучномъ возвращеніи сына, съ обѣтомъ построить церковь. Однажды она молилась передъ этимъ образомъ; внезапно отворяется дверь, и входитъ давно ожидаемый сынъ. Она исполнила обѣтъ, построила церковь во имя св. Николая“ [2]). Съ 1740 г. Алексѣй Романовичъ служилъ капитаномъ въ Рязанскомъ драгунскомъ полку, съ 1749 г.—премьеръ-маіоромъ и 1751 г.—подполковникомъ; въ 1753 г. за ранами былъ уволенъ отъ военной службы. Но съ 1760 года занималъ мѣсто совѣтника въ Ревизіонъ-и Камеръ-коллегіяхъ. (Первая соотвѣтствовала нынѣшнему Государственному Контролю, вторая же коллегія—какъ-бы департаменту окладныхъ и неокладныхъ сборовъ). Въ 1772 году „уво-

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, IV, 1521.
[2]) „Русск. Архивъ“, 1878, I, 214.

ленъ вовсе" отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и умеръ въ 1777 году. Похороненъ вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ подъ однимъ памятникомъ у церкви кладбища села Никольскаго, Перемышльскаго уѣзда, Калужской губерніи. Послѣ 1812 г. кладбище это было упразднено. На его мѣстѣ, а также на мѣстѣ церкви оказалось чистое поле съ одинокимъ памятникомъ [1]).

Относительно дѣда Ивана Сергѣевича—Николая Алексѣевича Тургенева находимъ только слѣдующія данныя (въ сборникѣ Руммеля и Голубцова): родился онъ въ 1749 г., служилъ съ 1766 г. въ артиллеріи и съ 1773 г.—въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку фурьеромъ, съ 1777 г.—гвардіи сержантомъ и въ 1780 г. уволенъ отъ службы гвардіи прапорщикомъ. Были слухи, что этотъ Николай Алексѣевичъ былъ сыномъ императрицы Елизаветы [2]). Но совершенная неосновательность ихъ явствуетъ не только изъ фактовъ хорошо теперь извѣстной интимной стороны жизни Елизаветы Петровны, но также изъ весьма не блестящей карьеры Николая Алексѣевича, едва добившагося послѣ 14-лѣтней службы, да и то при отставкѣ, чина прапорщика. Болѣе же чѣмъ скромное матеріальное положеніе его еще сильнѣе противорѣчитъ справедливости подобныхъ слуховъ.

У Николая Алексѣевича было пять сыновей и три дочери. Второй сынъ, Сергѣй Николаевичъ, родившійся 15 декабря 1793 г., и былъ отцомъ великаго писателя. Службу онъ началъ въ кавалергардскомъ полку въ 1810 г. Въ 1812 году, 21 октября, произведенъ въ корнеты; въ 1813 г., 23 сентября—въ поручики; въ 1817 г., 9 августа—въ штабсъ-ротмистры; въ 1818 г., 6 іюля—въ ротмистры. Въ 1819 году, 20 октября, онъ перевелся въ Екатеринославскій драгунскій полкъ чиномъ подполковника и уволенъ отъ службы полковникомъ 20 февраля 1821 г., умеръ 30 октября 1834 года [3]). Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ особенно полно обрисованъ въ повѣсти „Первая любовь", про которую Иванъ Сергѣевичъ такъ высказывался впослѣдствіи: „Она, пожалуй, мое любимое произведеніе. Въ остальныхъ, хотя немного, да выдумано, въ „Первой любви" описано дѣйствительное происшествіе безъ малѣйшей прикраски, и при перечитываніи дѣйствующія лица встаютъ, какъ живыя, передо мною" [4]). Мужественно-красивый, изящный и юношески-стройный даже въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, въ какомъ выступаетъ онъ въ

---

[1]) ibid.

[2]) „Русскій Архивъ", 1902 г., кн. 9, стр. 104.

[3]) I. Mourier. „I. S. Tourguéneff à Spasskoé", 14.

[4]) Воспомин. А. Половцова въ календарѣ „Царь-Колоколъ", на 1887 г. стр. 77.

разсказѣ, Сергѣй Николаевичъ оправдывалъ вполнѣ отзывъ своего сына: „Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ. Разъ одна барыня, уже пожилая, честная и простодушная, вспомнила объ отцѣ моемъ, котораго она знала въ молодости, проговорилась, что однажды, оставшись съ нимъ наединѣ, она, прежде чѣмъ успѣла что-нибудь сказать или подумать, какъ уже была въ его власти“... [1]) Единственный портретъ Сергѣя Николаевича, сохранявшійся въ Спасскомъ, много потерялъ при воспроизведеніи его на фотографіи въ книгѣ г. Мурье. Но и оригиналъ произвелъ на пишущаго эти строки не то впечатлѣніе, какое ожидаешь послѣ прочтенія „Первой любви“. На портретѣ герой повѣсти слишкомъ женоподобенъ; старинная кавалергардская форма черезчуръ сузила его плечи, придавъ всей фигурѣ какой-то кукольный видъ. Вы видите передъ собою скорѣе молодую, красивую дѣвушку лѣтъ 17, въ бѣломъ гвардейскомъ мундирѣ, украшенномъ георгіевскимъ крестомъ и двумя медалями (одна въ память 1812 года). Высокій красный, шитый золотомъ воротникъ упирается въ подбородокъ. Изсѣра-голубые, ясные глаза подъ темными бровями, вьющіеся на лбу темно-русые волосы, маленькія уши—все это только усиливаетъ иллюзію. Лишь правильный носъ, ротъ и подбородокъ были бы нѣсколько крупны для красивой семнадцатилѣтней дѣвушки, а легкій, какъ тѣнь, пушокъ на верхней губѣ вы не сразу и замѣтите. Напрасно стали бы мы отыскивать черты сходства по этому портрету между лицомъ Сергѣя Николаевича и лицомъ его сына. Впрочемъ, глаза Ивана Сергѣевича, судя по свидѣтельствамъ его современниковъ, должны были напоминать глаза его отца. Княжна Зинаида („Первая любовь“) даже прямо это высказываетъ въ трогательной сценѣ полупризнаній своихъ въ IX главѣ повѣсти.

Нравственный обликъ Сергѣя Николаевича Тургенева воспроизведенъ въ слѣдующихъ строкахъ того же разсказа: „Размышляя впослѣдствіи о характерѣ моего отца, я пришелъ къ тому заключенію, что ему было не до меня и не до семейной жизни; онъ любилъ другое и насладился этимъ другимъ вполнѣ... „Самъ бери, что можешь, а въ руки не давайся; самому себѣ принадлежать—въ этомъ вся штука жизни“,—сказалъ онъ мнѣ однажды. Въ другой разъ я, въ качествѣ молодого демократа, пустился въ его присутствіи разсуждать о свободѣ (онъ въ этотъ день былъ, какъ я это называлъ, „добрый“; тогда съ нимъ можно было говорить, о чемъ угодно).—Свобода,—повторилъ онъ:—а знаешь ли ты, что можетъ человѣку дать свободу?

---

[1]) Воспомин. Я. Полонскаго. „Нива“, 1884 г., стр. 15.

— Что?

— Воля, собственная воля, и власть она дастъ, которая лучше свободы. Умѣй хотѣть—и будешь свободнымъ, и командовать будешь.

Отецъ мой прежде всего и больше всего хотѣлъ жить—и жилъ... Быть можетъ, онъ предчувствовалъ, что ему не придется долго пользоваться „штукой" жизни: онъ умеръ сорока двухъ лѣтъ".

Сергѣй Николаевичъ дѣйствительно умѣлъ хотѣть и былъ свободенъ и „командовалъ" даже такимъ сильнымъ и страстнымъ характеромъ, какимъ обладала жена его. Онъ, впрочемъ, всячески старался не возбуждать ея подозрѣній, въ случаѣ же упрековъ обыкновенно холодно и вѣжливо отмалчивался; а при сильныхъ вспышкахъ ревности Варвары Петровны умѣлъ ей и пригрозить.

Достовѣрныя данныя о томъ родѣ Лутовиновыхъ, къ которому принадлежала мать Ивана Сергѣевича, не идутъ далѣе начала XVIII вѣка. Иванъ Андреевичъ Лутовиновъ, бригадиръ, родившійся въ 1707 г., имѣлъ пять дочерей и троихъ сыновей: Петра (1743—1787), Алексѣя (1747—1796) и Ивана (1753—1813). Двое послѣднихъ умерли холостяками, у Петра же Ивановича была единственная дочь Варвара (1787—1850) [1].

Къ сожалѣнію, извѣстны лишь отрывочные факты и преданія о семьѣ Ивана Андреевича, да и тѣ касаются почти исключительно дяди Варвары Петровны Тургеневой—Ивана Ивановича Лутовинова, у котораго она прожила десять лѣтъ и послѣ смерти котораго получила Спасское вмѣстѣ съ другими значительными имѣніями. Всѣ воспоминанія согласно показываютъ, что онъ былъ нрава очень суроваго, жестокаго и, кажется, единственнымъ его добрымъ дѣломъ была постройка церкви въ селѣ Спасскомъ.

Трудно возстановить теперь имена предковъ Ивана Сергѣевича, положенныхъ въ основу типовъ тѣхъ его разсказовъ, которые описываютъ время второй половины XVIII вѣка и начала XIX вѣка. Есть достаточно основаній предположить только, что добродушные герои въ родѣ Ѳомушки и Ѳимушки („Новь") или Телѣгиныхъ („Старые портреты") списаны преимущественно съ Тургеневыхъ, а жестокіе и крутые характеры, въ родѣ дѣдушки-разсказчика „Однодворца Овсянникова"—съ Лутовиновыхъ. Такъ должны мы думать, хотя и среди Тургеневыхъ встрѣчались личности, вызывавшія негодованіе Ивана Сергѣевича. Сообщая, напримѣръ, Герцену въ письмѣ отъ 9 января (н. с.) 1861 г. свое мнѣніе о сборникѣ матеріаловъ по расколу, изданномъ Кельсіевымъ, Иванъ Сергѣевичъ прибавляетъ:

---

[1] I. Mourier. „I. S. Tourguéneff à Spasskoé", 113.

„Хорошъ тамъ является Тургеневъ Ѳедоръ Михайловичъ [1]). Это былъ величайшій с... с... и грабитель. Помнится, мы отъ этого къ нему и не ѣздили, даромъ что онъ былъ намъ родственникомъ. А вѣдь и мои родные не были изъ числа самыхъ безпорочныхъ". Вполнѣ безошибочно можно указать Лутовиновыхъ лишь въ двухъ разсказахъ—„Три портрета" и „Бригадиръ". Герой перваго произведенія, Василій Ивановичъ Лучиновъ, умный, изворотливый, смѣлый до дерзости и человѣкъ безъ всякой нравственности,—одинъ изъ сыновей Ивана Андреевича Лутовинова, очевидно младшій—Иванъ Ивановичъ. Старикъ-скряга Лучиновъ, постукивавшій на ночь палкой по мѣшкамъ съ деньгами—отецъ его Иванъ Андреевичъ Лутовиновъ. Авторъ разсказа проговорился какъ-то Я. П. Полонскому, что въ дѣйствительности игрушкой Лучинова была не воспитанница, а сестра его; но Тургеневъ долженъ былъ смягчить фактъ, щадя нравственное чувство читателя [2]). Если же это вѣрно, то легко объясняется тогда семейной драмой „Трехъ портретовъ" трудно разбираемая надпись чугунной плиты надгробнаго мавзолея с. Спасскаго „.... скончался въ 1796 год апреля 12 д. и тутъ погребенъ дядею ево и другомъ матери ево Иваномъ Лутовиновымъ и въ память сему младенцу предѣлъ сей во имя святаго Николая Чудотворца соорудилъ" [3]). Много мрачныхъ легендъ сложилось послѣ смерти грознаго помѣщика въ Спасскомъ. Одну изъ нихъ передаетъ мальчикъ Ильюша своимъ товарищамъ по Бѣжину лугу, сидя у костра:

— А какіе ты намъ, Ильюша, страхи разсказывалъ,—заговорилъ Ѳедя...—А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы? Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали—покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ и все это этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ.—Что, молъ, батюшка, Иванъ Ивановичъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ?—перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ... Ну, и что жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо:—разрывъ-травы.—А на что тебѣ, батюшка, Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы?

---

[1]) Въ сборникѣ Руммеля и Голубцова о немъ сказано: Ѳ. М. Тургеневъ—вахмистръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка (1796 г.); штабъ-капитанъ (1809 г.), дѣйств. статск. совѣтн. (1835 г.).

[2]) Воспоминанія Полонскаго въ „Нивѣ" 1884 г., стр. 14.

[3]) Снимокъ (по фотографіи) съ нагробной плиты помѣщенъ въ книгѣ „Mourier", на стр. 102.

— Давитъ, говоритъ, могила давитъ; Трофимычъ, вонъ хочется, вонъ"...

Дочери Ивана Андреевича характеризуются разсказомъ „Бригадиръ". По свидѣтельству неизданнаго письма Тургенева къ его управляющему Кишинскому отъ 3/15 апрѣля 1867 г. [1]), а также изъ писемъ къ Анненкову отъ 6 и 21 мая (н. с.) того же года [2]) оказывается, что трогательное посланіе бригадира Гуськова это chef d'oeuvre—по мнѣнію Ивана Сергѣевича, есть подлинное письмо къ Варварѣ Петровнѣ Тургеневой неизмѣннаго поклонника одной изъ ея тетокъ Лутовиновыхъ. Въ этомъ документѣ измѣнены только имена; но необычайные факты, сообщаемые разсказомъ, и жестокіе характеры лицъ Ломовскаго (Лутовиновскаго) семейства являются, такимъ образомъ не вымышленными и не прикрашенными.

Перейдемъ въ заключеніе къ матери нашего писателя, Варварѣ Петровнѣ, этой безгранично властолюбивой, озлобленной и страстной женщинѣ. Воспоминанія людей къ ней близкихъ полны удивительныхъ подробностей о ея безсердечіи, жестокой изобрѣтательности, о ея причудахъ, граничащихъ съ явнымъ самодурствомъ, облеченнымъ, впрочемъ, въ приличныя формы степенной барской жизни. Характеръ Варвары Петровны достаточно полно, хотя и въ смягченномъ видѣ, исчерпанъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ нѣкоторыхъ его разсказахъ, поэтому намъ нѣтъ надобности приводить факты и свидѣтельства о самовластной помѣщицѣ изъ воспоминаній Житовой, Колонтаевой, Рынды и др. [3]). Обратимся къ самымъ произведеніямъ Тургенева. Въ Натальѣ Николаевнѣ „Степного короля Лира" авторъ изобразилъ отношенія своей матери къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ и дворянкамъ, къ воспитанницамъ и приживальщикамъ. Чѣмъ менѣе богатъ и родовитъ былъ ея сосѣдъ-помѣщикъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ оказывать Натальѣ Николаевнѣ смиреннаго почтенія, покорности и страха, если хотѣлъ пользоваться ея милостями или даже вниманіемъ. Надо было быть Харловымъ и дѣйствительнымъ спасителемъ ея жизни, чтобы заслужить уваженіе надменной женщины. Презрительно-злое, брезгливо-безсердечное отношеніе Варвары Петровны къ подчиненнымъ и крѣпостнымъ придано Тургеневымъ „строгой и гнѣвной бабушкѣ" разсказа „Пунинъ и Бабуринъ". Здѣсь находимъ и любимое выраженіе Варвары Петровны: „въ своихъ подданныхъ я властна и никому за нихъ не отвѣчаю". При-

---

[1]) Хранится въ Импер, публичн. библіотекѣ.

[2]) „Русское Обозрѣніе", 1894 г., кн. I.

[3]) „Вѣстн. Европы", 1885 г., №№ 11 и 12. „Историч. Вѣстн." 1885 г., № 10 и 1894 г. № 2.

*

веденъ и обычный угрюмый окрикъ ея въ минуты гнѣва: „ступайте всѣ люди вонъ“! Въ разсказѣ „Муму“ вдова, окруженная подобострастными приживалками и огромной дворней—та же Варвара Петровна, но выказывающая себя со стороны безграничной капризности и привередливости. Въ этомъ разсказѣ отмѣчена между прочимъ манера Варвары Петровны прикидываться по временамъ „загнанной сиротливой страдалицей“. „Неужели для него (глухонѣмого Герасима) какая-нибудь собаченка дороже спокойствія, самой жизни его барыни“,—слезливо говорила вдова, какъ бы повторяя жалобы Тургеневой въ иныхъ случаяхъ на свою участь, на то, что ее, бѣдную, всѣ бросили, что всѣ хотятъ ея смерти и проч. Тутъ же выведенъ и ея домашній врачъ Кудряшовъ подъ именемъ Харитона, безпрестанно подающаго ей на серебряномъ подносѣ лавровишневыя капли. Суровая придирчивость Варвары Петровны, дикая по своей мелочности и деспотизму канцелярщина и регламентація хозяйственныхъ работъ и порядковъ въ имѣніи—прекрасно изображены въ фантазіяхъ Глафиры Ивановны „Собственной господской конторы“; наконецъ, та нравственная порча, какой подвергались дворовые Тургеневой подъ ея неумолимымъ гнетомъ, обрисованы яркими красками въ разсказѣ „Записокъ Охотника“—„Контора“. Если мы сведемъ теперь отмѣченныя качества четырехъ героинь въ одинъ, такъ сказать, характеръ, то получимъ полный и живой образъ матери великаго писателя.

Какъ въ различныхъ воспоминаніяхъ, такъ и въ повѣстяхъ Тургенева Варвара Петровна характеризуется преимущественно въ періодъ ея вдовства (1834—1850 гг.). Какъ замужняя женщина, она выступаетъ подъ перомъ своего сына только въ „Первой любви“. Здѣсь мы видимъ ее всю цѣликомъ, поглощенной ревнивыми волненіями и заботами о своемъ мужѣ, женившемся на ней (14 января 1816 г.) по разсчету. Но Иванъ Сергѣевичъ совсѣмъ не касается ея дѣтства, проведеннаго подъ кровомъ ненавидѣвшей ее матери и передъ безстыдными глазами отчима, покусившагося въ концѣ-концовъ на честь своей падчерицы. Онъ не затрогиваетъ вовсе и времени, прожитаго ею въ домѣ дяди Ивана Ивановича, куда убѣжала въ 1803 г. несчастная дѣвушка. Событія, столкновенія и страсти, волновавшія Варвару Петровну въ годы ея дѣтства и молодости, во многомъ испортившія и озлобившія ее на всю жизнь, совершенно отсутствуютъ въ творчествѣ ея сына, хотя тяжелая, уродливая обстановка, въ которой она росла, достаточно ярко изображена Иваномъ Сергѣевичемъ въ разсказахъ, посвященныхъ семейной хроникѣ Лутовиновыхъ. Но, конечно, Варвара Петровна вполнѣ обнаружила себя, стала „сама собою“ лишь во время вдов-

ства. Ея силы, ея энергія не отвлекались тогда на одностороннюю борьбу за собственную нравственную и физическую безопасность, какъ это было до замужества. Ея стремленія не были поглощены тогда и мучительной заботой о сохраненіи привязанности мужа.

Важный вопросъ объ отношеніяхъ Сергѣя Николаевича и Варвары Петровны къ сыновьямъ, особенно къ Ивану Сергѣевичу, вопросъ о вліяніи ихъ на послѣдняго можетъ быть разсмотрѣнъ лишь въ связи съ фактами дѣтства и молодости Ивана Сергѣевича, въ связи съ его первоначальнымъ воспитаніемъ, что уже не входитъ въ задачу настоящей статьи.

Н. Гутьяръ.

Жизненный курьезъ.

12 лѣтъ я поступилъ въ училище Правовѣдѣнія. 13, 14 лѣтъ я очень увлекался произведеніями французскаго писателя Ксавье де Монтепена. Лицо мое обыкновенно принимало выраженіе, соотвѣтствующее прочитаннымъ мною у названнаго автора ужасамъ; за это товарищи дали мнѣ кличку Ксавье де Монтепенъ, сократившуюся позднѣе въ Ксавье и оставшуюся за мною на всю жизнь.

Въ 1899 году мнѣ пришлось быть у одного моего товарища, жившаго въ Москвѣ и бывшаго тамъ товарищемъ прокурора окружнаго суда. Вернувшись въ С.-Петербургъ, я написалъ ему коротенькое письмо, въ которомъ были, между прочимъ, слѣдующія фразы:

„Вчера утромъ спохватился, что забылъ свой документъ, онъ былъ мнѣ необходимъ, къ счастью, у меня есть еще два вида на жительство, взялъ одинъ изъ нихъ и преспокойно получилъ по нему деньги въ банкѣ“.

„Ксавье“.

Товарищъ мой, получивши отъ меня письмо, по разсѣянности вложилъ его въ разсматривавшееся имъ въ то время дознаніе по Коломенскому уѣзду, послѣ чего послалъ дознаніе приставу города Коломны. Черезъ недѣлю письмо мое было ему возвращено: оно было подшито къ конверту, въ которомъ было отправлено въ Коломну дознаніе (конвертъ былъ за № 1220) и сюда былъ приложенъ рапортъ пристава.

М. В. Д.
Полицейскаго пристава
города Коломны.
Ноября 29 дня 1899 года
№ 5263.

Секретно.
Его Высокородію
Г. Товарищу Прокурора
Московскаго Окружнаго Суда
по Коломенскому и Бронницкому уѣздамъ.

РАПОРТЪ.

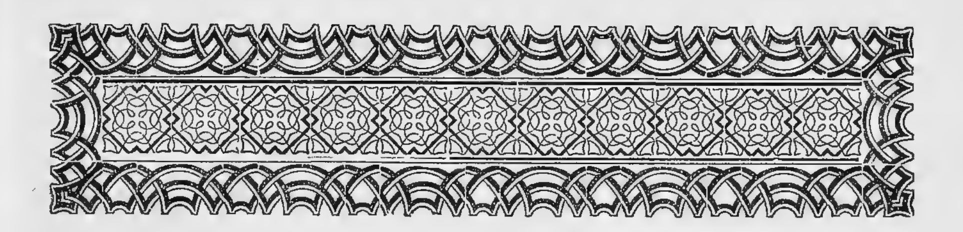
Имѣю честь при семъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокородія конвертъ за № 1220, въ которомъ, кромѣ дознанія по дѣлу Горболева, оказалось, видимо ошибочно вложенное письмо (карточка), за подписью „Ксавье“, въ которомъ дѣлается авторомъ письма намекъ на преступное его дѣйствіе, —каковое также при семъ прилагается.

Приставъ (подпись).

Сообщилъ Н. К.

С.-Петербургъ.

По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевыя впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. [1].

(Окончаніе).

VIII.

Посѣщеніе университета.—Каталогъ греческихъ рукописей.—Продажа готовыхъ срубовъ.—Быстрота, съ какою строятся деревянные дома.—Поѣздка въ Троицкую Лавру.—Наши злоключенія по пути.

Изъ архива мы отправились въ университетъ, который находится въ Китай-городѣ; онъ основанъ по инидіативѣ графа Шувалова императрицей Елисаветой Петровной, и разсчитанъ на 600 студентовъ, которымъ дается помѣщеніе и полное содержаніе отъ казны. Насъ приняли съ большимъ почетомъ директоръ и профессора и повели насъ въ типографію. Она въ то время работала и при насъ отпечатали нѣсколько листовъ, на англійскомъ и русскомъ языкахъ, которые намъ поднесли на память, какъ образчикъ русскаго книгопечатанія; на одномъ изъ нихъ было напечатано слѣдующее:

„Сіе тисненіе печати Россійской поднесено высокопочтеннѣйшему лорду Герберту въ его путешествованіи чрезъ Россію съ капитаномъ Флойдомъ и господиномъ Коксомъ въ то время, когда они удостоили своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ императорскій Московскій университетъ. Сентября 1 дня 1778 года“.

Изъ типографіи мы прошли въ университетскую библіотеку, которая содержитъ очень ограниченное число книгъ. Прощаясь со мною, директоръ подарилъ мнѣ грамматику татарскаго языка и каталогъ греческихъ рукописей, находящихся въ книгохранилищѣ

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1907 г.

Св. Синода и годовое расписаніе лекцій, читаемыхъ въ Московскомъ университетѣ, подъ заглавіемъ: „Catalogus praelectionum publicarum in Universitate caesarea Mosquensi habendarum" [1]).

Каталогъ греческихъ рукописей, хранящихся въ синодальной библіотекѣ, озаглавленъ: „Notitia codicum manuscriptorum Graecorum Bibliothecarum Mosquensium sanctissimae Synodi Ecclesiae orthodoxae Graeco-Russicae, cum variis anecdotis, tabulis aeneis et indicibus locupletissimis. Edit Christianus Fredericus Matthaei, gymnasorum Universitatis Mosquensis rector. Mosquae, typis Universitaris. Anno 1776". Онъ составленъ ученымъ нѣмцемъ, изъ Лейпцига, Маттаемъ, ученикомъ знаменитаго Эрнести. Приглашенный въ Москву императрицей Екатериной II, онъ читаетъ лекціи въ университетѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, онъ занялся греческой литературой и разобралъ любопытную коллекцію греческихъ рукописей, хранящихся въ синодальной библіотекѣ, большая часть коихъ собрана по указанію патріарха Никона Арсеніемъ,—монахомъ изъ Аѳонскаго монастыря.

Такъ какъ каталогъ этихъ рукописей, изданный первоначально по повелѣнію Петра Великаго, былъ составленъ весьма неточно, то князь Потемкинъ, большой любитель древней письменности, предложилъ Маттаи выполнить эту работу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Маттаи выпустилъ въ 1776 г. первую часть своего труда, содержащую подробное описаніе 51 рукописи, съ критическими къ нимъ примѣчаніями. Имъ описанъ обстоятельно весь матеріалъ, на основаніи котораго писалась каждая рукопись, когда и кѣмъ она была написана, ея содержаніе, число страницъ и пр.

Предполагается издать, такимъ образомъ, съ небольшими промежутками полный каталогъ рукописей, но такъ какъ эта работа займетъ нѣсколько лѣтъ, то Маттаи издалъ пока сокращенный каталогъ, съ соотвѣтствующимъ предисловіемъ.

Москва составляетъ центръ внутренней торговли Россіи. Почти вся торговля сосредоточена въ Китай-городѣ, гдѣ согласно обычаю, существующему въ Россіи, какъ и въ большей части государствъ Востока, всѣ лавки и склады сосредоточены въ одномъ мѣстѣ.

Среди достопримѣчательностей Москвы надобно упомянуть о рынкѣ, гдѣ торгуютъ готовыми домами. На одномъ изъ предмѣстій, подъ открытымъ небомъ разставлены на землѣ совсѣмъ готовые

---

[1]) Программа эта не приводится Коксомъ цѣликомъ о нѣкоторыхъ преподавателяхъ онъ не упоминаетъ вовсе, фамиліи другихъ перевираетъ и вообще его извлеченіе настолько сбивчиво, что оно не представляетъ интереса, поэтому мы его опускаемъ.

дома. Кому нуженъ домъ, тотъ отправляется на этотъ рынокъ, заявляетъ о томъ, сколько ему нужно комнатъ, осматриваетъ срубы и сторговываетъ подходящій домъ, и либо перевозитъ его самъ на мѣсто, либо покупаетъ его съ условіемъ, что домъ будетъ перевезенъ и поставленъ на мѣсто. Можетъ показаться невѣроятнымъ, что такимъ образомъ домъ можетъ быть купленъ, перевезенъ на мѣсто и приспособленъ для жилья въ теченіе одной недѣли; это дѣлается такъ просто потому, что такіе дома представляютъ не что иное, какъ простые срубы и ихъ, по перевезеніи на мѣсто, остается только скрѣпить.

Впрочемъ, столь упрощеннымъ способомъ строятся не однѣ избы; и болѣе обширные деревянные дома съ красивыми фасадами строятся съ такой быстротою, которая поражаетъ иностранца.

Замѣчательнымъ примѣромъ такой быстрой постройки можетъ служить зданіе, сооруженное во время послѣдняго посѣщенія Москвы Императрицей Екатериной II. Ея Величество выразила желаніе остановиться въ домѣ князя Голицына, который считается самымъ благоустроеннымъ домомъ въ столицѣ; но такъ какъ онъ былъ слишкомъ малъ для помѣщенія государыни и ея свиты, то недѣль въ шесть, не болѣе, была сооружена деревянная пристройка, превосходившая размѣрами самый домъ, съ цѣлымъ рядомъ великолѣпныхъ комнатъ. Это зданіе, сооруженное съ быстротою молніи, оказалось столь красиво и удобно, что матеріалъ, изъ котораго онъ сооруженъ, былъ употребленъ впослѣдствіи на постройку императорскаго загороднаго дворца, стоящаго на небольшой возвышенности въ окрестностяхъ города.

Я видѣлъ въ Москвѣ остроумное приспособленіе, устраиваемое съ цѣлью не допускать скопленія толпы въ случаѣ бунта или для остановки уличнаго движенія при пожарахъ, весьма частыхъ въ городѣ, гдѣ большая часть домовъ деревянные и мостовая бревенчатая. Въ началѣ улицы устанавливается особаго вида рогатка т. наз. chevaux-de-frize (Spanischer Reiter); одинъ конецъ ея вращается на оси, а другой скользитъ по колесу; подлѣ нея стоитъ будка для часового. Какъ только начинается народное волненіе или на улицѣ собирается большая толпа, рогатку тотчасъ запираютъ и движеніе на улицѣ прекращается моментально.

Въ Россіи такъ распространена игра въ шашки, что въ бытность мою въ Москвѣ, гдѣ бы мнѣ ни случалось быть въ гостяхъ, я видѣлъ вездѣ играющихъ въ шашки; проходя по улицѣ, нерѣдко случалось видѣть купцовъ или простолюдиновъ, которые играли около своихъ лавокъ или у воротъ домовъ. Играютъ иногда вчетверомъ, для чего имѣются болѣе длинныя доски съ большимъ

числомъ квадратовъ. Мнѣ говорили, что эта игра труднѣе обыкновенной, но болѣе интересна [1]).

Намъ не хотѣлось уѣхать изъ Москвы, не видавъ Троицкой Лавры, извѣстной въ лѣтописяхъ русской исторіи, какъ мѣсто убѣжища русскихъ царей во время народныхъ волненій.

Такъ какъ монастырь этотъ находится въ сорока миляхъ отъ Москвы, то мы велѣли подать почтовыхъ лошадей въ пять часовъ утра, надѣясь вернуться въ тотъ же день. Мы разсчитывали, что намъ будетъ вполнѣ достаточно для этой поѣздки одного дня, но въ незнакомой странѣ постоянно случаются разныя препятствія, которыхъ человѣкъ, не знающій мѣстныхъ обычаевъ, не въ состояніи предусмотрѣть; незнакомство съ разными мелочами, которыя можно было бы устранить, если бы мы были лучше освѣдомленными, причинило намъ не мало непріятностей и заставило насъ пробыть въ дорогѣ не одинъ и не два, а цѣлыхъ три дня.

Мы встали въ пять часовъ; но вышла задержка изъ-за почтовыхъ лошадей, которыхъ намъ дали съ большимъ трудомъ, несмотря на то, что подорожная была подписана губернаторомъ, и мы надоѣдали станціонному смотрителю, посылая къ нему одного посланнаго за другимъ. Дѣло въ томъ, что такъ какъ плата за почтовыхъ лошадей не велика, то ихъ владѣльцы могутъ съ большей выгодой употреблять ихъ для другихъ надобностей, и поэтому иностранца конечно заставляютъ ждать, если только съ нимъ не ѣдетъ русскій солдатъ, который заставитъ станціоннаго смотрителя исполнить требованія путешественниковъ. Наши знакомые очень совѣтовали намъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ и, надобно сознаться, что мы поступили весьма необдуманно, пренебрегши ихъ совѣтомъ, о чемъ впослѣдствіи очень сожалѣли.

Прождавъ лошадей цѣлыхъ девять часовъ, мы были счастливы, когда въ два часа по полудни, намъ были наконецъ поданы лошади. Усѣвшись въ карету, мы надѣялись доѣхать безъ остановки до первой почтовой станціи, гдѣ мы должны были смѣнить лошадей, но ямщикъ, отъѣхавъ четыре версты, остановился въ первой же деревнѣ и наотрѣзъ отказался везти насъ далѣе. Напрасно показывали мы ему подорожную; онъ утверждалъ, что она даетъ намъ право только получать лошадей отъ деревни до деревни; основываясь на этомъ, онъ безъ дальнѣйшихъ церемоній уѣхалъ обратно

---

[1]) Здѣсь опущено описаніе воспитательнаго дома, о которомъ Коксъ отзывается съ восторгомъ, такъ какъ описаніе это приведено дословно въ его статьѣ „Тюрьмы и госпиталя въ Россіи въ XVIII вѣкѣ“, см. „Русская Старина“, 1907 г. іюль, стр. 34—36.

въ Москву. Цѣлыхъ два часа пришлось намъ употребить на то, чтобы, при помощи нашего переводчика-цыгана, убѣдить крестьянъ дать намъ лошадей; они довезли насъ опять только до ближайшей деревни, гдѣ снова пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, спору и обѣщаніямъ.

Такимъ образомъ, споря и ссорясь, ѣхали мы отъ деревни до деревни,—которыя, къ несчастью, были довольно часты въ этой мѣстности, и только къ полуночи добрались до деревни Клизмы, въ 17 верстахъ отъ Москвы, гдѣ переночевали въ одной избѣ. Такъ какъ нашъ слуга употребилъ большую часть ночи на переговоры съ крестьянами, убѣждая ихъ дать намъ по утру лошадей, то намъ удалось выѣхать на другой день чуть не на разсвѣтѣ и къ восьми часамъ утра мы были въ Бретовщинѣ, на полпути къ Лаврѣ.

Тутъ насъ ожидалъ курьеръ князя Волконскаго, любезно посланный имъ впередъ, чтобы приготовить намъ лошадей и сопровождать насъ до монастыря: опытъ предыдущаго дня заставилъ насъ вполнѣ оцѣнить эту любезность.

Въ Бретовщинѣ мы осматривали дворецъ, построенный Алексѣемъ Михайловичемъ, въ которомъ онъ часто жилъ; это продолговатое одноэтажное зданіе, окрашенное въ желтый цвѣтъ, состоитъ изъ ряда небольшихъ, низкихъ комнатъ. Въ этомъ дворцѣ (если только онъ заслуживаетъ этого названія) долгое время никто не жилъ. Императрица Екатерина II, которой понравилось мѣстоположеніе дворца, рѣшила, въ память отца Петра Великаго, построить тутъ новый большой каменный дворецъ, для котораго уже заготовлены матеріалы.

Вернувшись въ деревню, мы приказали подать лошадей и были очень довольны, когда наше приказаніе было немедленно исполнено: нашъ военный спутникъ оказался намъ весьма полезнымъ, ибо какъ только начинались обычныя препирательства и брань между крестьянами, онъ тотчасъ пускалъ въ ходъ свое оружіе, и его способъ убѣжденія оказался краснорѣчивѣе самыхъ трогательныхъ нашихъ увѣщаній. Мужики видимо привыкли къ подобнаго рода внушеніямъ, такъ какъ они переносили ихъ терпѣливо и крайне добродушно; ямщикъ, получивъ тумака, садился на козлы и принимался какъ ни въ чемъ не бывало пѣть и посвистывать.

Троицкая Лавра походитъ издали на небольшой городокъ и, подобно многимъ монастырямъ, обнесена высокими каменными стѣнами съ башнями, въ которыхъ продѣланы амбразуры для ружей и пушекъ. Все укрѣпленіе обнесено глубокимъ рвомъ.

Кромѣ монастырскихъ келій, въ оградѣ Лавры находится царскій дворецъ и девять большихъ церквей, сооруженныхъ различ-

ными царями. По бокамъ двора тянутся кельи, въ настоящее время слишкомъ просторныя для братіи, которой было прежде до 300 человѣкъ.

Дворецъ, куда русскіе цари часто наѣзжали въ то время, когда Москва была столицею, невеликъ; въ одной изъ комнатъ лѣпныя украшенія изображаютъ главныя дѣянія Петра Великаго. Всѣ девять церквей великолѣпны; главный куполъ собора позолоченъ; четыре другія меньшія главы покрыты листовымъ желѣзомъ, окрашеннымъ въ зеленую краску. Мы поднялись на новую колокольню, построенную при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ довольно красивомъ стилѣ. Съ нея открывается обширный видъ на окрестную холмистую мѣстность, усѣянную деревнями.

Такъ какъ архимандрита не было дома, то намъ не удалось осмотрѣть библіотеку, о чемъ мы очень сожалѣли, ибо по описанію Бюшинга она содержитъ весьма любопытную коллекцію книгъ.

IX.

Тверь, отстраивающаяся послѣ пожара.—Штрафъ, наложенный на баржи.—Небрежность русскихъ кузнецовъ.—Вышній Волочекъ.—Частоколы.—Гуртовщики.—Характеръ мѣстности и населеніе Новгородской губерніи.—Любовь народа къ пѣнію.—Грустное впечатлѣніе, произведенное Новгородомъ.—Дорога отъ Новгорода до Петербурга.

Мы оставили Москву 14 сентября. Мѣстность, по которой намъ пришлось ѣхать, кое-гдѣ поросла лѣсомъ. Переночевавъ въ деревнѣ Парской, какъ обыкновенно въ крестьянской избѣ, мы взяли на слѣдующее утро свѣжихъ лошадей въ Клину, лежащемъ на широкой рѣкѣ Сестрѣ. Эта деревня недавно выгорѣла, и крестьяне вновь отстраивались; по близости мы видѣли пильную яму,—вещь столь необычайную въ этой странѣ, что нельзя было не обратить на нее вниманія. Миновавъ заводы, мы переправились черезъ небольшую рѣчку и очутились вскорѣ на берегу Волги. На слѣдующее утро, увидавъ, что одно изъ колесъ нашего экипажа готово было разсыпаться, мы оставили его на попеченіе нашего слуги и наняли кибитки, въ которыя наложили для насъ сѣна. Послѣ довольно утомительнаго пути мы добрались до гор. Твери, расположеннаго очень красиво на высокомъ берегу Волги.

Тверь раздѣляется на старый и новый городъ. Старый городъ, лежащій по ту сторону Волги, состоитъ изъ деревянныхъ избъ. Новый городъ, до огромнаго пожара, истребившаго его въ 1763 г., былъ немногимъ лучше, но теперь обстраивается на деньги, пожертвованныя императрицей, по новому плану, набросанному однимъ

извѣстнымъ архитекторомъ; на казенный счетъ построены дома для губернатора, епископа, зданіе суда, биржа, тюрьма и другія общественныя зданія; всякому, желающему построить каменный домъ, выдается на двѣнадцать лѣтъ безпроцентная ссуда въ размѣрѣ 300 ф. ст. (3.000 руб.). Такимъ образомъ роздано въ ссуду до 60.000 ф. ст.; до сихъ поръ возвращена только третья часть этой суммы. Широкія, длинныя улицы расходятся изъ центра радіально: каменные выштукатуренные дома очень красивы. Пока отсроена только часть новаго города; когда распланировка его будетъ окончена, то онъ будетъ представлять два восьмиугольника, къ которымъ идетъ нѣсколько улицъ, пересѣкающихся подъ прямыми углами; эта часть города могла бы служить украшеніемъ самой богатой и цивилизованной страны.

Въ Твери есть духовная семинарія на 600 воспитанниковъ. Въ 1776 г. по повелѣнію императрицы основана школа для дѣтей мѣщанскаго сословія на 200 учениковъ, а въ 1779 г. открытъ дворянскій институтъ.

Тверь благодаря своему положенію при сліяніи двухъ рѣкъ, по которымъ товары идутъ изъ Сибири и изъ южныхъ губерній въ Петербургъ, ведетъ значительную торговлю. На Волгѣ и на Тверцѣ мы видѣли довольно много судовъ. Въ 1776 г. мимо Твери прошло 2.537 барокъ; въ 1777 г.—2.641; среднимъ числомъ ихъ проходитъ ежегодно около 2.550. Барки эти плоскодонныя и строятся изъ новыхъ досокъ только на одно плаваніе; въ Петербургѣ онѣ продаются на сломъ.

Я уже говорилъ, какъ много дерева тратится въ Россіи даромъ отъ того, что тутъ существуетъ обычай обдѣлывать доски только при помощи топора. Корабельные плотники работаютъ однимъ топоромъ, также какъ крестьяне: для того, чтобы заставить ихъ употреблять другіе инструменты, былъ изданъ указъ, въ силу котораго всякое судно, проходящее мимо Твери, облагается штрафомъ въ 60 р., если въ немъ хоть одна доска будетъ обдѣлана топоромъ. Въ первый годъ по изданіи этого указа было собрано 600.000 р. штрафа, во второй—15.000; въ третій 1.000, а на четвертый годъ ничего. Такимъ образомъ благодаря этой остроумной мѣрѣ, корабельные плотники научились работать пилою, которая, по всей вѣроятности, войдетъ со временемъ въ употребленіе у обыкновенныхъ плотниковъ и у крестьянъ.

Развитіе торговли замѣтно отразилось на благосостояніи города. Въ немъ насчитываютъ въ настоящее время 10.000 жителей; населеніе губерніи также замѣтно увеличилось. Это служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, какую пользу принесъ странѣ новый

сводъ законовъ. Онъ былъ введенъ впервые въ Тверской губерніи, и она уже воспользовалась его плодами.

Такъ какъ Тверь большой городъ, то мы полагали, что намъ хорошо починятъ экипажъ, и что намъ удастся хоть два или три дня ѣхать безъ остановки. Положившись на искусство русскаго кузнеца, мы выѣхали въ шесть часовъ вечера, предполагая, что доѣдемъ часа въ четыре до ближайшей станціи, гдѣ мы предполагали ночевать; но, проѣхавъ всего 10 верстъ, мы замѣтили, что наше колесо не только не было укрѣплено, но напротивъ расхлябалось еще больше, и намъ пришлось остановиться въ маленькой деревушкѣ, гдѣ однако никто не могъ починить намъ колеса и даже нельзя было достать сальной свѣчки, чтобы смазать ось, которая постоянно загоралась; такъ какъ до ближайшаго мѣстечка, гдѣ можно было достать новое колесо, оставалось 60 верстъ, то мы благоразумно рѣшили вернуться въ Тверь. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что эта задержка дала намъ возможность лучше изучить городъ и его окрестности. Мы остановились въ той же самой гостиницѣ, содержимой нѣмцемъ, изъ которой мы только-что уѣхали. Она помѣщалась въ одномъ изъ вновь отстроенныхъ прекрасныхъ каменныхъ домовъ, но въ ней не было почти никакой мебели и даже кроватей.

На слѣдующій день мы совершили очень пріятную прогулку въ окрестностяхъ города и не разъ останавливались, чтобы полюбоваться на прелестный видъ новаго города, горделиво возвышавшагося на крутомъ берегу Волги.

Сентября 19. Пріобрѣтя, наконецъ, новое колесо, мы отправились въ путь послѣ полудня и къ вечеру были въ Торжкѣ. Это большой, раскинутый городъ, состоящій преимущественно изъ деревянныхъ лачугъ и нѣсколькихъ каменныхъ общественныхъ зданій, построенныхъ за послѣднее время на казенныя средства.

Хотя Торжокъ находится всего въ 40 верстахъ отъ Твери, но мы считали большимъ счастьемъ, что намъ удалось доѣхать до него безъ приключеній. Но на другой день намъ не повезло: у нашей злополучной кареты сломалась ось, и мы должны были снова пересѣсть въ кибитку, въ которой доѣхали до Вышняго-Волочка.

Селеніе Вышній-Волочекъ, наименованное городомъ императрицей Екатериной II и получившее довольно значительныя привилегіи, уже начало процвѣтать—жители, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, занялись торговлею. Въ Волочкѣ всѣ зданія деревянныя, за исключеніемъ судебныхъ учрежденій, построенныхъ на деньги, данныя Императрицей.

Починивъ свой экипажъ, мы выѣхали 26 числа изъ Вышняго-Волочка по длинной гати, проложенной по обширнымъ болотамъ, гдѣ

на каждомъ шагу встрѣчались полуразвалившіеся мосты безъ перилъ. Здѣсь я видѣлъ нѣсколько деревень, полей и садовъ, обнесенныхъ деревянными частоколами, высотою около двѣнадцати футъ, которые представляли живописное зрѣлище. Обычай огораживать деревню частоколомъ существуетъ издавна; есть старый, уже отмѣненный законъ, предписывавшій крестьянамъ, подъ страхомъ наказанія кнутомъ, обносить города и деревни частоколами. До изобрѣтенія пороха эти частоколы играли роль защиты противъ разбойничьихъ набѣговъ татаръ, и такъ какъ русскій народъ очень приверженъ къ стариннымъ обычаямъ, то этотъ обычай сохранился до сихъ поръ.

Мѣстность, по которой мы ѣхали, на довольно большомъ пространствѣ была болотистая, поросшая лѣсомъ; деревни стояли на песчаныхъ возвышенностяхъ, выступавшихъ изъ болота. Мы переночевали въ Холиловѣ, небольшой деревушкѣ, незадолго передъ тѣмъ выгорѣвшей почти до тла. Нѣтъ ничего удивительнаго, что пожары составляютъ тутъ обычное явленіе, такъ какъ всѣ избы деревянныя и большая часть крестьянъ, подобно крестьянамъ въ Польшѣ, употребляютъ, вмѣсто свѣчей, длинныя лучины, съ которыми они расхаживаютъ по всему дому и ходятъ даже на сѣновалъ, не соблюдая ни малѣйшей осторожности. На слѣдующее утро оказалось, что вслѣдствіе крайне плохой дороги, наше новое колесо опять грозило развалиться, и мы были вынуждены остановиться, чтобы починить его.

24 числа, послѣ полудня, мы пріѣхали въ Бронницу, деревню, лежащую на берегу Мсты, въ 20 верстахъ отъ Новгорода, и остановились въ домѣ священника, который ничѣмъ не отличался отъ прочихъ избъ, но былъ чистый и уютный, такъ какъ въ немъ была печь. Священникъ былъ одѣтъ не въ рясѣ, а въ крестьянской рубахѣ, отличаясь отъ крестьянъ только своими длинными волосами. Онъ, его жена и вся семья были заняты приготовленіемъ икры изъ рыбы, которая ловится въ большомъ количествѣ во Мстѣ.

Въ разстояніи двухъ верстъ отъ деревни, среди равнины возвышается полукруглый песчаный холмъ, подошва котораго была усѣяна кусками краснаго и сѣраго гранита. На этомъ холмѣ стоитъ каменная церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ языческія времена стоялъ идолъ.

Мы видѣли по пути многочисленныя стада быковъ, которыхъ гнали въ Петербургъ, по большей части изъ Украйны. Во время этого долгаго пути погонщики рѣдко заходятъ ночевать куда-либо въ домъ: ихъ скотъ кормится, пощипывая траву по бокамъ дороги; въ дурную погоду они не имѣютъ куда укрыться отъ непогоды и ищутъ защиты подъ деревьями. Вечеромъ царящая кругомъ ти-

шина нарушалась мычаніемъ быковъ и пѣснями погонщиковъ; мракъ лѣсовъ освѣщался пламенемъ многочисленныхъ костровъ, вокругъ которыхъ сидѣли и лежали погонщики: одни варили кушанье, другіе спали на голой землѣ. По одеждѣ и манерамъ они походили на кочующую орду татаръ.

Дорога отъ Москвы до Петербуга, на протяженіи 500 верстъ, тянулась по прямой линіи въ видѣ лѣсной просѣки и производила своимъ однообразіемъ томительное впечатлѣніе. По обѣимъ сторонамъ дороги лѣсъ былъ расчищенъ шаговъ на 40 — 50; изрѣдка попадались деревни.

Дорога была устлана бревнами, уложенными поперекъ и скрѣпленными по серединѣ и по бокамъ длинными жердями, прибитыми деревянными гвоздями; на эти стволы набросаны вѣтви, и все это засыпано пескомъ или землею. Только-что исправленная дорога замѣчательно хороша, но когда бревна подгніютъ или вдавятся въ землю, а песокъ и землю снесетъ дождемъ, то образуются многочисленные ухабы, и легче себѣ представить, нежели описать, какіе толчки получаетъ экипажъ, подпрыгивая по обнаженнымъ бревнамъ. Дорога во многихъ мѣстахъ представляетъ непрерывный рядъ рытвинъ и ухабовъ, какихъ мнѣ не приходилось видѣть на самой плохой мостовой.

Деревни на этомъ пути очень похожи одна на другую и состоятъ изъ одной улицы съ деревянными избами, хорошо приспособленными для здѣшняго суроваго климата. Всѣ дома имѣютъ продолговатую форму; къ избѣ неизмѣнно примыкаетъ сарай съ навѣсомъ.

Насколько я замѣтилъ, въ Россіи крестьяне почти не имѣютъ кроватей; во всѣхъ избахъ, въ которыя я входилъ, я видѣлъ всего на всего двѣ кровати, и на каждой изъ нихъ лежало по двѣ женщины. Вся семья спитъ обыкновенно на полу, на полатяхъ или на печкѣ, съ которой свѣшиваются ихъ ноги и голова; намъ, никогда не видавшимъ подобнаго зрѣлища, ежеминутно казалось, что они свалятся на полъ. Въ тѣсной избѣ жило иногда до двадцати человѣкъ, что̀ при жарко натопленной печи дѣлало комнату невыносимо жаркой; эту жару и удушающее зловоніе едва можно было переносить. Дѣло обстояло еще хуже въ курныхъ избахъ, гдѣ къ тяжелому запаху присоединяется дымъ. Когда мы отворяли дверь, чтобы освѣжить избу, то врывалась такая струя холоднаго воздуха, что мы предпочитали жару и духоту рѣзкому сѣверному вѣтру.

Въ каждой избѣ были подвѣшены къ потолку, по серединѣ, сосудъ со св. водой и лампада, которую зажигаютъ по большимъ праздникамъ; иконы, грубо написанныя на деревѣ, большею частью не имѣли никакого человѣческаго подобія.

Въ обращеніи другъ съ другомъ крестьяне, въ этой мѣстности, очень вѣжливы, при встрѣчѣ тотчасъ снимаютъ шапки и кланяются. Разговаривая, они сильно размахиваютъ руками, а въ разговорѣ съ людьми, выше ихъ стоящими, держатъ себя очень унизительно и низкопоклонно: встрѣтивъ барина, они кланяются въ поясъ и иной разъ даже стукаютъ лбомъ о землю. Мы бывали поражены, когда намъ оказывали такого рода чисто восточные знаки почтенія, не только нищіе, просившіе милостыни, но даже дѣти, а иной разъ и взрослые крестьяне.

Въ наружности новгородскихъ крестьянъ насъ поразила съ перваго взгляда толщина ихъ ногъ, но потомъ оказалось, что помимо двухъ паръ шерстяныхъ чулокъ, они укутываютъ ноги, лѣтомъ и зимою, шерстяными и холщевыми онучами, въ нѣсколько аршинъ длиною, и на все это натягиваютъ еще громадные сапоги.

Крестьяне тутъ хорошо одѣты и хорошо питаются: обычную ихъ пищу составляетъ ржаной хлѣбъ, — изрѣдка бѣлый, овощи, грибы, разнаго рода пироги, свинина, соленая рыба, похлебка, сильно приправленная лукомъ и чеснокомъ. Особенно поразило насъ огромное количество употребляемыхъ тутъ грибовъ; въ каждой избѣ ихъ были большіе запасы; рынки были ими завалены.

Отсталость русскаго народа отъ всѣхъ другихъ европейскихъ націй поражаетъ самаго поверхностнаго наблюдателя; однако, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Петербургу, деревни становились несравненно лучше тѣхъ, какія мы видѣли по пути отъ Смоленска до Москвы: избы были просторнѣе, лучше устроены, окна бо́льшихъ размѣровъ, курныхъ избъ меньше, но, несмотря на эти несомнѣнные знаки усиливающейся цивилизаціи, насъ поражали также признаки самаго грубаго варварства.

Во время моего путешествія я былъ пораженъ удивительной любовью русскаго народа къ пѣнію. Крестьяне, исполнявшіе обязанность ямщиковъ, взобравшись на козлы, тотчасъ начинали напѣвать и пѣли, не переставая, нѣсколько часовъ; ямщики поютъ отъ начала станціи до конца; солдаты поютъ во время похода; крестьяне поютъ во время работы; кабаки оглашаются пѣснями; не разъ, среди вечерней тишины, я слышалъ, какъ неслись пѣсни изъ окрестныхъ деревень.

Около Бронницы мы переправились черезъ Мсту на паромѣ, сколоченномъ кое-какъ изъ семи или восьми бревенъ, на которомъ едва помѣщался экипажъ и пара лошадей; проѣхавъ нѣсколько верстъ по довольно болотистой мѣстности, мы увидѣли наконецъ Новгородъ. Издали онъ показался намъ очень красивымъ значительнымъ городомъ, благодаря множеству церквей и монастырей, но наши ожиданія не оправдались.

Ни одинъ городъ не производилъ на меня такого грустнаго впечатлѣнія, какъ Новгородъ,—по сравненію съ его былымъ величіемъ.

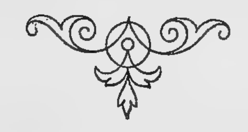
Въ настоящее время городъ обнесенъ землянымъ валомъ съ старыми башнями въ правильномъ другъ отъ друга разстояніи. Валъ занимаетъ незначительную окружность, но и тутъ много пустопорожней земли и нежилыхъ домовъ. За валомъ виднѣлись разбросанные монастыри и церкви, древній княжескій дворъ, и другія зданія, входившія нѣкогда въ черту обширной слободы, которая тянулась на нѣсколько верстъ, но въ данное время болѣе не существуетъ. Двѣ половины города, Торговая и Софійская, соединяются мостомъ, на половину каменнымъ, на половину деревяннымъ. Торговая сторона представляетъ собою безформенную массу деревянныхъ зданій и отличается отъ обыкновенной деревни только огромнымъ числомъ каменныхъ церквей и монастырей,—печальныхъ памятниковъ былого величія и благосостоянія Новгорода. Между тѣмъ какъ плохо обработанныя поля, обнесенныя высокимъ частоколомъ, и большія пространства земли, поросшія крапивой, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о настоящемъ упадкѣ города. Каменное зданіе, на краю города, воздвигнутое казною подъ канатную и парусную фабрику, и нѣкоторыя другія кирпичныя постройки казались особенно великолѣпными по сравненію съ окружающими лачугами.

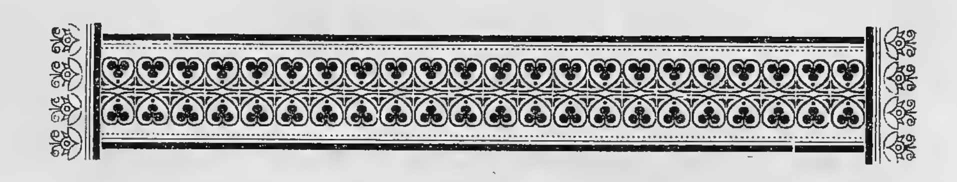
На Софійской сторонѣ находится соборъ св. Софіи, старый архіепископскій домъ, съ лѣстницей, придѣланной снаружи, новый дворецъ, еще не оконченный постройкою, и нѣсколько другихъ каменныхъ зданій; все остальное пространство представляетъ пустырь, поросшій крапивой и сорными травами съ развалившимися зданіями.

Хозяинъ гостиницы, въ которой мы остановились—нѣмецъ; его гостиница небольшая, но хорошо обставлена, съ кроватями, что составляетъ тутъ необычайную роскошь, которую мы съ трудомъ могли найти даже въ Москвѣ. Такъ какъ наша карета очень поломалась въ дорогѣ, то мы оставили ее въ Новгородѣ и продолжали путь въ кибиткахъ.

Дорога отъ Новгорода до Петербурга шла лѣсомъ по ровной и однообразной мѣстности, нигдѣ не было видно ни пригорка, ни долинки, и весьма мало воздѣланныхъ полей. Унылое однообразіе лѣсистой мѣстности прерывалось изрѣдка деревнями и отдѣльно стоящими домами. Послѣдняя деревня на этомъ пути, Ижора, гдѣ мы смѣнили лошадей, имѣла самый жалкій видъ, хотя она лежала всего въ 20 верстахъ отъ столицы; кругомъ тянулась такая же

унылая, мало населенная мѣстность, какою мы ѣхали все время. Но когда, верстахъ въ десяти отъ Ижоры, мы свернули вправо, картина мгновенно преобразилась; лѣсъ смѣнился обработанными полями, появились жилые дома, тряская дорога смѣнилась превосходнымъ шоссе съ гранитными верстовыми столбиками, а въ концѣ длинной просѣки виднѣлся Петербургъ—предметъ нашихъ давнихъ желаній и конецъ нашихъ странствованій!

Николай Ивановичъ Костомаровъ и его дѣятельность во время ссылки въ Саратовѣ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Въ былыя времена прошлаго вѣка Саратовъ слылъ такой далью, что для созданнаго безсмертнымъ Грибоѣдовымъ героя Фамусова городъ этотъ считался глушью, куда онъ мѣтилъ сослать свою заблудшую дочь. Такою репутаціею Саратовъ пользовался до начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда онъ пересталъ быть мѣстомъ ссылки непокорныхъ или несогласныхъ съ взглядами предержащихъ властей.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ истекшаго вѣка въ Саратовъ былъ сосланъ Н. И. Костомаровъ, послѣ долгаго его заключенія въ крѣпостномъ казематѣ, истязавшаго несчастнаго физически и нравственно. Прибывъ въ Саратовъ еще молодымъ человѣкомъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, Костомаровъ поселился въ убогой комнаткѣ-кельѣ и тотчасъ началъ трудиться, печатая свои труды въ „Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“, которыя до появленія его въ городѣ выходили два раза въ недѣлю и представляли собою ни что иное, какъ краткій перечень разнаго рода приказовъ, распоряженій мѣстнаго начальства, бюллютеней прихода и отхода пароходовъ, календарныхъ замѣтокъ и т. п. Редакторство такой газеты поручалось чиновнику особыхъ порученій при саратовскомъ губернаторѣ.

Въ то время саратовскимъ губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Кожевниковъ, сослуживецъ извѣстнаго въ свое время оренбургскаго генералъ-губернатора графа Перовскаго. Кожевниковъ, здраво смотрѣвшій на жизнь, благодаря своему уму, образованію и опытности, вдобавокъ самъ перетерпѣвшій много лишеній и непріятностей прежней своей военной службы,—просматривая „Саратовскія вѣдомости“, обратилъ вниманіе на содержательныя статейки безымяннаго автора. Ввиду этого губернаторъ постарался разъузнать фамилію автора и, по своей должности,

зная, что за человѣкъ былъ Костомаровъ и по какому поводу онъ попалъ подъ губернаторскій надзоръ, приказалъ пригласить его къ себѣ. Изъ ближайшаго знакомства Костомарова съ губернаторомъ послѣдній узналъ о бѣдствіи перваго и немедленно далъ ему возможность оправиться, назначивъ его отвѣтственнымъ редакторомъ „Саратовскихъ вѣдомостей“ за извѣстное вознагражденіе. Затѣмъ, усиленными ходатайствами въ Петербургъ, Кожевниковъ добился утвержденія Костомарова въ должности чиновника особыхъ порученій при канцеляріи губернатора, и такимъ образомъ нашъ историкъ не только вышелъ изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія, но сдѣлался неподнадзорнымъ, избавившись отъ бдительныхъ очей полиціи. При такой обстановкѣ Костомаровъ прожилъ въ Саратовѣ до начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда былъ взысканъ милостями, дозволившими ему перебраться въ Петербургъ, гдѣ онъ и занялъ мѣсто профессора русской исторіи въ университетѣ.

Будучи редакторомъ „Губернскихъ вѣдомостей“, Костомаровъ сдѣлалъ эту газету болѣе интересною помѣщеніемъ въ ней статей животрепещущихъ, отвѣчающихъ требованіямъ времени; этому способствовали какъ его личные труды, такъ и привлеченіе въ сотрудники такихъ лицъ, какъ Н. Г. Чернышевскій и Д. Л. Мордовцевъ, изъ которыхъ первый былъ тогда учителемъ саратовской гимназіи, а второй служилъ въ конторѣ иностранныхъ поселеній, завѣдывавшей въ то время попечительствомъ о нѣмецкихъ колоніяхъ Саратовской губерніи. Такое обогащеніе „Вѣдомостей“ хорошими сотрудниками и ихъ статьями способствовало газетѣ выходить не періодически, а ежедневно и значительно увеличило число подписчиковъ, что̀ возвысило и средства редакціи для увеличенія полезнаго значенія газеты.

Сердечныя отношенія между Костомаровымъ, Чернышевскимъ и Мордовцевымъ были неизмѣнными и по переѣздѣ ихъ въ Петербургъ; въ Саратовѣ же этотъ тріумвиратъ назывался духовно-просвѣтительнымъ, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности, такъ какъ на вечера, устраиваемые поочередно этими дѣятелями, приглашались учителя гимназіи и нѣкоторые ея ученики седьмого класса, извѣстные Чернышевскому за людей развитыхъ и интересующихся научными свѣдѣніями.

Причина ареста малоросса Костомарова въ Кіевѣ, увозъ его въ Петербургъ и заключеніе въ Петропавловскую крѣпость извѣстны всякому, знакомому съ его біографіей; здѣсь же необходимо упомянуть, что злоключенія по содержанію его въ крѣпостномъ казематѣ, темномъ, сыромъ и холодномъ, наполненномъ чужеядными насѣ-

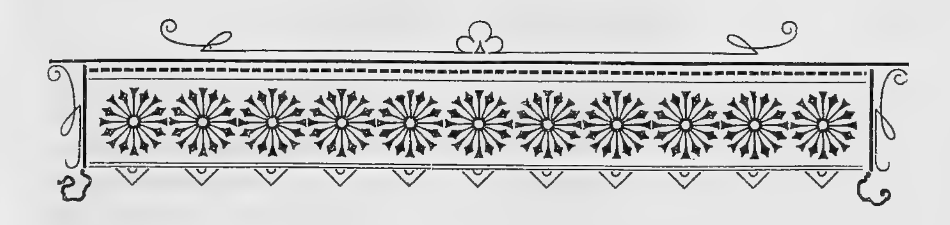
комымы и множествомъ крысъ, сильно подѣйствовали на его нервы и довели страдальца до галлюцинацій съ раздраженіемъ лицевыхъ мускуловъ; вслѣдствіе этого онъ произносилъ свою рѣчь съ передергиваніемъ лица и по временамъ затруднялся въ подборѣ словъ для выраженія своей мысли. Тѣмъ не менѣе Костомаровъ здраво мыслилъ усердно занимался своими историческими трудами и изслѣдованіями и въ то же время работалъ надъ улучшеніемъ содержательности „Вѣдомостей“.

Работѣ Костомарова по исторіи, кромѣ источниковъ, отысканныхъ имъ въ саратовской городской общественной библіотекѣ, помогли и тѣ знавшіе его друзья-ученые, которые во время пребыванія историка въ Саратовѣ, высылали ему все то, что онъ просилъ и что они сами находили нужнымъ для справокъ и свѣдѣній его. Квартира Костомарова была завалена массою книгъ, изъ которыхъ онъ черпалъ данныя, дополняя ихъ своими мыслями и сужденіями. Такимъ трудомъ Костомаровъ, будучи въ Саратовѣ, создалъ фоліанты собственноручнаго писанія, которые были взяты имъ съ собою при отъѣздѣ въ Петербургъ и служили ему подспорьемъ его профессорской дѣятельности. Добрѣйшій по натурѣ и готовый дѣлиться своими знаніями со всякимъ, въ этомъ нуждающемся, Костомаровъ немало работалъ совмѣстно съ Мордовцевымъ, помогая въ его изслѣдованіяхъ событій исторической русской жизни.

Когда въ Саратовѣ возникло пресловутое дѣло объ изчезновеніи русскихъ мальчиковъ - подростковъ и изуродованіи ихъ будто бы евреями для добыванія христіанской крови, якобы необходимой для приготовленія пасхальной мацы, то Костомаровъ съ жаромъ доказывалъ химерность такого предположенія и, несмотря на сомнѣнія губернатора въ справедливости мнѣнія нашего историка, съумѣлъ дать этому дѣлу тотъ ходъ, который, послѣ двухлѣтнихъ розысковъ и полицейскихъ разслѣдованій, показалъ нелѣпость затѣяннаго процесса, повлекшаго за собой два—три самозадушенія евреевъ, содержавшихся по этому дѣлу въ заключеніи.

Сообщилъ Ив. Вороновъ.

Къ исторіи сношеній Россіи съ Ватиканомъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича [1]).

Несмотря на полный разрывъ между церквами восточной и западной, совершившійся въ XI вѣкѣ, римскихъ папъ никогда не покидала мысль подчинить восточную церковь своей власти и обратить православный русскій народъ въ католическую вѣру; съ этой цѣлью Римомъ неоднократно дѣлались попытки къ сближенію съ Москвою; и несмотря на то, что всѣ онѣ, не исключая извѣстной миссіи Поссевина, кончались неудачею, папская курія не отказывалась отъ своихъ надеждъ, которыя въ Смутное время значительно оживились.

Увидѣвъ въ появленіи самозванца давно желанный случай осуществить завѣтную мечту папскаго престола, папа Климентъ VIII принялъ дѣятельное участіе въ его судьбѣ, но со смертью Димитрія, сношенія съ Римомъ окончательно прервались. „Между Кремлемъ и Ватиканомъ“, по образному выраженію о. Пирлинга, „подобно привидѣнію, стала окровавленная тѣнь Димитрія“; къ тому же поляки, сопутствовавшіе ему въ Москву, оставили по себѣ такія недобрыя воспоминанія, что русскіе, не терпѣвшіе вообще посторонняго вмѣшательства въ дѣлахъ вѣры, рѣшительнѣе прежняго стали уклоняться отъ сношеній съ латинянами.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій заботился только о сохраненіи своей власти, а молодая династія Романовыхъ была долгое время всецѣло поглощена внутреннимъ переустройствомъ государства.

Но въ Римѣ о Россіи не забывали; опасность, угрожавшая со стороны турокъ, и невозможность разсчитывать долѣе на помощь Польши, истощенной войнами, побуждали папу искать болѣе надеж-

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques, vol. IV. Paris. 1907 г.

наго союзника. Таковымъ могъ быть московскій царь. Въ этомъ смыслѣ нерѣдко давались инструкціи папскимъ нунціямъ. Въ 1657 г. папа Александръ II, узнавъ о томъ, что въ Венецію пріѣхалъ русскій посланникъ Чемодановъ, велѣлъ передать ему любезное приглашеніе посѣтить папскую столицу, но Чемодановъ, несмотря на двукратное приглашеніе не поѣхалъ въ Римъ, ссылаясь на то, что „въ царскомъ указѣ не было упомянуто о Римѣ, а безъ царскаго повелѣнія онъ ничего не воленъ дѣлать".

Въ то время папѣ не удалось завязать оффиціальныхъ сношеній съ Москвою. Они возстановились только благодаря частной иниціативѣ молодого ученаго кроата, Юрія Крижанича [1]), который увлекся мыслію объ уніи славянъ съ папскимъ престоломъ и обращеніи Россіи въ католическую вѣру и, несмотря на трудности, съ какими было сопряжено для иностранца путешествіе въ Московію, онъ дважды посѣтилъ ее, и несмотря на всевозможныя неудачи, до конца жизни преслѣдовалъ свою завѣтную мечту.

„Миссіонеръ-дилеттантъ, но миссіонеръ геніальный",—говоритъ о немъ Пирлингъ,—„прекрасный лингвистъ, знатокъ исторіи, географіи и этнографіи, музыкантъ, философъ и богословъ". Крижаничъ родился около 1618 года, въ бѣдной дворянской семьѣ, въ Кроатіи, изнемогавшей тогда подъ игомъ мусульманъ. „Видя съ дѣтства порабощеніе своего народа, молодой, пылкій патріотъ далъ себѣ слово поработать надъ его возрожденіемъ, поднять значеніе родного языка, выработать его формы, сохранить особенности его духа, то неуловимое „нѣчто", которое составляетъ сокровенную сущность народнаго генія, пробуждаетъ народное самосознаніе и сплачиваетъ людей". „Пробѣгая записки Антонія Поссевина „о Московскихъ дѣлахъ", попавшіяся ему въ руки во время пребыванія въ коллегіи, въ Болоніи, въ которыхъ Поссевинъ доказывалъ необходимость единенія славянъ и сближенія ихъ съ Римомъ,—Крижаничъ окончательно понялъ свое призваніе и проникся идеей Поссевина. Такъ какъ для успѣшнаго выполненія этой идеи нужна была спеціальная подготовка, то онъ рѣшилъ поступить въ коллегію

---

[1]) Свѣдѣнія о Крижаничѣ и о другомъ видномъ дѣятелѣ XVII вѣка, взявшемъ на себя роль посредника между Ватиканомъ и Москвою—шотландцѣ Менезіи, заимствованы о. Пирлингомъ главнымъ образомъ изъ пространныхъ изслѣдованій гг. Бѣлокурова и Чарыкова, но такъ какъ названныя изслѣдованія мало извѣстны публикѣ и къ тому же Пирлингъ дополняетъ сообщаемыя ими свѣдѣнія данными, почерпнутыми изъ иностранныхъ архивовъ, то мы познакомимъ читателей съ этими интересными данными, составляющими введеніе къ недавно вышедшему IV тому обширнаго труда Пирлинга, посвященнаго исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и папскаго престола. *В. Т.*

св. Аѳонасія и отправился съ этой цѣлью, въ исходѣ 1640 г. въ Римъ. Великолѣпно обставленная коллегія, основанная Григоріемъ XIII, предназначалась спеціально для грековъ, но въ нее принимали нѣсколько человѣкъ славянъ. Обученіемъ руководили іезуиты. По окончаніи курса молодые священники возвращались на родину и, поддерживая сношенія съ Римомъ, осуществляли такимъ образомъ цѣль, которую имѣли въ виду основатели коллегіи,—установить тѣсную связь между папскимъ престоломъ и народами Востока и возвратить славянъ въ лоно католической церкви при содѣйствіи мѣстнаго духовенства, проникнутаго идеей о необходимости уніи.

Подобное учрежденіе, по своей мысли, вполнѣ соотвѣтствовало видамъ Крижанича.

Вскорѣ по поступленіи въ коллегію, въ 1641 году, Крижаничъ представилъ Пропагандѣ записку, въ которой изложилъ, въ общихъ чертахъ, занимавшія его мысли и цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, поступая въ коллегію. Въ этомъ отношеніи, записка его имѣетъ первостепенное значеніе: это цѣлая программа дѣятельности, набросанная неопытной еще рукою будущаго поборника панславизма и миссіонера, любопытная тѣмъ, что онъ остался вѣренъ ей до конца; ни годы, ни жизненныя испытанія не заставили его измѣнить этой программѣ.

Но что же могъ писать выдающагося о Россіи молодой кроатъ, никогда не бывшій въ этой странѣ? Разумѣется, имѣя подъ рукою только сочиненія писателей 16 вѣка, Герберштейна, Поссевина, Олеарія, онъ имѣлъ о ней поверхностныя свѣдѣнія, но узнавъ изъ записокъ Поссевина, что „громадное множество славянскихъ племенъ отравлено схизмой“, онъ увлекся мыслію разрушить ихъ заблужденія и считалъ скудныя свѣдѣнія, вынесенныя имъ изъ чтенія упомянутыхъ авторовъ, вполнѣ достаточными, чтобы опредѣлить причину уклоненія русскихъ отъ „истинной вѣры“ и обсудить практическій способъ осуществленія своей мысли.

„Ихъ схизма,—писалъ Крижаничъ,—происходитъ не изъ того корня, изъ котораго родилась схизма грековъ, т. е. не изъ гордыни, стремящейся сравняться съ величіемъ римскимъ, и еще менѣе изъ жажды распущенной свободы, откуда произошли нѣкоторыя современныя ереси, такъ какъ эти люди (русскіе), по своей природѣ скорѣе избѣгаютъ власти, нежели жаждутъ ея, что очевидно изъ рѣдкости или полнаго отсутствія у нихъ бунтовъ“; „склонные къ покорности, привыкшіе къ деспотизму, они сдѣлались жертвою только своего невѣжества“. Отъ Византіи „они ничему не могли научиться, ихъ грубый и никому не понятный языкъ обрекалъ ихъ

на одиночество, тѣмъ болѣе, что они не довѣряли тѣмъ, кои могли бы служить имъ наставниками".

Въ этихъ словахъ кроется задняя мысль. Очевидно, автору записки нужно было именно объяснить такимъ образомъ причину зла, чтобы вывести изъ этого заключеніе, какимъ образомъ помочь горю.

Въ самомъ дѣлѣ, могло ли быть лучшее средство противъ невѣжества, какъ общеніе съ образованными людьми? Уже лѣтъ пятьдесятъ передъ тѣмъ, Поссевинъ настаивалъ на необходимости посылать въ Москву миссіонеровъ. То же средство превозноситъ и Крижаничъ.

Не считая русскихъ ни еретиками и ни схизматиками, но христіанами, „впавшими въ заблужденіе по простотѣ душевной", онъ полагалъ, что не было надобности „проповѣдывать имъ вѣру", ихъ нужно было лишь увѣщевать къ добродѣтелямъ, научить ихъ наукамъ и искусствамъ, „по введеніи каковыхъ было бы уже легкимъ дѣломъ указать имъ ихъ заблужденія и обманъ", и тогда соединеніе церквей совершилось бы само собою.

Предвидѣлъ ли Крижаничъ будущее значеніе Россіи и то положеніе, какое она заняла въ Европѣ, какъ бы то ни было, онъ первый провозгласилъ идею славянскаго единства и сдѣлалъ московскаго царя носителемъ коллективной національной чести.

Проникнутый этой мыслію, молодой миссіонеръ былъ готовъ работать подъ его покровительствомъ. Быть допущеннымъ къ московскому двору или, еще лучше, быть приглашеннымъ въ Россію самимъ царемъ,—вотъ къ чему онъ стремился.

Чтобы добиться этого приглашенія, онъ намѣревался написать „трудъ по христіанской исторіи", въ которомъ хотѣлъ изложить подробности объ успѣхахъ или упадкѣ вѣры христіанской среди славянскихъ народностей, поляковъ, богемцевъ, московитовъ, болгаръ, черкесовъ, хорватовъ, босняковъ и иныхъ, перевести какія-нибудь поучительныя и любопытныя книги, каковы, напримѣръ: „Церковная монархія" Цаморры и „Театръ міра" и съ этими книгами отправиться въ Константинополь или въ Смоленскъ и оттуда послать царю исторію съ какою-нибудь другою книгою, обѣщая прислать другія сочиненія впослѣдствіи.

Крижаничъ надѣялся, что, ознакомившись съ его книгою, царь пригласитъ его въ Кремль. Попавъ въ эту обѣтованную землю, ему оставалось бы только снискать благоволеніе царя. Какъ много у него было бы для этого средствъ! Къ его услугамъ была исторія, литература, грамматика, математика, всѣ искусства. „Онъ сталъ бы обучать царскихъ дѣтей иностраннымъ языкамъ, служилъ бы боярамъ

переводчикомъ и, наконецъ, настроивъ свою лиру, сталъ бы прозою и стихами воспѣвать хвалу царю"; болѣе того, съ дозволенія царя онъ мечталъ представить на сценѣ нѣкоторые подвиги ихъ святыхъ и князей.

Что касается политики, то онъ рѣшилъ не говорить о ней ни съ кѣмъ, дабы царь обращался за совѣтомъ къ нему лично. Дѣйствуя такимъ образомъ, отказываясь отъ почестей, которыя возбуждаютъ всегда зависть, и принимая подарки съ величайшей осмотрительностью, онъ разсчитывалъ снискать уваженіе и пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ царя. Тогда только онъ попытался бы приступить къ главному, дѣйствуя все-таки весьма осторожно.

„Наконецъ, послѣ столькихъ обходовъ и намековъ",—такъ заканчивалась записка,—надобно будетъ своевременно раскрыть царю настоящее намѣреніе; надо будетъ увѣщевать его начать войну противъ общихъ враговъ христіанъ,—турокъ, и если онъ воспламенится мечтами о такой славѣ, тогда слѣдуетъ намекнуть, что для этого будетъ недостаточно его подданныхъ безъ помощи западныхъ государей, такъ какъ москвитяне не знаютъ военнаго дѣла въ томъ совершенствѣ, въ какомъ оно въ ходу у католиковъ".

Если царь пожелаетъ, то онъ навѣрное получитъ отъ нихъ и мастеровъ дѣла, и помощь, и совѣты. Но для этого потребуется „предварительно религіозная унія съ ними", поэтому надобно будетъ „просить его разрѣшить пренія объ этомъ и разслѣдованіе истины".

Въ заключительныхъ строкахъ записки вылилась сокровенная мысль автора, его завѣтныя надежды; въ нихъ была тайна всей его дѣятельной жизни. Поглощенный яко бы всецѣло наукой, политикой и національными вопросами, онъ мечталъ въ сущности только объ одномъ—о соединеніи церквей; его дума была полна не интересами славянства, не объединеніемъ его, а привлеченіемъ славянъ въ лоно католической церкви.

Пропаганда не придала, въ то время, никакого значенія проектамъ Крижанича, да и можно ли было придавать значеніе фантазіи молодого, еще не доучившагося человѣка, мечтавшаго о завоеваніи цѣлой Имперіи?

По окончаніи курса, посвященный въ священническій санъ, Крижаничъ былъ назначенъ миссіонеромъ въ Валахію и въ исходѣ 1642 г. уѣхалъ изъ Рима, увозя съ собою свои первыя литературныя попытки и обширныя надежды.

Человѣкъ заурядный считалъ бы себя на верху блаженства, такъ какъ мѣсто приходскаго священника, полученное Крижаничемъ, было весьма выгодное и почетное; но пылкая душа Крижанича не могла этимъ удовлетвориться. Его приходъ казался ему тюрьмою;

воображеніе его работало, всѣ его помыслы были устремлены на сѣверъ.

Въ 1646 г. онъ обратился къ конгрегаціи Пропаганды съ просьбою отправить его для миссіонерской дѣятельности въ Москву.

Въ то время какъ его просьба была получена въ Римѣ, тамъ находился случайно смоленскій епископъ, Петръ Парчевскій; онъ согласился принять его въ свою епархію. Назначеніе въ Смоленскъ— пограничный съ Московіею городъ, было сочтено Крижаничемъ указаніемъ свыше.

Бодрый и веселый, онъ сдалъ свой приходъ и, захвативъ съ собою свои книги и рукописи, немедленно уѣхалъ, никому не сказавъ ни слова о своихъ намѣреніяхъ, ибо его называли сумасшедшимъ, какъ только онъ заикался о Москвѣ.

Радость Крижанича была однако непродолжительна; его ожидали безчисленныя разочарованія. Напрасно спѣшилъ онъ въ Вѣну, гдѣ епископъ назначилъ ему свиданіе. Парчевскій пробылъ въ Римѣ до конца 1646 года; они встрѣтились только въ Варшавѣ, куда Крижаничъ пріѣхалъ ранѣе его. Съ перваго же свиданія епископъ и молодой священникъ глубоко разочаровались другъ въ другѣ и увидѣли, что имъ невозможно было сойтись. Человѣкъ разсчетливый, практичный, не любившій тратить денегъ зря, при томъ въ высшей степени грубый, Парчевскій отнесся къ робко высказаннымъ планамъ Крижанича, какъ къ безумной, самонадѣянной затѣѣ, а молодой миссіонеръ, видя, что его не поняли, не рѣшился открыть ему своихъ дальнѣйшихъ плановъ и до поры до времени подчинился во всемъ волѣ своего епископа.

Въ Смоленскѣ Крижаничу пришлось жить при весьма плохихъ обстоятельствахъ, къ тому же онъ былъ лишенъ возможности продолжать свои любимыя занятія; у него не было книгъ, не было рукописей, которыя онъ могъ бы изучать, онъ не могъ обмѣняться мыслями съ знающими людьми, такъ какъ онъ встрѣчался только съ поляками, которые относились враждебно къ русскимъ и не интересовались его планами.

Не такъ представлялъ себѣ Крижаничъ свою будущую дѣятельность.

Онъ не долго выдержалъ эту жизнь и подалъ епископу прошеніе объ увольненіи его отъ мѣста.

Все еще мечтая о миссіонерской дѣятельности въ Московскомъ государствѣ, Крижаничъ рѣшилъ отправиться предварительно въ Вильно, чтобы прослушать въ тамошней іезуитской коллегіи курсъ математики и астрономіи, „дабы имѣть возможность разсуждать съ московскимъ царемъ объ исправленіи календаря и предложить себя ему для преподаванія математики“.

Для осуществленія этого плана, ему необходимы были деньги, и онъ обратился къ Пропагандѣ, но пока онъ ждалъ отвѣта, котораго, между прочимъ, онъ никогда не получилъ, ему представился случай отправиться въ Москву вмѣстѣ съ польскимъ посланникомъ Казиміромъ Пацомъ, который былъ посланъ къ царю съ оффиціальной миссіей.

Крижаничъ съ жадностью ухватился за эту возможность и пробылъ въ Москвѣ, въ исходѣ 1647 г., два мѣсяца, съ 25 октября по 19 декабря. „Главнымъ результатомъ его путешествія, подробности котораго неизвѣстны, было то, что оно вполнѣ оправдало цѣлесообразность его занятій полемическими трудами и показало ихъ своевременность“.

Тогдашній московскій патріархъ Іосифъ извѣстенъ своими заботами о печатаніи и распространеніи книгъ духовнаго содержанія; при немъ изъ московскихъ типографій выходили не однѣ богослужебныя книги, какъ прежде, а также учебники апологетики и полемическія сочиненія.

Между прочимъ тогда была издана такъ называемая Кириллова книга, любопытный сборникъ, полный нападокъ на латинянъ, лютеранъ и кальвинистовъ.

Крижаничъ прочелъ ее и былъ внѣ себя. Да и было отъ чего. „Чуть не на каждой страницѣ встрѣчалась самая возмутительная, грубая ложь и клевета; латинянъ обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что они распространили семьдесятъ двѣ ереси. Безцеремонность, съ какою была написана эта книга, граничила съ цинизмомъ. „Это былъ ядъ, сильный ядъ, щедрой рукою распространяемый между русскими, и никто не заботился опровергнуть написанное“.

Крижаничъ всегда утверждалъ, что русскіе были жертвою своего невѣдѣнія и обмана; доказательство этого было теперь у него въ рукахъ; онъ считалъ необходимымъ „разрушить это сплетеніе лжи“, „хотѣлъ представить въ Римъ эту книгу полную клеветы, брани, разныхъ басенъ и кощунствъ и написать на нее опроверженіе“.

Пылкая фантазія рисовала ему картину сожженія ненавистной книги. Но поперекъ его дороги сталъ снова денежный вопросъ.

Извѣстивъ о своемъ открытіи Пропаганду, Крижаничъ просилъ денегъ на поѣздку въ Римъ, но о.о. іезуиты обошли вопросъ о деньгахъ молчаніемъ и попросили его прислать удивительную книгу для просмотра.

„Это было свыше его силъ“, говоритъ Пирлингъ „онъ не рѣшился разстаться со своимъ сокровищемъ и, преодолѣвъ всѣ препятствія, онъ отправился на свои скудныя средства на берега Тибра“, и занялся писаніемъ и переводомъ полемическихъ сочиненій; и главнымъ образомъ разборомъ Кирилловой книги.

Работа была задумана широко. Крижаничъ хотѣлъ не только опровергнуть все сказанное въ этой ненавистной ему книгѣ, но и привести вѣскія возраженія противъ тѣхъ доводовъ, которые выставлялись православными, чтобы его сочиненіе могло послужить къ апологіи римско-католической вѣры. Съ этой цѣлью вслѣдъ за извлеченіями изъ Кирилловой книги были помѣщены выписки изъ сочиненій Фотія, Варлаама, Гавріила Филадельфійскаго и др. Цитаты были подобраны такъ, чтобы остановить вниманіе на главныхъ опорныхъ пунктахъ, на вопросѣ о главенствѣ папы, о Filioque'ѣ и календарѣ.

Въ этихъ кабинетныхъ занятіяхъ Крижаничъ провелъ нѣсколько лѣтъ, составивъ себѣ въ Римѣ славу добросовѣстнаго работника. Ему ставили въ заслугу то, что онъ привезъ мало извѣстныя полемическія сочиненія и старался знакомить съ ними общество. Нѣкоторыя изъ его сочиненій были разсмотрѣны и одобрены Пропагандой и даже Голштеніусомъ—ученымъ библіотекаремъ Ватикана, мнѣніе котораго считалось авторитетнымъ. Но характеръ Крижанича о.о. іезуитамъ не особенно нравился; это былъ уже не прежній симпатичный ученикъ коллегіи св. Аѳанасія; испытанія и неудачи наложили на него свою печать. Вѣчно ищущій исхода для бившей въ немъ ключемъ энергіи, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка неуравновѣшеннаго; „больная, восторженная голова, на которую нельзя положиться", говорили о немъ.

Крижаничъ не могъ долго усидѣть на мѣстѣ. Весьма возможно, что онъ не былъ удовлетворенъ и своей работой, ибо, настаивая на необходимости писать опроверженія на русскомъ языкѣ, онъ самъ писалъ ихъ по-латыни,—языкѣ, на которомъ въ Москвѣ врядъ ли кто-либо могъ ихъ прочесть.

Какъ бы то ни было, когда до Рима дошелъ слухъ объ открытіи въ Москвѣ новыхъ философскихъ школъ, Крижаничъ ухватился за это со свойственнымъ ему пыломъ: „по его мнѣнію это предвѣщало зарю новой эры. Моментъ былъ благопріятный для того, чтобы завязать дружескія сношенія съ Москвой", и его не слѣдовало упускать. Онъ сталъ настаивать на посылкѣ въ Москву особаго легата, предлагая себя въ качествѣ переводчика, но такъ какъ Ватиканъ не спѣшилъ войти въ его планы, то онъ рѣшилъ дѣйствовать въ свою голову. Въ одинъ прекрасный день, уложивъ свои книги и бумаги, безъ вѣдома конгрегаціи и безъ всякихъ полномочій отъ папскаго престола, онъ отправился въ Москву съ намѣреніемъ читать тамъ въ новыхъ школахъ. Это было въ 1658 г.

Рѣшеніе это было принято Крижаничемъ не безъ долгой внутренней борьбы; по какому праву бралъ онъ на себя миссію, кото-

рая не была ему ввѣрена? Онъ успокаивалъ себя тѣмъ, что ему было дано конгрегаціей разрѣшеніе на миссіонерскую дѣятельность еще въ 1646 г.

Его неудержимо тянуло въ Кремль, онъ поддался минутной слабости, и за это увлеченіе ему пришлось долго и много страдать.

Крыжаничъ пріѣхалъ въ Москву 17/27 сентября 1659 г.

Московское государство было въ то время наканунѣ коренной ломки, потребность въ которой давала себя чувствовать давно. Настроеніе Москвы было именно таково, какимъ могъ его желать Крижаничъ. Въ народѣ замѣчалось два теченія: масса, враждебная всякимъ новшествамъ, оставалась косной и сторонилась отъ общенія съ западными народами, между тѣмъ какъ избранная часть общества, сознававшая необходимость реформъ, искала сближенія съ иностранцами. Уже недалеко было время, когда Симеонъ Полоцкій сталъ оракуломъ при царскомъ дворѣ и воспитателемъ царевича, началъ основывать школы и устраивать въ Кремлѣ представленія.

Все это соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе программѣ Крижанича, онъ самъ былъ бы не прочь играть ту роль, какая выпала на долю Симеона. Но ему, лично, судьба готовила одни разочарованія.

Онъ былъ принятъ въ Москвѣ благосклонно, „подвергнутый обычному допросу, отвѣчалъ сдержанно, не обмолвился ни словомъ о своемъ священническомъ званіи, о томъ, что онъ пріѣхалъ изъ Рима, о своихъ связяхъ съ Пропагандой, выдавалъ себя за ученаго, за опытнаго переводчика, преданнаго дѣлу преподаванія и жаждавшаго быть полезнымъ. Ему было отведено приличное помѣщеніе и предложены обычные подарки. Оставалось дѣйствовать“.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Крижаничъ, молодымъ студентомъ, набросалъ свои мысли о миссіонерской дѣятельности въ Москвѣ.

Время и опытъ не измѣнили его взглядовъ на способъ, какимъ слѣдовало дѣйствовать; считая себя искуснымъ, онъ былъ такъ же простодушенъ, какъ въ тѣ далекіе уже годы своей юности; онъ упустилъ изъ вида главное,—а именно „что русскіе, даже наиболѣе передовые изъ нихъ, стремясь къ сближенію съ западомъ и насажденію въ Россіи науки, вовсе не думали поступаться для этого православіемъ“; по мнѣнію же Крижанича, прогрессъ неизбѣжно долженъ былъ привести ихъ къ уніи, и онъ считалъ себя способнымъ повести дѣло въ этомъ именно смыслѣ, и заняться, какъ онъ говорилъ, „подготовкой русскихъ къ обращенію“ въ католическую вѣру.

Поглощенный своей идеей, но забывъ, что въ Кремлѣ, гдѣ

гдѣ царствовала вѣковая рутина, онъ былъ никому неизвѣстный чужеземецъ, онъ сталъ сразу добиваться мѣста оффиціальнаго историка-лѣтописца царскаго величества и библіотекаря, которому было бы поручено разобрать и классифицировать царскія книги,—„чтобы онъ разложилъ ихъ въ одинъ рядъ и составилъ имъ каталогъ".

Если ему предоставятъ полную свободу дѣйствій, говорилъ Крижаничъ московскимъ боярамъ, то онъ сумѣетъ доказать погрѣшность русскихъ лѣтописей, сумѣетъ исправить и опровергнуть клеветы и „нѣкоторыя мерзкія злоглашенія о русскихъ", распространенныя Олеаріемъ и другими авторами, „напишетъ исторію правдиву и совершенну сего царства и всего народа славянска", далѣе онъ предлагалъ написать еще сочиненіе „о царскомъ имянованіи или титулѣ", собирался перевести „для государскихъ ближнихъ людей" греческихъ писателей, издать славянскую грамматику и лексиконъ и наконецъ „дозирать за печатаніемъ славянской Библіи въ Острогѣ".

Беря на себя задачу, которая была подъ силу лишь цѣлой академіи, Крижаничъ рисковалъ прослыть простымъ искателемъ приключеній. Москвичи, не подозрѣвая даже его задней мысли относительно уніи, почувствовали опасность и не дались въ обманъ. Изъ всѣхъ предложеній предпріимчиваго кроата было принято только одно: ему было поручено составить славянскую грамматику и словарь, но все-таки смѣлые планы Крижанича отчасти осуществились: никому до тѣхъ поръ неизвѣстный ученый поселился въ Москвѣ, получалъ жалованіе изъ царской казны и занимался дѣломъ, которое давало ему доступъ къ самымъ высоко стоявшимъ боярамъ. Какъ же онъ воспользовался этимъ? каковы были результаты его дѣятельности? Подробности его жизни въ Москвѣ неизвѣстны и останутся тайною до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ дневникъ, который онъ велъ во время своей второй поѣздки въ Москву.

Несомнѣнно, что онъ занимался серьезно порученнымъ ему лингвистическимъ трудомъ; доказательствомъ того служатъ оставшіяся послѣ него разсужденія о грамматикѣ, „объясненія о письмѣ славянскомъ" и замѣтки, дополненія и исправленія къ латинско-славянскому словарю. Но эти занятія, по его плану, должны были служить только средствомъ къ достиженію его завѣтной мечты. Остроумно задуманный планъ удался только отчасти.

Неизвѣстно, былъ ли Крижаничъ допущенъ къ царю Алексѣю Михайловичу, но несомнѣнно, что ему удалось пріобрѣсти расположеніе нѣкоторыхъ вліятельныхъ бояръ. Особенно близко онъ стоялъ съ Морозовымъ и Ртищевымъ, которымъ онъ посвятилъ самыя теплыя и сочувственныя воспоминанія.

Тесть царя, бояринъ Морозовъ, обремененный государственными дѣлами, чувствовалъ недостаточность своего образованія и такъ усердно занимался наукой, что его считали колдуномъ и говорили, будто онъ занимается черной магіей. Весьма естественно, что онъ находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ съ образованнымъ человѣкомъ, который могъ дѣлиться съ нимъ своими свѣдѣніями о научныхъ и политическихъ вопросахъ. Съ Ртищевымъ у Крижанича оказалось еще болѣе общаго.

По природѣ мистикъ и человѣкъ глубоко религіозный, этотъ молодой окольничій основалъ въ 1648 г., въ двухъ верстахъ отъ Москвы, монастырь для монаховъ малороссовъ. Къ преподаванію въ новомъ монастырѣ были привлечены учителя изъ Кіева, преподававшіе грамматику, риторику и философію. Ртищевъ, несмотря на свои многочисленныя занятія по службѣ, поступилъ въ число ихъ учениковъ. Днемъ онъ исполнялъ свои обязанности при дворѣ, а ночи проводилъ въ монастырѣ, изучая греческія письмена, бесѣдуя съ монахами, обогащая свой умъ познаніями. Съ этими двумя, близкими къ царю людьми, Крижаничъ часто видѣлся и подолгу бесѣдовалъ. Любопытно, что въ запискѣ, представленной имъ Пропагандѣ въ 1682 г., давая отчетъ о своей дѣятельности въ Москвѣ, Крижаничъ высказываетъ удовольствіе не только по поводу того, что ему удалось узнать многія Кремлевскія тайны, но и по поводу того, что онъ встрѣтилъ тамъ много лицъ разныхъ сословій, которые исповѣдывали католическую вѣру. „Между переодѣтымъ ксендзомъ и этими тайными католиками очень скоро установились дружескія отношенія. Многіе изъ нихъ настаивали на томъ, чтобы Крижаничъ издалъ на русскомъ языкѣ апологетическую книгу, которая раскрыла бы истину русскимъ и дала бы имъ возможность исповѣдывать свою вѣру открыто“.

Во второй половинѣ 17 вѣка въ Россіи дѣйствительно были серьезныя попытки католической пропаганды. Такъ, въ 1699 г., о. Іоаннъ Миланъ, жившій въ слободѣ и хорошо обо всемъ освѣдомленный, отзывается съ восторгомъ объ одномъ монастырѣ, въ окрестностяхъ столицы, въ которомъ жили монахи уніаты и во главѣ котораго стоялъ ученый архимандритъ. Монастырская братія пополнялась лицами, пріѣзжими изъ Польши и достаточно знавшими русскій языкъ, чтобы играть роль русскихъ; о. Миланъ присовокупляетъ, что и „многіе другіе жаждали уніи съ Римомъ, и что ихъ удерживала только боязнь скомпрометировать себя“.

Возможно, что это именно обстоятельство и было причиною несчастія, обрушившагося совершенно неожиданно на Крижанича; ближайшія подробности остаются неизвѣстны. Его запо-

дозрѣли вѣроятно въ пропагандѣ и ему не долго пришлось прожить спокойно въ Москвѣ; всего 16 мѣсяцевъ спустя послѣ его пріѣзда, въ началѣ января 1661 г. состоялся царскій указъ объ отправленіи его въ Сибирь.

Правда, Крижаничъ былъ оставленъ на государевой службѣ и продолжалъ получать большое жалованье, но онъ былъ осужденъ жить среди негостепріимныхъ снѣговъ и ледяныхъ пустынь Сибири, вдали отъ бояръ, которыхъ онъ мечталъ привлечь къ своимъ планамъ, вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ предполагалъ дѣйствовать.

Это сплетеніе милости и кары дѣлаетъ еще болѣе необъяснимой истинную причину его опалы и даетъ просторъ самымъ разнорѣчивымъ догадкамъ.

Въ 1676 г., по возвращеніи изъ Сибири, въ челобитной, поданной въ приказъ Лифляндскихъ дѣлъ, Крижаничъ изложилъ двоякую причину постигшаго его несчастія: во-первыхъ, указъ Алексѣя Михайловича, коимъ были осуждены къ ссылкѣ всѣ иноземцы—холостые, только что пріѣхавшіе въ Россію, и какое-то „глупое слово", яко бы вырвавшееся у него, Крижанича, которымъ воспользовались, чтобы повредить ему. Но оказывается, что этого страннаго указа никогда не существовало; а что касается „глупаго слова", то осталось неизвѣстнымъ, въ чемъ именно оно состояло; когда же онъ былъ допрошенъ въ приказѣ, по поводу поданной имъ челобитной, то, какъ бы рѣшивъ окончательно запутать дѣло, онъ утверждалъ упорно, что онъ „не вѣдаетъ, за что былъ сосланъ".

Можетъ быть въ бесѣдѣ съ Ртищевымъ и Морозовымъ, обманутый ихъ расположеніемъ, онъ преждевременно раскрылъ имъ свои завѣтные планы, за что и могъ поплатиться ссылкою.

Для живого, дѣятельнаго южанина, переселеніе въ Тобольскъ, куда былъ отправленъ Крижаничъ, и гдѣ онъ прожилъ 15 лѣтъ, было не легко; грустная, унылая дѣйствительность была слишкомъ печальна послѣ столькихъ радужныхъ мечтаній, зародившихся подъ палящими лучами италіанскаго солнца. Составъ населенія Тобольска, въ то время административнаго и церковнаго центра, былъ довольно разнообразный: помимо мѣстнаго населенія тамъ были ссыльные: русскіе, поляки, литовцы, шведы и нѣмцы. Присутствіе раскольниковъ вносило еще болѣе разнообразія въ эту пеструю смѣсь людей разныхъ вѣроисповѣданій. Ввиду этихъ разнородныхъ элементовъ, воеводы затруднялись подыскать для Крижанича, какъ предписывалъ указъ, подходящее занятіе. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ ему предоставили заниматься чѣмъ онъ хочетъ. Онъ могъ снова взяться за перо и предаться работамъ по своему выбору.

Видя, какъ среди этой, совершенно чуждой ему обстановки и

природы, Крижаничъ весь отдался своимъ любимымъ занятіямъ и изысканіямъ, стремясь упорно къ одной цѣли, недоумѣваешь, говоритъ Пирлингъ, чему болѣе удивляться: его ли способности приспособляться къ обстоятельствамъ и остротѣ его ума или его непоколебимому упорству и настойчивости. Очутившись на краю цивилизованнаго міра, въ самыхъ плохихъ матеріальныхъ условіяхъ, онъ не только не палъ духомъ, но, принявшись за работу, расширилъ ея рамки. Его занимали теперь Сибирь и Китай, у него зародились новые планы. Ничто не ускользало отъ его наблюдательности: онъ изучалъ мѣстные обычаи, промышленность, исторію Сибири, ея естественныя богатства, и собралъ такъ много разнообразныхъ свѣдѣній, что когда переводчикъ посольскаго приказа Спаѳарій, пользовавшійся особымъ благоволеніемъ боярина Матвѣева и царя Алексѣя Михайловича, былъ посланъ въ Пекинъ и былъ проѣздомъ въ Тобольскѣ, то между нимъ и Крижаничемъ происходили длинныя и продолжительныя бесѣды, и Спаѳарій почерпнулъ у него не мало свѣдѣній, кои пригодились ему во время путешествія. Крижаничъ передалъ ему объемистый томъ своего сочиненія о торговлѣ съ Китаемъ. Позднѣе имъ было написано большое сочиненіе „Описаніе Сибири".

Но всѣ эти свѣтскія работы, всѣ эти политико-экономическія, историческія и другія сочиненія имѣли въ его глазахъ второстепенное значеніе. У него была по-прежнему одна цѣль,—пріобрѣсти своими трудами довѣріе московитовъ, чтобы затѣмъ въ опредѣленное время начать дѣйствовать ad majorem Dei gloriam. Заполоненный этой мыслію, онъ развиваетъ ее всесторонне въ своей Politique и въ de Providentia Dei (Божіе смотрѣніе), которыя написаны имъ также въ Тобольскѣ.

Неутомимаго труженика постигла тутъ новая неудача: онъ все время страдалъ отъ недостатка книгъ, которыя пріобрѣталъ на послѣдніе гроши, какъ вдругъ получаемое имъ жалованіе было уменьшено болѣе чѣмъ на половину, и усердный воевода отобралъ у него даже Олеарія и отослалъ его для просмотра въ Кремль. Затѣмъ тяжкая болѣзнь обрекла Крижанича на продолжительное бездѣйствіе. Онъ былъ на краю могилы, едва не лишился зрѣнія и слуха, сдѣлался настоящей развалиной; физическая немощь отразилась на его нравственномъ состояніи. Пребываніе въ Тобольскѣ сдѣлалось ему ненавистнымъ, имъ овладѣла страшная тоска по родинѣ. Подъ наплывомъ этого чувства онъ пересталъ даже мечтать о конечной цѣли своей поѣздки: о пропагандѣ въ пользу уніи; онъ думалъ объ одномъ и одного просилъ: отпустить его изъ предѣловъ Московскаго государства.

Чтобы вырваться изъ этого ада, онъ объявилъ, что владѣетъ тайною, отъ которой зависятъ счастье и будущность Московскаго государства и которую онъ можетъ открыть только царю.

Не получая отвѣта изъ Кремля, онъ изложилъ свою тайну письменно. Изъ-подъ его пера вышелъ цѣлый томъ, въ основаніе котораго положены пророческія слова: „едино стадо и единъ пастырь" и въ которомъ онъ страстно полемизируетъ по всѣмъ спорнымъ вопросамъ восточной и западной церкви и горячо описываетъ мысль объ уніи.

Голосъ несчастнаго изгнанника былъ, наконецъ, услышанъ въ Кремлѣ. Помилованный преемникомъ Алексѣя Михайловича, царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, онъ былъ отправленъ изъ Тобольска въ Москву 5/15 марта 1676 года. Но теперь его уже ничто не привязывало къ этой столицѣ, куда онъ такъ жаждалъ попасть нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ; ему хотѣлось теперь, какъ можно скорѣе, оставить эти древнія стѣны—свидѣтельницы его неудачи. Въ Россіи его дѣло было окончательно проиграно, но онъ разсчитывалъ продолжать свою миссію въ иномъ мѣстѣ.

Но роли перемѣнились. Тѣ самыя лица, которыя старались нѣкогда объ отсылкѣ Крыжанича изъ Москвы, теперь всѣми силами пытались удержать его, хотя онъ болѣе не скрывалъ своего духовнаго званія и своей приверженности къ католической вѣрѣ. Не безъ труда удалось ему, наконецъ, уѣхать 9/19 октября 1677 г. за границу, вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ Габелемъ.

Очутившись на свободѣ, Крижаничъ совершенно неожиданно отправился въ Вильно и поступилъ въ Доминиканскій орденъ, главною задачею котораго было миссіонерство, то именно, что составляло задушевную мечту Крижанича. Но онъ не былъ монахомъ по призванію. Между нимъ и его духовнымъ начальствомъ скоро произошли серьезныя недоразумѣнія.

Надобно сказать, что еще до произнесенія монашескаго обѣта, онъ заявилъ доминиканцамъ о своемъ намѣреніи съѣздить въ Римъ, чтобы дать Пропагандѣ отчетъ о своей поѣздкѣ въ Московію, на что монахи изъявили согласіе; но какъ только онъ вступилъ въ ихъ орденъ и далъ обѣты, они отказались отпустить его и потребовали даже, чтобы онъ бросилъ свои полемическія работы.

Крижаничъ, несмотря на свое монашеское платье, не хотѣлъ отказаться отъ своей воли; получивъ на всѣ свои домогательства отказъ, раздраженный этимъ, онъ прибѣгнулъ къ крайнему средству: рѣшилъ выйти изъ ордена и, ссылаясь на папскія буллы, доказалъ, что произнесенный имъ монашескій обѣтъ не дѣйствителенъ и что на него слѣдовало смотрѣть не какъ на монаха, а какъ на простого миссіонера.

Снявъ монашеское платье и облекшись въ сутану, онъ явился къ епископу и просилъ его покровительства.

Ему было разрѣшено отправиться въ Варшаву, къ нунцію Паллавичини.

Но послѣдній, предупрежденный доминиканцами, отнесся къ нему какъ къ отступнику, не принялъ его и сослалъ его на покаяніе въ монастырь.

Никакія испытанія не могли, однако, заставить Крыжанича отказаться отъ мысли увидѣть снова Вѣчный городъ.

„Представить свои записки Пропагандѣ, изложить передъ ней свои мысли объ уніи церквей и сохранить такимъ образомъ для будущаго плоды своего долголѣтняго опыта, завѣщать свои идеи будущимъ миссіонерамъ“—такова была мечта Крижанича.

„На склонѣ дней своихъ, измученный болѣзнями, онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы взять страннической посохъ и совершить пѣшкомъ длинный и утомительный путь“.

Нагруженный книгами, полный надежды, онъ пустился въ путь, не считаясь ни съ какими трудностями, не страшась слуховъ о войнѣ и нашествіи мусульманъ. Когда онъ добрался до Вѣны, то оказалось, что она была обложена турками, а пришедшая на выручку города армія Собѣсскаго стояла на высотахъ Каленберга.

„Кто могъ, въ пылу битвы и въ упоеніи кровавой побѣды позаботиться о несчастномъ путникѣ, пробиравшемся въ Италію?“

Есть краткое свѣдѣніе о томъ, что Крижаничъ скончался въ рядахъ польской арміи, вѣроятно ухаживая за больными и ранеными.

Онъ не пожалъ плодовъ своихъ стараній, обѣ его поѣздки въ Москву принесли ему одни страданія, но его мысль не угасла и нашла послѣдователей. Въ то самое время, какъ несчастный Крижаничъ томился въ Сибири, была сдѣлана, съ бо̀льшимъ успѣхомъ, еще одна попытка сближенія Ватикана съ Кремлемъ. Этотъ разъ инициатива исходила изъ Польши, гдѣ царствовалъ въ то время Янъ-Казиміръ, до восшествія своего на престолъ бывшій іезуитомъ и кардиналомъ.

Въ исходѣ 1667 г. имъ было отправлено въ Москву посольство для ратификаціи Андрусовскаго мирнаго договора, заключеннаго Польшею и Москвою въ январѣ мѣсяцѣ того года на тринадцать съ половиною лѣтъ. Ни та, ни другая сторона не были довольны этимъ миромъ. Больной вопросъ о Малороссіи остался не рѣшеннымъ, надобно было найти какой-нибудь выходъ. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ не прочь разрѣшить его, посадивъ на престолъ Пястовъ своего собственнаго сына, который могъ бы наслѣдовать бездѣтному Яну-Казиміру. По мнѣнію царя, это было бы наилучшимъ рѣшеніемъ

вѣковой распри между Россіей и Польшей. Алексѣй Михайловичъ самъ намекнулъ объ этомъ польскимъ посламъ. Управлявшій посольскимъ приказомъ, Ордынъ-Нащокинъ, развилъ эту мысль подробнѣе. Пируя съ послами, съ кубкомъ въ рукѣ, онъ распространился о золотомъ вѣкѣ, который могъ наступить, если бы Россія и Польша соединились подъ скипетромъ одной династіи, и о побѣдахъ, которыя были бы одержаны ими совмѣстно надъ турками.

Польскіе дипломаты очутились въ затруднительномъ положеніи. Въ Варшавѣ ни о чемъ подобномъ не было рѣчи; Янъ-Казиміръ не думалъ искать себѣ наслѣдника въ Москвѣ и не далъ посламъ никакихъ инструкцій на этотъ счетъ.

Разумѣется, это не исключало возможности обмѣняться мыслями. Прежде всего возникъ, конечно, вопросъ о религіи.

Согласятся ли поляки имѣть православнаго короля, или же будущій король долженъ будетъ принять католическую вѣру?

Такъ какъ можно было ожидать, что обѣ стороны будутъ упорно отстаивать свою вѣру, то положено было обратиться за рѣшеніемъ къ восточнымъ патріархамъ, которые находились въ то время въ Москвѣ, гдѣ только-что происходилъ соборъ, созванный для суда надъ патріархомъ Никономъ.

Переводчикомъ при переговорахъ, служилъ митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ, знатокъ латинскаго языка, но человѣкъ двоедушный, не считавшійся ни съ чѣмъ.

Само собою разумѣется, что во время этихъ переговоровъ ничего не было рѣшено окончательно, но былъ поставленъ вопросъ: не могло ли бы соединеніе двухъ державъ подъ однимъ скипетромъ повести къ уніи церквей?

„Великое дѣло было начато". Патріархи оказались довольно сговорчивы. Они избрали короля польскаго посредникомъ при обсужденіи вопроса объ уніи съ папскимъ престоломъ и потребовали даже, чтобы онъ далъ письменно свое согласіе на унію.

Польскіе послы не задавались вопросомъ о томъ, не преувеличилъ ли все сказанное ловкій переводчикъ; они приняли все буквально и передали королю слышанное въ самомъ оптимистическомъ духѣ. Вскорѣ по ихъ возвращеніи въ Варшаву, въ городѣ и при дворѣ разнесся изумительный слухъ; передавали, будто существовало большое вѣроятіе на унію съ Москвою. Казалось, что мысль, брошенная патріархами, принесетъ плоды, тѣмъ болѣе, что сами московиты какъ будто начинали сознавать свои заблужденія: по крайней мѣрѣ соборъ 1667 г. призналъ крещеніе по латинскому обряду, постановилъ упразднить въ нѣкоторыхъ случаяхъ преданіе анаѳемѣ и призналъ правильность латинскаго перевода библіи.

Можно было думать, что въ Москвѣ взглядъ на латинянъ измѣнился. Такъ по крайней мѣрѣ думали послы...

Король Янъ-Казиміръ былъ пріятно изумленъ слышаннымъ и тотчасъ составилъ планъ дѣйствій, въ который были посвящены архіепископъ гнезенскій, нунцій Антоній Пиньятелли и польскіе и литовскіе сенаторы. Король мечталъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о новомъ Флорентійскомъ соборѣ, который собрался бы на этотъ разъ въ Москвѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1668 г., и на который должны были съѣхаться русскіе и польскіе епископы подъ предсѣдательствомъ папскаго легата; по мнѣнію короля, между ними, несомнѣнно, установилось бы вскорѣ полное согласіе. Вице-канцлеръ королевства, холмскій епископъ Ѳома Лезенскій изложилъ мысли короля на бумагѣ и препроводилъ эти изумительныя предложенія въ Кремль. Приправленныя значительнымъ количествомъ богословскихъ изреченій и подписанныя королемъ собственноручно письма были адресованы царю Алексѣю Михайловичу, патріархамъ Макарію и Паисію Лигариду.

Варшавскій нунцій, будущій папа Иннокентій XII, отнесся къ этимъ планамъ гораздо болѣе скептически, нежели бывшій іезуитъ и кардиналъ, Янъ-Казиміръ. Онъ имѣлъ довольно точныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ Москвѣ.

Въ депешѣ, посланной имъ 29 февраля 1668 г. Пропагандѣ, Пиньятелли, изложивъ рядъ фактовъ, задавался вопросомъ, не комедія ли все это, разсчитанная на то, чтобы возвести русскаго царевича на польскій престолъ?

Депеша произвела извѣстное впечатлѣніе въ Римѣ и послужила исходной точкою для возобновленія переговоровъ съ Москвою. Съ этой цѣлью, 18 апрѣля 1668 г. была собрана комиссія кардиналовъ. Для ознакомленія ихъ съ положеніемъ дѣла, кромѣ депеши нунція, имъ были даны для прочтенія двѣ записки о Московіи.

О засѣданіяхъ этой комиссіи не сохранилось никакихъ свѣдѣній, да онѣ и не представляютъ интереса, такъ какъ дѣло окончилось ничѣмъ.

Янъ-Казиміръ одинъ изъ первыхъ заподозрилъ, что дѣло неладно. Кремль упорно хранилъ молчаніе, и онъ не получилъ на свои письма никакого отвѣта. Прибывшіе весною 1668 г. въ Варшаву московскіе послы также ни словомъ не обмолвились объ уніи. Король написалъ царю еще одно письмо, которое доставило ему много непріятнаго, ибо нунцій, узнавъ о посылкѣ этого письма, счелъ этимъ свои права нарушенными. Янъ-Казиміръ, отнюдь не желавшій присвоивать себѣ не принадлежавшую ему власть, объяснилъ посылку письма простымъ недоразумѣніемъ и немедленно послалъ погоню, чтобы

задержать курьера и вернуть злополучное письмо. 11 апрѣля 1668 г., кардиналу Орсини, протектору Польши, были даны успокоительныя объясненія съ просьбою передать ихъ папѣ.

Догадки короля оказались справедливы, самъ Лигаридъ долженъ былъ сознаться въ этомъ и сложить оружіе. Обвиненный Нектаріемъ, новымъ патріархомъ іерусалимскимъ, въ преданности католицизму, онъ рѣшилъ, что продолжать дѣло было бы слишкомъ опасно, и сообщилъ въ Варшаву, что онъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ. Въ короткое время все измѣнилось: одинъ изъ двухъ патріарховъ уѣхалъ, другой готовился къ отъѣзду, а кромѣ нихъ въ Москвѣ никто не интересовался уніей.

Янъ-Казиміръ не настаивалъ. Было очевидно, что все это было сплошнымъ недоразумѣніемъ и что дѣло было представлено въ преувеличенномъ видѣ, подъ вліяніемъ корыстныхъ цѣлей. Планы Алексѣя Михайловича не шли такъ далеко; онъ удовольствовался посылкою въ Римъ посольства съ политической цѣлью.

Въ исходѣ 1672 г. изъ Кремля выѣхали московскіе послы съ важнымъ порученіемъ въ Вѣну, Парижъ, Лондонъ, Копенгагенъ, Стокгольмъ, Гаагу, Берлинъ, Дрезденъ, Венецію и Римъ. „Снабженные царскими письмами, они ѣхали проповѣдывать крестовый походъ противъ турокъ. Это было новшество. Россія начинала сознавать свое значеніе и рѣшила возвысить свой голосъ въ Восточномъ вопросѣ“.

По Андрусовскому миру, она обязалась, въ случаѣ войны съ турками, дѣйствовать противъ султана совмѣстно съ Польшей. Въ 1672 году обстоятельства потребовали этого вмѣшательства. Какъ только на Рейнѣ возгорѣлась война между Франціей и Голландіей, султанъ Мухамедъ IV поспѣшно переправился черезъ Дунай и двинулъ въ польскія провинціи стотысячную армію. Счастье сопутствовало ему: туркамъ сдался неприступный Каменецъ; вскорѣ, по мирному договору, заключенному во Львовѣ, ему досталась Подолія и Украйна; и его войскамъ былъ открытъ путь на Варшаву и Кіевъ. Униженной и объятой ужасомъ Польшѣ угрожала опасность быть стертой съ лица земли.

Побѣды турокъ угрожали опасностью всему христіанскому міру. Особенно была встревожена ими ближайшая сосѣдка Польши, Россія, и Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ не только помочь Польшѣ, но и искать союзниковъ въ Европѣ. Съ этой цѣлью и было отправлено упомянутое посольство. Царь колебался только относительно посылки его въ Римъ и начальникъ посольскаго приказа составилъ по этому поводу для царя особую записку.

Во главѣ посольскаго приказа стоялъ въ то время сторонникъ

европейскаго прогресса, бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, женатый на шотландкѣ. Хотя онъ считалъ себя тонкимъ дипломатомъ, но изъ его доклада видно, что онъ не вполнѣ ясно давалъ себѣ отчетъ о взаимномъ положеніи державъ. „Конечно, писалъ онъ въ своей запискѣ, папа будетъ радъ видѣть при своемъ дворѣ царскаго посла и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы побудить прочихъ монарховъ объявить войну туркамъ.“ Разсчетъ былъ вѣренъ, но вообразить, какъ это дѣлалъ Матвѣевъ, что монархи, по первому призыву папы, возьмутся за оружіе,—значило не давать себѣ яснаго отчета въ тогдашнемъ положеніи Европы.

Выборъ посла, былъ дѣломъ не легкимъ, такъ какъ мало кто изъ подданныхъ царя былъ способенъ выполнить столь трудную миссію. Въ Москвѣ проживало въ это время нѣсколько шотландцевъ, эмигрировавшихъ послѣ паденія Стюартовъ. Выборъ палъ на одного изъ нихъ, Павла Менезія. Такимъ образомъ представителемъ православнаго царя отправился къ папѣ католикъ-шотландецъ. Какъ ни страненъ кажется на первый взглядъ этотъ выборъ, но онъ былъ сдѣланъ не безъ разсчета, а главное, какъ говоритъ Пирлингъ, „дѣло не обошлось тутъ безъ женщины“.

Матвѣевъ, какъ мы сказали выше, былъ женатъ на шотландкѣ, —Гамильтонъ. „Другая Гамильтонъ, Евдокія, племянница первой, была женою Ѳеодора Нарышкина. Обѣ онѣ были родственницы Менезія, а Нарышкины, со времени брака царя Алексѣя Михаиловича съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной, были приближены ко двору. Хотя въ оффиціальныхъ документахъ объ этомъ не говорится, но можно предположить, что Гамильтоны содѣйствовали назначенію посломъ своего соотечественника, родственника и друга, который былъ близокъ и съ Нарышкиными“.

„Назначеніе московскимъ посломъ иностранца, какъ бы онъ ни былъ даровитъ и пригоденъ для этой роли, было явленіемъ слишкомъ страннымъ, чтобы не предположить, что въ данномъ случаѣ дѣло не обошлось безъ участія вліятельныхъ и тайныхъ покровителей“.

Менезія ожидалъ въ Европѣ рядъ разочарованій. Особенно недовѣрчиво отнеслись къ его миссіи въ Вѣнѣ. Поспѣшность, съ какою Москва откликнулась на просьбу о помощи со стороны Польши, возбудила подозрѣнія. По мнѣнію Леопольда I, походъ противъ турокъ былъ для царя лишь благовиднымъ предлогомъ, чтобы „выудить рыбу въ мутной водѣ“, заставить союзниковъ воевать съ султаномъ, а самому захватить тѣмъ временемъ Подолію и Украйну, къ тому же у императора руки были связаны тайнымъ договоромъ, заключеннымъ съ Людовикомъ XIV.

Поэтому онъ высказался осторожно, вѣжливо отклонивъ предложенія, сдѣланныя русскимъ посломъ. По его примѣру и курфюрстъ саксонскій рѣшилъ держаться строжайшаго нейтралитета. Что касается великаго курфирста Фридриха-Вильгельма, котораго сильно тѣснили французы, то ему не было ни времени, ни охоты заниматься Польшею. Такъ же неблагопріятно было настроено и венеціанское правительство. Изнуренная двадцатипятилѣтней войною съ турками, оплакивавшая потерю Кандіи, Венеціанская республика не хотѣла воевать и рѣшила держаться совершенно нейтрально.

„По мѣрѣ тою какъ Менезій ѣхалъ далѣе, имъ овладѣвали самыя печальныя размышленія. Воинственный призывъ царя нигдѣ не встрѣчалъ отклика. Менезію не удалось никого ни увлечь, ни убѣдить; оставалась одна надежда—на Римъ. Вліяніе папы на европейскіе дворы было еще довольно сильно и этимъ слѣдовало воспользоваться“.

Папою былъ въ это время престарѣлый Климентъ X, который въ виду своего преклоннаго возраста и личнаго характера, мало занимался государственными дѣлами, возложивъ все бремя управленія на своего племянника кардинала Альтьери.

„Московскому послу предшествовали самые лестные отзывы. Изъ Вѣны нунцій расточалъ ему горячія похвалы. Въ Венеціи онъ произвелъ не менѣе благопріятное впечатлѣніе на нунція и на іезуита Вота, который пользовался всегда большимъ вліяніемъ. Поэтому Менезія ожидали въ Римѣ съ нетерпѣніемъ, и когда онъ пріѣхалъ, ему отвели прекрасное помѣщеніе недалеко отъ Квиринала,—лѣтней резиденціи папы, и предоставили въ его распоряженіе двѣ кареты. Менезій вполнѣ оправдалъ предшествовавшую ему репутацію: одѣтый по послѣдней французской модѣ, свободно говорившій на нѣсколькихъ языкахъ, умѣвшій написать латинское письмо, онъ выдѣлялся среди окружающихъ своими прекрасными манерами и обхожденіемъ.“

Тотчасъ по его пріѣздѣ пришлось коснуться щекотливаго вопроса объ этикетѣ, соблюдаемомъ во время аудіенціи у папы. Русскіе всегда протестовали противъ существовавшаго обычая преклонять предъ папой колѣна и цѣловать его туфлю. Менезій недоумѣвалъ, какъ обойти этотъ камень преткновенія, и еще въ Россіи совѣщался объ этомъ съ бояриномъ Матвѣевымъ, который, на словахъ, разрѣшилъ ему, какъ католику, поступить, какъ ему заблагоразсудится. Но какое значеніе могло имѣть слово, сказанное мимоходомъ и не закрѣпленное на бумагѣ. Между тѣмъ Менезій, просматривая по пути данныя ему инструкціи, прочелъ въ нихъ, къ величайшему своему изумленію, что ему и Тарасову строго запрещалось цѣло-

вать папскую туфлю. Онъ тотчасъ написалъ Матвѣеву, прося у него точныхъ инструкцій, но отвѣтъ былъ полученъ имъ только на обратномъ пути. Въ Римѣ ему приходилось дѣйствовать на свой собственный страхъ.

И надобно сознаться, онъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія довольно искусно.

Преклонивъ предъ папою, какъ требовалъ обычай, колѣна трижды, онъ такъ низко склонилъ голову, что изъ присутствовавшихъ никто не могъ рѣшить, поцѣловалъ ли онъ туфлю, или нѣтъ. Такъ же ловко поступилъ онъ и при окончаніи аудіенціи. Благодаря его находчивости, все обошлось благополучно, и папа освѣдомился о здоровьи царя Алексѣя Михайловича. Что касается Тарасова, то онъ ограничился глубокими поклонами и ни за что не захотѣлъ преклонить колѣна.

По окончаніи аудіенціи, Менезій обмѣнялся визитами съ кардиналами и со своими коллегами—иностранными послами.

Когда обмѣнъ вѣжливостей былъ оконченъ, Менезій передалъ папѣ посланіе Алексѣя Михайловича, въ которомъ говорилось о новомъ крестовомъ походѣ противъ турокъ, и о созывѣ христіанскихъ монарховъ для обсужденія вопроса объ лигѣ противъ мусульманъ и кромѣ того выражалось желаніе возобновить оффиціальныя сношенія, прерванныя со времени появленія Димитрія. Если вѣрить слухамъ, которые ходили по поводу этого посольства въ Вѣнѣ, то Менезій намекалъ, между прочимъ, на возможность поднять снова вопросъ о церковной уніи.

Какъ бы то ни было, если эти вопросы не были предметомъ серьезныхъ переговоровъ и не обсуждались по повелѣнію царя, во всякомъ случаѣ они затрогивались посломъ въ интимной бесѣдѣ съ кардиналами; онъ открылъ имъ перспективы о возможности пропаганды въ Китаѣ, куда, съ разрѣшенія царя, миссіонеры могли бы проникнуть черезъ Сибирь вмѣстѣ съ караванами. Рѣчь зашла даже объ учрежденіи правильныхъ почтовыхъ сношеній между Римомъ и Москвою, черезъ Венецію и Вѣну.

Въ то время какъ велись эти переговоры, при папскомъ дворѣ обсуждался важный вопросъ, какъ титуловать Алексѣя Михайловича въ отвѣтномъ письмѣ папы? Относительно этого пункта, Менезію были даны въ Москвѣ совершенно опредѣленныя инструкціи: ему было строжайше воспрещено принять отвѣтъ, если въ заголовкѣ не будетъ стоять царскаго титула. Это категорическое заявленіе привело папскую канцелярію въ величайшее смущеніе.

Въ Римѣ недоумѣвали, что собственно означаетъ слово „царь“? не будетъ ли этотъ синонимъ королевскаго, а быть можетъ и импе-

раторскаго титула, непріятенъ Польшѣ и не умалитъ ли онъ достоинства главы священной Римской имперіи?

Настаивая на царскомъ титулѣ, Менезій расточалъ похвалы Алексѣю Михайловичу,—его возвышенному характеру, изображалъ его какъ сторонника прогресса, желавшаго насадить въ своемъ государствѣ просвѣщеніе. Для вящшаго убѣжденія своихъ противниковъ, Менезій составилъ записку, которая должна была обойти всѣ посольства и кардинальскіе дворцы; всѣ десять пунктовъ этой записки сводились къ дилеммѣ: либо царскій титулъ и наилучшія отношенія съ Кремлемъ, либо окончательный разрывъ со всѣми неизбѣжными его послѣдствіями. Что касалось дипломатическаго корпуса, по крайней мѣрѣ большинства дипломатовъ, то, становясь на чисто политическую точку зрѣнія, они были готовы поддержать домогательства московскаго посла, тѣмъ болѣе, что большинство дипломатическихъ канцелярій уже давали московскому монарху оффиціально титулъ царя.

Несмотря на поддержку своихъ коллегъ и нѣкоторыхъ кардиналовъ, Менезію не удалось настоять на своемъ требованіи; онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны племянника папы, всемогущаго кардинала Альтьери,—который желая сдѣлать пріятное императору и королю польскому, въ глубинѣ души вѣроятно надѣялся, что московскій посолъ въ концѣ концовъ сдастся.

Но Менезій не рѣшился преступить своихъ полномочій и, убѣдясь въ томъ, что въ отвѣтномъ посланіи Климента X не было царскаго титула, онъ категорически отказался взять его; такимъ образомъ его посольство не достигло цѣли—установить сношенія между Москвою и папскимъ престоломъ, но привѣтливый и ловкій шотландецъ оставилъ по себѣ добрую память въ Ватиканѣ и, какъ только съ смертью Климента X кардиналъ Альтьери утратилъ свою власть и значеніе при папскомъ дворцѣ, въ Ватиканѣ вспомнили о Москвѣ и сочли возможнымъ,—правда нѣсколько поздно—исполнить требованіе Менезія.

Впрочемъ, еще раньше, а именно въ слѣдующемъ 1674 г., въ Ватиканѣ былъ поднятъ вопросъ о посылкѣ въ Москву посольства; этотъ разъ иниціаторомъ этой мысли явился курляндецъ Яковъ Рейтенфельсъ, сынъ секретаря короля польскаго, бывшій въ Россіи, гдѣ онъ провелъ два года и даже написалъ о ней не лишенную интереса книгу „De rebus moscoviticis“. Рейтенфельсъ задался мыслью быть посланнымъ въ Москву Пропагандою или добиться посылки туда миссіонеровъ. Моментъ казался ему благопріятнымъ, вслѣдствіе „чрезвычайной доброты“ царя Алексѣя Михайловича, котораго онъ совершенно ошибочно считалъ склоннымъ къ уніи съ Римомъ.

Въ запискѣ, представленной молодымъ курляндцемъ Ватикану, онъ указывалъ какъ на первое условіе успѣха—на необходимость дать царю желаемый царскій титулъ. Любопытно, что программа, развитая Рейтенфельсомъ въ своей запискѣ, представляетъ какъ бы сколокъ съ програмы Крижанича, съ тою лишь разницею, что болѣе скромный и менѣе пылкій курляндецъ не задавался мечтою о возвеличеніи славянской народности и о томъ, чтобы поставить Россію во главѣ прочихъ славянскихъ народовъ; онъ не претендовалъ даже на введеніе въ Россію католической вѣры—его замыслы не шли такъ далеко, но, подобно Крижаничу, онъ считалъ возможнымъ достичь цѣли путемъ тайныхъ уловокъ и хитростей.

Явиться въ Россію подъ видомъ торговца, поселиться не въ слободѣ, а въ самомъ Кремлѣ, по близости отъ царскаго дворца, завязать сношенія съ вліятельными боярами, задарить ихъ, сдружиться не только съ католиками, но и съ лютеранами, съ кальвинистами, съ православными монахами, добиться расположенія царя, изучить его характеръ и склонности, наконецъ, получить какую-нибудь должность при дворѣ и проникнуть въ число приближенныхъ царя—таковъ былъ планъ Рейтенфельса. Какимъ же путемъ надѣялся онъ достигнуть этого? Тѣмъ же самымъ, какъ Крижаничъ, сдѣлавшись въ Кремлѣ необходимымъ человѣкомъ, благодаря своимъ знаніямъ и умѣнію быть полезнымъ.

Не трудно было набросать подобную программу на бумагѣ, но мы уже видѣли, какъ трудно было выполнить и сотую долю ея въ тогдашнихъ условіяхъ Московскаго государства.

Ватиканъ, повидимому, не особенно увлекся этимъ планомъ, но настоятельные совѣты Рейтенфельса относительно царскаго титула, повидимому, произвели извѣстное впечатлѣніе, такъ какъ мысль о сближеніи съ Москвою снова всплыла въ Ватиканѣ, какъ только на папскій престолъ вступилъ (1676 г.) Иннокентій XI, который никогда не одобрялъ политику кардинала Альтьери по отношенію къ Россіи и былъ не прочь исправить сдѣланную имъ ошибку. Случай къ этому представился въ 1677 г., когда варшавскій нунцій Мартелли извѣстилъ папу о томъ, что Австрія, Польша и Россія вели переговоры о лигѣ противъ турокъ. Средство къ сближенію было найдено. Предложивъ Алексѣю Михайловичу, чрезъ поляковъ, царскій титулъ отъ имени папы, Иннокентій XI надѣялся, что все старое будетъ забыто и между обоими дворами возстановится дружеское согласіе.

6 марта 1677 г. варшавскому нунцію было поручено сговориться съ Собѣсскимъ, войти въ соглашеніе съ посольствомъ которое король польскій намѣревался отправить въ Москву или, въ случаѣ надоб-

ности, послать туда самому кого-нибудь, хотя бы доминиканскаго монаха, русина, которому заранѣе разрѣшалось для этого снять монашеское платье. Король, посвященный въ эти планы, одобрилъ ихъ, посовѣтовавъ только замѣнить русина итальянцемъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Ватиканѣ собрался совѣтъ кардиналовъ для обсужденія подробностей этого плана и варшавскому нунцію были посланы пространныя депеши, которыя преисполнили бы Менезія вполнѣ справедливой гордостью, если бы онѣ попались ему на глаза. Отдавая полную справедливость его талантамъ, папа не только выражалъ желаніе продолжать дѣло, начатое имъ въ 1673 г., но и видѣть его снова въ Римѣ представителемъ московскаго двора.

Но въ то время, какъ въ Римѣ возлагали надежды на посредничество Польши, между нею и Россіей произошли недоразумѣнія. Въ апрѣлѣ 1678 г. Собѣсскій съ грустью заявилъ нунцію, что онъ не можетъ столковаться съ русскими и, предвидя возможность окончательнаго разрыва, онъ уже подумывалъ о союзѣ съ Турціей. Пораженный этимъ признаніемъ, Мартелли съ негодованіемъ протестовалъ противъ этого, но король расхрабрился до того, что спросилъ: „неужели же папа предпочитаетъ союзъ съ схизматиками союзу съ мусульманами?“

Однако князю Михаилу Чарторыйскому удалось, въ маѣ 1678 г., добиться въ Москвѣ того, что перемиріе съ Польшею было продолжено еще на тринадцать лѣтъ. Что касается сношеній съ Римомъ, то Чарторыйскій убѣдился въ томъ, что русскіе не имѣли ни малѣйшаго желанія сближаться съ папскимъ престоломъ. Въ Кремлѣ не было болѣе Артамона Матвѣева; восемнадцати-лѣтній царь Θеодоръ не имѣлъ опредѣленнаго взгляда на этотъ вопросъ, а его фаворитъ— Языковъ былъ занятъ другимъ. Несмотря на всѣ старанія Мартелли, начатые, по его иниціативѣ, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ.

Съ попытками къ сближенію Москвы съ Ватиканомъ, которыя были сдѣланы Мартелли и Менезіемъ, связываются также проекты саксонскаго авантюриста, Рингубера, человѣка очень ловкаго и предпріимчиваго, который былъ одно время лекаремъ въ Москвѣ. Въ 1679 г. онъ появился въ Римѣ, съ словеснымъ порученіемъ отъ Менезія, которое было имъ изложено въ запискѣ, представленной папскому двору; въ ней дѣлались въ сущности тѣ же предложенія, какія были сдѣланы раньше Менезіемъ, и выражалась просьба, чтобы Ватиканъ вошелъ въ сношеніе съ Кремлемъ, не взирая на происшедшія тамъ перемѣны.

Годъ спустя Рингуберомъ была представлена Пропагандѣ новая

записка, заключавшая цѣлыхъ двѣнадцать пунктовъ, въ которыхъ говорилось снова о торговлѣ съ востокомъ, о крестовомъ походѣ противъ турокъ, о союзѣ Польши и Россіи, о миссіонерской дѣятельности среди татаръ и китайцевъ: главное, авторъ записки настаивалъ на необходимости имѣть въ Москвѣ папскаго представителя, свѣдущаго не только въ богословскихъ наукахъ, но и въ исторіи, чтобы онъ могъ опровергать ходившіе кривотолки о латинянахъ и настаивать на необходимости союза Россіи съ Людовикомъ XIV. Все это было не ново, но Рингуберъ такъ искусно умѣлъ изложить свои взгляды и овладѣть слушателями, что онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на папскаго викарія въ Тонкинѣ, который былъ проѣздомъ въ Римѣ, и тотъ предложилъ Кольберу назначить его французскимъ агентомъ въ Россію, но мысль эта не осуществилась.

Къ запискѣ Рингубера была приложена просьба, въ которой, ссылаясь на необходимость совершить путешествіе для поправленія здоровья, онъ предлагалъ отправить его въ Москву съ письмами къ нунціямъ.

Но этотъ планъ не былъ осуществленъ.

Эти періодически повторявшіяся, въ исходѣ семнадцатаго вѣка, попытки завязать постоянныя сношенія между Ватиканомъ и Москвою, оборвавшіяся со смертью перваго самозванца, не оказали, какъ мы видѣли, непосредственнаго вліянія на политику Ватикана и не привели къ желаемой цѣли. Не давъ никакого реальнаго результата, планы Крижанича, Менезія, Рейтенфельса, Рингубера и прочихъ добровольцевъ имѣютъ въ исторіи сношеній Ватикана съ Москвою значеніе лишь постолько, посколько они поддерживали въ Римѣ оптимистическія надежды на возможность заключенія уніи между западной и восточной церквами и не давали окончательно заглохнуть этой идеѣ.

В. Т.

Эпиграмма на дореформенный судъ.

— „Осьмое чудо въ здѣшнемъ мірѣ:
„Судья боится хабарей[1])!“...
Сказалъ одинъ изъ писарей.
— „Въ *судѣ* боится иль въ *квартирѣ?*“
Мужикъ у писаря спросилъ...
Но писарь губу закусилъ.

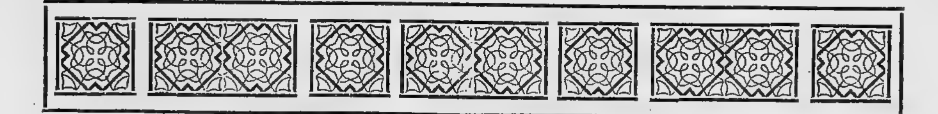
1844.
Одесса. Земскій Судъ.

Эпиграмма эта, относящаяся къ тѣмъ временамъ, когда Россія была, по выраженію Хомякова, „въ судахъ черна неправдой черной“, была извлечена когда-то пишущимъ настоящія строки изъ стараго рукописнаго сборника. Составитель его, нѣкто Козловъ, служившій въ одесской таможнѣ, любилъ записывать попадавшіяся ему отраженія быта и самъ иногда служилъ сатирической музѣ.

Сооообщилъ А. Б.

[1]) Такъ на югѣ называютъ взятки.

Знаки „французской вольности“.

(Эпизодъ изъ царствованія Павла I).

Императоръ Павелъ I, вступившій на престолъ въ самый разгаръ великой французской революціи и страшно боявшійся, чтобы революціонный духъ не проникъ въ предѣлы Имперіи, издалъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ повелѣній и указовъ, предписывающихъ администраціи бдительно слѣдить за всѣмъ, проникающимъ въ Россію изъ-за границы.

Получивъ строгія инструкціи изъ Петербурга, провинціальныя власти стали тщательно слѣдить и, по мѣрѣ возможности, доносить въ высшія сферы о всякомъ проявленіи или отголоскѣ французскихъ событій. Само собою разумѣется, что на этой почвѣ должно было возникнуть не мало курьезовъ, образцомъ которыхъ можетъ послужить передаваемый фактъ.

28 мая 1798 года, архангельскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Леццано [1]) секретнымъ письмомъ донесъ генералъ-прокурору князю А. Б. Куракину [2]) о важномъ политическомъ открытіи, сдѣланномъ имъ въ Архангельскѣ, а именно: объ обнаруженіи въ присутственныхъ мѣстахъ бумаги съ знаками „французской вольности“.

„Милостивый Государь, князь Алексѣй Борисовичъ [3]) — писалъ Леццано къ Куракину,—по случаю усмотрѣнія здѣсь, на бѣлой,

---

[1]) Бернардъ (Борисъ Борисовичъ) Леццано, бывшій также сибирскимъ ген.-губернаторомъ.

[2]) Куракинъ, кн. Алексѣй Борисовичъ. Ген.-прокуроръ въ царств. Императора Павла I. Малороссійскій губ. при Александрѣ I. Мин. внутр. дѣлъ съ 1807 по 1811 г. Членъ Госуд. Сов., канд. Рос. орден. Ум. въ 1829 г.

[3]) Орѳографія подлинника.

пищей голландской бумагѣ, полученной по выпискѣ изъ чужихъ краевъ при бывшемъ Архангельскомъ губернаторѣ Гревенцѣ, въ приказъ общественнаго призрѣнія, — не примѣтныхъ съ перваго взгляду знаковъ пагубной французской вольности, представляя вашему сіятельству одинъ оной бумаги листъ, долгомъ моимъ притомъ поставляю вамъ донести, что хотя нѣтъ и быть вовсе не можетъ, ни въ комъ и никакого отъ того впечатлѣнія. И какъ ввозъ еѣ сюда съ нетерпимыми сими знаками, равно продажа въ приказъ тѣмъ коммисіонеромъ, чрезъ кого была выписана и нѣкоторый уже изъ нея на употребленіе расходъ, были конѣчно безъ всякаго намѣренія, а отъ одного только, есть ли по позволенному голандскаго сего издѣлья въ Россійскіе порты привозу, изъяснится такъ можно, недосмотрѣнія; предписалъ я, однакоже, г. гражданскому губернатору, чтобъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія и въ протчихъ присудственныхъ здѣшнихъ мѣстахъ всю бумагу пересмотрѣлъ; подобные препровождаемому къ вашему сіятельству листы выбравъ, запечаталъ и впредь до повелѣнія, что съ нею здѣлать, котораго я буду и честь ожидать отъ вашего сіятельства,—какъ по приказу общественнаго призрѣнія, такъ нигдѣ еѣ не употреблять“ [1]).

Получивъ письмо Леццано, генералъ-прокуроръ встревожился и приказалъ спѣшно изготовить Высочайшій докладъ съ подробнымъ изложеніемъ письма архангельскаго военнаго губернатора. Къ докладу былъ приложенъ и чистый листъ бумаги, на которомъ имѣлись преступные водяные знаки.

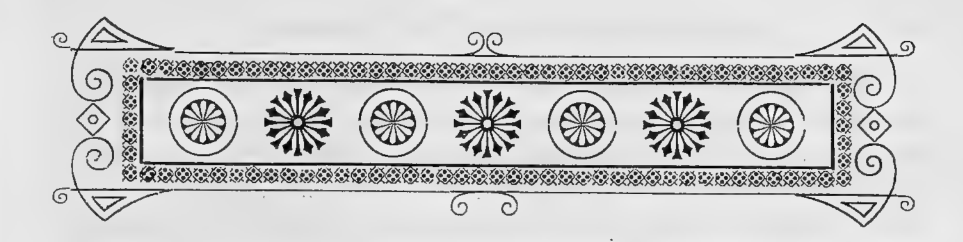
Высочайшая резолюція была, какъ всегда, не многословна и рѣшительна: „Государь Императоръ, — сообщалъ князь Куракинъ въ Архангельскъ экстреннымъ отношеніемъ 19 іюня того же 1798 г.,— „Высочайше повелѣть соизволилъ всю сію бумагу истребить огнемъ, деньги же на покупку ея употребленныя, взыскать съ того или съ тѣхъ, кто ее выписалъ“.

Торжественное ау-то-да-фе кипъ канцелярской бумаги съ преступными „знаками французской вольности“, было совершено въ присутствіи всѣхъ чиновъ Архангельскаго губернскаго правленія, на городской площади [2]). Деньги же, истраченныя на покупку бумаги, были взысканы съ нѣсколькихъ чиновниковъ, неосмотрительно ее принявшихъ, чѣмъ и закончилось это встревожившее даже высшія петербургскія власти „революціонное дѣло“.

Сообщилъ М. Корольковъ.

[1]) Госуд. Архивъ. Разр. VII. № 3090.
[2]) 2 іюля.

Обрядность прежняго русскаго масонства [1]).

Данныя настоящаго очерка послужили матеріаломъ для доклада въ аудиторіи императорскаго археологическаго института 11 марта 1907 г.

Іоанновскіе масоны работали надъ устройствомъ своего внутренняго міра, стараясь познать свои страсти и стать отъ нихъ свободными; братья шотландскіе работали уже надъ разрѣшеніемъ вопросовъ о происхожденіи человѣческаго существа, о происхожденіи тѣла и души, о начальной причинѣ бытія всего существующаго; они стремились достигнуть сверхнатуральнаго состоянія, чтобы бесѣдовать съ Богомъ, вызывать духовъ, повелѣвать ими и, познавъ всѣ тайны природы быть властителями своей судьбы. Конечною же цѣлью священнаго масонскаго ордена братья высшихъ степеней, какъ и іоанновскіе, признавали соединеніе всѣхъ націй и племенъ въ одну великую всемірную семью, почитая своею первѣйшею обязанностью стараться образовать „разумное общество, въ которое каждый членъ вноситъ тѣ качества, которыя дѣлаютъ общество полезнымъ и пріятнымъ". Іоанновскіе масоны ограничивали свою дѣятельность самоусовершенствованіемъ и служеніемъ человѣчеству дѣлами благотворенія. Однако узнать тайны міровыхъ законовъ, превратиться изъ подвластныхъ существъ въ повелителей надъ силами природы, —вотъ вѣрнѣйшее средство переустроить міръ не въ отдаленномъ будущемъ, а въ настоящую минуту. И масоны высшіе устремлялись къ отысканію средства „дѣлать золото" и обращать всѣ металлы въ благородные, а камни „нестоющіе"—въ драгоцѣнные. Они искали средства изготовленія жизненнаго элексира, способнаго поддержать молодость и силы. Въ виду важности цѣли они оправдывали всѣ средства для ея достиженія и царство любви на землѣ не возбра-

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г., ноябрь.

*

няли завоевывать мечомъ и огнемъ. Носители высшихъ степеней хвалились знаніемъ божественныхъ тайнъ; но этими знаніями они дѣлились съ немногими, окружая себя таинственностью и тѣмъ побуждая масоновъ низшихъ степеней, сгоравшихъ желаніемъ проникнуть въ ихъ тайны, искать познаній въ постепенномъ повышеніи по іерархической лѣстницѣ масонства.

Люди всегда и вездѣ остаются въ сущности одними и тѣми же. Одни въ бесѣдѣ съ Богомъ, въ религіозномъ экстазѣ, въ молитвѣ, ищутъ блаженнаго состоянія; другіе этого блаженства достигаютъ въ положеніи своихъ душъ за други своя; третьи видятъ цѣль и предѣлъ своихъ вожделѣній въ наслажденіи земными благами. Высшее масонство привлекало къ себѣ людей всѣхъ категорій. Всѣ вновь вступившіе получали, по крайней мѣрѣ въ первое по вступленіи время, все ими желаемое. Искавшіе сверхнатуральнаго состоянія достигали его постояннымъ самоуглубленіемъ, молитвою, чтеніемъ мистическихъ книгъ, бесѣдами на соотвѣтствующія темы, наконецъ помощью сообщаемыхъ старшими братьями „механическихъ пріемовъ". Многіе высшіе масоны свидѣтельствовали о невозможности изобразить блаженное и безсмертное состояніе тѣла, въ которое они погружались въ то время, какъ отдавались стремленію достичь „экстатическаго" состоянія. Людямъ же, работавшимъ на пользу человѣчества, какъ и тѣмъ, которые жаждали испить до дна всю чашу земныхъ наслажденій, одинаково было желательно имѣть средство добывать деньги, прекращать всякія физическія страданія и до безконечности продолжать пору молодости и физическаго неувяданія".

Высшія степени удовлетворяли многимъ человѣческимъ страстямъ —тщеславію, властолюбію, склонности къ мистицизму, любви къ необычнымъ, чрезвычайнымъ ощущеніямъ.

Сотни масоновъ искренно и наивно вѣрили въ чудесную, сверхестественную силу высшихъ степеней, одно посвященіе въ которыя даруетъ сверхчеловѣческую силу надъ природой и духами. Русскіе масоны совершали далекія путешествія въ чужіе края для того, чтобы добыть акты этихъ степеней. Какъ драгоцѣннѣйшіе клейноды, привозились изъ-за тысячи верстъ церемоніалы посвященій въ высшія степени. Въ ложи съ высокими степенями, по словамъ одного масона, поспѣшали „и любовластъ, и всхоленное въ нѣгѣ дитя роскоши, и рѣшеумъ, и славолюбъ". Къ услугамъ такихъ лицъ были и пышныя званія, и пышныя одѣянія, и сложнѣйшія выкладки магіи, и туманныя разсужденія оккультнаго характера. Не только въ вѣкъ Екатерины, но и въ годы войнъ съ Наполеономъ, наши именитые масоны принимали патенты на пышные титулы отъ чужеземныхъ

ложъ. Въ обществѣ любителей древней письменности сохраняется патентъ, выданный 30 октября 1809 г. графу Петру Балку отъ одной изъ парижскихъ ложъ. Въ этомъ патентѣ Балкъ именуется совершеннымъ шотландцомъ; принцомъ іерусалимскимъ; высокимъ кавалеромъ, княземъ орла и пеликана, высокимъ розенкрейцеромъ; патріархомъ; ноахитомъ; принцомъ ливанскимъ; великимъ рыцаремъ солнца; великимъ избраннымъ рыцаремъ и пр. Въ 1817 г., въ капитулѣ Феникса, графъ Віельгорскій хлопоталъ объ утвержденіи въ 7-й степени брата Муравьева, полковника свиты Его Величества, который былъ принятъ въ эту степень за границей; Муравьеву была затѣмъ въ русскомъ капитулѣ предоставлена шестая степень. Передъ запрещеніемъ масонства, оно было весьма сильно распространено въ офицерской средѣ. Какъ значится въ оффиціальномъ документѣ, масонами числилось 517 офицеровъ, изъ нихъ 64 генерала и цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Высшія степени имѣли своимъ покровителемъ св. Андрея Первозваннаго, въ ознаменованіе того, что этотъ апостолъ первымъ послѣдовалъ за Іисусомъ Христомъ. Патронатъ св. Андрея объясняетъ названіе ложъ съ высшими степенями андреевскими. Этотъ патронатъ былъ впервые признанъ въ Шотландіи, откуда и другое названіе андреевскаго масонства—шотландскимъ. Знакъ св. Андрея былъ весьма распространенъ и носился на шейныхъ и чрезплечныхъ лентахъ, чаще всего зеленаго цвѣта. Я видѣла этотъ знакъ въ весьма многихъ масонскихъ коллекціяхъ. Онъ представлялъ изъ себя эмалевый крестъ на золотомъ солнцѣ, съ изображеніемъ апостола. Про Андреевскій крестъ допрашивался еще Н. И. Новиковъ, который и отвѣчалъ, что это крестъ старый, „который употребляемъ былъ въ ложѣ Ивана Перфильевича Елагина, въ 4-мъ градусѣ".

Запоны высокихъ степеней были болѣе изукрашены, чѣмъ іоанновскіе. На нихъ встрѣчаются изображенія сѣкиръ, знаменовавшихъ отсѣченіе пороковъ, черепа на костяхъ, какъ символа смерти, зеленыхъ вѣтвей, какъ символа вѣчной жизни и возрожденія, пламенѣющихъ звѣздъ съ обычными литерами G или съ буквами E. Z, какъ начальными въ именахъ Бога по-еврейски (Елогинъ—свойство правосудія, коимъ держится міръ и Саваоѳъ). Цвѣтъ подкладки у запоновъ, каймы на нихъ, розетокъ, завязокъ былъ различный; у шотландскаго ученика и собрата этотъ цвѣтъ былъ большею частью черный, въ ознаменованіе траура, у шотландскаго мастера—большею частью красный. Красный цвѣтъ у шотландскихъ мастеровъ появился въ Англіи; до 1731 г. этотъ цвѣтъ не былъ совершенно извѣстенъ у масоновъ; въ 1735 г. онъ былъ пріуроченъ стуартамъ (распорядителямъ); въ 1740 г. онъ введенъ въ шотландскихъ степеняхъ. Та-

кимъ образомъ, если у іоанновскаго мастера преимущественнымъ цвѣтомъ былъ голубой съ золотомъ, то къ шотландскому мастеру былъ пріурочекъ цвѣтъ пурпурный съ золотомъ. Отсюда и французскіе термины: іоанновскаго масонства — maçonnerie bleu и шотландскаго—maçonnerie rouge.

Однимъ изъ любимѣйшихъ девизовъ высшихъ степеней было изрѣченіе—„побѣда или смерть". Эти многозначущія слова вышивались шелками и серебромъ по черному шелку лентъ или вырѣзывались на лезвіяхъ кинжаловъ. Въ французской системѣ (rite français ou rite moderne), въ четвертой степени, на черной чрезплечной лентѣ, вышиты три черепа и девизъ: vincere aut mori; къ этой лентѣ маленькой красной ленточкой прикрѣпленъ на бѣломъ бантѣ золотой кинжалъ съ серебрянымъ лезвіемъ. Въ 11-й степени системы шотландскаго обряда 33-хъ степеней, на черной лентѣ вышиты три пылающія сердца, или просто девизъ vincere aut mori; къ лентѣ также подвѣшенъ золотой кинжалъ съ серебрянымъ лезвіемъ. Въ 12-й степени системы Мизраима или египетской, на черной же лентѣ—тѣ же три пылающія сердца и тотъ же девизъ. Въ 7-й степени шведской системы объясняется, что девизъ vaincre ou mourir на черныхъ чрезплечныхъ лентахъ братьевъ-каменщиковъ унаслѣдованъ отъ тампліеровъ, слѣдовавшихъ ему въ борьбѣ съ невѣрными; тампліеры въ этой борьбѣ никогда не разлучались съ кинжаломъ: вотъ почему и девизъ этотъ всегда имѣется на лентѣ, къ которой привѣшанъ кинжалъ. Въ 4-й степени шведской же системы уже объясняется значеніе кинжала: лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться клятвопреступникомъ. Въ 30-й степени шотландскаго обряда на зеленомъ знамени ордена вышитъ черный двуглавый орелъ; въ когтяхъ онъ держитъ кинжалъ съ шитымъ серебромъ лезвіемъ, на которомъ имѣются слова—vaincre ou mourir; на другомъ орденскомъ знамени (бѣломъ) имѣется девизъ—Dieu le veut; украшеніе этой степени—тоже двуглавый орелъ, съ короною; въ когтяхъ — кинжалъ, на лезвіи котораго—девизъ vaincre ou mourir.

Носились иногда масонскія кольца. Въ 14-й степени шотландскаго обряда кольца имѣли видъ вѣнчальныхъ; съ внутренней стороны вырѣзались: даты принятія, имя экосца и девизъ—la vertu unit ce que la mort ne peut séparer. Были въ обычаѣ и подвязки. Рыцари—розенкрейцеры рилвинингскаго обряда носили на лѣвой ногѣ подвязку съ вышитой легендой—Virtute et Silentio.

Въ высшихъ степеняхъ къ прежнимъ іоанновскимъ знакамъ присоединяются: мечъ, какъ символъ необходимости борьбы за идею; вѣнецъ, знаменующій мудрость; роза, символъ вѣчной жизни; крестъ, символъ страданія; кинжалъ, символъ наказанія измѣнниковъ. Преж-

ніе символы толкуются въ высшихъ степеняхъ по иному; такъ, пламенѣющая звѣзда означаетъ иногда природу, сверхнатуральный огонь.

Различнымъ степенямъ присвоены были различныя одѣянія. Эти одежды символизировали значеніе степени, въ которой онѣ носились. Великій командоръ въ высшей, т. е. 33-й степени шотландскаго обряда, одѣтъ былъ съ царственной роскошью въ шелковую одежду цвѣта пурпура, окаймленную бѣлымъ; величіе степени знаменовала царская корона, возложенная на голову; въ рукахъ онъ держалъ обнаженный мечъ. Въ противоположность яркости этой одежды можно привести траурное одѣяніе, которое обязаны были носить въ Россіи шотландскіе ученики и собратья въ 4-й степени шотландской системы. Въ ознаменованіе горести по исчезновеніи истиннаго мужества и свѣта братья носили черное бархатное платье, подбитое бѣлымъ атласомъ, и бѣлые атласные камзолы и штаны; мастеръ же ложи одѣвалъ, въ отличіе отъ прочихъ, вмѣсто обыкновенной шляпы беретъ изъ голубого атласа, вышитый золотыми звѣздами и крестомъ. На шляпахъ часты своеобразныя украшенія; напримѣръ, шляпы рыцарей-кадошей шотландскаго обряда украшались солнцемъ съ золотыми лучами и со всевидящимъ окомъ въ центрѣ.

Вообще масоны въ высшихъ степеняхъ носили разноцвѣтныя круглыя шляпы, украшенныя разноцвѣтными же перьями, носились шляпы бѣлыя съ голубыми, черными, красными и бѣлыми перьями; шляпы черныя съ черными и бѣлыми перьями, шляпы зеленыя съ перьями черными, желтыми, красными, зелеными, шляпы фіолетовыя бархатныя съ бѣлыми перьями; шляпы красныя съ красными, бѣлыми, черными и зелеными перьями. При врученіи шляпы, посвящаемымъ говорили—свободный мужъ почитаетъ Бога, законы и самого себя за единственнаго обладателя своей воли. Въ системѣ русскаго генерала Мелиссино посвящаемаго спрашивали: что значитъ бѣлая шляпа ваша, украшенная голубымъ перомъ? и риторъ подсказывалъ отвѣтъ: она знаменуетъ украшенную свободу. И въ высшихъ степеняхъ системы Мелиссино и въ другихъ системахъ масоны въ ложахъ одѣвали мантіи, у Мелиссино мантіи были бѣлыя—знакъ невинности и красныя—въ знакъ царственности каменщическаго искусства, и сверхнатуральной силы и власти Ордена; и въ знаменье того, что законъ благодати распространенъ кровью. Шотландскіе братья свѣта носили черныя атласныя мантіи съ бѣлымъ, алыя шелковыя съ зеленымъ, пурпурныя съ золотомъ. Герольды носили бѣлыя атласныя съ золотомъ; первосвященники невидимаго капитула бѣлыя шерстяныя по образцу старинныхъ тампліеровъ, а на лѣвой сторонѣ мантіи шитый красный тампліерскій крестъ, на правой черный.

Наконецъ, засѣданія масоновъ въ самыхъ высокихъ степеняхъ называются капитулами. Капитулы, по масонскимъ узаконеніямъ, могли учреждаться только тамъ, гдѣ уже работали по меньшей мѣрѣ три іоанновскія ложи и одна шотландская.

Въ очеркѣ обряда высшихъ степеней я остановлюсь на одномъ частномъ примѣрѣ — принятіи въ шестую степень капитула Феникса, одной изъ ложъ управленія, пользуясь архивнымъ необнародованнымъ первоисточникомъ. Этотъ капитулъ работалъ по шведской системѣ, гдѣ было десять степеней: три іоанновскія, двѣ шотландскія (ученика—товарища и мастера), рыцарей востока и Іерусалима, рыцарей запада, ближнихъ св. Іоанна, ближнихъ св. Андрея и великихъ архитекторовъ. Слѣдовательно, шестою степенью была степень рыцарей востока и Іерусалима. Капитулъ, смотря по числу своихъ членовъ, бывалъ: законный, обыкновенный и совершенный; въ первомъ было 27 членовъ, во второмъ—49 и въ третьемъ—81, не считая предсѣдателя (субпрефекта или великаго префекта) и духовныхъ лицъ (капеллановъ и пріоровъ).

Блистатательный капитулъ Феникса существовалъ въ Россіи съ 1778 г., будучи учрежденъ Швеціею отъ герцога Карла Зюдерманландскаго чрезъ посредство князя Александра Куракина. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ былъ посланъ изъ Россіи въ Швецію для объявленія шведскому королю о второмъ бракѣ Наслѣдника русскаго престола, великаго князя Павла Петровича. Во время этого пребыванія Куракина въ Швеціи и совершилось принятіе его въ стокгольмскую ложу. Изъ сохранившейся переписки Куракина съ графомъ Адамомъ Левенгауптомъ явствуетъ, что еще въ декабрѣ 1776 г. Куракинъ былъ принятъ въ ложу, въ Стокгольмѣ, герцогомъ Карломъ Зюдерманландскимъ, при чемъ Левенгаупту, какъ обрядоначальнику ложи, было поручено переслать Куракину масонскіе знаки и украшенія. Исполняя распоряженіе герцога, Левенгауптъ прислалъ знаки со своимъ слугою и писалъ Куракину, что это онъ дѣлаетъ для того, чтобы знаки были вручены въ собственныя руки. Изъ другого письма того же Левенгаупта видно, что тогда же были намѣчены и другіе именитые русскіе масоны для присоединенія къ стокгольмской ложѣ – извѣстный Елагинъ и князь Гагаринъ. Письмо Левенгаупта ясно выражаетъ тотъ восторгъ, которымъ были полны сердца шведскихъ вольныхъ каменщиковъ при учрежденіи въ Россіи ложъ въ зависимости отъ Швеціи; Левенгауптъ пишетъ, что ждетъ—не дождется той счастливой минуты, когда будетъ увѣнчано предпринятое возстановленіе ордена. Куракина онъ называетъ „возстановителемъ священнаго ордена“ въ Россіи и восклицаетъ: „сознайтесь, дорогой князь, что есть что-то не-

постижимое въ нашемъ орденѣ; вчера еще совершенно чуждые другъ другу, сегодня мы—уже въ самомъ тѣсномъ единеніи"! По возобновленіи масонства при Александрѣ I былъ возстановленъ и капитулъ Феникса съ цѣлью „поддержать истинное и древнее каменщичество между немногочисленными, но вѣрными братьями.

Входъ въ капитулъ охраняется оруженосцами со скрещенными мечами. Посвящаемый стучится въ двери тремя іоанновскими и четырьмя шотландскими ударами. Его испытываютъ „знакомъ, прикосновеніемъ и словомъ", которые удостовѣряютъ, что данное лицо есть масонъ такого-то градуса. Чѣмъ выше степень, тѣмъ эти условные знаки и слова сложнѣе и запутаннѣе. „Знакъ" 6-ой степени шведской системы заключался въ томъ, что одинъ рыцарь (братья высшихъ степеней часто назывались рыцарями) перекрещивалъ свои руки и бралъ пястью своей правой руки лѣвый локоть брата и пястью своей лѣвой руки—правый локоть брата, а затѣмъ подымалъ въ такомъ положеніи свои руки. „Прикосновеніе" происходило приставленіемъ правой ноги къ правой же ногѣ брата, такъ чтобы соприкасались оба колѣна, и взятіемъ другъ друга подъ пазуху. Наконецъ, „словъ" было два: „croisé" и „Сіонъ"; одно говорилось на лѣвое ухо, другое—на правое ухо; при этомъ испытаніи извлекались шпаги изъ ноженъ и скрещивались.

Посвящаемый входилъ въ капитулъ.

Пространный залъ капитула залитъ огнями: въ свѣтильникахъ горитъ 81 свѣча, по числу рыцарей. Снѣжно-бѣлый шелкъ балдахина надъ трономъ Великаго Префекта рѣзко выдѣляется на красномъ сукнѣ, которымъ обиты стѣны. Вышитый на балдахинѣ яркокрасный іоанновскій крестъ кажется обагреннымъ кровью. Тронъ, одѣтый въ пурпурный бархатъ, и жертвенникъ, покоящійся на четырехъ львиныхъ золоченыхъ головахъ и покрытый бѣлымъ шолкомъ, съ Андреевскимъ крестомъ, вышитымъ зеленымъ шелкомъ и золотомъ, стоятъ съ востока на возвышеніи о семи ступеняхъ. На жертвенникѣ мечъ и библія. Съ запада, на двухъ столахъ, крытыхъ бѣлымъ шелкомъ, возложены: наугольникъ, корона, шпоры, орденскій мечъ, запоны и ленты со знаками. Посреди зала водружено багряное орденское знамя. Полъ обитъ багрянымъ же сукномъ и діагонально разсѣченъ большимъ зеленымъ андреевскимъ крестомъ. Всѣ рыцари—въ орденскихъ одѣяніяхъ; у всѣхъ—шляпы съ красными и бѣлыми бантами, шпоры, мечи и различныя ленты: черныя струйчатыя, совершенно бѣлыя, бѣлыя съ золотомъ, зеленыя; у нѣкоторыхъ рыцарей на бѣлыхъ нагрудникахъ нашитъ красный іоанновскій крестъ. Герольды выдѣляются бѣлыми шелковыми мантіями и бѣлыми шляпами съ двумя перьями, краснымъ и бѣ-

лымъ. Префектъ украшенъ золотымъ съ краснымъ іоанновскимъ крестомъ на шейной золотой цѣпи съ 9-ю маленькими іоанновскими крестами.

Капитулъ открывается Великимъ Префектомъ семью ударами золотой сѣкирой по мечу. Обрядоначальники, имѣя въ рукахъ жезлы изъ бѣлой слоновой кости съ черными наконечниками, вводятъ ищущаго свѣта, т. е. шотландскаго мастера, посвящаемаго въ рыцари востока и Іерусалима. У посвящаемаго обнажены шея, лѣвая рука, плечо, правое колѣно. „Извѣстно ли достовѣрно то,— громко вопрошаетъ префектъ блюстителя храма,—что житіе ищущаго непорочно и поведеніе его всегда похвально было? имѣетъ ли онъ достаточныя средства безвозмездно служить подъ священною хоругвію? готовъ ли онъ какъ съ видимыми, такъ и невидимыми врагами храма сражаться?“

При утвердительныхъ отвѣтахъ принимаемый обязанъ дать три клятвы. Онъ становится на колѣни и, положа лѣвую руку на отверстое евангеліе отъ Св. Іоанна, повторяетъ ритуальныя слова за блюстителемъ храма. „Обѣщаюсь въ силу прежнихъ моихъ обѣтовъ никогда не открывать таинствъ, кои открыты мнѣ будутъ, и внѣ сего капитула никакимъ образомъ не разглашать и не подвергать чьей-либо догадки, кѣмъ и какимъ образомъ принятъ въ рыцари востока“. Двукратный крестообразный ударъ мечомъ по лѣвому плечу скрѣпляетъ эту клятву. Вновь склонивъ колѣна, посвящаемый повторяетъ слова второй присяги: „обѣщаюсь и свято обязуюсь, что, ежели гдѣ встрѣчу извѣстнаго или неизвѣстнаго брата, какого бы званія или состоянія онъ ни былъ, но коего признаю истиннымъ рыцаремъ востока, то изъявлю и окажу чувствованія дружбы, приверженности и любви и буду ему вспомоществовать во всемъ, что отъ меня зависѣть будетъ, и когда одинъ не въ силахъ буду ему подать помощь, обязуюсь прибѣгнуть къ другимъ братьямъ и требовать отъ нихъ для него подпоры и защиты“. Новый двукратный крестообразный ударъ, на этотъ разъ по правому плечу, укрѣплялъ и вторую присягу. Блюстители храма ведутъ присягнувшаго семью размѣренными шагами къ трону, къ свѣту. При каждомъ шагѣ блюстители храма крестообразно ударяютъ посвящаемаго мечами въ грудь, пока онъ не ступитъ на первую ступень, ведущую къ жертвеннику, пока хранитель хоругви не разовьетъ надъ нимъ багряное знамя, пока тихая музыка не огласитъ залъ и не раздастся сначала тихое, а затѣмъ все болѣе и болѣе громкое пѣніе пѣсни братьями:

„Свершился вѣрности обѣтъ,
Подъ знаменемъ я стою багровымъ.
Къ Святилищу преграды нѣтъ.
Я самъ сталъ полонъ духомъ новымъ.
Одѣтый въ снѣжну бѣлизну,
Несусь въ безоблачну страну.
Вспарилъ превыше облаковъ,
Услышалъ хоры, пѣсни, радость
О, мой Господь! о, свѣтъ свѣтовъ,
Я съ нимъ! я въ немъ! о, жизнь! о, сладость!“

Подъ звуки пѣсни посвящаемый всходитъ на семь ступеней и вновь преклоняетъ колѣни, сложивъ руки надъ библіей—крестообразно, а шляпу и мечъ—андреевскимъ крестомъ. Префектъ повелѣваетъ оруженосцу дать посвящаемому шпоры и приглашаетъ посвящаемаго принять послѣднюю присягу. Онъ клянется всѣми силами проповѣдовать, защищать, распространять вѣру истинную, православную, неутомимо исполнять дѣла милосердія. „Обязуюсь паче всего стремиться къ чистотѣ нравовъ“, поднимаясь съ колѣнъ, говоритъ присягающій, „и провождать жизнь умѣренную, строгую и благочестивую“. Меченосецъ приближается съ орденскимъ мечомъ. Префектъ произноситъ слова увѣщанія и, взявъ знамя, троекратно ударяетъ по груди пріемлемаго.

„Силою власти, данною мнѣ, яко префекту сего блистательнаго капитула, по согласію и благоволенію собранныхъ здѣсь рыцарей, пріемлю васъ въ рыцари востока и Іерусалима“. Затѣмъ, смѣнивъ знамя мечомъ, префектъ производитъ самое посвященіе тремя ударами по лѣвому плечу посвящаемаго.

I. „Буди ревностный“
(Первый ударъ).

II. „Огненный“
(Второй ударъ).

III. „Неустрашимый воинъ подъ сею хоругвію“.
(Третій ударъ).

Префектъ, поднимая руки на голову вновь принятаго рыцаря, благословляетъ его и, отойдя къ трону, приказываетъ обрядоначальникамъ привести его въ правую сторону отъ трона и принести ему украшенія.

Украшеніе 6-й степени состоитъ изъ запона и ленты съ ключомъ.

На запонѣ изображены: андреевскій крестъ и солнце. Андреевскій крестъ помѣщенъ „въ честь того мастера, коего руководству предалъ

себя св. Андрей“, т. е. въ честь Іисуса Христа. Солнце же знаменуетъ, что новый братъ принятъ „въ рыцари востока, т. е. такого мѣста, гдѣ солнце незаходимое всегда озаряетъ насъ въ ратоборствованіи съ видимыми и невидимыми врагами священнаго писанія“. На клапанѣ запона помѣщенъ другой андреевскій крестъ малаго размѣра. Запонъ—изъ бѣлой лайки съ зеленою обшивкою и зеленымъ подбоемъ.

Лента, на которой виситъ ключъ, зеленаго цвѣта, съ пятью изъ алыхъ лентъ крестами; зеленый цвѣтъ знаменовалъ надежду на вступленіе въ храмъ и обитаніе въ немъ; алые кресты напоминаютъ о пяти „кровоточныхъ высочайшаго мастера язвахъ“. Лента носится черезъ правое плечо въ ознаменованіе того, что вручившій ключъ „имѣлъ точное и достовѣрное познаніе о истинномъ онаго ключа употребленіи“.

Къ лентѣ привѣшивался на узкой бѣлой ленточкѣ золотой ключъ. Онъ изображалъ ключъ Давыдовъ, „иже отверзаяй и никто же затворитъ, затворяяй и никто же отверзе“. Онъ знаменовалъ право открытія и закрытія ложъ пяти степеней.

Еще три частныхъ замѣчанія.

Рыцарь обязывался распространять и защищать христіанскую вѣру. Чрезвычайно интересно, что въ русскомъ спискѣ, по которому приводится мною обрядъ, указано, что рыцарь востока долженъ былъ распространять именно православную вѣру. Между тѣмъ, русскіе масоны могли получать акты шведской системы или изъ Швеціи, или изъ германской великой ложи, гдѣ, конечно, не могло быть и рѣчи о православіи. Слѣдовательно, это является уже передѣлкою русскихъ масоновъ.

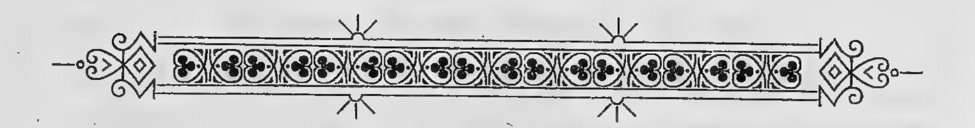
Въ ритуалѣ упоминается, что префектъ носилъ на шейной цѣпи большой іоаннитскій крестъ. Вопросъ объ этомъ украшеніи былъ включенъ въ инструкцію, данную въ 1818 г. отъѣзжавшему въ Россію германскому масону, которому было поручено собраніе свѣдѣній о русскомъ масонствѣ. Инструкція съ отвѣтами хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. Она напечатана покойнымъ академикомъ Пыпинымъ тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ. Десятый вопросъ напечатанъ этимъ ученымъ въ такой редакціи: „украшенія оберъмейстера (т. е. префекта) похожи ли на наши, состоятъ ли они въ цѣпи, украшенной 9-ью іоаннитскими крестами и на которой виситъ крестъ съ красной эмалью? на этомъ крестъ находится ли съ одной стороны треугольникомъ съ буквами R. N. F., а съ другой стороны черное кольцо, между“; здѣсь Пыпинъ ставитъ точки, прерывая текстъ, и далѣе пишетъ: „буквами S. T. P.“ Въ подстрочномъ примѣчаніи Пыпинъ пишетъ, что вторая часть вопроса не

вполнѣ ясна, и приводитъ нѣмецкій текстъ, гдѣ вмѣсто точекъ русскаго текста поставлены слова „kreuz weis gelegten“. Повидимому, академику Пыпину не былъ извѣстенъ тотъ списокъ, которымъ пользовалась я. Въ этомъ же спискѣ неразобранныя Пыпинымъ слова читаются „крестообразно положенные мечи“, а значитъ, нѣмецкій текстъ долженъ читаться „kreuzweisgelegten Degen“. Отвѣта на 10-й вопросъ германскаго масона русскіе не дали, а ему были вручены акты, по которымъ онъ долженъ былъ дать отвѣтъ самъ. Этотъ отвѣтъ, конечно не сохранившійся, я могу теперь возстановить и сказать „украшенія великаго префекта русскаго капитула и оберъ-мейстера великой ложи германской земли были тождественны“.

Ключъ, знакъ рыцарей востока, часто встрѣчается въ музеяхъ и коллекціяхъ. Но нигдѣ я не встрѣчала указанія на то, къ какой степени и какой системѣ принадлежитъ ключъ; только въ Ревельскомъ провинціальномъ музеѣ глухо сказано, что это знакъ „eines Hochbeamten“, т. е. высокаго должностнаго лица. Въ Румянцевскомъ музеѣ, въ собраніи С. С. Ланского, ключъ привѣшанъ къ красной съ золотою каймою лентѣ. Какъ видно изъ актовъ 6-й степени, на этой лентѣ носился ключъ чиновниками капитула въ шотландской ложѣ. Слѣдовательно, экземпляръ Румянцевскаго музея былъ одѣтъ въ послѣдній разъ Ланскимъ, который былъ чиновникомъ капитула, во время посѣщенія имъ шотландской ложи“.

Тира Соколовская.

Крайне экономный министръ.

Скончавшійся въ 1890-мъ году на девятомъ десяткѣ годовъ своей жизни инженеръ тайный совѣтникъ Валеріанъ Александровичъ Кипріяновъ, состоявшій однимъ изъ главныхъ лицъ въ дѣлѣ постройки Московско-Курской жел. дороги, очень много разсказывалъ изъ жизни разныхъ лицъ, особенно инженеровъ; кругъ знакомства у него былъ громадный; къ тому же онъ всю жизнь неизмѣнно держался обычая записывать все, что ему доводилось видѣть, слышать и переживать. Это былъ въ высшей степени начитанный человѣкъ и крайне интересный старикъ,—при этомъ бодрый, здравый до конца дней своихъ. Человѣкъ онъ былъ очень состоятельный, вѣчно хлопоталъ о чужихъ дѣлахъ, кому-нибудь, что-либо устраивалъ — всегда изъ одолженія; въ благотворительности онъ просто утопалъ, но дѣлалъ или творилъ ее уже въ полнѣйшей степени безкорыстно.

Отецъ его былъ богатый московскій помѣщикъ, служилъ въ военной службѣ, состоялъ очень долго адъютантомъ Кутузова — еще до Отечественной войны и вообще по отношенію къ Кутузову былъ очень близкимъ человѣкомъ, о чемъ сохранилъ и передалъ сыну массу записокъ.—Въ 1828 году отецъ Кипріянова, командуя отдѣльной бригадой, очень долго твердо стоялъ противъ турецкой арміи подъ Праводами, пока не собралась наша армія.

Прочтя мартовскую книжку „Русской Старины" за 1885-й годъ, В. А. Кипріяновъ очень заинтересовался помѣщенными въ ней „*Воспоминаніями о ген.-ад. Чевкинѣ*".—Вообще этотъ журналъ онъ всегда читалъ, очень его любилъ, выписывалъ и тщательно хранилъ съ 1-хъ номеровъ,—съ самаго начала выхода его.

Разговорившись о воспоминаніяхъ, онъ разсказалъ, что хотя и не стоялъ всегда близко къ Чевкину, но всю жизнь зналъ его. Въ 1871 году В. А. Кипріянову случилось нѣкоторое время засту-

пать въ Министерствѣ Путей Сообщенія мѣсто старшаго инспектора и по этой должности нерѣдко бывать съ докладами у министра.

Мелкіе чиновники, писаря и вообще разные служащіе, зная доброту, которою славился ген.-адьют. Чевкинъ, заваливали его просьбами о вспомоществованіи по случаю бѣдственнаго положенія своего вообще или въ виду какихъ-либо внезапныхъ бѣдъ, несчастныхъ случаевъ и т. п.

Капиталы, имѣвшіеся въ его распоряженіи на этотъ предметъ, были и сами по себѣ не очень велики, а по сопоставленію съ предъявлявшимися просьбами—прямо незначительны; въ сравненіи съ обозначавшеюся всегда нуждой—это была капля въ морѣ.

Съ одной стороны ген. Чевкинъ былъ до крайности сердобольный человѣкъ, а съ другой былъ до щепетильности неизмѣненъ въ дѣлѣ принципіальнаго блюденія интересовъ казны; истратить лишнюю казенную копѣйку, не настоять на экономіи этой копѣйки—онъ считалъ непозволительнымъ мотаніемъ казенныхъ суммъ, а мотать ихъ являлось по его убѣжденію страшнымъ преступленіемъ.

Такимъ образомъ, при полученіи и разсмотрѣніи прошеній, ген. Чевкинъ постоянно боролся между страстнымъ, сердечнымъ желаніемъ помочь бѣдняку и тяжелою необходимостью урѣзать или того хуже отказать ради сбереженія интересовъ казны.

Вотъ поэтому на какія уловки этотъ безмѣрно добрый человѣкъ нерѣдко поднимался по словамъ В. А. Кипріянова; докладываю я ему просьбу писаря отпустить ему на похороны умершей жены 6 р. 50 коп.

По обыкновенію прежде всего министръ находитъ, что это очень много.

— Много, много, какъ это можно, ужасная сумма, на что такъ много? За землю придется заплатить какіе-нибудь гроши, за гробъ—рубль,—ну рубль пятнадцать, свезутъ за 50 к., ну вполнѣ достаточно трехъ рублей и, не слушая никакихъ возраженій, пишетъ на прошеніи резолюцію: выдать изъ суммъ, отпускаемыхъ казной на пособія—3 руб. Дальше въ докладѣ четыре прошенія о выдачѣ пособій по 8 рублей на дѣтей. — О! Какъ можно, страшныя суммы; да вы узнали, есть ли нужда-то?

— Провѣрено, В. В-во, нужда дѣйствительно вопіющая.

— Нужда вопіющая, да вѣдь и капиталы вопіющіе хотятъ выпросить; какъ можно, вполнѣ могутъ удовлетворяться половиной, вполнѣ; пишетъ на общемъ представленіи резолюцію такую же длинную о томъ, чтобы выдать по 4 руб. каждому.

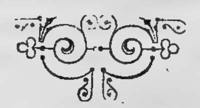
Продолжая принимать дальнѣйшіе доклады по другимъ дѣламъ, онъ нѣтъ-нѣтъ да и вспомнитъ о своихъ резолюціяхъ: да, да вполнѣ

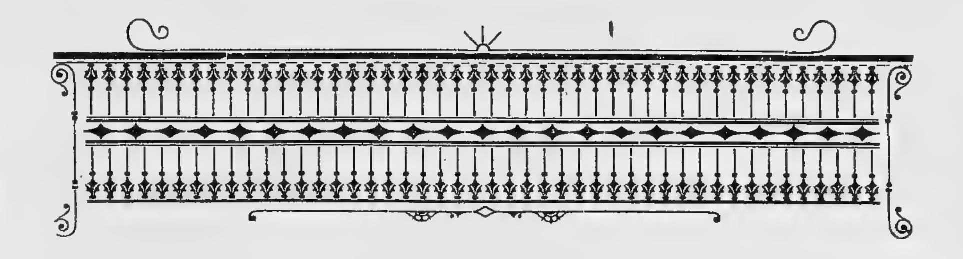
достаточно, какъ на 3 руб. не похоронить бѣдную женщину, пустяки, вздоръ.

По окончанiи же доклада при прощаньи онъ идетъ въ ящикъ своего письменнаго стола, вынимаетъ и раскладываетъ по конвертамъ деньги, приговаривая: изъ казны вы возьмете для раздачи то, что положено по резолюцiи, а вотъ 3 р. 50 к. на похороны бѣдняжки и по 4 руб. въ пособiе на дѣтей,—раздайте отъ меня; но чтобы отнюдь до просителей это не дошло, ни въ какомъ случаѣ. Вотъ вамъ въ конвертахъ 19 р. 50 коп. Массу собственныхъ денегъ онъ раздавалъ такимъ путемъ.

За сердечность и отзывчивость Чевкинъ былъ среди чиновниковъ прозванъ „дѣдомъ милосердiя", а прославившая его, тяжелая для всѣхъ, экономiя въ казенныхъ денежныхъ дѣлахъ стяжала ему среди нихъ прозвище „государственнаго казначея".

Сообщилъ А. Е. К.

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Источникъ фабулы „Онѣгина“.

Изъ любого великаго литературнаго произведенія не трудно выдѣлить простую, внѣшнюю схему, по которой оно сложено, его грубый остовъ. Если отбросимъ въ сторону освѣщеніе характеровъ, поэтическій паѳосъ, литературный стиль, окружающую историческую и бытовую обстановку, предъ нами предстанетъ въ самомъ примитивномъ видѣ лишенный плоти и обезкровленный, нагой скелетъ—грубая и несложная фабула, содержаніе, словно разсказанное „своими словами“... У Шекспира, какъ доказано давно, нѣтъ ни одной „своей“ фабулы, имъ самимъ вымышленной; онъ пользовался то стариннымъ преданіемъ, то отрывкомъ изъ лѣтописи, то итальянской новеллой, но отъ этого не тускнетъ золотой вѣнецъ на славномъ челѣ великаго поэта-сердцевѣдца, создавшаго вѣчные типы тоскующаго Гамлета, нѣжной Джульетты, страстно жаждущаго справедливости Шейлока... Гоголь построилъ „Мертвыя души“ и „Ревизора“ на разсказанныхъ ему Пушкинымъ анекдотахъ. Ничего, конечно, невозможнаго нѣтъ и въ томъ, что и въ безсмертномъ „Евгеніи Онѣгинѣ“ самого Пушкина также „сюжетъ заимствованъ“.

Есть у К. Ѳ. Рылѣева, бывшаго пламеннымъ поэтомъ гражданскаго чувства, но весьма посредственнымъ художникомъ-психологомъ, довольно плохой разсказъ, содержаніе котораго очень близко напоминаетъ фабулу „Онѣгина“. Передавать послѣднюю мы не станемъ, такъ какъ она знакома всякому читателю, но коротенькій разсказъ Рылѣева, который мало кто помнитъ, приведемъ цѣликомъ изъ

„Невскаго Зрителя“, 1821 г., ч. V, февраль, 160—163, гдѣ онъ былъ напечатанъ впервые. Онъ называется—„Чудакъ“.

„Угрюмовъ былъ странный человѣкъ: онъ ненавидѣлъ женщинъ и, не вѣря добродѣтели ихъ, вездѣ поносилъ прекрасныхъ. За два года предъ симъ писалъ онъ другу своему:

„Представь себѣ: батюшка было вздумалъ меня женить и, не сказавъ мнѣ ни слова, повезъ къ Добронравову. На половинѣ дороги признался онъ, что ѣдетъ сватать за меня Лизу, старшую дочь сего стараго своего друга, сослуживца и сосѣда.—Но развѣ не знаете вы, что сынъ вашъ никогда не намѣренъ жениться?—сказалъ я ему.—Почему?—спросилъ онъ сурово.—Потому, что я ненавижу женщинъ.—Такой вздоръ и слушать я не хочу. Ты долженъ непремѣнно жениться, и жениться на Лизѣ, если не имѣешь въ виду другой дѣвицы.—Но, батюшка, мнѣ ни Лиза, никто не нравится: вы сдѣлаете насъ несчастными.—И это вздоръ! Женись! Я тебѣ приказываю.—Такъ рѣшительно батюшка еще никогда не говаривалъ мнѣ; я заключилъ, что онъ рѣшился женить меня во что бы то ни стало! Между тѣмъ мы подъѣхали къ дому Добронравовыхъ. Входимъ и застаемъ все семейство въ гостиной. Лиза имѣетъ видъ весьма привлекательный. Что,—подумалъ я, если бы и душевныя ея качества соотвѣтствовали наружнымъ! Я бы могъ быть счастливымъ... Но мечта, мечта! И я, зная, что батюшка никогда не любитъ шутить, рѣшился открыться ей самой, что я не могу быть ея супругомъ. Избравъ удобный случай, когда старики удалились, я безъ дальнихъ околичностей объяснился съ нею. Она дала слово отказать мнѣ и исполнила оное. Теперь, слава Богу, я спокоенъ. Батюшка не тревожитъ меня, и я восхищаюсь, что такимъ образомъ избавился отъ ужаснаго несчастія—*„быть женатымъ“*.

Шутливый другъ отвѣчалъ чудаку въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Съ боязнію за тебя читалъ я послѣднее письмо твое; оно дышитъ ненавистью къ нѣжному полу... Или ты забылъ, какая участь постигла смѣльчака Тирезія, дерзнувшаго только отдать преимущество мужскому полу предъ женскимъ (что онъ одинъ только и былъ въ состояніи справедливо сдѣлать, бывъ и мужчиною и женщиною)? Юнона, мстя ему за сіе, и, вѣроятно, затѣмъ, дабы онъ впредь не видѣлъ недостатковъ пола ея, безчеловѣчно лишила его зрѣнія, котораго, конечно, не промѣнялъ бы онъ на даръ пророчества, коимъ за оказанную справедливость надѣлилъ его царь боговъ и человѣковъ. Ревнуя ко благу друзей моихъ, поставляю себѣ за священную обязанность предостеречь тебя, дабы ты, говоря впредь о миломъ полѣ, былъ нѣсколько поосторожнѣе, если только не желаешь на самомъ себѣ испытать несчастіе Тирезія тѣмъ вѣрнѣе, что Юноны

нашего времени нимало не снисходительнѣе и не хуже Юноны лѣтъ древнихъ. Красота многихъ изъ нихъ ослѣпительна, и если ты не надѣленъ отъ Гермеса, подобно Улиссу, чудесною травкою моли, предохраняющею отъ очарованія красоты, то будь увѣренъ, что никакія средства не спасутъ тебя отъ сѣтей какой-нибудь красавицы— слѣдственно, отъ ослѣпленія; даже непобѣдимое хладнокровіе того философа, надъ которымъ славная Лаиса, тщетно истощивъ всѣ средства обольстительнаго искусства хитрыхъ гетеръ, сказала наконецъ, что она взялась прельщать *человѣка*, а не *статую*.

Такъ, любезный другъ, я боюсь за тебя. Нѣжный полъ, тобою оскорбленный, будетъ непремѣнно отомщенъ".

И представьте: боязнь шутливаго друга была справедлива. По прошествіи года Лиза вышла за Ариста, друга Угрюмова. Посѣщая ихъ, чудакъ непримѣтно влюбился въ прежнюю свою невѣсту и на опытѣ дозналь, что и женщины могутъ быть добродѣтельными, ибо Лиза, несмотря на то, что сама пламенно полюбила Угрюмова, осталась вѣрною супругою Ариста, за котораго отдана была противъ желанія".

Въ „чудакѣ" не трудно узнать Онѣгина, которому Пушкинъ тоже не разъ даетъ это прозвище [1]), а въ Лизѣ Татьяну. Чрезвычайное сходство фабулъ заключается въ тождествѣ положеній: и Угрюмовъ, и Онѣгинъ влюбляются въ отвергнутыхъ ими прежде женщинъ; Лиза, какъ и пушкинская Татьяна, любя Угрюмова, не рѣшается оставить для него нелюбимаго мужа, за котораго вышла тоже противъ воли: „и женщины могутъ быть добродѣтельными". Есть нѣкоторое сходство и въ характеристикахъ обоихъ героевъ. Угрюмовъ „ненавидѣлъ женщинъ и, не вѣря добродѣтели ихъ, вездѣ поносилъ прекрасныхъ". Такъ же думалъ и Онѣгинъ.

Красавицы недолго были
Предметъ его привычныхъ думъ... [2])

Причудницы большого свѣта,
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ... [3])

И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгеній... [4])

---

[1]) 1, IV; 7, XXIV; 8, VIII, XL.
[2]) 1, XXXVII.
[3]) 1, XLII.
[4]) 1, XLIII.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ-нибудь;
Откажутъ,—мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ,—радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость... [1]).

Колебанія Угрюмова, который, увидѣвъ Лизу, подумалъ: „Что, если бы и душевныя ея качества соотвѣтствовали наружнымъ! Я бы могъ быть счастливымъ... Но мечта, мечта!“ напоминаютъ волненіе, охватившее пушкинскаго героя, когда онъ получилъ письмо Татьяны.

Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинный
Имъ на минуту овладѣлъ... [2])

Такъ же, какъ Онѣгинъ Татьянѣ, Угрюмовъ открылъ Лизѣ, что „не можетъ быть ея супругомъ“, и такъ же, какъ и тотъ, „избавился отъ ужаснаго несчастія—быть женатымъ“. Такъ же, какъ и Онѣгинъ, Угрюмовъ слишкомъ поздно созналъ свою ошибку.

Пушкинъ, который иногда печатался въ „Невскомъ Зрителѣ“ [3]) и, конечно, всегда читалъ этотъ журналъ, не могъ не знать разсказа Рылѣева. Поэтъ писалъ своего „Онѣгина“ нѣсколько лѣтъ, работалъ надъ нимъ урывками и, не имѣя опредѣленнаго плана, въ началѣ работы „даль свободнаго романа сквозь магическій кристаллъ еще неясно различалъ“; быть можетъ, безсознательно воспринялъ онъ изъ разсказа Рылѣева указанныя выше черты, подвергшіяся въ „Онѣгинѣ“ такой вдохновенной переработкѣ. Геній, который беретъ свое добро всюду, гдѣ находитъ его, сумѣлъ извлечь полезное для себя изъ скучно-риторическаго, пустого разсказца Рылѣева, написаннаго съ такимъ явнымъ рвеніемъ угодить „милому полу“ и покадить „добродѣтели“. Вообще же Пушкинъ былъ до-

[1]) 4, X.

[2]) 4, XI.

[3]) Въ томъ же 1821 г., въ апрѣльской книжкѣ „Невскаго зрителя“ были напечатаны двѣ пьесы Пушкина—„Кюхельбекеру“ („Разлука“) и „Къ Прелестницѣ“.

вольно высокаго мнѣнія о талантѣ Рылѣева, поэма котораго „Войнаровскій" оказала значительное вліяніе на пушкинскую „Полтаву". Въ пушкинскомъ творчествѣ, явившемся синтезомъ всей русской литературы, то здѣсь, то тамъ встрѣчаются слѣды различныхъ вліяній и впечатлѣній, полученныхъ отъ писателей всевозможныхъ величинъ. Показанное сходство въ фабулахъ рылѣевскаго „Чудака" и „Евгенія Онѣгина" слишкомъ значительно для того, чтобы быть случайнымъ совпаденіемъ; но, конечно, нельзя думать, что столь ничтожная вещица могла оказать какое-нибудь прямое вліяніе на великій романъ. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ такимъ обычнымъ явленіемъ, какъ простая реминисценція нѣкоторыхъ образовъ и положеній, послужившихъ великому художнику канвой, на которой онъ расшилъ свою великолѣпную картину.

II.

Великосвѣтская дама о Пушкинѣ въ 1830 г.

Въ 1829, 1830 и 1831 г.г. въ Петербургѣ выходила небольшая французская газетка подъ названіемъ „Le Furet" [1]), journal de Littérature et des Théâtres". Газетка эта выходила два раза въ недѣлю; ея четыре страницы небольшого формата были наполнены перепечатками изъ французскихъ газетъ и театральными рецензіями; она, повидимому, обслуживала великосвѣтскую публику; издавалъ ее учитель французскаго языка въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ Шарль Сенъ-Жюльенъ; печаталась она въ типографіи вдовы Плюшаръ. Петербургскій „Пролазъ" иногда помѣщалъ и хронику русской литературы. Въ немъ мы нашли цѣлый рядъ извѣстій изъ русскаго литературнаго міра, впрочемъ совсѣмъ маловажныхъ. Въ пушкинской библіографіи „Furet" извѣстенъ; въ „Пушкиніанѣ" В. И. Межова есть два указанія на него (№№ 3209, 3210).

Страницы этого великосвѣтскаго, сплетничающаго листка сохранили весьма любопытное *дамское* сужденіе о Пушкинѣ. Въ 1830 г., когда Пушкинъ былъ въ зенитѣ своей славы, въ 12 № „Furet", 9 февраля (стр. 46), появилась небольшая замѣтка: „Петербургская дама—одной изъ своихъ московскихъ пріятельницъ, о романѣ „Милославскій" и поэтѣ Пушкинѣ". Ни у Межова, ни у составившаго дополненія къ его книгѣ И. Сержпутовскаго („Русск. Стар." 1887 г., февраль, 495—506) эта статейка не отмѣчена. Печатая ее, скудоумная газетка думала польстить знаменитому поэту. Письмо дамы довольно интересно. Какъ ни наивны ея разсужденія о пушкинской

---

[1]) Furet—хорекъ, переносно—проныра, пролазъ.

поэзіи, преклоненіе передъ Пушкинымъ дѣлаетъ честь ея вкусу; кто она, неизвѣстно (письмо безъ подписи), но въ великосвѣтскомъ кругу начала тридцатыхъ годовъ эта восторженная цѣнительница поэзіи Пушкина была, конечно, явленіемъ незауряднымъ.

Расточивъ множество похвалъ тогдашней злобѣ дня—„Милославскому“ Загоскина, петербургская дама переходитъ къ Пушкину и восторженно изливается передъ своей пріятельницей:

„Что касается до того, что вы мнѣ говорите о нашемъ первомъ поэтѣ, я вполнѣ раздѣляю вашъ восторгъ. Онъ, безъ сомнѣнія, наша слава и самое лучшее украшеніе нашей страны. Одна изъ моихъ пріятельницъ какъ-то сравнивала справедливо его поэзію съ музыкой Россини; чѣмъ дольше ее слушаешь, тѣмъ больше она нравится; какъ въ самомъ простомъ мотивѣ открываешь тысячи новыхъ красотъ, такъ, перечитывая любые стихи Пушкина—часто съ изумленіемъ находишь въ нихъ одну изъ лучшихъ картинъ Рафаэля. Напримѣръ, *Ангелъ*, котораго вы можете прочитать въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1828 г. [1]). Черезъ нѣсколько страницъ вы находите элегію [2]): всего шестнадцать стиховъ, а вы здѣсь раскрываете цѣлый романъ.—Счастливая, спокойная женщина любима безъ памяти. Она въ свою очередь любитъ. Но вскорѣ она покинута. Она уѣзжаетъ, но ни видъ ея родины, ни воспоминаніе о ея любви, ничто ея не привлекаетъ. Сердце ея поражено. Она умираетъ и, между тѣмъ какъ ея тѣнь блуждаетъ около того, кого она еще предпочитаетъ всему... онъ въ кругу равнодушныхъ людей, изъ равнодушныхъ устъ и съ величайшимъ равнодушіемъ узнаетъ, что той, которую онъ любилъ, уже нѣтъ! Вотъ ужъ подлинно романъ, моя дорогая, есть надъ чѣмъ крѣпко призадуматься. Удивляются Байрону, и я ему дивлюсь; но онъ могъ черпать свои вдохновенія подъ прекраснымъ небомъ Греціи: и луна, и теплый южный воздухъ, и вѣтерокъ, и воспоминаніе о свободѣ, почву которой онъ потерялъ, и эта прекрасная Италія, гдѣ онъ былъ любимъ, и гдѣ, самъ въ томъ не сознаваясь, и самъ любилъ, все соединилось, чтобы развить его талантъ! Но Александръ Пушкинъ, который родился и выросъ среди нашихъ снѣговъ и морозовъ, жизнь котораго бурна и непостоянна,—развѣ онъ не достоинъ гораздо большаго удивленія,

---

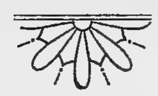
[1]) „Сѣверные Цвѣты“ на 1828 г., стр. 59,—„Ангелъ“ („Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный“...).

[2]) Ibid., стр. 51,—„Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“... Эта элегія внушена Пушкину извѣстіемъ о кончинѣ Амаліи Ризничъ, которую онъ любилъ. „Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть и равнодушно ей внималъ я“, говоритъ Пушкинъ. Содержаніе пьесы дама передаетъ не совсѣмъ вѣрно.

чѣмъ англійскій поэтъ! Все, что есть въ его стихахъ прекраснаго, идеальнаго, все это создано имъ самимъ, рождено его сердцемъ, его пламеннымъ воображеніемъ и его неподражаемымъ геніемъ! Я могу по чистой справедливости лучше, чѣмъ кто бы то ни было, сказать всю правду о нашемъ поэтѣ. Съ моей стороны это даже дань признательности. Желаніе читать его произведенія, ощущать ихъ красоты заставило меня учиться по-русски, и устыдиться, что я не знаю моего родного языка. Право, это справедливое благоговѣніе свободно отъ малѣйшаго пристрастія: знаете, моя дорогая, я вовсе не имѣю счастья быть лично знакомой съ г. Пушкинымъ, и мнѣ даже ни разу не случилось его встрѣтить".

С.-Петербургъ,
4 Февраля 1830.

Сообщилъ Н. Лернеръ.

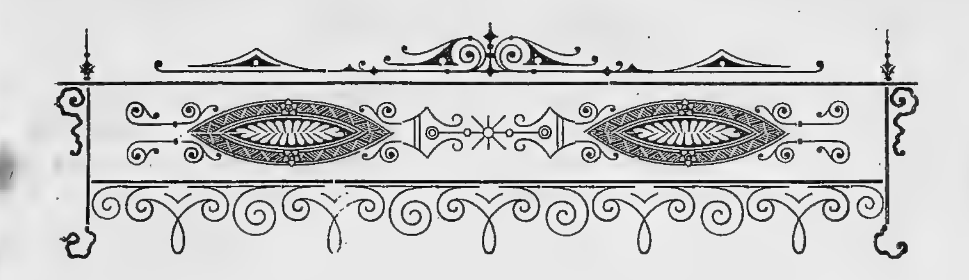
Записи, сдѣланныя со словъ покойнаго г.-а. Александра Михайловича Рылѣева.

1-го марта, послѣ развода въ Михайловскомъ Манежѣ, Государь пилъ чай у Великой Княгини *Екатерины Михайловны*, куда тоже была приглашена Княгиня *Екатерина Михайловна* Юрьевская, но не пріѣхала. Убійство совершено на *Екатерининскомъ* каналѣ.

Вѣнчаніе Государя съ Княжной Долгорукой происходило въ *3 ч. 30 м.* п.п.д.; послѣдній вздохъ погибшаго Государя произошелъ въ *3 ч. 33 м.* п.п.д.

Сообщилъ П. П.

Записка графа Сперанскаго

„Объ усовершеніи общаго народнаго воспитанія“.

Начало XIX вѣка—не только весьма интересное время въ исторіи упроченія у насъ государственнаго средняго образованія, но и въ нѣкоторой степени исключительное, — такъ какъ уже никогда послѣ не наблюдалось такого соотношенія силъ, опредѣляющихъ успѣхъ школьнаго дѣла, т. е. правительства и общества.

Увлеченное прогрессивными идеями, молодое правительство дѣлало все, что умѣло, для процвѣтанія новооткрытыхъ гимназій. Искренность его, по крайней мѣрѣ до 1812 года, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Къ сожалѣнію, общество въ своей массѣ не только не шло навстрѣчу правительству, но скорѣе тормозило его начинанія. Что же касается дворянства и служилаго чиновничества, котораго, казалось, всего ближе касались новыя гимназіи, — то оно, относясь совершенно отрицательно къ одному изъ главныхъ достоинствъ устава 1804 года — его общесословности — намѣренно бѣжало отъ гимназій, продолжая пробавляться сомнительными частными пансіонами и гувернерами-иностранцами.

Сознавая всю ненормальность создавшагося такимъ образомъ положенія и ясно чувствуя необходимость прекращенія этой своеобразной пассивной забастовки дворянства, правительство Александра 1-го, испробовавъ тщетность частичныхъ уступокъ дворянству, вынуждено было прибѣгнуть 6 августа 1809 года къ крутой и рѣшительной мѣрѣ, разумѣемъ извѣстный указъ объ экзаменахъ на чины. Иниціаторомъ, творцомъ и вдохновителемъ этой мѣры, явившейся положительно крупнымъ событіемъ въ исторіи нашего просвѣщенія, былъ М. М. Сперанскій.

Общество сразу же угадало дѣйствительнаго виновника обрушившейся на мирно дремавшее чиновничество бѣды, и сарказмы посыпались на дерзкаго поповича. Даже Карамзинъ и тотъ со своей запиской „О древней и новой Россіи" оказался въ числѣ противниковъ указа, — но, несмотря на все это, указъ остался въ силѣ и сыгралъ видную роль.—Дворянская забастовка кончилась. Чиновничество стало проходить систематическій курсъ.

Несмотря на такое значеніе этого событія, несмотря на впечатлѣніе, имъ произведенное въ свое время, докладная записка, склонившая Императора Александра 1-го къ этой мѣрѣ, еще ни разу не была полностью опубликована.

Принимая это во вниманіе, мы и рѣшаемся ее печатать, ограничившись этимъ краткимъ замѣчаніемъ. Надѣемся, что она покажется интересной читателямъ сама по себѣ, несмотря на свой 100-лѣтній возрастъ. Болѣе подробную оцѣнку значенія указа 6 августа 1809 года, съ точки зрѣнія вызванныхъ имъ въ исторіи просвѣщенія послѣдствій, мы дадимъ въ готовящемся къ печати нашемъ трудѣ по исторіи гимназическаго образованія въ Россіи.

Записка найдена нами въ бумагахъ гр. Сперанскаго, переданныхъ, какъ гласитъ на нихъ надпись, послѣ его смерти барономъ М. А. Корфомъ Министру Народнаго Просвѣщенія и находящихся теперь въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Архивный № ея 130555, картонъ 149-й.

На запискѣ есть надпись: „читано 11 декабря 1808", очевидно Императору.

Печатаемъ съ сохраненіемъ правописанія.

И. А.

I. Причины настоящихъ неудобствъ.

Главныя средства, которыми правительство можетъ дѣйствовать на воспитаніе народное, состоятъ:

1) Въ доставленіи способовъ къ просвѣщенію. Сюда принадлежитъ устройство училищъ, библіотекъ и тому подобныхъ публичныхъ заведеній.

2) Въ побужденіяхъ и нѣкоторой моральной необходимости общаго образованія.

Въ Россіи первое изъ сихъ средствъ давно уже было принято и переходя разныя постепенности въ настоящее царствованіе нарочито усилено. Можно съ достовѣрностью сказать, что никакое правительство не употребляло въ сей части ни болѣе щедрости, ни усилій.

Но второе средство досѣлѣ не было еще довольно употребляемо. Досѣлѣ правительство ограничивало себя частными поощреніями, отличіями, напоминаніями. Но ученіе никогда еще не было у насъ поставляемо условіемъ необходимымъ и обязанностію непремѣннаго для вступленія въ службу и занятія гражданскихъ мѣстъ.

Между тѣмъ извѣстно, что условіе сіе въ другихъ государствахъ существуетъ. Не говоря уже о Франціи, ни въ Австріи, ни въ Англіи, ни въ нѣмецкихъ земляхъ никто не можетъ быть ни судьею, ни адвокатомъ, ни прокуроромъ безъ аттестата и испытанія извѣстныхъ учебныхъ мѣстъ.

И въ Россіи условіе сіе предварительно уже принято; въ правилахъ народнаго просвѣщенія (статья 24) постановлено: „чтобъ ни въ какія губерніи спустя 5 лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ на основаніи общихъ правилъ училищной части, не опредѣлять къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, людей, не окончившихъ ученія въ общественномъ или частномъ улилищѣ".

Положенныя симъ правиломъ лѣта истекаютъ, но какимъ образомъ привести мѣру сію въ дѣйствіе, когда во всѣхъ университетахъ и гимназіяхъ количество учащихся столь малочисленно?

Нужно прежде всего разсмотрѣть причины сей малочисленности.

Изъ опытовъ извѣстно, что у насъ существуетъ три рода гражданскаго ученія: 1) ученіе домашнее, 2) ученіе въ частныхъ пансіонахъ, 3) ученіе въ казенныхъ училищахъ.

Ученіе домашнее обыкновенно употребляется въ домахъ дворянъ богатыхъ, имѣющихъ способы нанять учителей и гувернера.

Ученіе въ пансіонахъ есть удѣлъ дворянъ среднихъ.

Ученіе въ училищахъ большею частью оставляется людямъ бѣднымъ свободныхъ состояній.

Первой способъ ученія очевидно для Государства неудобенъ, 1) потому, что для великаго числа людей нельзя найти довольно хорошихъ учителей. Отсюда всѣ тѣ странности и укоризны, коимъ выборъ иностранныхъ учителей издавна и не безъ основанія у насъ толико оглашенъ.

2) Способъ сей неудобенъ и потому, что онъ не оставляетъ правительству средствъ наблюдать за духомъ воспитанія и приводить юношество къ нѣкоторому единообразію общественныхъ правилъ.

Второй способъ (ученіе въ частныхъ пансіонахъ) въ меньшей степени, но тѣ же представляетъ неудобства.

Третій всѣхъ былъ бы предпочтительнѣе.

Но всѣ три вмѣстѣ имѣютъ то главное неудобство, что въ нихъ

ограничиваются первыми токмо начатками словесности и считаютъ воспитаніе конченнымъ, какъ скоро пріобрѣтено нѣкоторое познаніе въ иностранныхъ языкахъ, въ ариѳметикѣ и тому подобныхъ стихійныхъ наукахъ, т. е., считаютъ его поконченнымъ тамъ именно, гдѣ оно дѣйствительно начинается.

Нужно разсмотрѣть причины сего страннаго расчета, чтобы обнаружить самой корень зла.

Всѣ успѣхи гражданской службы измѣряются у насъ чинами, ибо съ чинами сопрягаются не мнимыя только отличія, но и мѣста и всѣ выгоды. Чины же даются большею частью по лѣтамъ службы. Отсюда сіе всеобщее странное, но весьма естественное влеченіе къ чинамъ и отсюда раннее вступленіе въ службу [1]), и слѣдовательно совершенная преграда всякому ученію основательному, требующему времени и нѣкоторой въ умѣ зрѣлости.

Отсюда предпочтеніе пенсіоновъ частныхъ и домашняго воспитанія, въ коихъ всѣ науки пробѣгаются слегка и поверхностно и отчужденіе отъ училищъ государственныхъ, коихъ ходъ основанъ не на блескѣ, но на методахъ правильныхъ.

По сему естьлибы чиновъ гражданскихъ не было, а мѣста занимались бы по успѣхамъ просвѣщенія или по крайней мѣрѣ, естьлибы чины раздаваемы были въ точной соразмѣрности съ науками: то каждой по необходимости принужденъ бы былъ учиться, чтобъ достигнуть или мѣстъ или отличій.

И такъ въ чинахъ и неудобномъ ихъ распредѣленіи состоитъ первое и главное начало настоящаго заблужденія.

II. Способъ.

Изъ предыдущаго явствуетъ, что въ лучшемъ разпорядкѣ гражданскихъ чиновъ должно искать той моральной необходимости, коею правительство можетъ дѣйствовать на успѣхъ воспитанія.

---

[1]) Отсюда сей общій и ясный разчетъ отца, желающаго пристроить обыкновеннымъ порядкомъ судьбу дѣтей своихъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: порядочное гражданское воспитаніе не можетъ совершаться какъ по крайней мѣрѣ въ 21-й годъ возраста. Студентъ, окончившій въ сіе время ученіе получаетъ по закону чинъ колежскаго регистратора, между тѣмъ какъ другой вступившій въ службу прежде окончанія наукъ, или и совсѣмъ безъ ученія, въ то же самое время выходитъ уже по лѣтамъ службы въ титулярные совѣтники. Здѣсь начинается разность весьма уже примѣтная: между тѣмъ, какъ ученой достигаетъ чина коллежскаго асессора, неученой съ нѣкоторымъ навыкомъ и съ небольшимъ покровительствомъ выйдетъ уже въ статскіе совѣтники, слѣдовательно лучше кажется отцу скорѣе ввести дѣтей въ службу, нежели продолжать ихъ науки.

Два средства здѣсь представиться могутъ: одинъ, можно сказать, коренной, а другой приготовительный.

Первое средство.

Чины гражданскіе введены въ Россію въ тѣ времена, когда въ грубыхъ нравахъ вѣка не было другого способа дать людямъ занимающимъ гражданскія должности нѣкоторое уваженіе и отличіе отъ черни, какъ сравнивъ ихъ мѣста съ чинами военными; отсюда произошла пресловутая *табель о рангахъ.*

Чины гражданскіе въ началѣ своемъ имѣли постоянное знаменованіе. Коллежской совѣтникъ былъ дѣйствительно совѣтникомъ Коллегіи; но въ послѣдствіи мало по малу знаменованіе сіе перемѣнилось, чины умножились безъ мѣры, отдѣлились отъ мѣстъ, и остались даже такіе чины, коихъ и должности соотвѣтствующіе въ имперіи уже не существуютъ.

Двѣ причины содѣйствовали сему размноженію чиновъ: 1) Правительство находило въ нихъ мелкій и неубыточный способъ поощрять и награждать исполнителей. 2) Чины представляютъ удобной способъ перехода изъ другихъ состояній въ дворянское и слѣдовательно по видимому поправляютъ неравновѣсіе.

Первая причина не можетъ быть уважительна. Давая чинъ правительство даетъ не мнимое только и сравнительное титло; оно даетъ право на мѣсто чину сему соотвѣтствующее, но къ коему чиновникъ сей ни когда не готовился и слѣдовательно готовитъ себѣ не способнаго исполнителя [1]). Оно даетъ ему право и на слѣдующіе чины, коихъ онъ одними лѣтами службы безъ сомнѣнія достигнетъ, и слѣдовательно давая чинъ, на примѣръ, коллежскаго ассесора чиновнику въ полицейскомъ дѣлѣ разторопному, оно вмѣстѣ съ тѣмъ закономъ ручается ему и въ чинѣ тайнаго совѣтника, къ коему онъ и природою и воспитаніемъ не призванъ. Оно даетъ ему еще болѣе, давая право покупать деревни и владѣть людьми въ крѣпость. И такъ награда чинами по первому взгляду такъ легкая и почти мнимая, въ самомъ дѣлѣ есть монета самая неудобная и для государства обременительная.

Вторая причина болѣе имѣетъ основательности. Въ самомъ дѣлѣ посредствомъ чиновъ отворяется всѣмъ свободнымъ состояніямъ переходъ въ дворянство: отсюда соревнованіе, поощреніе дарованіямъ и проч. Но всѣ сіи выгоды были бы тогда только уважительны, когда бы дворянство наше не было бы основано на крѣ-

[1]) Сіе неудобство особенно въ высшихъ чинахъ ощутительно.

постномъ владѣніи людей; въ настоящемъ же положеніи пріобщая новыхъ чиновниковъ къ сему сословію правительство не умножаетъ ли массу народъ тяготящую и желая постановить равновѣсіе съ одной стороны, не разрушаетъ ли его съ другой? Не доказываютъ ли впрочемъ примѣры, что новые дворяне чинами произшедшіе бываютъ горше и алчнѣе старыхъ?

И такъ ни въ видѣ легкихъ наградъ, ни въ видѣ перехода къ равновѣсію, чины не могутъ быть признаны установленіемъ для государства ни нужнымъ, ни полезнымъ.

Но вредныхъ ихъ послѣдствій изчислить трудно. Они дѣлятъ народъ на два несоразмѣрныхъ класса, на дворянство и чернь; не оставляютъ почти мѣста среднему столь полезному состоянію; ввергаютъ въ презрѣніе все, что ими не украшено, даютъ ложную цѣну мѣстамъ и достоинствамъ, смѣшиваютъ и ставятъ наравнѣ людей просвѣщенныхъ съ невѣждами, наполняютъ должности чиновниками неспособными и даже изъ писцовъ науками не пріуготовленныхъ; однимъ порядкомъ службы приводятъ людей къ высшимъ званіямъ государственнымъ; искательствами и множествомъ мелкихъ злоупотребленій, они развращаютъ духъ народный и что всего горшѣ, заражаютъ самые источники народнаго воспитанія.

Изъ сего видно, что средство самое коренное къ успѣхамъ народнаго образованія было бы уничтоженіе на будущее время всѣхъ чиновъ титулярныхъ, или лучше сказать, обращеніе ихъ къ тому первоначальному правилу, чтобъ чины не что иное были какъ означеніе мѣстъ дѣйствительно занимаемыхъ.

Но предположеніе сіе требуетъ мѣръ предварительныхъ. Оно должно быть соображено съ тѣми основаніями, на коихъ права дворянства должны быть постановлены. Ввести его нынѣ безъ общаго плана было бы неудобно.

Но нынѣ же можно ввести нѣкоторые правила къ нему принадлежащіе и успѣхамъ общаго образованія способствующіе.

Второе средство.

Сіи приготовительныя правила могутъ состоять въ слѣдующемъ:

I. Чинъ Коллежскаго ассесора, яко первый чинъ дающій право на потомственное дворянство открыть для тѣхъ только, кои будутъ обучаться или будутъ испытаны въ университетахъ. Сіе представитъ первую необходимость публичнаго воспитанія.

II. Для канцелярскихъ чиновъ довольно оставить первые три офицерскіе чина, кои со временемъ при общемъ планѣ могутъ быть

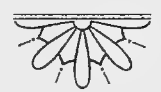
преобразованы въ одно личное дворянство съ правомъ владѣть землею въ крѣпость, а людей селить по условіямъ.

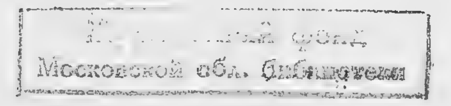
III. Послѣдующіе осмиклассные чины затруднить для неучившихся и облегчить сколь можно для тѣхъ, кои предъявятъ свидѣтельства въ ихъ ученіи. Второе побужденіе къ наукамъ.

IV. Чинъ Статскаго совѣтника, яко къ Государственной уже службѣ принадлежащій, сколь можно болѣе уважить и открыть его единственно для людей, въ ученіи испытанныхъ и въ службѣ довольно уже упражнявшихся. Сіе составитъ третіе побужденіе къ ученію и сверхъ того преградитъ входъ въ Государственную службу лицамъ, кои ввергаютъ ее въ нѣкоторое неуваженіе.

На семъ основаніи составленъ прилагаемый при семъ проэктъ указа".

Сообщилъ И. Алешинцевъ.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1907 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Портреты.

Библіографическій листокъ.

1. *Д. И. Овсянико-Куликовскій.* Гоголь, 2-е дополн. изд. Спб. 1907 г.—Вас. Я. (на оберткѣ октябрьской книги).

2. *И. С. Бѣляевъ.* Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII ст. М. 1907 г.—В. П. (на оберткѣ ноябрьской книги).

3. Галицкая Русь прежде и нынѣ. СПБ. 1907 г. (тамъ же).

4. Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ СПБ. духовной академіи. Составилъ А. Радосскій. СПБ. 1907 г. (тамъ же).

5. Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества. Т. 123 и 124 (тамъ же).

6. И. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ. 1907 г. (тамъ же).

7. Великій Князь Николай Михайловичъ. Московскій Некрополь. Томъ I СПБ. 1907 г. (на оберткѣ декабрьской книги).

8. Сказаніе о Мамаевомъ побоище, съ предисловіемъ С. К. Шамбинаго. СПБ., 1907 г. (тамъ же).

9. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VIII. СПБ., 1907 г. (тамъ же).

О подпискѣ на 1908 годъ

издания годъ XXVIII. — НА — издания годъ XXVIII.

„ОСКОЛКИ“

еженедѣльный (52 №№ въ годъ) художественно - юмористическій журналъ съ каррикатурами.

Журналъ „Осколки“, старѣйшій изъ русскихъ юмористическихъ журналовъ, выходитъ въ форматѣ **самыхъ большихъ иллюстрацій** (in folio). Въ каждомъ № не менѣе 8 большихъ страницъ.

Самый разнообразный юмористическій текстъ.

Рисунки-каррикатуры—черные и **въ художественной раскраскѣ**.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для годовыхъ подписчиковъ на 1908 г.

Альбомъ „Дочери Евы“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой:		**Безъ доставки и пересылки:**	
Годъ	9 р.	Годъ	8 р. — к.
Полгода	5 ›	Полгода	4 › 50 ›
3 мѣсяца	3 ›	3 мѣсяца	2 › 50 ›

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“: Спб., Ямская, 25. При годовой подпискѣ допускается разсрочка, при взносѣ не менѣе 3-хъ рублей.

1—2 Редакторъ-Издатель **В. Билибинъ**.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ

ИЗУЧЕНІЯ

Древней Русской Скорописи

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

РУКОПИСЕЙ XV—XVIII СТОЛѢТІЙ

И. С. Бѣляева.

Со снимками устава, полуустава, азбуки скорописи, отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ рукописей, вязнаго и бѣлорусскаго письма.

Цѣна 1 руб. Веленевые экземпляры **2 руб.** Любительскіе на самой плотной мѣловой бумагѣ **5 руб.**

Складъ изданія въ Москвѣ, Моховая, въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова**. Книгопродавцамъ обычная скидка.

Отдѣльные экземпляры можно получать отъ автора И. С. Бѣляева: Москва, Дѣвичье поле, Архивъ Министерства Юстиціи; выписывающіе отъ него за пересылку не платятъ.

3—3

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 129, 130, 131 и 132 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

изд. 1907 года.

А

Б

В.

Г

Д

З

И.

І.

К.

Л

М

О.

Р

С.

Т

У.

Ѳ.

Х.

Щ

Э

Ю

Я

Ѳ

и молодой ученый Б. Л. Модзалевскій; они подѣлили между собою трудную, кропотливую работу по собиранію матеріала на кладбищахъ и извлеченію его изъ множества печатныхъ источниковъ. Въ обширномъ введеніи подробно указаны всѣ монастыри и кладбища, которыя были обслѣдованы составителями, и всѣ книги, которыми пользовались г. г. Саитовъ и Модзалевскій; списокъ этотъ занимаетъ болѣе 12 страницъ крупнаго формата. Весьма характерно для пониманія обстановки, въ которой иногда приходится дѣйствовать ученому работнику, сообщеніе составителей, что ихъ почтенному и ужъ, кажется, безобидному дѣлу старались ставить всякія препятствія нѣкоторые представители духовенства, просто не желавшіе впускать ихъ въ монастырскія церкви. Въ борьбѣ съ этими препятствіями пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію К. П. Побѣдоносцева, безъ вмѣшательства котораго „нельзя было бы даже довести работу до желательныхъ границъ".

Первый томъ „Московскаго Некрополя", въ которомъ XXIII+517 страницъ, обнимаетъ списокъ, въ алфавитномъ порядкѣ, отъ „Ааронъ" до „Іуліанія Θедоровна". Хронологически работа доведена до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Желаемъ этому прекрасному дѣлу успѣшнаго продолженія и окончанія, послѣ котораго на очереди, конечно,—„Петербургскій Некрополь".

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, съ предисловіемъ С. К. Шамбинаго, Спб., 1907.

Сказаніе о куликовской битвѣ 8 сентября 1380 г., такъ льстившей русскому національному самолюбію, было въ старину любимымъ чтеніемъ русскаго читателя и дошло до насъ въ множествѣ списковъ. Издатель воспроизводитъ высоко-поэтическое въ своей непосредственности сказаніе по списку Ундольскаго, признаваемому однимъ изъ лучшихъ по чистотѣ текста и по полнотѣ, исправляя, впрочемъ, его дефекты по другимъ спискамъ. Изложенная въ сказаніи исторія великаго по своей важности событія не разъ иллюстрировалась; въ изданіи г. Шамбинаго воспроизведенъ цѣлый рядъ старинныхъ миніатюръ, изображающихъ различные моменты Мамаева побоища. Наивная условность въ композиціи зданій и ландшафта, оригинальныя бытовыя подробности (одежда, оружіе), непропорціональность фигуръ, непониманіе перспективы, грубость рисунка, не умѣющаго передавать движеніе,—и все это дышетъ чувствомъ національнаго торжества и глубокой вѣрой.... Сказаніе прекрасно издано Императорскимъ обществомъ любителей древней письменности. *В. П.*

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VIII. Спб. 1907.

Если можно чего-нибудь пожелать редактируемому С. А. Венгеровымъ изданію Бѣлинскаго, такъ это—скораго окончанія. Изъ двѣнадцати томовъ уже готовы восемь, такъ что большая часть дѣла сдѣлана. Всѣ появляющіяся у насъ собранія выдающихся писателей обыкновенно называются „полными", но этотъ эпитетъ рѣдко соотвѣтствуетъ истинѣ. Венгеровское изданіе Бѣлинскаго по праву можетъ назваться полнымъ: въ него входитъ все, что вышло изъ-подъ пера великаго критика. Редакторъ прежняго, нынѣ, при наличности венгеровскаго изданія, устарѣвшаго собранія произведеній Бѣлинскаго, Н. Х. Кетчеръ, какъ извѣстно, большую часть статей напечаталъ съ сокращеніями, а многія и совсѣмъ исключилъ „по незначительности" ихъ. Всѣ эти статьи малоизвѣстны, а то и вовсе неизвѣстны большой публикѣ, которая не можетъ же рыться въ давно не встрѣчающихся въ продажѣ и ставшихъ рѣдкими журналахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; въ изданіи Венгерова онѣ, конечно, воспроизведены. Знакомство съ Бѣлинскимъ и пониманіе его отъ этого только выигрываютъ. Вотъ типичный образчикъ кетчеровскаго произвола: изъ одной рецензіи, на книгу Л. Бранта „Жизнь какъ она есть" („Собраніе сочиненій Б.", ч. IX. М., 1860 г., стр. 83—100) Кетчеръ исключилъ нѣсколько страницъ, въ которыхъ Брантъ злобно нападаетъ на „тщетно домогающагося славы и денегъ" Бѣлинскаго,—но оставилъ великолѣпную по своей ядовитости и мѣткости отповѣдь Бѣлинскаго, написанную совершенно въ стилѣ его противника; благодаря этому читатель лишился возможности понять и оцѣнить остроуміе и полемическую ловкость геніальнаго критика; въ венгеровскомъ изданіи пропущенныя страницы возстановлены (т. VIII, стрр. 443—448)... Тонкое критическое проникновеніе, чуткая совѣсть, блестящій умъ Бѣлинскаго сказываются сплошь да рядомъ въ коротенькихъ отзывахъ о самыхъ незначительныхъ и жалкихъ брошюркахъ, и прекрасная личность благороднаго рыцаря русской литературы часто проявляется въ нихъ не менѣе цѣльно и ярко, чѣмъ въ его крупныхъ статьяхъ. По своей полнотѣ, тщательности, широтѣ и богатству комментарія и дешевизнѣ венгеровское изданіе—выдающееся литературное явленіе. *Н. Л.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1908 г.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 4.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1907 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ. СПБ. Тип. «Надежда», Морская 65.

